

СЛИШКОМ ПОЗДНО

КОЛИН
ГУВЕР

Слоан готова пройти через ад ради своего младшего брата. И каждую ночь она проходит через него. Вынужденная встречаться с опасным и порочным Аса Джексоном, Слоан сделает все возможное, чтобы у ее брата было все необходимое. Ничто не встанет у нее на пути. Никто, кроме Картера. Слоан — это единственное хорошее, что случилось с Аса. Он это знает и не собирается когда-либо отпускать ее; даже если она не одобряет его образ жизни. Но несмотря на недовольство Слоан, Аса знает, как добиться того, что он хочет. Он знает, что нужно делать, чтобы оставаться первым. Ничто не встанет у него на пути. Никто, кроме Картера.

Глава 1 СЛОАН

Sloan

Теплые пальцы переплетаются с моими, сильнее прижимая мои руки к матрасу. Из-за недостатка сна на этой неделе мои веки слишком тяжелые, чтобы поднять их. На самом деле, нехватка сна была у меня весь месяц.

Черт, да весь этот проклятый год.

Я издаю стон и пытаюсь свести ноги вместе, но не могу. Везде ощущаю давление: на груди, на щеке, между ног. Мне требуется несколько секунд, чтобы сонная дымка в голове рассеялась, и я достаточно проснулась, чтобы понять, что он делает.

— Аса, — бормочу раздраженно. — Слезь с меня.

Он снова толкается в меня, кряхтя у моего уха, его щетина царапает щеку.

— Детка, я почти закончил, — шепчет он мне в шею.

Я пытаюсь освободить свои руки, но он сжимает их крепче, напоминая, что я всего лишь заключенная в своей постели, а он — надзиратель спальни. Аса всегда находит способ заставить меня чувствовать, что мое тело в его полном распоряжении. Он никогда не говорил об этом и не применял силу, просто он приставучий — и *это*, очень неудобно для меня.

Прямо как сейчас.

В шесть часов гребанного утра.

Я могу угадать время по лучам солнца, проглядывающими сквозь щель под дверью, и по тому факту, что Аса только что лег в постель после вчерашней вечеринки. Я, между прочим, должна быть в колледже менее, чем через два часа. И это явно не тот вариант, который бы я выбрала для пробуждения после трех часов сна.

Оборачиваю ноги вокруг его талии и надеюсь, что он подумает, будто я тоже хочу его. Когда я делаю вид, что возбуждена, он быстро заканчивает с этим.

Его ладонь касается моей правой груди, и я издаю ожидаемый стон, в то время как он начинает содрогаться.

— *Блядь...* — Аса стонет, зарываясь лицом в мои волосы, продолжая медленные толчки. После нескольких секунд, он наваливается на меня сверху и тяжело дышит, потом целует в щеку и перекачивается на свою сторону кровати. Встает, снимает презерватив, бросает в корзину, и хватается бутылку воды с тумбочки. Прижимает бутылку к губам, окидывая взглядом мое обнаженное тело. Его губы растягиваются в ленивой ухмылке.

— Мне нравится, что я единственный, кто когда-либо был в этом.

Голый и уверенный Аса стоит возле кровати, проглатывая последнюю каплю воды. Тяжело принимать комплименты, когда они исходят от человека, который относится к твоему телу, как к “этому”.

Несмотря на его приятную внешность, у него есть недостатки. По правде говоря, его внешность, наверное, единственное, что я *н* е считаю недостатком. Он дерзкий, вспыльчивый, порой трудно управляемый. Но он любит меня. Любит до чертиков. И я бы солгала, если бы сказала, что не люблю его в ответ. Я бы многое в нем изменила, если бы могла, но сейчас он — все, что у меня есть, так что я с этим смирилась. Аса меня принял, когда мне некуда было пойти, не к кому обратиться. Только по этой причине, я терплю его. У меня нет другого выбора.

Он поднимает руку и вытерев рот, бросает пустую бутылку в мусорную корзину. Ерошит свои густые каштановые волосы и подмигивает мне, затем падает обратно на кровать и наклоняется, нежно целуя меня в губы.

— Спокойной ночи, детка, — говорит он, перекачиваясь на спину.

— Ты имеешь в виду "Доброе утро", — отвечаю, с неохотой вытаскивая себя из постели. Моя майка висит на талии, поэтому я стягиваю ее, хватаю штаны и другую футболку. Иду по коридору в душ, чувствуя облегчение от того, что ни один из наших бесчисленных соседей по комнате не занимает единственную ванную наверху.

Проверяю время на телефоне и чувствую досаду, когда понимаю, что даже не успеваю выпить кофе. Это первое занятие в семестре, а я уже разрабатываю план, как во время лекции поспать. Не хорошо.

Я не могу продолжать в том же духе. Аса никогда не ходит на все занятия, но всегда заканчивает с почти идеальными оценками. Изо всех сил я стараюсь держаться на плаву, поэтому и не пропустила ни одного дня в прошлом семестре. Ну, во всяком случае,

физически я там присутствовала. К сожалению, мы живем с таким количеством людей, что в доме никогда не бывает тихо. Я сплю на уроке чаще, чем бодрствую и это единственное место, где можно насладиться тишиной и спокойствием. Кажется, что люди приходят повеселиться в любое время дня и ночи, независимо от того, у кого на следующий день будут занятия. Выходные в нашем доме ничем не отличаются от будней, а аренда не имеет никакого отношения к тем, кто здесь живет.

Я даже не *знаю*, кто живет здесь половину времени. Аса владеет домом, и любит, чтобы вокруг были люди, поэтому, двери его дома всегда открыты: бесплатно и для всех. Будь у меня средства, я бы нашла себе новое место жительства без промедления. Но у меня их нет. Это значит, что меня ждет еще один год чистого ада прежде, чем я закончу колледж.

Еще один год, и я буду свободна.

Я стягиваю футболку через голову и кидаю ее на пол, отдергиваю занавеску в сторону и как только наклоняюсь за душевой насадкой — кричу во все горло: в ванной, полностью одетый, спит наш новый постоянный сосед — Далтон.

Он просыпается, и резко дернув головой врезается лбом в кран над головой, и тоже начинает орать. Я тянусь вниз и хватаю свою футболку, когда дверь распахивается и к нам врывается Аса.

— Слоан, ты в порядке? — яростно спрашивает он, поворачивая меня, чтобы проверить на предмет повреждений. Я лихорадочно киваю и указываю на ванну.

— Я - не в порядке, — стонет Далтон, указывая на свежую травму на своем лбу. Он садится и пытается выползти из ванной.

Аса смотрит на меня, на мое голое тело, прикрытое одной футболкой, которую я держу в руках, потом переводит взгляд обратно на Далтона. Я боюсь, что он вот-вот придет к неверному выводу, поэтому начинаю объяснять, но Аса перебивает меня громким, неожиданным взрывом смеха.

— Ты сделала это с ним? — спрашивает он, кивая на Далтона и продолжает смеяться.

Я качаю головой.

— Он ударился об кран, когда я закричала.

Аса смеется еще сильнее и протянув руку Далтону, тянет его, помогая вылезти из ванны.

— Давай чувак, тебе нужно пиво — лекарство от похмелья. — Он выталкивает Далтона из ванной и следует за ним, закрывая за собой дверь.

Я замерла, продолжая прижимать к груди рубашку. Самое грустное то, что это уже

третий случай, когда какой-нибудь идиот обязательно вырубится в ванной. Мысленно я делаю заметку: отныне проверять ванну до того, как раздеться.

Глава 2 КАРТЕР

Carter

Я вынимаю из кармана расписание и расправляю его, чтобы найти номер аудитории.

— Это полнейший отстой, — говорю я в трубку. — Я закончил колледж три года назад и не подписывался на это дерьмо — делать домашнее задание.

Далтон громко смеется, заставляя меня отодвинуть телефон на несколько сантиметров от уха.

— Бу-бу-бу, что ты блядь разнылся, — говорит он. — Мне пришлось спать в чертовой ванной прошлой ночью. Вытри сопли, чувак. Актерское мастерство это — часть работы.

— Тебе легко говорить, ты записался на одно занятие в неделю. А у меня три. Почему Янг дал тебе только одно?

— Может потому, что я умнее, — подкалывает Далтон.

Я смотрю на свое расписание и сверяю номер на двери, что передо мной.

— Мне нужно идти. La clase de Español [исп. — Урок испанского].

— Картер, подожди, — говорит Далтон, более серьезным тоном. Откашливается и готовится к своему “напутствию от заботливого партнера”, которые я вынужден выслушивать ежедневно, с тех пор, как мы начали работать вместе, год назад.

— Попробуй превратить это в веселье. Мы так близко к цели, чтобы получить все, что нам нужно... тебе осталось здесь два месяца, максимум. Найди себе горячую задницу, так дни пролетят быстрее.

Через окно в двери я оглядываю класс. Он практически заполнен, только три пустых места. Мой взгляд сразу падает на девушку в конце комнаты рядом с одним из пустых стульев. Ее темные волосы закрывают лицо, так как она положила голову на руки, сложенные на столе. Она спит. Я могу сидеть с соней, это лучше, чем неумолкаемые болтушки, которых я терпеть не могу.

— Только посмотри. Уже нашлась горячая задница и для меня. Зайду к тебе после обеда.

— Adios [исп. — Пока].

Повесив трубку, я распахиваю дверь класса, на ходу включая беззвучный режим на телефоне. Поправляю лямку рюкзака на плече, пока поднимаюсь вверх по лестнице к задней части комнаты. Протискиваюсь мимо девушки на пустое место, бросая свой рюкзак на пол, а телефон на стол. Звук удара телефона о деревянный стол, будит девушку. Она резко садится, широко открыв глаза. В бешенстве и замешательстве осматривает комнату, а потом опускает взгляд на блокнот на столе. Отодвинув стул, я сажусь рядом с ней. Девушка смотрит на мой телефон, который лежит на столе перед нами, а потом на меня.

Ее волосы торчат во все стороны, а из уголка губ до самого подбородка блестит след от слюны. Она уставилась на меня так, будто я прервал единственную минуту сна, которая у нее когда-либо была.

— Бессонная ночь? — интересуюсь я. Наклоняюсь и открываю рюкзак, вытаскивая учебник по испанскому, который я, наверно, могу пересказать по памяти.

— Урок не закончился? — спрашивает она, и прищутив глаза смотрит на книгу, которую я ставлю на стол перед собой.

— В зависимости, — начинаю.

— От чего?

— От того, сколько ты пробыла в отключке. Не уверен, в какое время у тебя занятия по испанскому, но этот урок в десять часов.

Она опускает локти на стол, и стонет, растирая лицо руками.

— Я проспала пять минут? Всего лишь? — откидывается на стул и сползает вниз, опустив голову на спинку стула. — Разбуди меня, когда все закончится, ладно?

Она смотрит на меня, ожидая согласия. Я стучу пальцем по подбородку.

— У тебя здесь кое-что.

Она вытирает рот и вытягивает руку перед собой, чтобы посмотреть, что там. Я думал, что ее смутит тот факт, что у нее по лицу текла слюна, но вместо этого, она закатывает глаза и натянув рукав своей рубашки на большой палец, поддается вперед. Рукавом вытирает следы слюней со стола, а затем снова откидывается на спинку стула и закрывает глаза.

Я тоже учился в колледже и знаю, что такое не спать допоздна: вечеринки, учеба и нехватка времени на все это. Но эта девушка кажется напряжена по максимуму. Интересно — это из-за большой нагрузки по учебе, или слишком большого количества вечеринок.

Дотянувшись до рюкзака, я вытаскиваю энергетик, что купил по дороге сюда утром. Думаю, ей он нужен больше, чем мне.

— Вот, — ставлю его на стол перед ней. — Выпей.

Девушка медленно открывает глаза, словно ее веки весят по пол тонне каждая. Сначала смотрит на напиток, а потом быстро хватается за него и открывает банку. Судорожно проглатывает содержимое, словно это единственно, что она пила в течение нескольких дней.

— Пожалуйста, — смеюсь я.

Она допивает и ставит банку обратно на стол, вытирая рот тем же рукавом, которым ранее вытирала слюни. Не буду врать, ее неопрятное, неряшливо-сексуальное поведение странным способом, очень заводит.

— Спасибо, — благодарит она, убирая волосы со своих глаз. Смотрит на меня и улыбается, затем закидывает руки за голову и зевает. Дверь в класс открывается и каждый занимает свое место, что означает появление учителя — но я не могу отвести от нее глаз даже для того, чтобы проверить его присутствие.

Она расчесывает свои волосы пальцами. Они слегка влажные и я чувствую цветочный запах ее шампуня, когда она откидывает волосы за плечи. Они длинные, темные и густые, как и ресницы, которые подчеркивают ее контрастно светло-голубые глаза. Девушка смотрит в сторону передней части комнаты и открывает свой блокнот, поэтому я повторяю за ней и делаю то же самое.

Профессор здоровается с нами по-испански, и мы всем классом, шумно отвечаем на его приветствие. Преподаватель начинает объяснять задание, когда экран моего телефона загорается на столе. Я смотрю вниз на входящее сообщение от Далтона.

«У горячей задницы, с которой ты сидишь, есть имя?»

Я тут же переворачиваю телефон, надеясь, что она не успела прочитать. Но она подносит ладонь ко рту и тихо смеется.

Прочитала.

— Так значит, горячая задница? — переспрашивает она.

Мысленная заметка: надрать Далтону задницу вечером.

— Прости, — извиняюсь я. — Мой друг... думает, что он смешной. А еще любит превращать мою жизнь в ад.

Она выгибает бровь и поворачивается ко мне.

— Значит ты *не* думаешь, что я горячая задница?

Ее лицо прямо передо мной, и только сейчас мне удалось хорошенько разглядеть ее. И давайте скажем просто: теперь я официально влюблен в этот класс.

Я пожимаю плечами.

— При всем моем уважении, ты сидела, когда я тебя встретил. Я еще не видел твою задницу.

Она снова смеется.

— Слоан, — говорит она, протягивая руку.

Я пожимаю ее, не в состоянии потрясти. Удивительная мягкость ее кожи застает меня врасплох, и я смотрю вниз на наши руки. На большом пальце у нее маленький шрам в форме полумесяца. Я провожу пальцем по нему и поворачиваю ее руку, осматривая рубец.

— Слоан, — повторяю я, позволяя ее имени скатиться с кончика моего языка.

— Обычно, в такие моменты во время знакомства, люди называют *свое* имя, — говорит она.

Я поднимаю взгляд, и она убирает свою руку, глядя на меня с любопытством.

— Картер, — отвечаю, придерживаясь персонажа, которым должен быть. Последние шесть недель было довольно трудно называть Райана Далтоном, но я уже к этому привык. Называть себя Картером — совсем другая история. Я уже не раз прокололся и упомянул свое настоящее имя.

— *Mucho gusto* [исп. — Очень приятно], - отвечает она с почти идеальным акцентом, возвращая свое внимание на переднюю часть помещения.

Нет, это *мне* приятно. Поверь.

Профессор дает задание классу обратиться к своему соседу и назвать три факта о нем по-испански. Это мой четвертый год изучения испанского, поэтому первое слово я решаю дать Слоан, чтобы не напугать ее. Мы поворачиваемся друг к другу, и я киваю ей.

— *Las Senoras primero* [исп. — Дамам первое слово], - говорю я.

— Нет, мы будем говорить по очереди, — не соглашается она. — Ты первый. Давай, расскажи факт обо мне.

— Ладно, — говорю я, смеясь над тем, как она быстро переняла контроль. — *Usted es mandona* [исп. — Ты командирша].

— Это мнение, а не факт, — оспаривает она мой ответ. — Но я его принимаю.

Я наклоняю голову в ее сторону.

— Ты поняла, что я сказал?

Слоан кивает.

— Если ты хотел назвать меня командиршей, тогда да, — она сужает глаза, но слабая улыбка все же видна. — Моя очередь, — говорит она. — *Su compañera de clase es bella* [исп. — Твоя партнерша по уроку красивая].

Я смеюсь. Она только что похвалила себя, сказав, что факт обо мне заключается в том, что моя партнерша по классу красивая? Я киваю, беззастенчиво соглашаясь.

— *Mi compañera de clase esta correcta* [исп. — Моя партнерша по уроку права], - говорю ответ.

Я вижу, как розовеют ее щеки, несмотря на загорелую кожу.

— Сколько тебе лет? — спрашивает она.

— Это вопрос, а не факт. И причем на английском.

— Мне нужно задать вопрос, чтобы констатировать факт. Ты выглядишь немного старше, чем большинство испанских студентов-второкурсников.

— Как думаешь, сколько мне?

— Двадцать три? Двадцать четыре? — предлагает она.

Почти угадала. Мне двадцать пять, но ей не нужно знать об этом.

— Двадцать два, — отвечаю я.

— *Tiene veintidos años* [исп. — Тебе двадцать два года], - говорит она, заявив о втором факте обо мне.

— Ты жульничаешь, — отвечаю я.

— Тебе нужно сказать это по-испански, если это один из твоих фактов обо мне.

— *Usted engana* [исп. — Ты жульничаешь].

По тому, как изогнулась ее бровь, могу сказать, она не ожидала, что я знаю, как это будет по-испански.

— Это третий твой факт, — говорит она.

— У тебя еще есть один.

— Usted es un perro [исп. — Ты — кобель].

Я смеюсь.

— Ты только что случайно назвала меня собакой по-испански.

Она качает головой.

— Не случайно.

Ее телефон вибрирует, поэтому она достает его из кармана и полностью сосредотачивается на нем. Я откидываюсь на стуле и тоже беру свой телефон, притворяясь, что занят. Мы сидим молча, пока остальная часть класса заканчивает задание. Краем глаза я наблюдаю, как она пишет сообщение, ее пальцы быстро летают над экраном телефона. Она милая. Мне нравится, что теперь я с нетерпением жду следующего урока. Внезапно, трех дней в неделю кажется недостаточно.

До конца урока остается примерно пятнадцать минут, и я стараюсь изо всех сил чтобы открыто не пялиться на нее. Слоан больше ничего не сказала после того, как назвала меня кобелем. Я наблюдаю, как она что-то пишет в своем блокноте, не обращая внимания на слова, что говорит учитель. Ей либо очень скучно, либо мысленно она совершенно в другом месте. Наклонившись вперед, я пытаюсь получше разглядеть, что она пишет. Почувствовав себя слишком любопытным, я сразу нахожу оправдание: она же прочитала мое сообщение.

Ее ручка судорожно двигается по бумаге, возможно, это последствия выпитого энергетика. Читаю предложение, которое она написала. Перечитываю его несколько раз, но оно не имеет смысла, независимо от того, сколько раз я его прочитал:

«Поезда и автобусы украли мои ботинки и теперь мне придется есть сырого кальмара.»

Я смеюсь над хаотичностью слов в ее предложении, отчего она смотрит на меня. Я встречаю ее взгляд и Слоан злорадно ухмыляется.

Она смотрит вниз на свою тетрадь и постукивает по ней ручкой.

— Мне скучно, — шепчет она. — Я не очень хороша в концентрации внимания.

Обычно, я очень хорош в концентрации внимания, но, видимо, не в то время, когда сижу

рядом с ней.

— Иногда я тоже, — говорю я. Тянусь через стол и указываю на слова. — Что это? Секретный код?

Слоан пожимает плечами и роняет ручку, затем пододвигает тетрадь ближе ко мне.

— Это просто глупость, которой я занимаюсь, когда мне скучно. Мне нравится то, как много случайных вещей я могу придумать без фактического *мышления*. Чем больше они не имеют смысла, тем больше я выигрываю.

— Тем больше ты выигрываешь? — переспрашиваю, надеясь получить объяснение. Эта девушка — загадка. — Как ты можешь проиграть, если ты одна играешь в свою игру?

Улыбка Слоан исчезает, и она отводит взгляд, уставившись на тетрадь перед собой. Она аккуратно проводит пальцем по одному из слов.

Мне интересно, что черт возьми, я такого сказал, что ее поведение так резко и так быстро изменилось. Она берет свою ручку и вручает ее мне, отбрасывая прочь все мысли, которые только что заполняли ее голову.

— Попробуй, — предлагает она. — Это очень захватывающе.

Я принимаю ее ручку и нахожу чистое место на странице.

— Мне просто написать что-нибудь? Все, что приходит на ум?

— Нет, — говорит она. — С точностью до наоборот. Старайся не думать об этом. Попробуй не пускать *ничего* в голову. Просто пиши.

Я прижимаю ручку к бумаге и делаю именно то, что она говорит. Просто пишу.

«Я уронил банку кукурузы в прачечной, теперь моя мама плачет радугой.»

Откладывая ручку, чувствуя себя немного глупо. Прочитав мое предложение, Слоан прикрывает рот рукой, чтобы заглушить смех. Переворачивает на чистую страницу и пишет, **"ты настоящий"**, после чего снова протягивает мне ручку.

«Спасибо. Сок единорога помогает мне дышать, когда я слушаю диско.»

Она снова смеется и вытягивает ручку из моей руки, в тот момент, когда профессор отпускает класс. Все студенты закидывают свои книги в сумки и в спешке вскакивают со своих мест.

Все, кроме нас. Мы оба неотрывно смотрим на страницу, улыбаемся, но не двигаемся.

Слоан кладет свою руку на тетрадь и медленно закрывает ее, затем сдвигает ее вниз по столу, в свой рюкзак и поднимает на меня взгляд.

— Не вставай, — говорит она, но сама встает.

— Почему нет?

— Потому что. Ты должен сидеть здесь, пока я буду выходить, чтобы определить, действительно ли у меня горячая задница, — она подмигивает мне и отворачивается.

О, мой Бог. Я кусаю костяшки пальцев и делаю именно то, о чем она просит, опуская взгляд прямо на ее задницу. И к моему везению, она идеальная. У нее совершенное тело. Я сижу абсолютно неподвижно, наблюдая, как Слоан спускается по лестнице.

Черт, откуда взялась эта девушка? И где, черт возьми, она была всю мою жизнь? Я проклинаю все то, что только что произошло между нами — все, что могло когда-либо случиться. Отношения никогда не начинаются с вранья.

Особенно с такой лжи, как моя.

Она оглядывается через плечо прежде, чем выйти за дверь и мой взгляд возвращается к ее глазам. Я показываю ей большой палец. Слоан смеется и исчезает за дверью.

Собрав свои вещи, я пытаюсь выкинуть ее из головы. Сегодня мне нужно быть на точке. На кону слишком много, чтобы отвлекаться на такую красивую, идеальную задницу.

Глава 3 СЛОАН

Sloan

Заканчиваю выполнять домашнее задание в библиотеке, абсолютно уверенная, что дома не смогу сконцентрироваться. Когда я и Аса съехались это была первая ночь, когда меня не выгоняли из дома... не говоря уже об остальных финансовых проблемах, с которыми приходилось мириться. Тогда мы встречались всего два месяца, но мне не к кому было больше пойти.

С того дня прошло уже полтора года.

По маркам его машин и размерах дома, я знала, что у него есть деньги. Но я не была уверена, откуда они у него: наследство или же Аса был замешан в чем-то, куда ему не следовало влезать. А может и то, и другое. Первые пару месяцев Аса прекрасно скрывал свою деятельность, объясняя свои высокие растраты большим наследством. Какое-то время я верила ему. Другого выбора не было.

Но когда к нам в дом посреди ночи начали заявляться незнакомцы, и Аса общался с

ними только за закрытыми дверями, все становилось все более и более очевидным. Аса пытался все объяснить, клялся, что продает только «безвредные» наркотики людям, которые в любом случае найдут их где-нибудь в другом месте. Я не хотела быть частью этого, поэтому, когда он отказался завязать с этим, просто ушла.

Только вот была одна проблема, мне некуда было идти. Пару раз я ночевала на диванах у друзей, но ни у кого из них не было ни комнаты, ни денег, чтобы помочь мне. Я даже подумывала пойти в ночлежку для бездомных, перед тем как вернуться к Аса. Но я переживала не за себя, а за жизнь своего младшего брата.

Стивен родился недоношенным, с кучей психических заболеваний. Его лечение оплачивало государство, но когда финансирование урезали, я не могла рисковать его жизнью и допустить, чтобы его отправили домой. Я не хотела чтобы мой брат возвращался в прежнюю жизнь, и была готова на все, чтобы не допустить этого.

Спустя две недели я поняла, мне не к кому больше обратиться, оставался только Аса. Заново переступить порог его дома и просить о помощи — самое сложное, что я когда-либо делала. Вернуться к нему означало забыть про самоуважение. Аса разрешил мне вернуться, но теперь все было иначе. Теперь-то он знал наверняка, как сильно я от него зависела, и перестал скрывать свой образ жизни. Людей приходило все больше и больше, и сделки заключались уже не за закрытыми дверями.

Сейчас внутри и около дома постоянно столько людей, что невозможно различить, кто здесь живет, кто просто тусуется, а кто и вовсе незнакомцы. Каждая ночь — вечеринка, каждая вечеринка — мой страшный кошмар.

Недели проходят, атмосфера становится все более и более опасной, и я хочу съехать как никогда раньше. Я подрабатывала после занятий в библиотеке кампуса, но в этом семестре места для студента не нашлось. Поэтому, пока нахожусь в листе ожидания, ищу другие варианты, стараясь накопить наличных на побег. Было бы легче, если бы я была единственной, о ком надо заботиться, но у меня Стивен... Понадобятся деньги, которых нет. Пока нет.

В то же время, я вынуждена играть роль любящей девушки, которая обязана своей жизнью Аса, когда в реальности чувствую, что он разрушает ее. Не поймите меня неправильно, я действительно люблю его. Влюблена в того парня, кем он был раньше и отголоски которого все еще вижу, когда мы наедине. Люблю того парня, который надеюсь, однажды сможет стать прежним, но я не такая наивная. Чем больше Аса даёт обещаний, что постепенно будет снижать продажи, чтобы окончательно распрощаться с этим бизнесом, тем больше я понимаю: этого не произойдет. Я пыталась достучаться до него, но имея в руках власть, а в карманах деньги, очень трудно завязать. Аса никогда не остановится. До тех пор пока не попадет в тюрьму, или... умрет. И я не хочу быть рядом ни при каком варианте.

Теперь я даже не пытаюсь определять машины на подъездной дорожке. Каждый день там стоит новая. Паркую его машину, и захватив свои вещи, иду навстречу к еще одной

адской ночи.

В доме пугающе тихо. Закрываю за собой дверь и улыбаюсь, потому что все на улице возле бассейна. Мне редко выпадает шанс побыть в одиночестве, поэтому я хватаюсь за эту возможность, и засунув в уши наушники, начинаю уборку. Знаю, звучит не особо весело, но для меня это единственный вариант забыть обо всех проблемах.

Не говоря о том, что дом — это постоянный свинарник.

Начинаю с гостиной, собираю столько пивных бутылок, что наполняю пакет для мусора на сто двадцать литров. Добравшись до кухни, в раковине меня ждёт гора грязной посуды, и я снова улыбаюсь. Проведу здесь не меньше часа. Перекладываю грязную посуду на стол, и наполняю раковину водой. Обхожу кухню, пока раковина наполняется, открываю холодильник. Беру газировку, открываю со щелчком, и делаю глоток. Закрываю глаза, и качаюсь под музыку, звучащую из наушников. Не чувствовала себя такой спокойной с тех первых двух месяцев, когда только переехала сюда. Когда Аса был еще хорошим.

Как только моё сознание заполняют воспоминания о том парне, в которого я влюбилась, я чувствую, как его руки обнимают меня за талию, и Аса начинает раскачиваться со мной в такт музыки. Я улыбаюсь, и не открывая глаз, беру его за руки и плотнее прижимаюсь к рельефной груди. Аса целует мое ухо, переплетает наши пальцы и поворачивает меня лицом к себе. Когда я открываю глаза, Аса искренне улыбается мне с нежностью в глазах. Он давно не смотрел на меня так. Мне даже становится больно от того, как сильно мне этого не хватало.

А может Аса на самом деле старается? Может он тоже устал от этой жизни?

Он берет мое лицо в свои руки и целует; дарит долгий и страстный поцелуй. Я уже и забыла, что он на такое способен. В последнее время Аса меня целует только когда лежит на мне, в постели. Обнимаю его за шею и отвечаю на поцелуй. Отчаянно целую своего парня, точнее, того кем он был раньше, не имея ни малейшего представления, как долго Аса еще будет таким.

Аса вынимает наушники и разрывает наш поцелуй.

— Кто-то хочет продолжения сегодняшнего утра, да?

Целую его и улыбаюсь, кивая головой. Хочу. Если именно этот Аса будет у меня в постели, то очень хочу.

Аса опускает руки мне на плечи и смеется.

— Только не на публике, Слоан.

На публике?

Крепко сжимаю глаза и боюсь обернуться, ведь я не знала, что все это время за нами наблюдали.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить, — продолжает Аса и разворачивает меня. Сначала я открываю один глаз, потом другой, в надежде, что ужас, который я испытываю в душе, не так явно отражается на моем лице. Прислонившись к дверному косяку, со скрещенными руками на груди и с суровым выражением на лице, на нас смотрят сто восемьдесят сантиметров Картера.

У меня перехватывает дыхание, больше от того, что он последний человек, кого я ожидала здесь увидеть. Стоя перед ним сейчас, я чувствую еще большую неловкость, чем когда сидела с ним за одной партой на испанском. Картер намного выше, чем я думала; даже выше чем Аса. Не такой, конечно, рельефный как Аса, но тот тренируется каждый день и, судя по его бицепсам, увлекается стероидами. Картер сложен более естественно, его кожа и волосы темнее — а глаза в данный момент практически черные и злые.

— Привет, — здоровается Картер, смягчая свое выражение лица улыбкой. Протягивает мне руку без единого намека на то, что узнал меня. Я понимаю что он притворяется, будто мы не знакомы, для моей же пользы или для своей, поэтому просто пожимаю его руку, представляясь второй раз за день.

— Слоан, — жму руку, надеясь, что Картер не почувствует, как участился мой пульс. Быстро разрываю рукопожатие и отдергиваю руку.

— Итак, как вы познакомились? — не думаю, что хочу получить ответ, но вопрос вырывается сам собой.

Аса обнимает меня за талию и отворачивает от Картера.

— Он мой новый бизнес партнер, и прямо сейчас нам нужно решить кое-какие вопросы. Иди приберись где-нибудь в другом месте, — отвечает он и шлепает меня по заднице. Я оборачиваюсь и сердито на него смотрю, но даже близко не с той ненавистью, которая сейчас читается в глазах Картера.

Обычно я не усложняю ситуацию с Аса особенно перед другими людьми, но сейчас не могу сдержаться. Я в бешенстве от его бесцеремонного отношения. Приводит в дом не пойми кого, несмотря на то, что обещал покончить с этими делами. Глупо отрицать тот факт, что я в ярости, из-за того что это именно Картер. Злюсь на себя, что первое впечатление о нем сегодня утром оказалось неверным. Я думала, что лучше разбираюсь в людях, но если он в одной лодке с Аса, то я переоценила свои возможности. Картер такой же, как и все они, но теперь я не должна забывать об этом. Как бы я не старалась, как бы тяжело мне не было уходить из родительского дома, сбегая от такого же образа жизни, в конечном итоге я снова вернулась ко всему этому. Мой опыт ничему меня не научил. Как я могу так сильно стремиться к нормальной жизни, и в то же время продолжать проваливаться

все глубже в это дерьмо? Это чертово проклятье.

— Аса, — обращаюсь с мольбой. — Ты же обещал, — указываю на Картера. — Нанимать новых людей — не значит выйти из этого бизнеса, это значит погрузиться еще глубже.

Это лицемерие просить его остановить продажу наркотиков. Каждый месяц я позволяю ему отправлять чек на содержание Стивена с такими же грязными деньгами, которые прошу перестать зарабатывать. Но мне легче принимать их, зная, что деньги тратятся не для меня. Я бы взяла деньги и погрязнее, если бы это значило, что о моем младшем брате позаботятся.

Глаза Аса темнеют, когда он делает шаг мне навстречу. Он аккуратно опускает свои ладони мне на руки и растирает их. Наклоняется к моему уху и со всей силы сжимает свои ладони, пока я не вздрагиваю от боли.

— Твою мать, не позорь меня, — шепчет он так тихо, что только я могу его слышать. Ослабляет хватку и опустив руки на локти, нежно целует в щеку на показ. — Иди и надень то сексуальное красное платье. У нас сегодня вечеринка, будем праздновать.

Аса отходит от меня и полностью отпускает. Я поднимаю глаза на Картера, который все еще стоит у двери и смотрит на Аса, так, словно готов оторвать ему голову в любую секунду. Наши взгляды пересекаются, и взгляд Картера становится мягче, но я больше не могу находиться рядом и быть милой. Разворачиваюсь и бегу вверх по лестнице в спальню. Хлопаю дверью и падаю на колени, обнимая себя. Мышцы рук сводит от боли, и я пытаюсь их растереть. Это первый раз, когда Аса физически причиняет мне боль, но травма, нанесенная моей гордости, ранит намного сильнее. Я не должна была задавать ему подобные вопросы в чьем-то присутствии. Я прекрасно знаю об этом.

Но также я понимаю, что не заслуживаю того, что он только что сделал. Никто не заслуживает. Хочу схватить сумки, запихать туда все свои вещи. Сбежать отсюда и никогда больше не возвращаться. Хочу выбраться, выбраться, выбраться.

Но я не могу уйти. Я не единственная, кто пострадает от этого.

Глава 4 КАРТЕР

Carter

— Извини ее, — оправдывается Аса, поворачиваясь ко мне.

Разжимаю кулаки, одновременно пытаясь стереть с лица всю очевидную ненависть к нему. Я знаю этого парня около трех часов, но уже презираю его так, как никогда никого не презирал.

— Все нормально, — отвечаю я, подхожу к бару и как ни в чем ни бывало сажусь за стол, подавляя желание рвануть наверх и убедиться, что Слоан в порядке. В голове до сих

пор вертится мысль, что она тоже в этом замешана. Эта девушка была последним человеком, кого я ожидал здесь увидеть. Наблюдая, как Аса целует ее, и как страстно она отвечает ему, я пожалел о решении взяться за это дело. За одну секунду задание чертовски усложнилось.

— Вы живете вместе? — спрашиваю, пока Аса достает пиво из холодильника и протягивает мне. Открываю бутылку и подношу ее ко рту.

— Ага, и я тебе яйца с корнем вырву, если ты хоть раз помотришь на нее не так, как положено.

Поднимаю на него глаза, но Аса даже не дергается, просто закрывает дверь холодильника и занимает место на противоположной стороне бара, будто никогда и не произносил эту фразу. Тот факт, что он причиняет девушке физическую боль, а потом ведет себя, словно ему есть до нее дело, просто поражает меня. Как же хочется разбить ему голову этой гребанной бутылкой, но вместо этого я сжимаю ее сильнее, продолжая держать свои чувства под контролем.

Аса открывает пиво и поднимает бутылку:

— За бабло, — произносит тост и наклоняет бутылку в мою сторону.

— За бабло, — поддерживаю, ожидая, что подонки получат то, чего заслуживают.

В комнату заходит Далтон с пивом в одной руке и телефоном в другой, прерывая нас в нужный момент. Кивает мне и затем обращается к Аса:

— Слушай, мужик, Джон интересуется, что там с бухлом. У нас сегодня каждый со своим, или мы скидываемся, мы нихера с собой не брали.

Аса с грохотом опускает бутылку, отодвигает стул и выходит из — за стола.

— Я же сказал этому мудаку закупиться вчера, — рассерженно отвечает Аса и вылетает из кухни.

Далтон кивком указывает на входную дверь, и я поднимаюсь, следуя за ним. Как только мы остаемся наедине посередине двора, он поворачивается ко мне и делает глоток, играя свою роль. Он ненавидит пиво. Далтон любитель виски с колой.

— Ну как? Думаешь, тебя взяли?

— Кажется, да. Аса остро нуждается в ком — то, кто бы говорил по-испански. Я сказал, что хорошо знаю язык, но не свободно.

Далтон раскрывает рот от изумления.

— И все? И никаких вопросов не задавал? — качает головой, не веря своим ушам. — Боже, какой же он debil. Почему эти новички думают, что недостижимы? Гребанный напыщенный придурок!

— Ага, — подписываюсь под каждым словом Далтона.

— Я предупреждал тебя на счет этой работы, Люк. Говорил, что будет нелегко. Такая жизнь вынесет тебе весь мозг нахрен. Уверен, что хочешь ввязаться?

Киваю, понимая, что теперь не могу отступить, зная, насколько Далтон и команда близки, чтобы арестовать Аса.

— Ты только что назвал меня Люком.

Далтон бьет себя по лбу.

— Дерьмо! — протягивает он, раздраженно пинает ботинком комок земли и снова смотрит на меня. — Прости, мужик. Встречаемся завтра? Диксону нужен полный отчет, раз уж ты в деле.

— У некоторых из нас завтра учеба, — напоминаю ему, вспоминая, что нужно еще закончить домашку. — Думаю, к обеду освобожусь.

Далтон кивает и пятится к дому.

— Пригласишь на вечеринку ту горячую цыпочку из класса по испанскому?

— Неа, это не в ее стиле, — не говоря уже о том, что её и не нужно приглашать. Девушка и так в самом сердце всего этого дерьма.

Он кивает, понимая, что пригласить кого — то в такое место — это то, что я никогда бы не сделал. Далтон может сыграть любую роль как никто другой. У него были длительные отношения под прикрытием, которые зашли настолько далеко, что ему пришлось сделать предложение девушке, чтобы его не раскрыли. Конечно, как только работа была закончена, он без проблем исчез. Но для меня, каждый, кого я встречаю, играя роль Картера, остается, прежде всего... обычным человеком. Я никого не хочу вводить в заблуждение, поэтому решил быть на стороже и не позволять каким бы то ни было отношениям заходить слишком далеко.

Далтон закрывает за собой дверь, и я остаюсь во дворе в полном одиночестве, уставившись на дом, который стал моим заданием, по крайней мере на следующие два месяца. Работа под прикрытием — это не то, чем я хотел заниматься, когда пришел в полицию, но это то, в чем я безусловно хорош. К сожалению, у меня очень плохое предчувствие насчет всего этого... а я тут всего день.

Следующие пару часов, я сопровождаю Аса по всем комнатам, пожимая руки стольким людям, что уже сбился со счета. Сначала пытаюсь делать пометки в голове о каждом, кого встречаю, и как они связаны с Аса, но к четвертой банке пива, что оказывается у меня в руке, бросаю все попытки. Будет еще куча времени со всеми познакомится, и мне не надо сосредотачиваться прямо сейчас. Я все еще новичок для них, и не хочу давать повод для подозрений.

Наконец, мне удаётся сбежать, чтобы найти уборную. Как только нахожу её, то застаю внутри уже знакомого парня по имени Джон и двух девушек не старше девятнадцати. Закрываю дверь быстрее, чем открыл и направляюсь наверх в надежде найти еще один туалет, который бы не использовался для быстрого перепихона.

Задерживаюсь в ванной минут на десять дольше, чем требуется. Выливаю пиво в раковину, и наполняю банку водой из — под крана, так как уже использовал свой лимит пива за вечер. Надо провести следующие пару недель полностью трезвым.

Вглядываюсь в свое отражение в зеркале, надеясь, что справлюсь. Я не местный, поэтому не боюсь быть узнанным. Меня беспокоит то, что я не такой, как Далтон. Я не могу включаться и выключаться, как он. Все, что вижу здесь, я также вижу, когда ночью закрываю глаза. И исходя из того, что я видел между Аса и Слоан, сегодня мне не заснуть.

Смачиваю салфетку водой и протираю лицо, заставляя себя протрезветь перед тем, как выйти из туалета. Бросаю его в корзину для грязного белья, наполненную до краев, и задаюсь вопросом: Слоан единственная девушка, которая тут живет? Полагаю, она одна возится со стиркой. Не говоря уже об остальном доме.

Когда мы вошли на кухню и застали Слоан за уборкой, Аса застыл в дверях и пару минут наблюдал за ней. А я, стоя за его спиной, был поражен не только неожиданной встречей со Слоан... но и тем, какой красивой она была, двигаясь под музыку. Слова легендарной песни Рика Спрингфилда «Девушка Джесси» крутились у меня в голове, пока я наблюдал за тем, как Аса смотрит на Слоан. Я хотел быть единственным, кто так на нее смотрит.

Как будто она была моей.

Делаю глубокий вдох и открываю дверь. Мой взгляд притягивает силуэт в дверном проеме в конце коридора. Девушка поворачивается, когда слышит звук открывающейся двери ванной, и ее изящное платье двигается вместе с ней. Когда она замирает, я не могу оторвать глаз от платья. Оно обтягивает ее во всех нужных местах, а лямки приподнимают грудь, создавая идеальное декольте, ясно намекающее на то, что она без нижнего белья. Меня злит то, что мысленно я благодарю Аса, за то, что он заставил ее надеть это платье.

Дыши, Люк. Дыши.

Наконец я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на Слоан, но выражение ее лица не соответствует этому сексуальному наряду. Она плакала.

— Ты в порядке? — спрашиваю и делаю шаг на встречу. Слоан бросает испуганный взгляд на лестничный пролет, потом смотрит на меня, и кивает. Когда она направляется к лестнице, я догоняю и схватив за руку, останавливаю.

— Слоан, подожди.

Она поворачивается и смотрит на меня. Девушка, которую вижу прямо сейчас, совсем не похожа на ту, которую я встретил сегодня в классе. Она хрупкая. Испуганная. Сломленная.

Слоан делает шаг ко мне, скрестив руки на груди, и опускает взгляд, закусив губу.

— Зачем ты здесь? — тихо спрашивает.

Я не знаю, что ей ответить. Не хочу лгать, но и правду рассказать не могу. Абсолютно уверен, меня бы не похвалили, если бы я рассказал девушке, парня которой собираюсь арестовать, настоящую причину, почему я здесь.

— Меня пригласили.

Слоан резко поднимает голову.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Почему даже ты в этом замешан?

— Ты встречаешься с причиной, почему я здесь, — намекая, что мы оба имеем дело с Аса. — Это просто работа.

Слоан закатывает глаза, словно уже не раз слышала это оправдание. Но разница между моим оправданием и Аса заключается в том, что мое — правда. Она просто не в курсе, какая именно это для меня работа.

— Слоан, думаю, правильнее было бы сказать, что мы оба скрыли кое — какие важные факты сегодня на занятии.

Она смеется отчаянно, с болью в голосе.

— Ну да. Профессор должен был задать нам больше, чем три факта. Пяти, думаю, хватило бы.

— Ага, пяти фактов хватило бы, чтобы навести меня на мысль, что у тебя есть парень.

Слоан бросает на меня взгляд и опускает голову.

— Извини.

— За что?

Слоан опускает плечи и начинает говорить еще тише:

— За то, как вела себя в классе. За то, что флиртовала с тобой. Кое-что я не должна была говорить. Клянусь, я не такая девушка. И я бы никогда...

— Слоан, — я прерываю это признание, приподнимая пальцем ее подбородок. Смотрю на нее сверху вниз, отлично понимая, что нужно опустить руку и свалить от нее подальше. — Я так о тебе и не думал. Это был безобидный флирт, не более.

Слово "безобидный" повисло в воздухе как черная, зловещая туча. Мы оба понимаем, что Аса не имеет ничего общего с безобидностью. Разговаривая с ней в классе, находясь рядом в коридоре... невинные моменты вроде этих, если они происходят часто, могут закончиться намного хуже, чем просто безобидно. Угрозы Аса проносятся в моей голове. Все, что касается этой девушки — нарушение правил. Аса ясно дал это понять... моя карьера ясно дает это понять. Так почему же я не вижу этого так же отчетливо?

— Чувак, ты пропустишь вечеринку.

Поворачиваюсь и вижу внизу Далтона. И он смотрит на меня так, словно готов надрать мне зад. У него есть на это право, принимая во внимание всю ту путаницу, в которую я себя чуть не погрузил.

— Да, — делаю глубокий вдох и обернувшись к Слоан, шепчу ей. — Поговорим в классе.

Она кивает и облегченно вздыхает, понимая, что голос, доносящийся снизу, принадлежит Далтону, а не Аса. Она не единственная, у кого это вызывает облегчение.

Слоан разворачивается и направляется в свою комнату, а не вниз. Теперь я понимаю, почему она не высывается.

Как только за ней закрывается дверь, я встречаюсь лицом к лицу с Далтоном. Его ноздри яростно раздуваются — первый показатель, что он готов меня ударить. Он с силой толкает меня к стене, и всем своим весом прижимает руку к груди.

— Не облажайся, — Далтон яростно прижимает палец к моему виску. — И играй по правилам.

Глава 5 АСА

Asa

Скрещиваю руки за головой и откидываюсь на подушку.

— Снимай трусы!

Она усмехается и наклоняется вперед, зацепив пальцами трусики, медленно спуская их вниз по бедрам. Ее груди красиво обтянуты черным, прозрачным бюстгалтером. Думаю, что разрешу ей его оставить.

— Иди сюда.

Она забирается на кровать и ползет ко мне, ее длинные светлые волосы щекочут мои ноги, когда она медленно скользит вверх по моему телу. Садится верхом, придавив меня к матрасу. Эта цыпочка знает, что делает. Она может быть как хорошей, так *и* плохой. Мне нравятся девушки, которые знают, как трахаться, но при этом всегда в голове возникает вопрос, со сколькими парнями она переспала для того, чтобы научиться всему этому. Я тянусь к тумбочке и хватаю презерватив, вручая его ей.

— Надень его, — командую. Не разрывая зрительного контакта, она открывает упаковку, а затем подносит руки к моему члену. Я хватаю ее за запястья и качаю головой. — Ртом.

Она усмехается и начинает опускать голову, когда я слышу чьи-то шаги. Дверная ручка в спальню начинает дергаться. *Блять*.

— Аса, открой дверь! — доносится крик Слоан за дверью.

— Блядь! — я толкаю девушку на спину. Встаю и хватаю свои штаны натягивая их, а девушка на кровати переводит взгляд с меня на дверь. Я беру ее одежду с пола и бросаю в сторону гардеробной, указывая ей, куда спрятаться.

Она встает и усмехается на мое требование, качая головой.

Если эта сука действительно думает, что выйдет из этой комнаты, пока Слоан находится по другую сторону двери, она бредит. Я хватаю ее за плечи и толкаю в сторону гардеробной.

— Всего на несколько минут, — шепчу я. Она начинает возражать, поэтому я накрываю ее рот своим. Все, что требуется, чтобы заставить ее замолчать. Опускаю руку между ее ног, чувствуя, как она наваливается на меня, когда ее колени подгибаются. Излишне говорить, что ее гнев растворяется с каждым поглаживанием. Она стонет мне в рот, и я заталкиваю ее дальше в гардеробную в тот момент, когда Слоан стучит по двери во второй раз.

— Две минуты, — шепчу я. — И я избавлюсь от нее.

Еще раз целую ее, затем закрываю дверь. Хватаю полотенце и вытираю руки, после чего иду к двери спальни и открываю ее.

— Сейчас четыре часа дня, почему ты спишь? — спрашивает Слоан, протискиваясь мимо меня.

Она направляется к гардеробной, поэтому я хватаю ее за талию и тяну на кровать.

— Я весь день был на занятиях. Устал, — говорю, зная, что эта ложь отметет все вопросы.

Так и получается.

Слоан расслабляется и сворачивается у меня на груди.

— Ты на самом деле ходил сегодня на занятия?

Я киваю и подношу свои руки к ее лицу, убирая выбившуюся прядь волос от ее глаз, и заправляю ее за ухо. Переворачиваю ее на спину и нависаю над ней. Мой взгляд цепляется за отчетливые синяки на ее руках, и это напоминает мне, что я так и не извинился за инцидент на кухне.

— Да, ходил, — вру, проводя пальцами вниз по ее руке, по отметинам, что я оставил на ней. — Я серьезно, Слоан. Все, что я обещал тебе. Я хочу стать лучше. — наклоняюсь к ней и целую синяк. — Я люблю тебя, детка, — тихо говорю ей. — Я не хотел тебя обидеть. Иногда я забываю, насколько чувствительна твоя кожа.

Она сжимает губы в тонкую линию и сглатывает. Я вижу, что она старается не заплакать. Потребуется приложить чуть больше усилий, чем я думал.

— Боже, Слоан. Я тебя не заслуживаю. Клянусь тебе, я стану лучше. Я стану лучше для нас обоих, хорошо? — беру ее лицо в ладони и целую. Знаю, что девушкам нравится, когда парни удерживают их лицо при поцелуе; словно поцелуй — это единственное, что они хотят в данный момент.

Это бред. Если парень добился своего, его руки никогда не поднимутся выше сисек.

— Я люблю тебя, — говорю снова, скользнув рукой вниз к ее талии. Мой член в штанах набухает, становится намного тверже, чем шлюха в шкафу могла его сделать.

Я был с большим количеством девушек, но могу сказать честно, что Слоан заводит меня больше, чем любая из них. Не знаю, по какой причине я считаю ее гораздо привлекательнее остальных. Ее грудь не настолько большая, и ее с трудом можно назвать соблазнительной.

Думаю, все дело в ее невинности. Мне нравится то, что я первый и единственный парень, который когда-либо ее трахал. Нравится уверенность, что я буду единственным парнем, который когда-либо будет ее трахать.

Скольжу рукой под ее футболку и оттягиваю вниз кружево бюстгалтера.

— Позволь мне сделать это для тебя, — шепчу я. Прижимаюсь ртом к тонкой ткани ее футболки, обхватывая сосок, и сжимаю его между зубами. Она стонет и выгибает спину, но потом отталкивает меня.

— Аса, я только что из спортзала. Я вся потная. Дай я сначала приму душ.

Выпускаю сосок изо рта, и чтобы переубедить ее, запускаю руку ей между ног, и начинаю поглаживать ее через джинсы.

— Ты совершенна, — говорю, облизывая сладкую, потную кожу ее шеи. Она застывает, поэтому я сильнее надавливаю рукой. — Расслабься, — шепчу ей. Слоан сопротивляется, но я чувствую, как она медленно тает против моей руки. Замечаю едва уловимое движение ее бедер, когда моя рука задевает нужное место. Я нажимаю все сильнее и сильнее, пока она не приближается к оргазму под моими пальцами.

Она поддается моему напору и расслабляет руки над головой. Встаю на колени и начинаю расстегивать ее джинсы, стягивая их достаточно низко, чтобы предоставить себе необходимый доступ. Скольжу под трусики и с легкостью проникаю двумя пальцами внутрь. Она стонет и цепляется за простыни, сжимая их побелевшими кулаками. Я медленно двигаю в ней пальцами, дразня клитор подушечкой большого пальца. Окидываю взглядом ее тело, пока моя рука набирает скорость. Как только чувствую, как она вздрагивает от зарождающегося оргазма, я накрываю ее рот своим и глубоко целую. Слоан издает крик, который полностью заглушает мой рот. Боже, я обожаю, когда она кричит в мой рот. Ее дыхание волной скользит по моему горлу и смешивается с моим. Я продолжаю поглаживать ее, пока она не застывает и не пытается убрать мою руку. Вынимаю руку из ее трусиков, возвращая их на место.

— Теперь ты можешь идти в душ, — целую ее еще раз, но она хватается мое лицо, и оттолкнув на спину, садится сверху.

— А что насчет тебя? — спрашивает Слоан, и тянется вниз, чтобы расстегнуть молнию моих джинс.

Я хватаю ее за руку и убираю в сторону.

— Я у тебя в долгу, — говорю я. — Теперь иди в душ. Мы кое-куда пойдем сегодня вечером.

Она улыбается.

— Как на свидание?

— Не *как на свидание*. Это свидание.

Слоан усмехается и встает с меня, направляясь к двери.

— Запри, когда выйдешь, — говорю ей.

Она останавливается и оборачивается.

— Зачем?

Сжимаю выпуклость в моих штанах.

— Мне нужно закончить то, что начал.

Она морщит нос и закатывает глаза, но запирает за собой дверь. Я вскакиваю и проверяю замок, затем разворачиваюсь, когда плевать-как-ее-зовут вываливается из шкафа. Она тычет в меня пальцем и практически плюется ядом, когда говорит.

— Ты больной ублюдок!

Я хватаю ее за руку, которой она тычет мне лицо, и завожу ее ей за спину. Наклоняюсь к ее уху и прижимаю эрекцию к ее животу.

— Эй, эй, — говорю спокойно, пытаюсь утихомирить ее. Провожу пальцами по ее щеке и легонько целую в губы. — Я сохранил лучшую часть для тебя, — откидываю ее на кровать, сажая на задницу. Снимаю штаны и отбрасываю их в сторону, затем достаю презерватив и надеваю. Девушка ложится на кровать и раздвигает ноги.

Гребанная шлюха.

Встаю коленями на кровать и располагаюсь между ее ног. Скольжу руками под ее спину и хватаю за плечи, крепко удерживая. Я молча жду, когда раздастся звук бегущей воды по трубам. Душ Слоан включается, и я крепче хватаю девушку и вхожу в нее так резко, что она вскрикивает. Быстро зажимаю ей рот и продолжаю двигаться. Сложно понять почему она кричит в мою руку; потому что ей это нравится, или потому что я трахаю ее так сильно, что ей больно. Тот факт, что я не могу понять причину, заводит меня еще больше.

Мне не требуется много времени. Зная, что я заставил Слоан кричать на этом же месте меньше, чем две минуты назад, достаточно, чтобы я кончил, даже не засовывая член по самые яйца в какую-то шлюху. Я изо всех сил зажмуриваюсь и толкаюсь в нее последний раз, замирая на несколько секунд, продолжая прикрывать рукой ее рот, подавляя стоны. Падаю на локти и беру один из ее сосков в рот, сосу и дергаю его, до тех пор пока из меня не выходят последние капли.

Я расслабляюсь напротив груди девушки и выхожу из нее. Она скулит, сжимая меня

бедрами, желая большего. Думаю, заставить двух девушек кончить от моих пальцев с промежутком всего в несколько минут — это больше, чем мне *когда-либо* удавалось сделать. Бросаю презерватив в мусорное ведро, затем ложусь рядом с ней. Раздвигаю ее ноги, и глубоко засовываю в нее два пальца, наблюдая, как закатываются ее глаза.

Я прижимаюсь к ее щеке и медленно двигаю пальцами.

— Тебе это нравится? — шепчу ей на ухо. Она стонет и выдыхает "да", поэтому я добавляю третий палец, чувствуя, как плоть растягивается вокруг моей руки. В этот раз она выдыхает "да" гораздо громче.

Я засовываю четвертый палец, наблюдая, как она морщится от боли. Потираю пальцем ее клитор и загибаю пальцы вверх, находя именно то место, которое заставляет ее резко выдохнуть.

— Тебе нравится, когда я трахаю тебя рукой?

Она постанывает уже громче и хрипит, выкрикивая мое имя. Мне снова приходится прикрыть ее поганый рот свободной рукой.

Отодвигаюсь и смотрю ей в глаза.

— Ты видела, как я трахал свою девушку рукой? Это тебя завело?

Ее глаза расширяются, но она не отвечает, поэтому я спрашиваю еще раз.

— *Завело?* — повторяю свой вопрос, приостановив движение руки, чем заставляю ее хныкать. Я знаю, как близко она находится к оргазму, поэтому использую ее отчаяние в свою пользу.

— Скажи, что тебе понравилось.

Она стонет, трется о мою руку, молча умоляя меня продолжать. Вытаскиваю пальцы из нее и подношу к ее рту.

— Попробуй, — говорю, проводя влажными пальцами по ее нижней губе.

Она отворачивается, не желая впускать пальцы в свой рот. Мой член снова встает, поэтому я забираюсь на нее. Потребность, растущая у нее между ног, делает ее отчаяннее. Она приближает свое лицо обратно ко мне, как я и думал, и нехотя открывает рот. Второй рукой я хватаю ее за челюсть и заставляю открыть рот шире, засовывая два пальца внутрь.

— Соси, — требую. Она обхватывает губами мои пальцы и сосет.

— Она вкусная? — спрашиваю я и трусь все быстрее и сильнее, подводя ее и себя к

концу.

Она стонет и кивает головой, хватая мое запястье, по очереди посасывая каждый мой палец. Ощущение ее языка, то как он скользит вверх и вниз по моим пальцам, почти заставляет меня кончить прямо на нее.

— Бляять, — кричу я. Вытаскиваю свою руку из ее рта. — Дай и мне попробовать, — говорю. Целую ее, слизывая сладкий вкус их обеих с ее языка. Она выгибает спину и через несколько секунд начинает извиваться подо мной. Отодвигаюсь от ее рта и продолжаю тереться об нее. Когда она, наконец, начинает приближаться к оргазму, я чувствую, что крик вот-вот вырвется из ее губ, поэтому делаю с ней то же, что недавно делал со Слоан. Я накрываю ее рот своим, и ее крик вырывается из ее маленького тела, а после, она вздрагивает и трясется подо мной. Я закрываю глаза и издаю стон, поднимаясь и прижимая член к ее животу, кончая на нее.

Когда она, наконец, успокаивается подо мной, я встаю и, подняв футболку с пола, кидаю ей, чтобы вытерлась.

— Одевайся, — говорю я. — У меня свидание сегодня вечером.

Глава 6 СЛОАН

Sloan

Забегаю в туалет перед занятиями, чтобы поправить прическу и проверить макияж. Раньше меня никогда не беспокоило что я выгляжу так, будто только встала с постели. Но то, что Картер будет сидеть рядом со мной в течение следующего часа, беспокоит меня больше, чем обычно.

Флуоресцентные лампы беспощадны. Мешки под глазами рассказывают всю правду о прошлой ночи. В отражении зеркала, я вижу девушку, которая до поздна не спала и волновалась о парне, который пообещал ей свидание, но так и не сводил никуда.

Вчера Аса ушел со своим другом Джоном, пока я принимала душ, готовясь к свиданию, на которое он собирался сводить меня впервые за пять месяцев. Несмотря на то, что ребята уехали, в доме все еще было полно людей. Я волновалась и ждала его до тех пор, пока не осталось сил удерживать глаза открытыми. Когда Аса, наконец, добрался до кровати, он тут же залез на меня, но я была так зла, что просто начала плакать.

Аса этого даже не заметил. Или ему было наплевать.

Я плакала все то время, что он был на мне, трахал меня, словно ему было насрать, кто под ним, лишь бы кто-то был. Когда Аса закончил, он отвернулся и уснул без единого слова. Ни извинений. Ни "спасибо". Ни "я люблю тебя". Он просто перевернулся и провалился в сон без каких-либо угрызений совести. Я отвернулась и продолжила плакать.

Я плакала из-за того, что позволяю ему делать все это со мной. Плакала из-за безысходности. Из-за того, что я до сих пор с ним, несмотря на того человека, в кого он превратился. Из-за того, что я уже никуда не денусь, независимо от того, как сильно хочу уехать. Из-за того, что несмотря на все ужасное в нем, я по-прежнему волнуюсь, когда Аса не приходит домой. Я плакала, потому что поняла, что независимо от того, кем он стал, какая-то часть во мне все еще любит его... ведь я не знаю как перестать любить его.

Я отворачиваюсь от своего отражения в зеркале, потому что мне стыдно за ту девушку, в кого я превратилась.

Когда я вхожу в класс, Картер уже сидит за нашим столом. Боковым зрением я вижу, как он наблюдает за мной, но отказываюсь смотреть в его сторону.

После нескольких часов, проведенных с ним на прошлом уроке, думаю, можно с уверенностью сказать, что я немного увлеклась им. От мысли, что я буду проводить с ним три дня в неделю, у меня кружилась голова; ощущение, которое стало мне слишком чуждо. Но увидев Картера в нашем доме, среди людей Аса, все мои фантазии, которые могли вообще возникнуть, тут же разрушились. Я никогда не думала, что у нас с Картером что-то получится. Как такое может случиться? Я вряд ли смогу разорвать отношения с Аса, и я не смогу изменить ему. Мне просто нужно было небольшое увлечение. Немного флирта. Почувствовать себя желанной.

И теперь, когда я знаю, что Аса и Картер похожи больше, чем я могла предположить, мне не хочется с ним связываться. Вообще никак. А тот факт, что теперь он очередной постоянный гость в нашем доме, еще больше заставляет держаться от него подальше. Если у Аса возникнет хоть какое-нибудь подозрение, что какой-то парень разговаривал со мной, этот парень будет мертв. Я хотела бы сказать, что это не буквальное высказывание, но так оно и будет. Зная, какой Аса беспощадный, я на сто процентов уверена, что он способен на убийство.

И именно по этой причине, я не хочу связываться с Картером. Я продолжаю напоминать себе, что Картер просто еще один Аса, только в другой одежде. Не стоит рисковать. Для меня Картер — это еще одна преграда на пути возможного побега.

Оглядываю комнату в поисках свободного места не рядом с ним. Должно быть, я провела слишком много времени в туалете, потому что класс почти заполнен. Есть два пустых стула на втором верхнем ряду, но они прямо перед сиденьем, которое занимает Картер. Я избегаю его взгляда и иду на пустые места, опустив голову вниз. Не знаю, смогу ли я притворяться, что не заметила его, но уверена, черт возьми, что собираюсь попробовать.

Отодвигаю один из стульев и сажусь, достаю учебники и кладу их на стол перед собой. Вдруг слышу шум с заднего ряда и не могу не развернуться. Картер перелезает через стол с рюкзаком в руке. Спрыгивает на пол, выдвигает пустой стул рядом со мной, и плюхается на

него.

— К чему все это? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне лицом.

— К чему *что*? — делаю вид, что не понимаю о чем он, и открываю страницу, на которой мы остановились в понедельник.

Я чувствую его взгляд на себе, но он ничего не говорит. По-прежнему делаю вид, что читаю, а Картер продолжает молча смотреть на меня, до тех пор пока у меня не лопаются терпение. Поворачиваюсь к нему лицом.

— *Что?* — раздраженно фыркаю я. — Чего ты хочешь?

Картер продолжает молчать. Захлопываю книгу и полностью поворачиваюсь к нему. Тот факт, что наши колени прижаты друг к другу не остается незамеченным. Он смотрит вниз на наши ноги, и я вижу в уголке его рта намек на ухмылку.

— Ну, — начинает он. — Мне понравилось сидеть с тобой на прошлом уроке, поэтому я хотел бы повторить это. Но я так понимаю, ты против, раз так...

Картер начинает собирать свои книги и мне очень хочется вырвать их из его рук и заставить его остаться там, где он находится. Но еще больше я чувствую облегчение, что он все-таки понял намек.

Он засовывает свою тетрадь в рюкзак, а я молчу. Я знаю, что если я что-то скажу, это будет похоже на жалкую просьбу.

— Ты занял мое место, — произносит ровный, монотонный голос.

Картер и я поднимаем взгляды, чтобы увидеть стоящего перед нами парня, который с безразличием смотрит на Картера.

— Я уже уйду, чувак, — отвечает Картер, откладывая свой рюкзак на стол.

— Больше никогда сюда не садись, — предупреждает парень. — Я здесь сижу. — Он поворачивается ко мне и, вытянув руку, тычет в меня пальцем. — И ты здесь не сиди. В понедельник здесь сидела другая девушка, поэтому ты не можешь здесь сидеть.

На лице парня дикое возмущение. Он ужасно обеспокоен тем, что сегодня мы пересели на другие места. Мне жаль его, я узнаю те же признаки болезни, что и у одного из моих братьев. Я начинаю успокаивать его, говорю, что мы пересядем, что он может занять свое место, но гнев Картера прерывает мои оправдания. Он встает.

— Убери свой палец от ее лица, — грозно говорит он парню.

— Убирайся с моего места, — отвечает тот, переключив свое внимание обратно на Картера.

Картер бросает рюкзак на пол.

— Чувак, — смеется он. — Что это? Детский сад? Найди себе, блять, другое место.

Парень опускает руку и в шоке смотрит на Картера. Он сначала хотел было ответить, но потом закрывает рот и в поражении идет на задний ряд.

— Но это мое место, — бормочет он, уходя.

Картер достает свою тетрадь из рюкзака и кладет на стол перед собой.

— Похоже, ты застряла со мной, — заявляет он. — Теперь я ни за что не пересяду.

Качаю головой и наклоняюсь в его сторону.

— Картер, — шепчу я. — Пожалуйста, перестань. Думаю, у него синдром Аспергера, он ничего не может с этим поделать.

Картер поворачивает голову в мою сторону.

— Да ты что? Seriously?

Я киваю.

— У моего брата был синдром Аспергера. Я знаю признаки.

Он прижимает обе руки к лицу.

— Дерьмо, — стонет он и вскакивает, хватая и меня за руку. Я тоже встаю.

— Собирай свои вещи, — командует Картер, указывая на мой рюкзак и тетради. Поворачивается и бросает свои вещи на стол позади себя, потом тянется к моему рюкзаку и тоже его переносит. Смотрит на парня и опускает взгляд на места, которые мы недавно оккупировали. — Прости, мужик. Я не знал, что это твое место. Мы пересели.

Парень быстро возвращается к столу, который мы освободили и садится на свое место, прежде чем Картер передумает. Понимая, что большая часть класса, вероятно, наблюдает за шумом, который мы трое создали; я все равно не могу сдержать улыбку. Мне нравится, что Картер так просто сделал это.

Мы идем к местам, которые занимали в понедельник, и выкладываем свои вещи на стол.

Снова.

— Спасибо, — благодарю его.

Картер не отвечает. Посылает мне полуулыбку, и переключается на свой телефон, пока не начинается урок.

Как только начинается лекция, между нами повисает неловкость. Мое нежелание сидеть с Картером, было ему не понятно. Я могу сказать это, по словам, написанным на листке, который он только что положил передо мной.

Почему ты не хотела садиться со мной?

Я смеюсь из-за простоты его вопроса. Беру свою ручку и пишу ответ.

Чувак. Что это? Детский сад?

Он читает мой ответ, и, уверенна, что вижу, как он хмурится. Я пыталась быть смешной, но он, видимо, не понял моего юмора. Картер что-то очень долго пишет, и скользит запиской обратно ко мне.

Я серьезно, Слоан. Я переступил какую-то черту тем вечером? Прости, если я это сделал. Я знаю, что ты с Аса и я это уважаю. Ты очень веселая и я хочу сидеть с тобой, просто сидеть, честно. Испанский надоедает до чертиков, а сидя рядом с тобой, мне хочется выколоть свои глаза чуть меньше обычного.

Я смотрю на его записку, хотя уже давно ее прочитала. У Картера невероятно выразительный почерк, для парня, и еще более невероятная способность заставлять мое сердце биться быстрее.

Он считает меня веселой.

Довольно простой комплимент, но он действует меня больше, чем я бы хотела. Понятия не имею, что ответить на это, поэтому прижимаю ручку к бумаге и не думая, пишу.

Люди в Вайоминге на самом деле не существуют, и я никогда не могу найти

подходящую экипировку, для похода в магазин для пингвинов.

Передаю ему записку, и когда Картер громко смеется, я прикрываю свой рот рукой, пряча улыбку. Мне нравится, что он понимает мое чувство юмора, и в то же время ненавижу это. Каждая секунда, которую я провожу с ним, пробуждает во мне желание провести с ним *еще* две секунды.

Он передает записку обратно.

Комары шептали нежности в мою бочку с обезьянами, из-за чего потребовалось слишком много времени, чтобы принести пиццу, которую я заказал.

Я смеюсь, а потом мой желудок сжимается. Слово *пицца* напоминает мне о том, насколько я голодна. Я была слишком расстроена, чтобы поужинать вчера вечером, поэтому прошло уже больше двадцати четырех часов с тех пор, как я ела.

Пицца звучит здорово.

Я опускаю ручку, но не возвращаю ему записку. Не знаю, зачем в этот раз я написала то, о чем подумала на самом деле.

— Будет сделано, — говорит он вслух.

Я перевожу взгляд на него и Картер смотрит на меня с улыбкой, которая на самом деле причиняет боль. Он все, чего я хочу, и все, что мне не нужно, и это в прямом смысле *физически* больно.

— После занятий, — шепчет он. — Я отвезу тебя есть пиццу.

Эта фраза выходит из его рта так быстро, что кажется, он знает, что не должен был говорить этого, и еще меньше *делать*.

Но я киваю.

Черт возьми, я киваю.

Глава 7 КАРТЕР

Carter

После занятий, я веду Слоан к парковке. Судя по тому, как сильно она сжимает рюкзак

и как тревожно оглядывается, Слоан хочет вернуться. Когда она останавливается и поворачивается ко мне, я не даю ей шанса даже начать разговор.

— Время обеда, Слоан. Тебе нужно поесть. Я приглашаю тебя на пиццу. Это будет просто пицца, ничего больше, согласна?

Она широко распахивает глаза, в шоке от того что я угадал ее мысли. Слоан крепко сжимает губы и кивает.

— Это всего лишь обед, — Слоан пожимает плечами, стараясь убедить себя, что все в полном порядке. — Я обедаю. Ты обедаешь. Ну и что с того, что мы едим в одно и то же время? В одном ресторане?

— И я об этом.

На наших лицах расплывается улыбка, но страх, читающийся в наших глазах, намного красноречивее.

Мы оба переходим черту и прекрасно это понимаем.

Подходим к моей машине, и, разумеется, сначала я хочу открыть дверь Слоан, но останавливаю себя и вместо этого иду прямо к месту водителя. Чем меньше обращаюсь с ней как с девушкой, тем меньше чувствую себя как на свидании. Не хочу, чтобы она еще больше нервничала из-за нашего «обычного обеда». По правде говоря, моих переживаний хватит на нас двоих. Не уверен, что знаю, какого черта я творю, но когда я рядом с ней, все, о чем могу думать — это как сильно я хочу проводить с ней больше время.

Мы одновременно закрываем двери, я завожу машину и выезжаю с парковки. Кажется, я играю в русскую рулетку, отъезжая от колледжа, сидя с ней в машине наедине. В висках начинает отбивать пульс, а во рту пересыхает только от одной мысли, что связь с этой девушкой — настоящее самоубийство для моей карьеры. Не говоря о том, что бы случилось, если бы Аса узнал.

Стираю из своей головы мысли о нем и оглянувшись на Слоан, решаю, что, раз уж этот день, возможно, будет моим последним на земле, я полностью сосредоточусь только на ней и, черт возьми, получу максимальное удовольствие.

— Мне нужно кое в чем признаться, — смущенно произносит Слоан.

— Да? И в чем же?

Слоан пристегивается и опускает руки на колени.

— У меня нет денег.

Мне хочется рассмеяться от этого признания, но если честно, мне ее жаль.

— Я угощаю, — спокойно отвечаю, потому что и так собирался ее угостить. — Но, если бы я тебя сегодня не пригласил, как бы ты поела?

Слоан пожимает плечами.

— Обычно я не обедаю. Это стоит денег, а с ними в данный момент у меня проблема. Коплю на кое-что более важное.

Слоан отворачивается к окну, явный знак, что она не собирается говорить, на что собирает. Я не настаиваю. Но собираюсь получить ответ, почему у нее нет денег на питание.

— Почему бы не попросить денег у Аса? У него они есть. Готов поспорить, если бы он знал, что ты не обедаешь, он бы решил эту проблему.

Слоан качает головой.

— Мне не нужны его грязные деньги, — выплевывает она. — Я лучше буду голодать.

Не отвечаю, потому что она знает, что я работаю с Аса и буду платить за обед такими же грязными деньгами. Не хочу напоминать об этом.

— Расскажи мне про брата, — меняю тему разговора на более отвлеченную и выезжаю на автостраду.

— Про брата? — переспрашивает, — про какого именно?

— Про того, который болен расстройством Аспергера? Я практически ничего не знаю о болезни. В Сакраменто соседский малыш страдал от этого. Не думал, что от него можно вылечиться, но ты сказала, у твоего брата *был* Аспергер... в прошедшем времени.

Слоан опускает взгляд на колени, и переплетает свои пальцы.

— Это не *то*, что можно переболеть, — тихо отвечает она.

Но ведь она сказала эту фразу в прошедшем времени. О... наверно, она говорила именно о *ней* в прошлом. Бестактный осел. Какого черта я поднял эту тему?

— Мне очень жаль, — беру ее за руку и слабо сжимаю. — Я действительно сожалею.

Слоан отдергивает руку и откашливается.

— Все нормально, — выдавливаю улыбку, — это было давно. К сожалению, Аспергер — не единственное, с чем он боролся.

И на этой ноте мы подъезжает к ресторану. Заезжаю на парковку и заглушаю двигатель. Ни один из нас не двигается. Кажется, Слоан ждет, пока я выйду из машины, но у меня чувство, будто я испортил ей настроение.

— Официально заявляю, этой поездкой я убил все веселье. Есть какие-то способы исправить это?

Слоан беззаботно смеется.

— Мы можем перевести игру в "надписи" на новый уровень, — широко улыбается Слоан, — Постараемся немного поднять настроение. Вместо того, что бы писать случайные бездумные вещи, мы можем во время обеда *говорить* друг другу первое, что придет в голову.

Я киваю и указываю на ресторан прямо перед нами.

— После тебя, — отвечаю ей. — Бивни моржа застилают мой взор, как шоколадный пудинг.

Слоан смеется и открывает дверь.

— Одноногие тигровые акулы тебе гораздо полезнее, чем овощи.

Глава 8 АСА

Asa

— Джон!

Я так сильно сжимаю телефон, что не удивлюсь, если он сломался. Вдыхаю через нос и выдыхаю через рот, успокаивая себя, что постараюсь дать ей возможность объясниться, прежде чем взорвусь.

— Джон!

Наконец, я слышу, как он поднимается по лестнице. Моя дверь распаивается, он входит в комнату.

— Какого черта? Я был в туалете.

Я смотрю на отчет GPS в своем телефоне.

— Что находится на 1262 Рикер Роуд?

Он смотрит на потолок, барабаня пальцами по дверному проему.

— Рикер Роуд, — повторяет он вслух. — По-моему там в основном рестораны. — Джон вводит в свой мобильный адрес — А что? У нас доставка?

Я качаю головой.

— Слоан на Рикер Роуд.

Джон наклоняет голову.

— Твоя машина сломана? Ее нужно куда-то отвезти?

Я закатываю глаза.

— Ее не нужно никуда везти, тупица. Она сейчас находится на Рикер Роуд, хотя должна быть в кампусе. Я хочу знать, какого хрена она там делает и с кем.

На его лице, наконец, появляется осознание.

— Вот черт. Ты хочешь съездить проверить? — Джон снова водит пальцами по телефону. — Похоже, итальянский. Называется вроде Mi Amore.

Я бросаю мобильник на кровать и встав, нервно шагаю по комнате.

— Нет, — отвечаю я. — До туда полчаса езды. А с учетом пробок, все сорок пять. Она уйдет прежде, чем мы туда попадем, — глубоко вдыхаю и зажимаю пальцами переносицу, желая оставаться спокойным.

Если она с кем-то трахается, я узнаю. А если узнаю, то убью ее к чертовой матери. А тому ублюдку, с кем она трахается, повезет еще меньше.

— Я все выясню, — говорю Джону. — Сегодня вечером.

Глава 9 СЛОАН

Sloan

Картер придерживает для меня дверь открытой. Впервые за долгие месяцы я в ресторане; я и забыла, как хорошо здесь пахнет. Мысли о том, что Аса узнает о моем нахождении здесь, то и дело проскакивают в голове, несмотря на то, что я делаю все возможное, чтобы сосредоточиться — я здесь ради обеда. Все так же невинно, как я себе и представляю, если вдруг Аса узнает...

Я даже думать не хочу о том, что сделает Аса. Хостес улыбается нам, хватая с собой два меню.

— Столик на двоих?

— Да, пожалуйста, — отвечает Картер. — Бананы, как кипятик в Рено, — добавляет он с каменным лицом.

Я взрываюсь от смеха. Хостес в недоумении смотрит на нас, и качает головой.

— Иди за мной.

— Картер наклоняется, хватая меня за руку и тянет вперед. Он не просто берет меня за руку, он переплетает наши пальцы и улыбается мне, заставляя мое сердце биться с невероятной скоростью.

О, Боже. Это неправильно, неправильно, неправильно.

Когда мы приближаемся к нашему столу, и Картер отпускает мою руку, чтобы сесть на свой стул, мне в буквальном смысле становится больно от того, что он отпустил мою руку. Мы оба усаживаемся на свои места, помещая локти на стол. Я смотрю на его руку.... та, что только что была переплетена с моей. Самая обыкновенная. В ней нет ничего особенного. Так странно, что малейшее прикосновение обычной руки может вызывать такую бурю внутри. Это просто рука. *Что, черт возьми, такого особенного в ней?*

— И что же? — спрашивает Картер. Звук его голоса вырывает меня из размышлений, и я поднимаю на него глаза. Наклонив голову, он очень пристально смотрит на меня. Словно пытается прочесть мои мысли.

— *Что?* — отвечаю я, изображая недоумение.

Картер откидывается на спинку и скрещивает руки на груди.

— Мне просто интересно, о чем ты думала. Ты так смотрела на мои руки, будто хотела их отрезать.

Я не думала, что мои эмоции так очевидны. Чувствую, как щеки краснеют, но я отказываюсь выглядеть смущенной. Откидываюсь на стул, чтобы оказаться подальше от него. Складываю свои ноги на сиденье рядом с ним и, скрестив лодыжки, устраиваюсь удобнее.

— Просто думала кое о чем, — объясняю я.

Картер так же складывает ноги рядом со мной и скрещивает их в лодыжках. Не могу точно сказать, сделал ли он это для удобства или же просто передразнивает меня.

— Я знаю, что ты просто думала. Я хочу знать, *о чем именно.*

— Ты всегда такой любопытный?

Он улыбается.

— Когда речь идет о безопасности моих конечностей... да.

— Если тебе станет от этого легче, то я думала не о том, как отрезать твои руки.

Не сводя с меня глаз, он откидывает голову на спинку.

— Расскажи, — не сдается Картер.

— Ты настойчив, — отвечаю я, хватая меню. Поставив папку на стол перед собой, я загораживаю своё лицо. Таким пронзительным темным глазам трудно отказать, так что проще вообще не смотреть.

Картер цепляет пальцем верхнюю часть обложки, и тянет ее вниз, глядя на меня в ожидании ответа. Вздохнув, я опускаю меню.

— Мысли на то и мысли, чтобы их скрывать, Картер.

Он щурит глаза и наклоняется вперед.

— Мне не стоило держать тебя за руку? Это разозлило тебя?

От одного только чувственного ровного тона его голоса у меня щекочет в животе, словно перышко. Но я убеждаю себя, что это всего лишь голод.

— Нет, меня это не разозлило, — отвечаю я, все еще уклоняясь от ответа. Проблема в том, что мне понравилось, как он держал меня за руку. Очень. Но я ему об этом не скажу.

Я перевожу взгляд на меню. Не хочу видеть его реакцию. Читаю список блюд, прекрасно ощущая тишину, повисшую между нами. Тот факт, что он ничего не говорит, сводит меня с ума. Я чувствую его взгляд; молчаливый вызов мне — взглянуть на него.

— Можно я закажу пиццу? — спрашиваю, нарушая тишину и меняя тему.

— Бери все, что пожелаешь, — говорит Картер, наконец, поднимая свое собственное меню.

— С пепперони и луком, — кладу меню на стол. — И простой воды будет достаточно. Мне нужно в туалет.

Я пытаюсь выскользнуть из-за стола, но его ноги лежат на сиденье рядом со мной, перекрывая выход. Я вынуждена поднять на него взгляд, но Картер внимательно изучает меню. Он медленно опускает одну ногу, затем другую. Все это время с его лица не сходит

ухмылка. Я со всех ног несусь к туалету, и запираю за собой дверь. Прижавшись спиной к двери, я закрываю глаза и глубоко выдыхаю.

Черт бы его побрал.

Черт бы его побрал за то, что он сел рядом со мной на уроке.

Черт бы его побрал за то, что он пришел ко мне домой.

Черт бы его побрал за то, что вовлек в это Аса.

Черт бы его побрал за то, что привел меня сюда.

Черт бы его побрал за то, что взял меня за руку.

Черт бы его побрал за то, что это так приятно.

Черт бы его побрал за то, что он — воплощение всего того, чего мне не хватает в Аса.

Я мою руки не меньше десяти раз, но до сих пор ощущаю его прикосновение. Я все еще чувствую его пальцы между моими... как грубая кожа его ладони сжимала мою руку... то, как он вел меня за собой по ресторану... Покалывание в ладони не уходит, как бы усердно я ни мыла их.

Выдавливаю еще мыла и мою руки в одиннадцатый раз, а потом пытаюсь прийти в себя, чтобы, наконец, выйти из туалета и вернуться к столику.

— Я подумал, ты захочешь немного кофеина, — говорит Картер, указывая на газировку передо мной. Он понял правильно.

Черт бы его побрал.

Придвигаю напиток ближе к себе и помещаю соломинку между губами.

— Спасибо.

Картер кладет ноги на сиденье возле меня, снова блокируя мне выход. — Всегда пожалуйста, — произносит Картер, бросая мне соблазнительную, и даже немного дерзкую, улыбку. Я ловлю себя на том, что слишком долго смотрю на его губы, и его улыбка становится еще шире.

— Не улыбайся мне так, — огрызаюсь я, раздраженная, что его тонкий флирт только все усложняет. Я заставляю себя прислониться к спинке, и снова вытягиваю свои ноги и кладу на сиденье рядом с ним. Улыбка моментально исчезает с лица Картера, как только его взгляд опускается на мои руки. В его глазах читается гнев, при виде моих уже исчезающих

синяков, которые словно заклеили меня.

По крайней мере, так я себя чувствую.

Я поднимаю ладони и накрываю их, внезапно ощутив себя выставленной напоказ.

— Ты не хочешь, чтобы я тебе улыбался? — спрашивает Картер с растерянным выражением на лице.

— Нет, — резко отвечаю я. — Не хочу. Не хочу, чтобы ты улыбался мне так, словно я тебе нравлюсь. Не хочу, чтобы ты сидел со мной рядом в классе. Не хочу, чтобы ты держал меня за руку. Не хочу, чтобы ты флиртовал со мной. Я даже не хочу, чтобы ты кормил меня обедом, но я слишком голодна, чтобы думать об этом в данный момент, — я подношу напиток ко рту, чтобы, наконец, заткнуться. Он смотрит на свой стакан и вытирает с него капли. Медленно выдыхает, не отрывая взгляда от стакана, а потом делает долгий, глубокий вдох.

— Так значит, ты хочешь, чтобы я относился к тебе плохо? — Картер смотрит на меня с таким холодным выражением лица, что я едва его узнаю. — Ты хочешь, чтобы я обращался с тобой как с дерьмом? Так, как это делает Аса? — Картер откидывается на стул, складывая руки на широкой груди. — Забавно. Я не воспринимал тебя, как тряпку, о которую вытирают ноги.

Я возвращаю ему его разъяренный взгляд с еще большей злостью.

— Забавно. Я не знала что ты дилер.

Мы неотрывно смотрим друг другу в глаза, не желая сдаваться первым.

— Думаю, мне это подходит, — отвечает Картер с самодовольной ухмылкой. — Дилер? Да. Мудак? Да. Что еще, Слоан? Что еще мне нужно сделать, чтобы ты трахнулась со мной? Ты хочешь, чтобы я тебя ударил? С Аса такие чудеса прокатывают.

Его жестокие слова, как прямой удар в живот, выбивает из меня весь воздух.

— Да пошел ты, — выплевываю я сквозь зубы.

— Нет, спасибо. Видимо, для этого мне нужно сначала тебя ударить, а это — не мой конек.

Я кусаю губы и задерживаю дыхание, борясь с подступающими слезами. Я полтора года, училась, как не расплакаться перед мудаками. И научилась.

— Отвези меня обратно к моей машине, — говорю я.

Картер закрывает глаза и растирает лицо руками. Издаёт стон разочарования, а затем скрещивает руки за шеей.

— Отвезу, когда что-нибудь съешь.

Я двигаюсь к краю сиденья, но бедро упирается в его ноги.

— Я не голодна. Выпусти меня.

Он не опускает ноги, поэтому я встаю на стул и просто перепрыгиваю через него. Направляюсь к двери, желая уйти как можно скорее. Такого сильного желания убежать, в моей жизни еще не было.

— Слоан! — кричит мне вслед Картер. — Слоан!

Открываю дверь, и когда порыв ветра встречается с моим лицом, я начинаю задыхаться. Я наклоняюсь и оперев руки в колени, начинаю вдыхать через нос и выдыхать через рот. Снова и снова. Когда угроза слез стихает, я выпрямляюсь и иду к его машине. Сигнализация издает звук и двери отпираются. Я оборачиваюсь, но Картера нет, он все еще в ресторане.

Черт бы его побрал. Он только что открыл для меня машину.

Забравшись вовнутрь, я со всей силы хлопаю дверью. Жду, когда он выйдет на улицу, но он не выходит. Проходит некоторое время, прежде чем я понимаю — Картер не собирается следовать за мной. Он на самом деле сначала собирается поесть. Он еще больший придурок, чем я думала.

Я хватаю бейсболку с панели и натягиваю ее на голову, загораживаясь от солнца. Если мне нужно ждать, пока он поест, чтобы отвезти к машине Аса, я с удовольствием вздремну.

Глава 10 КАРТЕР

Carter

— Можно мы возьмем это с собой? — спрашиваю у официантки, вручая ей наши напитки. — И пиццу?

— Сейчас все упакую, — говорит она. Уходит, а я наклоняюсь, опуская голову на руки.

Не знаю, что на меня нашло. Я никогда так не выходил из себя из-за девушки. Тем более девушки, с которой я даже не встречаюсь.

Но черт бы ее побрал! Она так меня разочаровала. Я не понимаю, как она может быть такой упрямой и уверенной в себе рядом со мной, а в своем собственном доме вести себя как гребаная половая тряпка Аса.

И после всего этого она ждет, что я буду *милым* с ней? Какого *черта*? Я понимаю, некоторые женщины тянутся к таким мужчинам, как Аса. Я работаю в этой сфере достаточно долго, чтобы это заметить. Но Слоан не из тех девушек. Она умнее них. Именно поэтому мне так чертовски больно наблюдать за этим сложа руки. Я не знаю, что ее там держит. Даже если это не мое дело, я не мог не воспользоваться нашим уединением, чтобы попытаться убедить ее, что она лучше всего этого. Хотя, уверен, назвав ее половой тряпкой и приравняв к дерьму, я убедил ее совсем не в этом.

Я чертов идиот.

— Ваш заказ на стойке, — говорит официантка, протягивая мне счет.

Оплатив заказ, я выхожу на улицу с едой для Слоан.

Когда подхожу к машине, я останавливаюсь, прежде чем открыть дверь. Она сидит на пассажирском сиденье, упираясь ногами в панель. Моя бейсболка прикрывает ее глаза. Ее темные волосы прикрывают правое плечо, спадая на руки, сложенные на груди.

Ее образ в красном платье тем вечером так сильно застрял в моей голове, что я не спал всю ночь. Но увидев ее здесь... спящую в моей машине с моей кепкой на голове?

Сомневаюсь, что теперь я когда-либо смогу заснуть.

Открываю дверь и Слоан убирает ноги с панели, но не снимает бейсболку с глаз. Она отодвигается в сторону пассажирской двери; это заставляет меня вздрогнуть.

Я сделал ей больно. Слоан и так сломлена, а я обидел ее еще сильнее.

— Вот, — говорю, протягивая ей бумажный стакан. Слоан приподнимает бейсболку и смотрит на меня. Удивлен, что ее глаза не красные. Я думал, что она надела кепку для того, чтобы скрыть, что она плакала, но Слоан не проронила ни слезинки.

Она забирает стакан из моих рук, поэтому я протягиваю ей коробку с пиццей. Слоан принимает и ее, и я сажусь на водительское сиденье. Она сразу же открывает коробку и хватается кусочек пиццы, запихивая его в рот. Разворачивает коробку ко мне, затем поднимает крышку, предлагая мне кусочек. Я беру один и начинаю улыбаться ей, но вспоминаю, что она приказала мне этого не делать. Поэтому я просто беру кусок пиццы и завожу машину.

На обратном пути в университет мы молчим. Слоан доедает третий кусок, когда мы паркуемся на стоянке возле ее автомобиля. Делает большой глоток содовой, затем закрывает коробку с пиццей и оставляет ее на заднем сиденье.

— Возьми пиццу с собой, — предлагаю ей, мои слова нарушают тишину и напряжение между нами.

Слоан ставит свой стакан в подстаканник и снимает мою бейсболку, приглаживая свои волосы.

— Не могу, — тихо произносит она. — Он будет спрашивать, откуда я ее взяла.

Слоан двигается ко мне и тянется на заднее сиденье, чтобы взять свой рюкзак. Разворачивается обратно и сжимает рюкзак руками.

— Хотела бы поблагодарить тебя за обед, — говорит она, — но он очень сильно испортил мой день, — открывает дверь машины и выходит, прежде чем я успеваю понять ее слова. Когда дверь за ней захлопывается, я глушу двигатель и выхожу из машины.

— Слоан, — зову, обходя свой автомобиль, пока не подхожу к ее машине. Она забрасывает рюкзак на заднее сидение и закрывает дверь. Открывает дверцу со стороны водителя и использует ее в качестве барьера между нами.

— Не надо, Картер, — просит Слоан, отказываясь смотреть на меня. — Не извиняйся. Ты высказал свою точку зрения, но прямо сейчас я слишком зла, чтобы выслушивать извинения. Поэтому не надо.

Несмотря на то, что она не хочет слушать мои извинения, я не отпущу ее, не сказав “прости”.

— Прости, — извиняюсь в любом случае. — Мне не следовало говорить такие вещи. Ты не заслуживаешь этого, но, черт побери, Слоан! Ты лучше этого. Ты себя недооцениваешь.

Слоан по-прежнему не смотрит на меня, поэтому я приподнимаю ее голову за подбородок. Она отводит взгляд, упрямо не желая смотреть на меня. Я протискиваюсь между ее дверью и своей машиной, и подхожу ближе, пока не оказываюсь прямо перед ней. Отчаянно беру ее лицо обеими руками, пытаюсь заставить ее взглянуть на меня. Мне нужно, чтобы Слоан выслушала то, что я скажу.

— Посмотри на меня, — умоляю, продолжая удерживать ее лицо. — Мне жаль. Я перешел границу.

Она продолжает игнорировать мой взгляд, но одинокая, крупная слеза стекает по ее щеке. Слоан вытирает ее тыльной стороной ладони, прежде чем я успеваю это сделать.

— Не представляешь, сколько раз я слышала точно такие же извинения.

Мои руки все еще удерживают ее лицо, а она смотрит на мою грудь, избегая глаз. Я пытаюсь поднять ее голову, но она отказывается это делать.

— Это *не* то же самое, Слоан. Ты не можешь сравнивать меня с ним.

Она поднимает глаза к небу и смеется, пытаясь сдержать слезы.

— Ты не лучше, чем он. Единственное различие между вами — то, что Аса никогда не говорил мне того, что причинило бы мне столько боли, как то, что ты сказал сегодня, — она убирает мои руки от своего лица и залезает в свою машину. Тянется к дверной ручке и снова смотрит на меня. — Ты такой же, Картер, так что не *смей* меня судить. Иди спасать кого-нибудь другого.

Она закрывает дверь, и я вынужден сделать шаг назад. Я наблюдаю, как в машине Слоан полностью расклеивается. Она больше не смотрит на меня, но я вижу слезы, стекающие по ее щекам, когда она трогается с места.

— Прости, — извиняюсь снова, наблюдая, как она уезжает.

Глава 11 АСА

Asa

После всего, что я для нее сделал... после всего, что я *делаю* для нее... лучше бы у нее было чертовски хорошее оправдание за то, что заставила меня так нервничать.

Она была бы никем, если бы не я. Я принял ее, когда ей некуда было идти. Если бы не я, ей бы пришлось ползти обратно к своей гребаной шлюхе-мамаше. И учитывая то, что она рассказала мне о своем детстве, у меня ей намного лучше и она это знает. Мать, которая каждый месяц приводит в дом нового озабоченного мужа? Хотел бы я посмотреть, как она возвращается в это дерьмо.

Но если она трахается с кем-то, ее дом будет первым местом, куда я ее притащу. Я буду первым, кто протащит через порог ее гребаной шлюхи-мамаши — обратно в трейлер, полный сменяющих друг друга отчимов, которые прячутся в ее шкафу, пока она переодевается.

— Хочешь попробовать как-нибудь по-другому? — спрашивает Джесс, возвращая меня в настоящее. Она стоит на коленях на краю кровати. — У тебя не стоит.

Поднимаюсь на локти и смотрю на нее сверху вниз.

— Если бы ты знала, как, блядь, это правильно делать, — говорю ей. Встаю, тащу ее по полу и прижимаю к стене. Закрываю глаза и представляю, что это Слоан стоит передо мной на коленях. Только я представляю, как она плачет, умоляя меня ее оставить. Умоляет меня снова спасти ее, точно также, как в прошлый раз, когда она совершила глупость.

Все, что мне нужно — это просто подумать о Слоан. Хватаю Джесс за волосы и засовываю свой член ей в рот. Упираюсь одной рукой в стену, а другой зарываюсь в ее волосы, пока она делает свою работу.

Кто, в здравом уме, будет приглашать Слоан в ресторан, зная, что она принадлежит мне? Аса Джексону? Кем бы он ни был, если он знает, что я могу с ним сделать — он никогда бы этого не сделал. Никто не желает такой смерти.

— Бля, — говорю, раздражаясь, что резинка не дает в полной мере ощутить работу ее языка. Достаяю член изо рта Джесс и снимаю презерватив.

— О, Боже, — стону, когда ее язычок касается моей кожи. — Так намного лучше.

Несколько раз толкаюсь вперед, пока Джесс двигает рукой по моему члену. Она хороша, но я знаю, что она может лучше.

— Возьми его полностью, — говорю, убирая руку Джесс. Наматываю ее волосы на кулак и толкаюсь в ее рот, пока не чувствую заднюю часть горла. Каждый раз, когда я надавливаю чуть сильнее, Джесс хрипит, заставляя меня кончить за несколько секунд. Я хватаю ее затылок обеими руками, когда она изо всех сил пытается вырваться, и жестко удерживаю ее голову на месте, пока не заканчиваю. Джесс царапает ногтями мои бедра, пытаюсь отстраниться, чтобы вдохнуть. Наконец, я отпускаю ее голову и наблюдаю, как она упирается руками в пол, задыхаясь и пытаюсь откашляться.

Натягиваю свои брюки и застегиваю их.

— Скажи Джону спасибо за щедрость, — говорю ей. — Я не такой великодушный, как твой парень.

Джесс вытирает рот и встает.

— Чертов ублюдок, — выплевывает она и выходит, захлопнув за собой дверь.

— Чертова шлюха, — бормочу я.

Когда я спускаюсь вниз, Джон сидит за барным столом с Далтоном и Картером. Беру пиво из холодильника и присоединяюсь к ним.

— Ты не говорил мне, что у Джесс такая глубокая глотка, — подкальываю Джона, откручивая крышку пива. — Везучий ублюдок.

Джон смотрит на меня, откинувшись на спинку стула.

— Не знал, что она так может.

Я смеюсь.

— Ну, не думаю, что около пяти минут назад она и сама знала, что так может.

Джон вздыхает и качает головой.

— Твою мать, Аса. Я же просил тебя быть с ней по-нежнее.

Я смеюсь и делаю глоток, затем ставлю пиво обратно на стол.

— Единственная девушка, с которой я нежный — это Слоан.

Картер прижимает свою бутылку к губам, и не отрывая от меня взгляда откидывает голову назад и делает глоток пива. У этого парня серьезные проблемы с разглядыванием людей.

— Кстати о Слоан, — говорит Джон, привлекая мое внимание обратно на себя. — Когда ты мне вернешь долг? — он смеется и делает большой глоток пива.

Этот придурок смеется? Он думает, что это ебаная шутка? Замахнувшись ногой, я со всей силы пинаю его стул, отправив его вместе с пивом на керамическую плитку. Встаю и смотрю на него сверху вниз, мои руки сжаты в кулаки.

— *Слоан* не гребаная *шлюха!* — кричу на него.

Джон поднимается с пола, и согнувшись как идиот начинает приближаться ко мне.

— Не шлюха? Полагаю, ты узнал, что она делала на Рикер Роад сегодня. Она ни с кем не трахалась, как ты подумал изначально?

Бросаюсь вперед и наношу удар кулаком в его чертов грязный рот. Джон падает на пол, и я пинаю его в бок. Упав на колени, я собираюсь врезать ему снова, но Далтон и Картер оттаскивают меня от него, прежде чем у меня появляется шанс. Джон отодвигается от меня и вытирает окровавленный рот. Смотрит на свою руку и обратно на меня.

— Чертов ублюдок, — говорит он.

— Смешно. То же самое твоя девушка сказала мне, когда я вытащил свой член из ее горла.

Джон еле поднимается на ноги и снова бросается вперед, поэтому я поддаюсь навстречу, позволяя ему ударить себя в челюсть. Картер встает между нами, прижимая Джона спиной к холодильнику, а Далтон ужесточает хватку на моих руках.

— Иди наверх! — говорит ему Картер. — Проверь Джесс и успокойся нахер.

Джон кивает Картеру и тот отпускает его. Далтон отпускает меня только после того как Джон поднимается вверх.

Сжимаю рукой челюсть и разминаю шею.

— Я буду во дворе. Дайте мне знать, как только Слоан появится.

Глава 12 КАРТЕР

Carter

Аса выходит во двор, а я сжимаю заднюю часть своей шеи.

— Дерьмо!

— Знаю, — говорит Далтон, не имея никакого понятия о том, что сейчас происходит в моей голове.

— Мне нужно позвонить, — говорю ему. — Жди здесь и следи, чтобы они снова не подрались, — выхожу за дверь и направляюсь к своей машине. Достая телефон из кармана и прокручиваю список номеров в поиске контакта Слоан. Далтон сказал, что как только меня назначили на эту работу, он записал в мой телефон номера всех, кто здесь живет. Нахожу букву "С", но не вижу ее имя. От отчаяния я собираюсь выкинуть свой телефон, но мой взгляд останавливается на контакте "*Девушка Аса*". Жму на вызов. А потом еще и еще, желая дозвониться быстрее.

Подношу трубку к уху и слушаю гудки. После четвертого она, наконец, отвечает.

— Алло?

— Слоан! — отчаянно восклицаю.

— Кто это?

— Это Лу... Картер. Это Картер.

Она тяжело вздыхает.

— Нет, не вешай трубку, — прошу, надеюсь, что она успеет услышать, что я позвонил ей не для того, чтобы еще раз извиниться. — Он знает. Он знает, что ты обедала сегодня на Рикер.

Несколько секунд Слоан молчит.

— Это ты рассказал ему? — спрашивает она, в ее голосе слышится боль.

— Нет. Нет, я бы никогда... я слышал, как Джон говорил насчет того, что ты обедала с кем-то. Он не знает, что я был с тобой.

Оглядываюсь, убеждаясь, что около меня никого нет. Далтон стоит у окна и наблюдает за мной.

— Но... откуда он мог узнать? — спрашивает Слоан со страхом в голосе.

— Возможно, он отслеживает твоё местоположение, — отвечаю я. — Где ты?

— Только что вышла из тренажерного зала. Я буду через пять минут. Картер, что мне делать? Он убьет меня.

Страх в ее голосе заставляет меня пожалеть о каждой секунде сегодняшнего дня. Я не должен был заставлять ее проходить через это.

— Послушай меня. Коробка из под пиццы все еще у меня на заднем сиденье. Я задержу Аса во дворе за домом. Когда приедешь, возьми пиццу и иди к нам. Веди себя так, будто тебе нечего скрывать. Скажи, что проголодалась, поэтому пошла пообедать в ресторан и купила пиццу, а потом предложи нам. Если ты первая объяснишь ситуацию, то все будет в порядке.

— Хорошо, — вздыхает Слоан. — Хорошо.

— Ладно, — отвечаю я.

Несколько секунд мы проводим в тишине, и мой пульс начинает приходить в норму.

— Слоан?

— Да? — шепчет она.

— Я не позволю ему причинить тебе вред.

Слоан молчит некоторое время. Я слышу ее вздох, а потом звонок обрывается. Смотрю на свой телефон и делаю глубокий вдох, после чего возвращаюсь.

— Кто это был? — спрашивает Далтон, с любопытством разглядывая меня, когда я захожу в дом. — Красотка с испанского?

Я киваю.

— Ага. Я собираюсь на задний двор. Не хочешь помочь мне успокоить Аса?

Далтон следует за мной.

— Кажется, *ты* единственный, кого нужно успокоить, — говорит он.

Я распахиваю двери. Аса сидит на шезлонге у бассейна, барабаня пальцами на колену. Сажусь рядом с ним и толкаю его, пытаюсь казаться расслабленным, насколько позволяет мое самообладание. Мне плевать, если он узнает, что это со мной Слоан обедала. Мне все равно, если он выполнит свою угрозу. Все, что меня волнует — это то, что он и пальцем не тронет Слоан.

Далтон и я продолжаем занимать Аса разговорами о предстоящей сделке, которую он хочет заключить. Некоторое время спустя мы слышим, как Слоан подъезжает к дому. Я вижу, как Аса напрягается и замолкает на полуслове. Он начинает подниматься, предполагаю, чтобы встретиться с ней во дворе. Я делаю все возможное, чтобы задержать его.

— Так, эта цыпочка Джесс? — говорю я.

Аса поворачивается ко мне.

— Что насчет ее?

— Просто интересно. У нее действительно глубокое горло? — даже притворяясь, что мне интересно, я чувствую себя мудаком.

Аса улыбается и открывает рот, чтобы ответить, когда распахивается входная дверь. Слоан выходит на улицу с коробкой пиццы в руке. Я чувствую, как злость окутывает Асу, когда его руки сжимаются в кулаки.

— Привет, ребята, — здоровается она, направляясь к нам. — Кто-нибудь голоден? У меня есть остатки еды. — Слоан протягивает коробку с пиццей и натянуто улыбается.

Далтон вскакивает и подходит к ней, забирая коробку из рук.

— Да, черт возьми, — говорит он, и берет кусочек. Вручает коробку мне, поэтому я тоже беру кусок пиццы. Я передаю коробку Аса в тот момент, когда Слоан садится на шезлонг рядом с ним. Она наклоняется, чтобы поцеловать его, но он отстраняется.

— Где ты ее взяла? — спрашивает Аса, опуская крышку, чтобы прочитать название. Она пожимает плечами, стараясь вообще не смотреть на меня.

— В каком-то итальянском ресторане. Сегодня отменили один из моих уроков, а я была голодна, поэтому купила обед.

— Одна? — интересуется он, положив коробку на пол рядом с собой.

Слоан улыбается.

— Да. Я так устала от университетской еды, — склоняется к коробке и берет кусочек. — Попробуй, — говорит она, протягивая ему. — Очень вкусно. Я принесла ее домой, чтобы и ты попробовал.

Аса выхватывает кусок пиццы из ее рук и бросает обратно в коробку. Наклоняется вперед, и схватив Слоан за руку, притягивает к себе.

— Иди сюда, — говорит он, и потянув ее к себе на колени, обхватывает затылок и целует ее.

Я отворачиваюсь. Потому что должен.

Аса встает, взяв Слоан на руки. Краем глаза я вижу, как он хватается за попку и целует в шею. Он идет в сторону дома, и я ловлю взгляд Слоан через его плечо. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, пока Аса несет ее к дому; вероятно, прямо к себе в постель.

Откидываюсь в кресле и устало выдыхаю, проводя руками по волосам. Как мне здесь просто сидеть, зная, что происходит в этом доме?

— Хотел бы я сегодня арестовать его задницу, — говорю я Далтону.

— Мне не нравится, как она на тебя смотрит, — отвечает Далтон, откусив пиццу. Я смотрю на него, но он по-прежнему гипнотизирует взглядом дверь. — От нее одни неприятности.

Поднимаю коробку с пиццей и беру еще кусок.

— Завидуешь? — смеюсь я, стараясь показать, что меня не волнует его комментарий. — Ты всегда можешь отыграть Джесс. Я слышал, что Джон гораздо щедрее, чем Аса.

Далтон смеется и качает головой.

— Эти люди такие долбанутые.

Не все.

— Думаю, мы могли бы использовать ее, — добавляет Далтон. Я смотрю на него и вижу, как крутятся колесики в его голове.

— Использовать как?

— Она на тебя запала, — выдает он, выпрямляясь в кресле. — Ты должен использовать это в наших интересах. Подобраться к ней ближе. Она, вероятно, знает больше о людях, с

которыми работает Аса, чем мы когда-либо сможем узнать сами.

Дерьмо. Последнее, что я хочу сделать, это заставить ее участвовать в этом.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Далтон встает и говорит:

— Чушь. Это идеальный вариант. Эта девочка — возможность, которую мы так ждали, — он начинает набирать чей-то номер и идет к задней двери.

Использовать женщин, чтобы подобраться ближе к раскрытию дела — обычное дело для Далтона. Он поступал так почти каждый раз, когда мы выполняли задания вместе.

Я не готов так поступить.

Но у меня может просто не быть выбора...

Глава 13 СЛОАН

Sloan

— Твое сердце так быстро бьется, — говорит Аса, бросая меня на матрац.

Ну, естественно. Вероятно, это были самые страшные пять минут моей жизни — я не знала, смогу ли выдать из себя ложь. Но спасибо Картеру, Аса мне поверил.

— Ты всю дорогу целовал меня, — говорю я. — Конечно, оно бьется быстро.

Аса ложится на меня, и нежно целует. Проводит рукой по волосам, целуя подбородок и шею, продвигаясь вниз, пока не оказывается у основания моего горла. Он делает паузу и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты любишь меня, Слоан? — неожиданный вопрос.

Я сглатываю, а затем киваю.

Он отталкивается на ладони. — Ну, тогда скажи это.

Я выдавливаю улыбку, глядя на него снизу-вверх. — Я люблю тебя, Аса.

Пару секунд он смотрит на меня так, словно у него есть внутренний детектор лжи, и ждет колебания с моей стороны. Аса медленно ложится на меня, и зарывается лицом в мою шею. — Я тоже тебя люблю, — говорит он. Перевернувшись на бок, он тянет меня к себе и обнимает, мягко поглаживая по спине. Не помню, когда в последний раз Аса касался меня на этой кровати просто так, без секса. Он целует меня в голову и вздыхает.

— Не оставляй меня, Слоан, — твердо произносит он. — Не смей, черт подери, оставить меня.

Жесткий, но отчаянный взгляд парализует меня. Я качаю головой. — Не оставлю, Аса.

Его глаза разглядывают мое лицо. Лежа с ним в обнимку, наблюдая за тем, как пристально он смотрит на меня, я не знаю, должна ли я чувствовать себя любимой или испуганной. Но присутствуют оба чувства.

Аса прижимается ко мне губами и с силой целует. Засовывает свой язык глубоко мне в горло, словно пытается завладеть мной изнутри. В этом поцелуе нет ни капли нежности, и когда он отрывается от моих губ, то почти задыхается. Он садится на колени и стягивает футболку через голову.

— Скажи еще раз, — просит он, подтягивая меня и снимая одновременно мою кофточку и лифчик. — Скажи, что любишь меня, Слоан. Что никогда не уйдешь от меня.

— Я люблю тебя. Никогда не оставлю тебя, — шепчу, молясь чтобы эти слова вскоре стали ложью.

Он снова впивается в мои губы и скользит руками по животу, достигая брюк. Его поцелуй такой сильный, что мне тяжело дышать. Аса пытается стянуть с меня брюки, но не хочет отрываться от моего рта, чтобы сделать это. Я приподнимаю бедра и стягиваю свою одежду, словно превращаясь в его шлюху.

А разве не это определение шлюхи? Той, кто ставит под угрозу чувство собственного достоинства ради личной выгоды? Даже если эта личная выгода не имеет ничего общего со мной, а только всецело связана с братом, это не отменяет того факта, что я занимаюсь с ним сексом в обмен на что-то. Что... по определению... делает меня шлюхой.

Его шлюхой.

И его собственнический взгляд четко дает понять что это все, чем мне позволено быть.

10

Глава 14 КАРТЕР

Carter

Я мастер выбирать самый подходящий момент, и это не единственный мой минус. Как только открываю заднюю дверь и захожу в дом, я слышу финальный стон Аса наверху. Останавливаюсь на кухне, не совсем понимая, зачем слушаю то, что он с ней делает. Одна только мысль об этом заставляет мой живот скрутиться, особенно зная, что два часа назад он делал с Джесс.

Услышав шаги и звук захлопывающейся двери ванной, я выхожу из транса и направляюсь к холодильнику. На дверце прикреплена магнитная доска, и записки с номерами телефонов. Я хватаю один из маркеров, прижимаю его к доске и пишу. Теперь шаги спускаются по лестнице, и я возвращаю маркер на место и разворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за угла появляется Аса.

Он босой, а из одежды на нем только расстёгнутые голубые джинсы. Волосы растрепаны, а на лице самодовольная ухмылка.

— Ну что? — прислоняюсь к стойке и наблюдаю, как он подходит к шкафу и берет пакетик чипсов. Открыв его, тоже прислоняется к стойке напротив меня.

— Как вчера все прошло? — спрашивает Аса. — У меня даже не было возможности спросить.

— Хорошо, — отвечаю я. — Только вот вопрос. Что если бы мы договорились с его поставщиком напрямую? В принципе нам не нужен посредник, если единственная причина, по которой ты связался с ним — это перевод.

Аса отправляет в рот чипсы и облизывает пальцы.

— А ты думаешь, для чего я тебя пригласил? — он кладет пакет чипсов на стол и поворачивается к раковине, споласкивая руки. — Блядь, мои руки, на вкус как киска, — говорит он, намазывая их мылом.

Это один из немногих моментов в моей работе, когда я хочу выбрать что-то менее болезненное: что-нибудь менее эмоционально истощающее. Надо было стать учителем поэзии.

— Как давно ты встречаешься с этой девушкой? — спрашиваю невзначай. Я здесь для того чтобы вытягивать из него информацию о наркотиках, но, кажется, все вопросы, на которые я хочу узнать ответы — это вопросы, связанные со Слоан.

Аса вытирает руки полотенцем и снова хватается за пакетик чипсов, занимая место за барной стойкой. Я остаюсь на месте.

— Точно не помню. Может быть, года два? — он засовывает в рот горсть чипсов и вытирает ладонь об джинсы.

— Не похоже, что она одобряет то, что ты делаешь, — говорю я, слегка надавливая. — Думаешь, она не сдаст тебя?

— Черт, нет! — быстро отвечает Аса. — Я все, что у нее есть. У нее нет выбора, кроме как принять это.

Я киваю и хватаюсь за край столешницы за спиной. Не верю ни единому слову, которое вылетает из его рта, поэтому очень надеюсь на то, что он — это все, что у нее есть — это просто его очередная ложь.

— Просто хотел убедиться, — говорю я. — Мне трудно доверять людям, если ты понимаешь, о чем я.

Аса прищуривается и наклоняется вперед.

— Никогда *никому* не доверяй, Картер. *Особенно* шлюхам.

— Мне казалось, ты говорил Слоан не "шлюха", — бросаю ему вызов.

Он неотрывно смотрит на меня — неподвижен и зол. На секунду, мне кажется, что он может сделать со мной то же самое, что и с Джоном ранее. Но вместо этого он поднимает свою руку к челюсти, скользит по шее, и откидывается на спинку стула. Вспышка гнева в его глазах рассеивается со звуком шагов Слоан, спускающейся по лестнице. Она заходит на кухню и увидев нас, останавливается.

Аса переводит взгляд на Слоан. Смеется и встает, притягивая ее к себе.

— Люди должны заслужить мое доверие, — говорит он, глядя на меня через ее плечо. — Слоан его заслужила.

Она кладет руки ему на грудь и отталкивается, но он ее не отпускает. Аса снова садится, и тянет ее к себе, расположив Слоан между его ног спиной к его груди, лицом ко мне. Обнимает ее за талию и кладет подбородок на ее плечо, чтобы снова смотреть мне в глаза.

— Ты мне нравишься, Картер, — говорит Аса. — Ты полностью погружаешься в работу.

Выдавливаю полуулыбку и сжимаю стойку, стараясь изо всех сил не смотреть в глаза Слоан. Мне сложно держать себя в руках, когда я вижу страх в ее глазах, всякий раз, когда Аса прикасается к ней.

— Кстати о работе, — говорю я. — Я вернусь через пару часов. Нужно кое-что сделать. — Выпрямляюсь и иду в сторону входной двери. Когда прохожу мимо Слоан, она смотрит на меня с признательностью в глазах.

Аса наклоняется и целует ее в шею, затем поднимает руку к ее груди. Она зажмуривается и сморщив лицо, отворачивается от меня.

Я продолжаю идти к выходу, чувствуя себя совершенно беспомощным. Мне нужно каждый раз напоминать себе, что я здесь по одной единственной причине — и это не она.

Перед тем, как выехать с подъездной дорожки, я пишу Далтону сообщение, в котором говорю, что отправляюсь в полицейский участок, чтобы сделать несколько отчетов. Но вместо этого, я просто бесцельно езжу по городу. Включаю радио и стараюсь избавиться от мысли убить Аса, но все остальные мысли о Слоан... и каждая мысль о ней ведет обратно к мысли убить его.

Я понимаю, что у меня есть обязанности. Мой долг — завершить работу, за которую мне платят... Раскрыть крупнейшую в истории университетов нарко-группировку. Проблема наркотиков в местном колледже увеличилась в три раза только за последние три года. Ходят слухи, что Аса — единственная причина этого. Аса и все люди из его круга, поэтому Далтон и я здесь — для того, чтобы выявить ключевых игроков. Мы с Далтоном — лишь небольшая часть этой операции; но эта небольшая часть составляет единое целое, и каждая из наших ролей особо важна.

Аса губит бесчисленное количество жизней и Слоан всего лишь одна из них. Я могу либо сосредоточиться на своей главной задаче и помочь арестовать всех, кто участвует в этом деле, что, в свою очередь, спасет жизни многих людей... либо спасти одну девушку от ее жестокого парня.

Когда я отделяю то, что я должен сделать — от того, что я хочу сделать я попадаю под теорию генерала Патона: иногда необходимо жертвовать жизнями нескольких, ради блага многих.

И такое ощущение, словно я жертвую жизнью Слоан ради всех остальных жизней, которые губит Аса. И это убивает меня.

По меньшей мере, уже в третий раз за последнюю неделю, я ловлю себя на размышлении о том, гожусь ли я для этой профессии.

После часа езды по окрестностям, я решаю вернуться к дому Аса. Далтон проводит там большую часть времени, но пару месяцев назад, он сказал Аса, что я живу на территории кампуса. Поэтому, по идее, у меня должно быть жилье на территории университета в случае, если Аса когда-нибудь решит проверить меня. Хотя, у Аса я нахожусь чаще, чем отсутствую, потому что именно там я получаю большую часть информации. Ну... от его "команды" и... возможно, от Слоан.

Знаю, что Далтон прав. Знаю, что нужно использовать Слоан в интересах следствия, но это значит, ей придется продолжать участвовать в этом. Я бы предпочел дать ей немного денег и заставить убежать так далеко от Асы, как она только сможет.

Когда я поворачиваю на улицу, где живет Аса, я замечаю Слоан, сидящую на скамейке в парке в двух кварталах от их дома. Она сидит одна, с книгами, разложенными перед ней на столе для пикника. Останавливаю машину и прижимаюсь к обочине. Оглядываюсь вокруг, убеждаясь, что она одна.

Какое-то время сижу в машине и наблюдаю за ней, размышляя над тем, что я должен сделать. Если бы я был умнее, я бы проехал мимо и сосредоточил свое внимание на работе. Если бы я был умнее, я бы не закрыл дверь машины, готовый перейти через улицу.

Если бы я был умнее...

Глава 15 СЛОАН

Sloan

Никогда не видела, чтобы Аса посвящал хотя бы день своей учебе. Я учусь каждый день, независимо от того, в каких сумасшедших условиях я живу. Как, например, прямо сейчас, я выхожу из дома и направляюсь в парк только ради тишины и покоя.

Как, черт возьми, у него может быть средний балл 3.5? Не удивлюсь, если он подкупает своих преподавателей.

— Привет.

Хватаю ключи с брелоком из перцового баллончика, и медленно поворачиваюсь. Ко мне идет Картер: руки в карманах джинсов, а темные волосы растрепаны и свисают на лоб, прикрывая глаза.

Он останавливается в нескольких шагах от меня и ждет, когда я разрешу ему подойти. В этот раз он мне не улыбается. *По крайней мере, у него хорошая память.*

— Привет, — ровно отвечаю. Кидаю ключи обратно на стол. — Аса отправил тебя за мной?

Картер подходит к столу и перешагнув скамейку, садится на нее верхом. Поворачивается ко мне лицом, все еще пряча руки в карманах. Я опускаю взгляд вниз — на свои учебники, отказываясь смотреть на него. Слабое влечение, которое я почувствовала к нему в классе, после обеда превратилось в то, что могло бы стать очень серьезной бурей. Мне нужно держать дистанцию, но когда я смотрю на него мне *не* хочется никакой дистанции.

— Я просто проезжал мимо. Увидел, как ты сидишь здесь, решил тебя проведать.

— Я в порядке, — говорю, переключая все внимание на домашнее задание. Чувствую, что, возможно, должна поблагодарить его за сегодняшнюю помощь. Если бы он не позвонил, непонятно, чем закончилась бы эта ситуация. Хотя, он мог предупредить меня, чтобы просто

спасти свою задницу.

Но я точно знаю, что *это* не так. Я слышала беспокойство в его голосе, прежде чем повесить трубку. Ему было страшно за меня. Он испугался за меня, так же как и я за него.

— Действительно? — скептически спрашивает он. — Ты действительно в порядке?

Я перевожу взгляд на него. Он все никак не может успокоиться.

Бросаю карандаш на стол и поворачиваюсь лицом к нему. Картер всегда выпытывает правду. Хочет знать, о чем черт возьми я думаю. Если это то, чего он хочет, мы можем покончить с этим прямо сейчас. Делаю глубокий вдох и готовлюсь ответить на все вопросы, которые он задал, и даже те, что еще не удосужился спросить.

— Да, я в порядке. Не великолепно. Не ужасно. Я просто *в порядке*. Я в порядке, потому что у меня есть крыша над головой и парень, который меня любит, несмотря на то, что занимается плохими делами. Хочу ли я, чтобы он был лучше? Да. Бросила бы я его, если бы у меня были деньги? Да. Абсолютно точно. Хочу ли я, чтобы в моем доме не происходило непонятно что, чтобы у меня было тихое место, чтобы сделать уроки, или, не дай бог, поспать? Черт, да! Хочу ли я раньше закончить учебу и выбраться из этого дерьма? Да! Смущает ли меня то, как Аса относится ко мне? Да. Хочу ли я, чтобы ты не участвовал в делах Аса? Да. Желаю ли я, чтобы ты оказался тем парнем, кем я тебя считала, когда в первый раз встретила в классе? Да. Хочу ли я, чтобы ты спас меня?

Расстроено вздыхаю и опускаю взгляд.

— Так сильно, Картер, — шепчу я. — Я так сильно хочу, чтобы ты мог спасти меня от всего этого дерьма. Но ты не можешь. Я не из-за себя так живу. Если бы это было так, я бы давно ушла.

Как Картер может спасти меня от этой жизни? Он *часть* этой жизни. Если я уйду от Аса в руки к Картеру, это будет точно такой же образ жизни... просто в других руках. И Картер понятия не имеет, что я продолжаю жить с Аса не потому что мне так хочется, или у меня к нему чувства.

Я качаю головой из-за нашего дурацкого положения, и пытаюсь моргнуть, чтобы удержать слезы.

— Однажды я уже уходила от него, — продолжаю я. — В самом начале, когда узнала, как он зарабатывал деньги. Мне некуда было пойти, но я оставила его, потому что знала, что заслуживаю лучшего, — замолкаю, подбирая слова. Когда смотрю на Картера, первое, что замечаю — это неподдельное беспокойство в его глазах. Это странное чувство — доверять кому-то, кого ты едва знаешь, больше, чем человеку, с которым делишь собственную кровать.

— У меня было два младших брата. Они родились, когда мне только исполнилось два года. Близнецы. Моя мать была наркоманкой, поэтому они оба родились с осложнениями. Дрю умер, когда ему было десять. Второму — Стивену — требуется постоянный уход. Я не могу ухаживать за ним, потому что хочу обеспечить нам хорошую жизнь. Когда брату исполнилось шестнадцать, его наконец утвердили в групповой центр, где он живет и за ним ухаживают двадцать четыре часа в сутки. После чего мне удалось поступить в колледж. Все было здорово до тех пор, пока несколько недель спустя я не решила порвать с Аса. Стивена обеспечивало государство, но мне самой негде было жить — так же не было места, чтобы ухаживать за братом. Единственным вариантом было платить самой, а это по несколько тысяч долларов в месяц. Я не могла себе это позволить, но последнее, что я для него хотела — это необходимость переезда обратно к маме. Для него это не безопасно. Когда я поняла, в какую ситуацию я поставила нас обоих, я не знала куда еще обратиться. А когда появился Аса, умоляя меня вернуться обратно с обещаниями платить за уход Стивена, я не могла сказать "нет". Я переехала обратно к нему. Теперь я вынуждена притворяться, что он меня устраивает. Я притворяюсь, закрывая глаза на ужасные вещи, которые он делает. А он, в свою очередь, каждый месяц выписывает чек, оплачивая расходы за Стивена. Вот почему я все еще там, Картер. Потому что у меня нет другого выбора.

Картер смотрит на меня в полной тишине. На мгновение я почти жалею, что так откровенна с ним. Я никогда никому этого не говорила. Как бы Аса не заслуживал меня, мне все еще стыдно, что я с ним только потому, что он помогает мне. Стыдно признаться кому-то.

Такое ощущение, что с момента нашего обеденного перерыва с Картером прошло столетие. Сегодня столько всего случилось с нами. Теперь он выглядит по-другому. Не тот игривый Картер, которым он был несколько часов назад на занятиях. Не извиняющийся Картер, каким он был сегодня, после нашего обеда.

Сейчас он выглядит просто... я не знаю... как будто совершенно другой человек. Почти, как если бы он притворялся кем-то, кем не является, и это первый раз, когда он смотрит на меня с правдой в глазах.

На секунду Картер отводит взгляд, и я вижу, как медленно движется его горло, когда он глотает, а потом произносит:

— Я уважаю то, что ты сделала для своего брата, Слоан, — говорит он. — Но что хорошего ты для него сделаешь, если в конечном итоге будешь мертвой? Этот дом для тебя не безопасен. И Аса не безопасен для тебя.

Я вздыхаю и вытираю скатившуюся слезу.

— Я делаю то, что в состоянии сделать, Картер. Я не могу себе позволить беспокоиться о том, что будет если...

Его глаза следят за слезой, стекающей по моей щеке, а затем он поднимает руку к моему

лицу и вытирает ее.

Каждый раз, когда я плакала при Аса, он никогда не пытался их вытереть.

— Иди сюда, — говорит Картер, взяв меня за руку. Он тянет меня к себе и приближается сам. Я смотрю вниз на его руку, держащую мою, и пытаюсь отстраниться. Он сжимает ее и хватает меня за локоть другой рукой.

— Иди сюда, — успокаивающе шепчет он, притягивая меня ближе. Обнимает меня и наклоняет мою голову к своему плечу. Крепче сжимает меня, одной рукой удерживая мою голову. Прижимается своей теплой щекой к моей голове и держит меня.

Это все, что он делает.

Он не оправдывается. Не лжет и не говорит мне, что все будет хорошо, ведь мы оба знаем, что это не так. Он не обещает того, что не сможет выполнить, как это делает Аса. Он просто обнимает меня, просто чтобы меня утешить — и впервые я действительно это чувствую.

Я прижимаюсь ближе к нему, прислушиваясь к бешеному стуку сердца в его груди. Закрываю глаза и пытаюсь вспомнить момент, когда в последний раз за всю свою сумасшедшую, ебанутую жизнь, я чувствовала, что обо мне заботятся, но ничего не выходит. Я живу на этой земле уже двадцать лет, и это первый раз, когда я чувствую, что кому-то на самом деле не насрать.

Сжимаю его рубашку в кулак и пытаюсь оказаться еще ближе к нему, желая свернуться калачиком внутри него и постоянно наслаждаться этим чувством. Картер поднимает голову и его губы слегка прикасаются к моей макушке.

Мы по-прежнему стоим обнявшись, держась друг за друга, как будто судьба всего мира зависит от этого объятия.

Тонкая ткань его рубашки уже влажная от слез, что льются по моим щекам. Я даже не знаю, почему плачу. Может, потому что, до этого момента, я понятия не имела, каково это — быть оцененной. Каково это — быть уважаемой. До этого момента, я понятия не имела, каково это — чувствовать заботу.

Никто не заслуживает жизни, в которой не довелось почувствовать искреннюю заботу — тем более от родителей. Однако, я жила так двадцать лет.

До этого момента.

Глава 16 КАРТЕР

Carter

Закрываю глаза и продолжаю обнимать Слоан, в то время как она тихонько плачет на моей груди. Держу ее до тех пор, пока сумерки не сменяются темнотой, а одеяло из звезд не накрывает то небольшое, что осталось от дневного света.

Обнимаю ее до тех пор пока не слышу, как машина появляется на улице. Поднимаю голову, но они разворачиваются и уезжают в обратном направлении. Слоан все еще прижимается к моей рубашке, но даже мысль о том, что Аса или даже Далтон могут нас увидеть прямо сейчас, не дает мне покоя.

Мне не следует утешать Слоан. Это принесет ей еще больше проблем.

Потому что она права. Я не могу ее спасти. Как бы я не желал этого, мы оба здесь застряли. Я не могу рисковать и уничтожить что-то гораздо большее, чем просто нас двоих. Не могу пожертвовать тем, ради чего я здесь, для того, чтобы помочь ей выбраться. Слоан должна спасти себя сама, когда будет финансово стабильна.

Каждый раз, когда я обнимаю ее, когда касаюсь ее волос или беру за руку, когда сижу рядом в классе, каждый раз втягивая ее все больше и больше в эти невинные ситуации, я подталкиваю Слоан ближе к краю обрыва. Если я не найду способа, как держаться от нее подальше... все закончится тем, что я буду наблюдать за ее падением.

Ослабляю объятия и отстраняюсь, но Слоан все так же прижимается ко мне. Беру ее за руки и отвожу их от себя. Она поднимает голову и смотрит на меня. У нее такие красные и опухшие глаза, что на миг мне хочется, чтобы такими же были ее губы.

Перестань об этом думать, Люк.

Поднимаюсь, но Слоан хватается меня за рубашку и тянет вниз. В ее глазах читается безумное замешательство.

— Надо идти, — шепчу ей.

Ее руки падают на колени, и Слоан отводит взгляд. Подтягивает ноги к груди и обнимает себя за колени, не переставая при этом плакать. Чтобы уйти от нее, мне нужно собрать всю волю в кулак.

— Ты права, Слоан, — отхожу назад, — я не могу тебя спасти.

Разворачиваюсь и иду к машине, и каждый шаг тяжелее предыдущего. Не оборачиваясь, открываю машину, забираюсь внутрь и еду к ее дому так ни разу и не оглянувшись.

Когда захожу в дом, отчетливо понимаю по шуму с заднего двора и состоянию гостиной, что это будет долгая ночь.

Направляюсь за задний двор. Во дворе несколько человек, но никто не обращает

внимания, когда я появляюсь. В бассейне четыре девушки разыгрывают спектакль: две из них залезли на плечи другим двум девушкам и стараются столкнуть друг друга в воду. Джон с Далтоном стоят у бассейна, потягивая и пиво и подбадривая тех, на кого поставили.

Аса сидит на краю бассейна, опустив ноги в воду. Он не смотрит на девушек, он смотрит прямо на меня, пристально и подозрительно. Киваю в его сторону, делая вид, что ничего не заметил.

— Картер! — Далтон замечает меня и приветствует.

Обходит бассейн и шатаясь на ногах, поспешно идет в мою сторону. Он смеется, разливая половину своего пива. Подойдя ко мне, Далтон наклоняется и обнимает меня.

— Не беспокойся. Я не настолько бухой, как может показаться. Вытащил что-нибудь из Слоан?

Отстраняюсь и смотрю на него.

— Как ты узнал, что я был с ней?

— Я и не знал, — усмехается Далтон, — но, ты молодец.

Он сжимает мое плечо и продолжает:

— Быстро влился в работу. Думаю, она знает больше, чем мы думаем.

— Не думаю, что Слоан в теме всех его дел, — качаю головой. — Сфокусируемся на ней — потеряем время.

Смотрю через плечо Далтона и замечаю, что Аса за нами наблюдает. Он вынимает ноги из воды и поднимается.

— Аса идет сюда, — говорю напарнику.

Далтон вскидывает бровь, и отступив от меня, поднимает пиво в воздух. Он усмехается и оборачивается.

— Сотню баксов, что продержусь под водой дольше, чем любой из вас трахается!

Джон тут же берет его на спор и, оставив свое пиво, парни прыгают в бассейн.

Аса идет в мою сторону, затем проходит мимо и направляется в дом, так ни разу и не взглянув на меня.

Не знаю, что нервирует больше. То, что я подозрителен к каждому его движению или

же то, что он, кажется, подозревает меня.

Глава 17 СЛОАН

Sloan

Через полчаса после ухода Картера я, наконец, взяла себя в руки и собрала свои вещи, чтобы пойти домой. Через десять минут я стояла у края темной дороги. Я уставилась на тротуар вдоль извилистого пути. Я бы с легкостью пошла дальше.

В этом доме нет ничего что я хочу. Нет даже того, что мне нужно. Я бы могла идти по тротуару, пока не уйду на столько далеко, что уже будет поздно возвращаться.

Хотелось, чтоб все было так просто, но повторяюсь... дело не только во мне. Но только я в состоянии изменить хоть что-то.

Картер не сможет спасти меня. Аса, чертовски уверена, вообще не собирается спасать меня. Мне просто нужно продолжать экономить деньги, пока не наберется достаточно, чтобы жить самостоятельно и взять с собой брата.

Я делаю шаг на траву, к дому, но не решаюсь. Это последнее место, где я хочу быть прямо сейчас. Я хочу вернуться в парк, на скамейку, в объятия Картера. Я хочу вернуть то чувство, и стыдно признаться, я хочу большего. Я хочу знать — каково это, когда тебя целует тот, кто уважает.

От одной только этой мысли, я чувствую себя невероятно виноватой. Насколько мне известно, Аса верен мне. Он обеспечивает меня. Финансирует заботу о моем брате... ответственность, которую он не должен нести. Он делает это, потому что любит меня, и знает, что я хочу видеть брата счастливым. Я должна быть благодарна. Это больше, чем кто-либо когда-либо делал для меня за всю жизнь.

Бросаю рюкзак с выполненным домашним заданием в машину Аса и захожу через парадную дверь. Я просто иду, пока я не достигаю кухни. Как обычно, возьму что-нибудь съестное в комнату. Буду сидеть там в одиночестве, пытаюсь спать под звуки музыки и смеха, а иногда и случайных приглушенных криков. Усну с надеждой, что Аса даст мне по крайней мере четыре часа на сон, прежде чем снова меня разбудит.

Устанавливаю таймер на микроволновой печи и заполняю чашку льдом. Закрываю морозильную камеру и иду к холодильнику, как вдруг мне бросается в глаза знакомый почерк на доске для записей. Мое дыхание прерывается, когда я читаю:

Из ее уст вытекают переживания, словно случайные слова стекающие сквозь пальцы. Я тянусь в попытке поймать их, сжать в кулаках своих, больше всего на свете желая поймать их все.

Я смотрю на его слова, написанные для всеобщего прочтения, но знаю, что они

предназначены только для меня. Сразу понятно что он сыграл не по правилам. На этот раз, он хорошо *обдумал* слова, прежде чем написать их.

Жулик.

Я стираю эти слова, но сначала запоминаю их. Беру маркер и прижимаю стержень к пустой доске для записей.

Глава 18 АСА

Asa

Мои руки мокрые от пота. Кондиционер снова сломался, и слишком жарко, чтобы выйти на улицу. Я провожу потной ладонью по кожаному подлокотнику дивана, оставляя мокрую полосу. Интересно, откуда берется пот?

Интересно, откуда берется кожа?

Мама рассказывала, что ее делают из коров, но я знаю что она лгунья, поэтому не верю ей. Как кожа может быть сделана из коровы? Я трогал корову, и она не такая гладкая. Не похоже на кожу. Кожа выглядит так, словно сделана из динозавров, а не из коров.

Держу пари, кожа на самом деле сделана из динозавров. Не знаю, почему моя мать всегда врет мне. Она и папуле врет. Я знаю, что она врет ему, потому что это доставляет ей много проблем.

Папа всегда учил меня не доверять шлюхам. Я не знаю, что такое шлюха, но знаю это то, что мой папа ненавидит. Иногда, когда он злится на маму, он называет ее шлюхой. Может быть, шлюха — означает лгунья, поэтому он так сильно их ненавидит. Я бы хотел, чтобы моя мать не была шлюхой. Я бы хотел, чтобы она бы перестала врать и попадать из-за этого в неприятности. Мне не нравится наблюдать, как она попадает в беду. Хотя, папа говорит, что для меня это хорошо. Он говорит, что если я хочу вырасти и стать мужчиной, то должен видеть, как плачет женщина. Папа говорит, что слезы женщин делают мужчин слабыми, и чем больше я смотрю на их слезы в детстве, тем меньше я буду верить в их ложь когда стану старше. Иногда, когда он наказывает мою мать за то, что она шлюха, он заставляет меня смотреть, как она плачет, потому что я должен вырасти, зная, что все шлюхи плачут, и это не должно меня беспокоить. — Не верь никому, Аса, — всегда говорит мне отец. — Особенно шлюхам.

Я сильнее натягиваю кожаный ремень, повязанный вокруг моей руки, а потом похлопываю им по коже. Теперь я знаю, что кожа сделана не из динозавров.

По крайней мере, об этом моя мать мне не соврала.

Я мало что помню о драке в их спальне в ту ночь. Крики стали повседневным явлением,

так что это не было для меня в новинку. Единственное что отличало ту ночь — тишина. В доме никогда не было так тихо. Помню, лежа в постели, я слышал свое дыхание, потому что это был единственный звук во всем доме. Я ненавижу тишину. Я ненавижу тишину.

В течение нескольких дней никто не знал, что он с ней сделал. Они нашли ее тело, завернутое в окровавленную простынь, под домом, наполовину покрытое грязью. Мне это известно, потому что я подглядывал через окно, как они вытаскивают ее из-под дома.

После того, как полицейские арестовали моего отца, я был отправлен в дом своей тети, где жил до четырнадцати лет, пока не сбежал.

Я знаю, что отец сидит в какой-то тюрьме, но никогда не разыскивал его. Я не видел его и не слышал о нем ничего с той самой ночи.

Думаю, доверять *мужчине*, женившимся на шлюхе, тоже нельзя.

Я прижимаю кончик иглы к руке и слегка надавливаю. Как только она пронзает мою кожу, я максимально растягиваю процесс. Первая инъекция и прокол — самая моя любимая часть.

Я прижимаю место укола большим пальцем, чувствуя, как тепло движется от этой точки вниз к запястью и вверх к самому плечу.

Вынимаю иглу и бросаю ее на пол, затем развязываю кожаный ремень, так же позволяя ему упасть. Прижимаю руку к груди, придерживая ее другой, и откидываю голову назад к стене. Закрываю глаза и улыбаюсь про себя, испытывая облегчение, что в конечном итоге не связался с такой же шлюхой, как моя мать.

Мысль, о том что Слоан была сегодня с другим парнем — объяснила причину, почему мой отец ненавижу шлюх. Не думаю, что действительно понимал его, пока сам не почувствовал ненависть к Слоан, которую отец чувствовал по отношению к матери.

Я так обрадовался, что Слоан не шлюха.

Я позволяю руке безвольно упасть на матрац.

Блядь, так хорошо.

Я слышу шаги Слоан, поднимающейся по лестнице.

Она разозлится, увидев, что я сделал это в нашей спальне. Она думает, что я только толкаю это дерьмо, и что на самом деле сам не принимаю.

После всего, через что я из-за нее прошел сегодня, лучше бы ей промолчать, когда она зайдёт в комнату.

Блядь... как же хорошо.

Глава 19 КАРТЕР

Carter

Она вернулась домой примерно десять минут назад. Я видел, как зажегся свет на кухне.

Я сижу у бассейна с Джоном, Далтоном и каким-то парнем по имени Кевин. Они поглощены просмотром трансляции турнира по покеру на ноутбуке Кевина. Видимо, они каким-то образом смогли сделать ставки.

Я замечаю, как Далтон слушает их разговоры, двигая головой словно на матче по Пинг-Понгу и мысленно делает заметки. Я не мешаю ему. Мой мозг сегодня слишком изнурен, чтобы следить за всем, и я не могу перестать беспокоиться о том, куда исчез Аса, и что Слоан делает прямо сейчас.

Мой взгляд сосредоточен на доме. Я смотрю в окна, наблюдая за тем, как она движется по кухне, готовя себе поесть. Когда кажется, что она исчезает, поднявшись наверх, я пользуюсь возможностью и беру передышку. Мне нужно сосредоточиться — вернуть свое внимание к разговору рядом со мной. Просто нужно провести несколько минут наедине с самим собой, чтобы сделать это. Некоторые люди перезаряжаются от энергии окружающих их людей.

Но не я.

Я когда-то читал, что разница между экстравертом и интровертом не в том, как они ведут себя в обществе. Разница в том, используют ли они групповое общение как топливо или же оно их истощает. Интроверт внешне может казаться другим экстравертом, и наоборот. Но все сводится к тому, как все взаимодействует внутри человека.

Я определенно интроверт, потому что люди лишают меня сил. И сейчас мне нужна тишина для дозаправки.

— Пиво хочешь? — спрашиваю Далтона. Он качает головой, так что я встаю и бреду на кухню. Я не хочу пива. Я просто хочу тишины. Как Слоан живет с этим изо дня в день и до сих пор функционирует? Невероятно.

Захожу на кухню и первое, что замечаю — новое предложение, написанное на доске для записей. Подхожу ближе и читаю.

Он разжал кулаки и обронил ее переживания, не в силах поймать их ради нее. Но она подобрала их и растерла в пыль. Теперь она хочет держать их сама.

Я читаю строки снова и снова, пока дверной хлопок наверху не вырывает меня из

транса. Я отхожу от холодильника в тот момент, когда Слоан заворачивает из-за угла на кухню. Она внезапно останавливается, увидев меня. Быстрым движением руки вытирает слезы с лица. Я вижу, как ее взгляд скользит от слов на холодильнике ко мне.

Мы оба молча стоим, всего в двух шагах друг от друга, просто глядя друг на друга. Ее глаза широко раскрыты, и я наблюдаю, как ее грудь вздымается с каждым вдохом.

Три секунды.

Пять секунд.

Десять секунд.

Я теряю счет времени, пока мы оба просто стоим и смотрим друг на друга, не зная, что делать с невидимой веревкой между нами, что стягивает нас с силой, гораздо превышающей нашу силу воли.

Слоан всхлипывает, а затем опускает руки на бедра, опуская взгляд.

— Я ненавижу его, Картер, — шепчет она.

По боли в ее голосе, я могу с уверенностью сказать: что-то произошло, когда она поднялась к себе. Я смотрю на потолок под их спальней, гадая что же случилось. Когда я перевожу на нее взгляд, она смотрит на меня.

— Он в отключке, — говорит она. — Он снова употребляет.

Я не должен чувствовать облегчение от того, что он потерял сознание, но все же чувствую. — Снова?

Слоан делает пару шагов ко мне, а затем облокачивается спиной к столешнице, скрестив руки. Вытирает очередную слезу. — Он становится... — она делает вдох, и видно, что ей тяжело говорить об этом. Я подхожу и становлюсь рядом.

— Он становится параноиком, — продолжает она. — Аса думает, что скоро его поймут и это давит на него сверх меры. Он думает, что я не замечаю, но это не так. А потом он начинает употреблять и когда это происходит все... все становится ужасно для всех нас.

Я борюсь сам с собой. С одной стороны я хочу утешить ее, а с другой — эгоистично побудить ее к дальнейшему рассказу. — Всех нас?

Она кивает. — Меня. Джона. Ребят, которые работают на него, — кивает головой в мою сторону — Тебя.

Слоан произносит последнее слово с дозой горечи. Прикусив губу, она отворачивается. Я продолжаю смотреть на нее. Рукава ее рубашки натягиваются сильнее, с каждым разом когда она все крепче и крепче обнимает себя.

Она больше не плачет. Теперь она злится, и я не знаю на кого — на меня или на Аса.

Я смотрю на слова на доске.

Он разжал кулаки и обронил ее переживания, не в силах поймать их ради нее. Но она подобрала их и растерла в пыль. Теперь она хочет держать их сама.

Прочитав их снова и посмотрев на нее, мне все становится ясно. Все это время я волновался за нее. Беспокоился тем, что ей промывают мозги и она не имела ни малейшего представления о том, какой Аса человек.

— Я ошибался насчет тебя, — говорю ей.

Слоан снова смотрит на меня, на этот раз ее губы сжаты, а брови приподняты в любопытстве.

— Я думал, тебе нужна защита, — поясняю я. — Думал, ты была наивна и неопытна, когда это случилось с Аса. Но это не так. Ты знаешь его лучше, чем кто-либо. Я думал, он использует тебя... но именно ты используешь *его*.

Ее челюсть напрягается от моих слов, и она стискивает зубы. — Это я его *использую*?

Я киваю.

Ее любопытство превращается в гнев, глаза сужаются. — Я тоже ошибалась насчет тебя, — выплевывает она. — Я думала, ты другой. Но ты такая же сволочь, как и все остальные.

Слоан поворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за локоть и тяну обратно. Она ахает, когда я поворачиваю ее к себе и сжимаю предплечья. — Я не закончил, — говорю ей.

Ее глаза теперь полны шока. Я ослабляю хватку, потирая ее руки, в надежде ослабить ее гнев.

— Ты его любишь? — спрашиваю ее.

Слоан медленно вдыхает, но не отвечает.

— Нет, — отвечаю за нее. — Не любишь. Вероятно, осталась привычка, но единственное на чем может сохраниться любовь — это уважение. А его между вами нет.

Она молчит, ожидая пока я выскажусь.

— Ты не любишь его. Ты все еще здесь не потому, что ты слишком слаба, чтобы уйти, а потому, что *слишком* сильная. Ты миришься с этим дерьмом, потому что знаешь это не ради себя. Это не ради собственной безопасности. Ты делаешь это ради брата. Все, что ты делаешь — это ради других людей. Не у многих есть столько мужества и силы, Слоан. Это чертовски вдохновляет.

Ее губы раскрываются, и она с шумом вдыхает в себя воздух. По ее реакции становится понятно: она не привыкла к похвале. Это печально.

— Я сожалею о том, что наговорил тебе в ресторане, — искренне говорю я. — Ты не слабая. Ты не *подстилка* Аса. Ты...

Из ее глаза падает слеза и скатывается по щеке. Я поднимаю руку и прижимаю к ее щеке, давая капле стечь по моему пальцу. Я не вытираю слезу. Наоборот, я бы хотел сохранить ее. Это, вероятно, первая слеза от комплимента, а не оскорбления.

— Я что? — переспрашивает она, голосом, полным надежды. Она смотрит на меня, ожидая, или даже, *вынуждая* меня закончить предложение.

Мои глаза опускаются на ее рот, а грудь сжимается лишь от одной мысли об ощущениях ее губ на моих. Я с трудом сплываю и заканчиваю словами, которые, я знаю, ей необходимо услышать.

- Ты одна из самых сильных людей, которых я когда-либо встречал, — шепчу я. — Ты все, что Аса не заслуживает. И... — я делаю шаг ближе, а Слоан запрокидывает голову, когда я наклоняюсь к ней и шепотом продолжаю: — И ты все, что я хочу.

Слоан тихо вздыхает, и мы так близко, что я могу чувствовать ее дыхание на своих губах. Так близко, что я могу попробовать ее на вкус. Я запускаю свою руку ей в волосы, чтобы притянуть ближе, но за секунду до того как наши губы могли бы соприкоснуться, открывается дверь кухни. Мы оба отстраняемся, отворачиваясь в противоположные стороны. Я открываю холодильник и как раз в кухню заходит Джон. Я отворачиваюсь, но ловлю знакомый мне взгляд. Подозрение.

Дерьмо.

Слышу, как Слоан открывает шкаф позади меня. Я тянусь внутрь холодильника. — Пиво хочешь? — спрашиваю Джона, протягивая ему банку.

Он делает два намеренно медленных шага в мою сторону, глядя на меня тяжелым взглядом, и берет пиво. Оглядывается на Слоан, переворачивая кепку. — Чему я только что помешал?

Я жду, захочет ли Слоан ответить, но она молчит. Тишина затягивается. Хватаю другое пиво из холодильника, а затем закрываю дверь, глядя на Слоан. Она стоит спиной к нам обоим, наливая себе стакан воды у раковины.

Я мог бы преподнести все так, будто Джон заблуждается. Я мог бы симулировать невинность. Но Джон знал лучше. Я знаю на что это было похоже, когда он вошел сюда — мы оба ринулись в разные стороны, отпрянув друг от друга и выйдим теперь виноватыми.

Джон не знает меня. Как и все, он считает, я такой же как он. Заставив его думать, что я не парюсь о последствиях, вероятно прибавит его уважение. Заставив его поверить, что я считаю Слоан очередной «шлюхой» (как сказал бы Аса), быть может в его глазах я буду лучше, чем если бы я показал, что считаю иначе.

Я оглядываюсь на Джона и ухмыляюсь, делая шаг к нему. — Тебе это будет не интересно. — И когда прохожу мимо него, подмигиваю, позволяя ему думать все, что ему захочется.

Я уверенно выхожу на улицу и, как только за мной закрывается дверь, я упираюсь рукой в стену и делаю глубокий выдох.

Чувствую сильное напряжение — кровь несется к голове, а легкие наполняются воздухом, которого Слоан лишила меня на этой кухне. Или Люка. Потому что это был всецело я, кто притягивал ее к себе, желая впиться в ее губы. Я не за этим здесь.

И я получил именно то, что заслужил, когда позволил этому случиться. Джон знает, что застучал нас, и теперь я должен выяснить, как это исправить, прежде чем узнает Аса.

Теперь это уже не шутки.

Глава 2 °СЛОАН

Sloan

У меня трясутся руки, когда я делаю глоток воды. Я знаю, что Джон все еще на кухне, стоит где-то позади меня, но я не хочу поворачиваться. Он мне противен почти настолько же, как и Аса, и теперь когда он думает, что увидел нечто между мной и Картером, дает ему преимущество. Я знаю, как он действует. Я не тупая.

Ставлю стакан и оглядываюсь. Джон стоит у холодильника, читая слова, которые я написала. Поднимает руку и ведет указательным пальцем по словам на доске, а затем стирает их.

— Что, черт возьми, это вообще значит? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне.

Я поворачиваюсь к нему лицом, сложив руки на груди. Ненавижу, как он пожирает меня глазами. Ненавижу то, как он смотрит на меня — словно я единственная вещь, которой он не

может владеть. Только теперь, когда Джон думает, что я чуть не отдалась Картеру, каким-то образом, я кажусь ему более доступной.

Такое ощущение, что мое сердце застряло в горле. Чувствую, как пульс бьется в шее, когда Джон делает несколько шагов ко мне. — Где Аса? — спрашивает он, его взгляд сосредоточен на моей груди, а не на лице.

— В нашей спальне, — отвечаю я, давая понять, что Аса находится прямо здесь, в доме. Я не говорю о том, что он потерял сознание, и, вероятно, не проснется в течение нескольких часов.

Забавно, как иногда все складывается. Я боюсь Аса больше всех, но он одновременно моя единственная защита от людей в этом доме.

Джон поднимает взгляд к потолку. — Он спит?

Я качаю головой.

— Нет, — говорю, — я спустилась за выпивкой.

Я вижу по его глазам: Джон знает — я лгу. Он знает, что я всего лишь пытаюсь защитить себя. Он делает еще один шаг вперед, пока не достигнет меня. Что-то меняется в выражении его лица. Его злобный взгляд — это ненависть — и я открываю рот, чтобы закричать. Я хочу позвать Картера, чтобы он вернулся. Хочу позвать Аса спуститься вниз. Но не могу, потому что рука Джона сжимает мое горло, подавляя голос.

— Хочешь знать от чего я чертовски устал? — спрашивает он, глядя на меня и сжимая руку еще сильнее. Мои глаза широко раскрыты, но я не могу ни кивнуть, ни покачать головой. Я вцепилась в его руки вокруг своего горла, в попытке избавиться от хватки.

— Я устал от того, что Аса получает все, чего хочет, а мне не позволяет и малейшего дерьма.

Я зажмуриваю глаза. Кто-то скоро придет. Картер, Далтон — кто-то остановит Джона.

Как только эта мысль возникает в голове, дверь на кухню открывается и на меня накатывает облегчение. Я открываю глаза и Джон оборачивается, по-прежнему сжимая мое горло.

Мои широко раскрытые глаза встречаются с глазами Кевина. Он останавливается в дверях, глядя на нас. Я едва знаю его, потому что он редко бывает в доме, но мне все равно. Он здесь и Джона застукали. Он будет вынужден освободить меня.

— Вали отсюда, — рычит Джон на Кевина.

Кевин стоит неподвижно. Джон прижимается ко мне, свободной рукой сжимая мое бедро. Я буквально источаю страх. Стараюсь покачать головой в молчаливой мольбе к Кевину не уходить, но он понимает ситуацию неправильно. Он начинает смеяться. Или... он понял все правильно. Может, ему просто наплевать. Может, он так же зол, как и Джон. Кевин поднимает руки в знак капитуляции и говорит: — Прости, чувак, — и выходит.

Какого хрена?

Джон разворачивает меня и выталкивает из кухни в сторону гостиной. Я пытаюсь закричать, но ничего не выходит. Его рука все еще сжимает мое горло.

В гостиной комнате темно и пусто, и я стараюсь вырваться, но все попытки слабеют с каждым неполученным глотком воздуха. Я чувствую настигающую панику, но подавляю ее. Не могу сейчас потерять над собой контроль.

Джон толкает меня на диван и, как только он отпускает меня, я хватаю ртом воздух, кашляя и брызгая слюной, пока не набираю достаточно воздуха в легкие, чтобы закричать. Но как только я открываю рот, к моему горлу прикладывается нечто холодное. Что-то острое.

О Боже.

Я сжимаю глаза, когда другая рука Джона начинает раздвигать мне колени. Я никогда не испытывала такого страха, какой испытываю сейчас. Я попадала в опасные ситуации и раньше, как правило, из-за Аса. Но никогда я не боялась за свою жизнь.

Джон другой. Джон навредит мне лишь для того, чтобы наказать Аса.

Его рука движется вверх по моему бедру и оседает у меня между ног. Я чувствую, как мои ноги дрожат от страха, охватившего все тело.

— Аса считает, что девушки других парней — это честно, но только он единственный, кто может откусить кусочек этого? — он опускает свои губы к моему уху. — Он задолжал мне несколько услуг, Слоан. И одну из них я собираюсь засчитать прямо сейчас.

— Джон, — выдавливаю я. — Пожалуйста, прекрати. Прошу тебя.

Он приближает свой рот к моему. — Скажи еще раз, пожалуйста, — шепчет он.

— Пожалуйста, — повторяю я.

— Мне нравится, когда ты умоляешь, — его губы впиваются в мои, и я сразу же ощущаю вкус желчи, подступающей к горлу. В движении его языка, проталкиваемом через мои губы нет никакой нежности. Чем сильнее я пытаюсь вырваться, тем крепче прижимается лезвие.

Сквозь весь свой страх, я каким-то образом в состоянии расслышать тихий щелчок пистолета.

Джон замирает, и когда я открываю глаза, то вижу дуло пистолета, прижатое к его виску.

— Быстро, блядь, слез с нее, — приказывает Картер.

О Боже. Спасибо, Картер. Спасибо, спасибо, спасибо.

Рука Джона медленно отпускает мое горло, и он прижимает ее к спинке дивана. — Ты пожалеешь об этом, — угрожает он Картеру.

Я смотрю на Картера и вижу в его глазах нечто, что никогда не видела раньше, пока он смотрит на Джона.

— Ты ошибаешься, — отвечает Картер ровным голосом. — Единственное, о чем я жалею, так это то, что не застрелил тебя три секунды назад.

Джон сглатывает и начинает медленно пятиться от меня. Картер не отнимает пистолета от его головы, пока Джон не садится. Картер перемещает пистолет ко лбу Джона и смотрит на него сверху вниз.

- Извинись перед ней.

Джон не медлит. — Прости меня, — выпаливает он дрожащим голосом.

Я убираю от него ноги и вскакиваю с дивана. Прячусь за спиной Картера. Подношу руки к горлу и начинаю растирать его, пытаясь избавиться от боли, причинённой Джоном.

Картер делает шаг назад, но держит пистолет, нацеленный на Джона.

— Думаю, у нас обоих теперь есть тайны, которые мы хотели бы сохранить от Аса. Ты не видел меня на кухне со Слоан, а я не видел, как ты хотел ее изнасиловать. Согласен? — предлагает ему Картер.

Не знаю даже, как реагировать на то, что я — инструмент торга. Но знаю точно, что если Джон придет к Аса со своими подозрениями о том, что между мной и Картером что-то было на кухне, Аса навредит Картеру. А это — последнее, чего я хочу.

Джон кивает. — Я ничего не видел.

Картер говорит: — Прекрасно. Мы в одной лодке. — Он прижимает дуло пистолета обратно ко лбу Джона и толкает голову Джона к спинке дивана. — Но, если ты еще раз

прикоснешься к Слоан, я даже не буду беспокоиться о том, чтобы рассказать Аса, потому что убью тебя собственноручно. — Картер со всей своей силы бьет Джона по голове пистолетом. Джон даже не успевает отреагировать. Он падает на диван. Все его тело обмякло. В отключке от одного удара по голове.

В шоке смотрю на Джона, когда чувствую руки Картера на своем лице. Я гляжу на него снизу-вверх, а он оглядывает меня на наличие травм. — Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю. Как только я начинаю кивать, появляются слезы. Картер притягивает меня к себе, и все мое тело начинает дрожать от рыданий.

Картер поглаживает мою голову и прижимает губы к уху. — Слоан, мне очень не хочется просить тебя идти в комнату к Аса, потому что это — последнее место, где бы я хотел, чтобы ты находилась. Но там ты будешь в безопасности. Иди в свою комнату и не выходи всю ночь, хорошо?

Я киваю, потому что знаю — он прав. Иногда Аса — сущий дьявол, но по крайней мере, он никогда не позволял никому в доме причинить мне боль. К тому же, он без сознания. Как и Джон.

Картер ведет меня к лестнице. — Мобильный с собой?

— Да.

— Позвони мне, если понадобится ночью. В противном случае, увидимся утром, — говорит он, успокаивающе проводя рукой по моей щеке.

Я совсем забыла о завтрашнем дне. Завтра занятия. Урок с Картером. Мысль о том, что я буду с ним на занятиях, далеко от всего этого дерьма — единственное, чего я должна ждать сейчас с нетерпением.

— Хорошо, — отвечаю дрожащим голосом, из-за событий последнего получаса.

Он наклоняется и целует меня в лоб, затем отпускает. Джон начинает ворочаться на диване, поэтому Картер кивает на лестницу, желая, чтобы я поднялась в спальню прежде, чем Джон проснется. Я разворачиваюсь, чтобы подняться, пребывая в шоке от того, насколько жизнь в этом доме отличается от той, что течет за его пределами.

Обычно, когда кто-то подвергается нападению, он сообщает в полицию. Но внутри этого дома все иначе. Здесь привыкли торговаться. И вместо того, чтобы идти в полицию, я иду наверх к парню, который в десять раз опаснее, чем тот парень, который чуть не изнасиловал меня.

Этот дом живет по другим законам, по сравнению с внешним миром. Этот дом — тюрьма с собственным набором правил.

И Аса начальник этой тюрьмы. Всегда им был.

И сомневаюсь, что Аса понимает: теперь, когда здесь появился Картер, начальник с легкостью может быть свергнут.

Надеюсь, он этого никогда не осознает. Потому, что это будет не очень хорошо. Для каждого из нас.

Глава 21 АСА

Asa

Мой рот гребанная пустыня. Ощущение, будто я всю ночь сосал чертово полотенце.

Переворачиваюсь, чтобы взять одну из бутылок с водой, которые Слоан всегда оставляет у нашей кровати. Не могу открыть глаза из-за того, что моя голова вот-вот взорвется, поэтому шарю рукой по тумбочке, пока не нахожу бутылку. У меня дрожат руки. Я уже хочу еще дозу. На этот раз буду умнее. Больше не стоит накачиваться виски до потери сознания и нахуяриваться наркотой, как сделал вчера вечером.

Подношу бутылку с водой к губам и выпиваю все содержимое в два огромных глотка. Швыряю пустую бутылку на пол и падаю обратно на подушку.

У меня все ранво сушняк.

Вытягиваю руку и случайно попадаю Слоан в плечо. Окидываю ее взглядом, но мой мозг слишком слаб, чтобы сосредоточиться. Она немного шевелится, но не просыпается. Смотрю на будильник и прищуриваюсь. Сейчас 4:30 утра. Еще есть два часа до того, как ей нужно будет вставать и собираться в университет.

Даю себе минуту, чтобы привыкнуть к темноте, пока не вижу ее довольно четко.

Затем переворачиваюсь на бок и смотрю, как она спит.

Теперь Слоан спит на спине. Никогда ни на боку, ни на животе. Когда я был маленьким, мой отец всегда спал на спине, даже когда вырубался на диване независимо от того, что употреблял в тот день. Как-то раз я спросил его, почему он так спит и отец ответил: "Когда ты лежишь на спине, ты готов ко всему. Проще проснуться и защитить себя. Если ты будешь спать слишком удобно, тебя застанут врасплох".

И поэтому у меня возникает вопрос: Слоан спит на спине — потому что это способ защиты? А потом еще один — она спит на спине, чтобы защититься от *меня*?

Нет. Она не боится меня так сильно. Блять, да она же боготворит меня.

Хотя, раньше она любила спать на животе. Может, нужно просто купить новый матрас? Может, ей просто не нравится эта кровать?

Также, раньше она любила спать голой, но еще ни разу в этом году она так не спала. Она утверждает, что это потому, что в доме слишком много людей и она некомфортно себя чувствует. Мне это мешало, когда я залезал на нее ночью, но обнаруживал, что она одета в чертову пижаму, и я не мог войти в нее до тех пор, пока не раздену.

После нескольких жалоб, Слоан, наконец, поддалась, и теперь спит в одной футболке. Проще раздеть, но я все же предпочитаю, чтобы она была обнаженной.

Я осторожно тяну одеяло вниз, чтобы не разбудить ее. Иногда мне просто нравится смотреть на нее, когда она спит. Мне нравится думать, что ей снюсь я. Иногда я ее трогаю, очень мягко, чтобы не разбудить, но достаточно, чтобы заставить ее стонать во сне.

Ее футболка собралась на талии. Приподнимаю ее, медленно, дюйм за дюймом, пока не открывается ее грудь. Откидываюсь на изголовье кровати и засовываю руку в свои трусы под одеялом. Обхватываю член и начинаю гладить, наблюдая за Слоан — как с каждым вдохом ее грудь медленно движется вверх и вниз.

Она чертовски красива. Эти длинные темные волосы. Ресницы. Этот рот.

Честно говоря, в реальной жизни я никогда не видел девушек, таких же красивых, как она. Я знал, что она будет моей, когда в первый раз ее встретил. Я не мог позволить, чтобы такая идеальная девушка оказалась с кем-то другим.

И я не мог позволить себе начать добиваться ее сразу, потому что мне нравилось, как она смотрела на меня. Я видел невинность в ее глазах, когда она подолгу смотрела на меня в классе. Я ее заинтересовал. И хоть я и делал вид, что не замечаю ее, она тоже пробудила интерес во *мне*. Я понял, что Слоан отличается от всех девушек, с кем я когда-либо был.

Я ничего не боюсь — ничего, с тех пор как был ребенком. Но то как я был одержим мыслями о ней, можно описать, как чертовски близкими к страху. Мысли о возможности извратить подобное милое создание, заставляли меня думать о ней больше, чем обо всем остальном в моей жизни.

До Слоан, я не был парнем, который любил девочек. Во всяком случае, не в традиционном смысле этого слова. Я использовал их для того, в чем большинство из них хороши. Быстрый перепих по ночам, иногда утренний трах до завтрака, но никогда ничего после восьми утра или до восьми вечера. У парней, которые проводят с девочкам дни с восьми утра до восьми вечера дерьмо вместо мозгов.

Это прямая цитата моего отца.

Я частенько напоминал себе об этом, каждый раз, когда смотрел на Слоан, прежде чем

она стала моей. Каждый раз, когда ловил ее взгляд на себе. Каждый раз, когда мой член шевелился в штанах, когда я думал о ней.

Дерьмо вместо мозгов.

Чем больше я наблюдал за Слоан, тем больше сомневался в отце. Знал ли он вообще то, чему, черт возьми, он учил меня в детстве. Он, вероятно, никогда не встречал такую девушку, как Слоан. Девушку, которая еще не была испорчена другим мужчиной. Девушку, которая была слишком скромной, чтобы знать, как флиртовать с парнем. Девушку, которой не довелось пока стать шлюхой.

Я сказал себе, что мог бы проверить ее. Посмотреть, может ли она стать исключением из правил. Однажды, я догнал ее после урока и спросил, не хочет ли она пойти пообедать. Между прочим, это был первый раз, когда я пригласил девушку на свидание. Я ожидал, что она улыбнется и скромно согласится, но вместо этого она осмотрела меня, отвернулась и пошла дальше.

Вот когда я понял, что ошибался на счет нее. Слоан не была застенчивой. Ей известно каким жестоким может быть человек. Она *точно* знала, как жесток мир и поэтому со всеми держала дистанцию.

Слоан было не вдомек, что ее поддельная незаинтересованность лишь разогрела мое желание. Мне захотелось добиваться ее, до тех пор пока она не захочет каждую часть меня... даже жестокость. Я хотел сделать так, чтобы она умоляла об этом.

Все оказалось не так сложно, как я думал. Удивительно, как работает хорошая внешность и чувство юмора.

И... хорошие манеры. *Кто знал?*

Если ты открываешь чертову дверь перед девушкой, она автоматически считает, что ты джентльмен. Она думает, что ты тот тип парней, которые относятся к своей матери как к королеве. Девушки видят парней с хорошими манерами и думают, что они никак не могут быть опасны.

Я открыл каждую гребаную дверь перед Слоан, что смог найти.

Однажды, я даже одолжил ей зонтик.

Однако, это было давным-давно. Когда она еще любила спать на животе. *Голая.*

Иногда мне кажется, что она не так счастлива, как раньше. Однажды, она ушла от меня, и я ее возненавидел. Каждую секунду, что ее не было рядом, я чувствовал, как превращаюсь в человека, в которого мой отец так боялся я превращусь, когда вырасту. *Влюбленный идиот.*
Дерьмо вместо мозгов.

Но я люблю ее. Похрен на него и его говнофилософию о любви. Слоан лучшее, что случилось со мной и я это понял когда она оставила меня.

Я знал, что если она ушла навсегда, она в конце концов найдет кого-то другого. Я не мог вынести мысли о другом мужчине, целующем ее губы. Его прикосновений к ней. Его омерзительный член внутри нее, когда я был единственным, кто когда-либо был там. Слоан принадлежала мне.

И я сделал все чтобы вернуть ее обратно — она даже не поняла, что это было как-то связано со мной. Я сделал это для ее же блага — потому что я люблю ее. И я знаю, что она любит меня. Когда Слоан вернулась ко мне и попросила помощи, был невероятно горд собой. Потому что я знал — на тот момент сделка была заключена. Теперь она будет моей навсегда.

Но в наших отношениях по прежнему остается один малюсенький изъян, что заставляет меня усомниться в их незыблемости. Слоан отказывается принимать мой образ жизни — постоянно заставляет меня пообещать ей, что я когда-нибудь выйду из игры. Хотя, мы оба знаем, что этого никогда не произойдет. Я хорош в том, что делаю. Но, думаю, мне нужно доказать ей, что я могу совмещать две вещи. Быть тем, кто ей нужен без ущерба для моего образа жизни.

Мне нужно убедиться, что она никуда не уйдет. Мне нужно сделать ее частью своей жизни навсегда.

Я мог бы жениться на ней. Я мог бы купить ей дом, где будем жить только мы вдвоем. Конечно, я буду находиться в *этом* доме между восьмью утра и восьмью вечера, так как, похоже, я единственный, кто знает, как правильно здесь вести дела.

Но Слоан могла бы быть в нашем общем доме, растить детей. Когда бы я приходил ночью домой, она могла бы кормить меня, мы бы занимались любовью, я бы спал с ней. И она бы спала на животе.

Я никогда раньше не думал о женитьбе. Интересно, почему эта гениальная мысль только сейчас пришла мне в голову?

Хотя, Слоан тоже никогда не говорила о браке. Я даже не уверен, что она согласится на это. Но если бы она забеременела, у нее бы не было выбора. К сожалению, она использует противозачаточные таблетки с большей регулярностью, чем сосут мой член. Не то, чтобы ее противозачаточные — это то, на что я не могу повлиять. Ко всему прочему, она также заставляет меня надевать чертов презерватив каждый раз, когда я занимаюсь с ней сексом.

Но... презервативы — то, на что я мог бы повлиять.

Интересно, каково это — быть внутри нее без презерватива. Раньше она впускала меня

на несколько секунд — только для того, чтобы подготовить ее перед тем как надеть презерватив. Но я никогда не кончал в нее.

Ее теплая киска жестко сжимающая мой член, пока я кончаю в нее, ощущая все без барьера.

При мысли об этом я издаю стон и начинаю быстрее двигать кулаком. Черт, а это приятно. Наблюдать за ней, думая о том, как быть внутри нее. Мне нужно к ней прикоснуться. Я наклоняюсь вперед, приближая свой рот к ее обнаженной груди. Обычно я стараюсь ее не разбудить, но это не будет первый раз, когда она проснется от того, что я на нее дrouchу.

Скольжу языком по ее соску и дразню, медленно очерчивая круги.

Она вытягивает руку на подушке и стонет. Мне нравится, что она все еще спит. Я хочу посмотреть, насколько близко я смогу подвести ее к оргазму, прежде чем она проснется.

Обхватываю губами сосок и нежно сосу. Он мгновенно твердеет у меня во рту.

— Ммм, — Слоан снова стонет, ее голос сонный и запыхавшийся.

— Картер.

Моя челюсть сжимается с ее гребанным соском во рту.

Что, блять, она только что сказала?

Я сразу же отстраняюсь, позволяя ее соску выскочить изо рта. Смотрю вниз на ее рожу. Отпускаю член. Он сразу обмяк при звуке этого имени.

Что за хуйня?

Что.

За.

Хуйня?

У меня болит грудь. Ощущение, будто кто-то просто ее раздробил. Уронил на нее кирпич.

Уронил на нее сраное здание.

Где-то между стоном его имени и пробуждением, Слоан опускает свою футболку.

Где-то между стоном его имени и ее пробуждением, я оборачиваю руки вокруг ее горла.

Она смотрит на меня. Ее глаза полны страха. Уверен, это страшно — проснуться, когда твой бойфренд держит тебя за горло, но ей, должно быть, повезло, ведь она не чувствует того, что чувствую сейчас я.

— Ты с ним трахаешься?

Прилагаю все усилия, чтобы не выкрикнуть эти слова. Вместо этого, мой голос спокоен и собран, в отличие от всего что творится внутри. Я не сдавливаю ее горло с какой-либо значительной силой.

Пока нет.

Я просто держу руку на ее шее, поэтому она *должна* ответить мне прямо сейчас. Слоан может говорить, но она этого не делает. Это ебаная шлюха просто пялится на меня, как будто только что попалась.

— Слоан? Ты трахаешься с Картером? Он уже был в тебе?

Слоан тут же начинает трясти головой. Прижимает ладони к матрасу и поднимается выше, опираясь о спинку кровати. Моя рука не отпускает ее горло.

— О чем ты говоришь? — спрашивает она. — Нет. Конечно нет. Боже, нет.

Она смотрит на меня, как на психа. Она очень убедительна.

Моя мать была слишком убедительной. Посмотрите где она оказалась.

Сжимаю руку, наблюдая, как ее лицо медленно начинает розоветь. Она морщится и сжимает руками простыни. Ее глаза начинают слезиться.

Хорошо, что отец научил меня, что нельзя позволять себя одурачить женским слезам.

Я наклоняюсь ближе, пока не оказываюсь лишь в двух сантиметрах от нее. Пробегаюсь взглядом по ее глазам, рту, каждой лживой черте ее морды.

— Ты только что назвала его *имя*, Слоан. Я взял твой ебанный сосок в рот, пытаюсь доставить тебе *удовольствие*. Но потом ты прошептала его гребанное имя. Ты произнесла *Картер*.

Слоан качает головой. Она так непреклонна, трясет головой с такой интенсивностью, что я ослабляю хватку на ее горле, чтобы она могла говорить. Набрал побольше воздуха, она выпаливает:

— Я не говорила *Картер*, проклятый идиот. Я сказала *сильнее* (прим.: в английском языке произношение имени *Картер* очень схоже со словом *сильнее*). Я не спала и чувствовала, что ты целуешь меня. Я хотела, чтобы ты делал это *сильнее*.

Я смотрю на нее.

Позволяю ее словам проникнуть в свое сознание.

Позволяю ее объяснению разстереть боль в груди, пока снова не могу дышать.

Медленно убираю руку от ее горла, вниз по ее шее.

Ебать.

Я превращаюсь в параноика.

С чего я вообще взял, что Слоан может думать о другом парне, когда спит рядом со мной?

Она бы не изменила мне. Она *не сможет*. У нее больше никого нет. Это было бы самой большой ошибкой в ее жизни и она это знает.

Мне нужно увезти ее из этого дома. Подальше ото всех этих людей. Сейчас я уверен больше, чем десять минут назад, что мне необходимо сделать ее матерью. Сделать ее своей женой.

Дать ей собственное место, где никогда не будет других мужчин, чтобы превращать меня в этого гребаного параноика.

Слоан наклоняется вперед и тянется к подолу своей футболки, снимая ее через голову. Бросает ее на пол, а затем толкает меня на спинку кровати, заползая на мои колени.

И вот я снова твердый.

Она прижимает свои груди к моему рту и предлагает мне себя. Я беру ее сосок в рот и снова даю ей то, чего она хочет. *Сосу сильнее*. Так сильно, что это причиняет ей боль. Я хочу, чтобы она чувствовала боль от моего рта весь остаток гребаного дня.

Она запускает руки в мои волосы, притянув меня ближе, и со стоном произносит мое имя. Она говорит:

— *Аса.*

Она произносит это три раза.

Мое имя.

Я хватаю ее за бедра и немного приподнимаю, пока она не оказывается прямо над моим членом.

Опускаю ее вниз, пока полностью не оказываюсь внутри нее, наверняка я никогда не был в ней так глубоко. Боже, она ощущается хорошо. Так приятно, когда я ее не ненавижу.

Мне не понравилось ненавидеть ее.

— Ты моя, Слоан, — говорю я, проводя губами по ее шее и к ее рту.

Она шепчет в ответ:

— Твоя, Аса.

Скольжу языком в ее рот, пока она стонет, а затем отстраняюсь. Правой рукой снова беру ее за горло, а левой — направляю ее бедра вверх и вниз. Она тихонько вздрагивает, когда я сжимаю ее горло и теперь я беспокоюсь, не повредил ли я ей шею. Убираю руку и уже вижу отпечаток ладони. Там даже небольшой синяк.

Блять. Я это сделал. Я сделал ей гораздо больше, чем намеревался.

Наклоняюсь и нежно целую ее в шею, молча прося прощения. Смотрю в ее глаза, пока она скачет на мне.

— Я хочу жениться на тебе, Слоан. Хочу, чтобы ты стала моей навсегда.

Сначала она молчит. Все ее тело напрягается и она перестает двигаться на мне.

— Что ты сказал? — переспрашивает она неуверенным голосом.

Ухмыляюсь и провожу руками вниз по ее спине, сжимая задницу.

— Я сказал выходи за меня, детка. Будь моей женой.

Снимаю ее с себя и толкаю на спину. Скольжу обратно в нее, смакуя тот факт, что на мне нет презерватива. Толкаюсь в нее, наслаждаясь каждым ощущением, когда она смотрит на меня, не произнося ни слова.

— Сегодня я куплю тебе кольцо, пока ты будешь на учебе. Самое лучшее, что смогу найти. Сначала мне просто нужно, чтобы ты сказала да.

Из ее глаза стекает слеза и вот тогда я точно понимаю, что она любит меня.

Мысль провести со мной всю жизнь только что довела ее до слез.

В это время я каким-то образом нахожу способ войти в нее еще сильнее и она морщится. Я хочу оказаться в ней так глубоко, как только смогу. Хочу, чтобы она чувствовала каждый кусочек меня. Хочу, чтобы она чувствовала, как сильно я ее люблю. Ее пальцы впиваются в мои руки, когда она давит на меня — естественная реакция ее тела на давление между ее ног. Плевать, сколько раз мы это делали, я знаю, что иногда ей все еще больно. Она настолько тугая, а я едва помещаюсь внутри нее, толкаясь так сильно, что это заставляет ее вздрагивать и отталкивать меня.

Что она и делает прямо сейчас. Мне, наверное, не должно нравиться, когда ей больно, но мне нравится. Я, блять, обожаю, когда мой член причиняет ей боль. Мне нравится знать, что даже когда секс закончится, она будет чувствовать меня внутри себя в течение нескольких часов.

Боже, я люблю эту девушку.

Я говорю между толчками, глядя прямо в ее полные слез глаза.

— Я люблю тебя, Слоан. Так чертовски сильно. Мне нужно услышать, как ты скажешь да.

Издаю стон, чувствуя, как близко я нахожусь к оргазму. Кончить в нее. Попробовать с ней что-то, что ранее мы никогда не пробовали вместе. Целую ее в висок, а затем прижимаюсь ртом к ее уху.

- Мне нужно услышать, как ты говоришь да, детка.

Наконец она тихо шепчет:

— Да.

Это слово делает меня чертовски счастливым, и всего один толчок заставляет меня кончить. Я кончаю в нее. *Глубоко* внутри нее. Кончаю в свою *невесту*.

У меня трясутся ноги, а все тело дергается. Ничего подобного я никогда не испытывал. Я дрожу — буквально дрожу, когда кончаю, но она до сих пор в шоке. Слоан остается совершенно неподвижной, не в силах двигаться или говорить подо мной. Я знаю, что она чувствует себя так же хорошо, как и я. Она просто до сих пор в шоке, потому что не ожидала предложения. Особенно посреди гребанной ночи.

Или утра. Да все равно что за окном.

Выхожу из нее и переворачиваюсь на бок. Сразу же скольжу рукой между ее ног, желая почувствовать то, что оставил внутри нее. Тепло просачивается из нее и я рукой втираю его в

нее, поглаживая пальцами ее влажность.

Я уже хочу еще раз ее трахнуть. Но это может подождать. Сейчас я просто хочу заставить ее кончить, а потом заснуть рядом с ней. Рядом со своей невестой. Моей голой невестой, которая скоро начнет спать на своем гребаном животе.

Слоан закрывает глаза, пока я ласкаю ее. На самом деле, она крепко их *сжимает*. Я смотрю ей в лицо и продолжаю поглаживать. Жду, когда начнут выходить стоны из губ, которые только что сказали мне *да*, когда я попросил ее выйти за меня замуж.

Мне даже не пришлось ее убеждать. Оказалось намного проще, чем я думал.

Аса и Слоан, будт жить долго, блядь, и счастливо.

Срать на отца и его говнофилософию о любви.

Глава 22 ЛЮК

Luke

— Еще раз тебе повторяю. Я не хочу ее вмешивать.

Райан — Далтон сжимает кулаки и откидывается на спинку стула, разочарованный во мне.

— Она уже вовлечена, Люк. Ты не подвергаешь ее опасности, девушка жила там до того, как мы появились.

Напарник подается немного вперед.

— Это не было проблемой прошлый раз? Помнишь Кэрри?

Я помню.

— Кэрри была *твоим* проектом. Не моим. Я никогда не заводил отношений с девушкой ради задания, Райан.

Райан вскидывает бровь.

— Однако ты готов замутить с ней *на* работе, но не *для* работы? Ты позволишь своим чувствам к ней подвергнуть нас двоих опасности?

Отодвигаю стул и поднимаюсь.

— Я не подставляю нас. Между нами ничего нет. Сколько еще раз мне нужно это повторить?

Ненавижу, что он прав, но я никогда не признаю этого. Смотрю на себя в одностороннее зеркало в комнате для допросов. Выгляжу уставшим. Провожу рукой по волосам и закрываю глаза.

— Ты действительно веришь, что все что между вами происходит, не опасно? И это не поставит нас под угрозу? — продолжает Райан. — Разве не ты напал на Джона, *лучшего друга* Аса, потому что он целовал Слоан прошлой ночью?

Нахожу отражение Райана в зеркале и сурово смотрю на него.

— *Целовал?* — резко разворачиваюсь и смотрю прямо в глаза. — Он чуть не изнасиловал ее, Райан! Что ты хотел, чтобы я сделал, вышел на улицу и удвоил ставки в дурацком покере?

Снова отворачиваюсь к зеркалу и наблюдаю за ним. Райан знает, что поступил бы так же, если бы вошел первым.

Очень кстати что мы обсуждаем это в комнате для допросов ближайшего участка, потому что наша беседа начинает напоминать допрос.

Некоторое время мы молчим. Провожу рукой по лицу и подаю Райану знак.

— Как тот факт, что я заставлю девушку поверить в свои чувства, поможет делу?

Райан пожимает плечами.

— Без понятия. Может и никак. Но попытка не пытка. Особенно с тех пор, как у вас завязалась дружба, которую она ценит. Ее телохранитель должен быть поблизости. Слоан может доверить тебе секреты, которых мы еще не знаем.

Райан поднимается, обходит стол и опирается на него.

Технически, он мой начальник. Иногда нужно напоминать себе об этом из-за того, что мы вынуждены притворяться друзьями во время многочисленных заданий под прикрытием. Райан занимается этим лет на пять больше, чем я, поэтому уверен: он знает, о чем говорит. Как бы я не хотел это признать.

— Я не прошу тебя влюбляться в эту красотку. Даже не говорю *притворяться* влюбленным. Все о чем прошу — получи выгоду от того, что у девушки есть к тебе чувства. Ради нашего расследования.

— И как же мне это сделать? — спрашиваю Райана. — Аса всегда рядом. Было бы намного опаснее для нас втягивать ее.

— Есть варианты, — отвечает он. — У вас сегодня занятия. Начни с этого. Мне известно, что Слоан навещает брата по воскресеньям. Съезди с ней на этой неделе.

— Ага, уверен Аса будет абсолютно спокоен по этому поводу, — отвечаю смеясь.

— Он не узнает. Аса говорил Джону, что мы собираемся в казино в воскресенье. Нас не будет целый день. Просто притворись, что у тебя дела, а вместо этого предложи Слоан поехать вместе. Ты проведешь с ней целый день, и никто не будет следить за вами.

Знаю, надо отказаться. Но, по правде говоря, я бы поехал со Слоан в любом случае: поможет это делу или навредит. Вот настолько ничтожным я стал на работе. Ничего не должно быть превыше дела. Особенно кто-то на стороне врага.

— Ладно, — соглашаюсь я, беру куртку и надеваю ее.

Прежде, чем открыть дверь и выйти, останавливаюсь. Медленно поворачиваюсь к Райану и смотрю на него.

— Как ты узнал, что у нас совместные занятия?

Райан усмехается.

— Она — та горячая штучка с испанского, Люк. Я не идиот.

Он берет куртку и натягивает ее.

— А ты думал для чего тебя именно туда записали?

Глава 23 СЛОАН

Sloan

Меня все еще трясет, когда я захожу в колледж. После инцидента с Аса прошло уже несколько часов, но я до сих пор не оправилась. Я никогда не была настолько напугана. Даже вчера вечером, когда Джон приставил нож к моему горлу.

Не могу поверить, что произнесла имя Картера вслух, пока спала. Мало того, что я сама себе создала неприятности с Аса, так еще и буду ответственная, если Аса что-нибудь сделает с Картером.

Не знаю, как мне удалось выкрутиться. И как блядь повезло, что имя Картера на слух похоже со словом сильнее.

Но самое неприятное произошло после. То, что сказал мне Аса. Он позвал меня замуж.

И он не надел презерватив.

Я не знаю чем занимается Аса, когда меня нет рядом. Мне никто никогда не говорил, что Аса изменяет мне, не считая Джона прошлой ночью. Но я не знаю, что он имел в виду. Я никогда не ловила Аса за руку, но не доверяю ему достаточно, чтобы поставить свое здоровье и жизнь под угрозу.

Тем не менее, сегодня утром у нас был секс без презерватива, и последствия теперь занимают все мои мысли. В ту секунду, как часы показали восемь утра, я позвонила своему врачу и договорилась о встрече на следующей неделе, чтобы провериться. Я принимаю таблетки регулярно, так что о беременности и не беспокоюсь. Меня волнует все то, чем он мог меня заразить.

Постараюсь не думать об этом до следующей недели. И сделаю все, что в моих силах, лишь бы это не повторилось. Честно говоря, я слишком испугалась за свою жизнь, поэтому ничего не сказала утром. Никогда не видела, чтобы Аса смотрел на меня с такой ненавистью, когда ему показалось, что я простонала имя Картера.

Когда Аса *услышал*, как я простонала имя Картера.

Прежде чем войти в класс и встретиться с Картером, я захожу в туалет, чтобы успокоиться. Теперь, когда я не в одном доме с Аса, дышится легче. Но я понятия не имею, как гарантировать то, что я не заговорю во сне снова. Если это значит не спать в присутствии Аса — я пойду на это.

Из туалета я выхожу в коридор, и первое, кого я вижу — Картер, подпирающий дверь нашего класса.

Он ждет меня.

Заметив меня, он выпрямляется и ждет, когда я подойду ближе.

— Ты в порядке? — спрашивает, переводя взгляд на мою шею. От Джона остались синяки, но, вероятно, к вечеру будет еще хуже после того, что сделал утром Аса.

Боже, что за гребаная у меня жизнь, раз я подверглась нападению двух мужчин за двенадцать часов?

— В порядке, — отвечаю неубедительно.

Картер поднимает руку и прикасается пальцем к моему горлу. — Синяки, — констатирует он. — Аса заметил?

Теперь он поглаживает пальцем мою шею. Знаю, не стоит обращать на это внимание, но всякий раз, когда Картер со мной контактирует, независимо от причины, такое ощущение, что я вспоминаю, насколько вообще способна чувствовать. За последние пару лет

с Аса, я нарастила корку льда на сердце, а Картер сводит на нет все эти усилия.

— Аса заметил, но ничего не заподозрил. Посчитал, что нанес их сам.

От моих слов Картер вздрагивает. Его глаза не отрываются от моих. — Слоан, — шепчет он, качая головой. Он убирает руку с моей шеи и запускает себе в волосы. Я вижу как он тяжело сглатывает ненависть от мысли, что Аса поднял на меня руку. Очевидно, Картер беспокоится за меня, и я полностью его понимаю. Но он также знает, почему я не уйду, и вроде как, не осуждает. На самом деле Картер понимает мое положение и сочувствует. Мне нравится эта его черта — сопереживание.

Это то, что Аса, судя по всему, за всю свою жизнь ни разу не испытывал.

Картер кладет нежно руку на мой локоть. — Пошли. Зайдем места. — Он делает попытку направить меня к двери, но я не поддаюсь.

— Картер, подожди.

Он снова поворачивается ко мне лицом, отходя в сторону, чтобы позволить двум студентам войти. Я смотрю по сторонам коридора. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

Весь оставшийся в нем гнев отгоняет беспокойство. Он кивает и ведет меня по коридору, подальше от аудитории, ища уединенное местечко. Мы проходим очередную дверь, Картер заглядывает в окно, а затем дергает дверную ручку. Заводит меня в пустой класс.

Это музыкальная комната, возле одной стены стоят различные инструменты, а в центре по кругу располагаются столы. Когда дверь позади нас закрывается, и мы, наконец, оказываемся наедине, то я жду, что Картер начнет меня расспрашивать. Вместо этого, как только я поворачиваюсь, он притягивает меня к себе, плотно обхватив руками, и прижимает мою голову к своему плечу.

Он обнимает меня.

Это все, что он делает. Картер обнимает меня крепко, не говоря ни слова, но я чувствую все, что он говорит. И я понимаю, что с прошлой ночи, после всего того, что произошло с Джоном, он очень переживал за меня. Вероятно, он хотел обнять меня и успокоить еще прошлой ночью. И как только увидел меня утром. Но простые объятия — не так уж просты в моей жизни.

Я обхватываю его руками и утыкаюсь лицом в его рубашку, вдыхая тонкий запах одеколona. Он пахнет как пляж. Я закрываю глаза и представляю, что мы там. Вдали от всего этого дерьма.

Мы стоим в тишине несколько минут, не двигаясь. Спустя некоторое время, я даже не

могу определить кто кого обнимает — кто кого держит. Словно мы оба застыли, держась друг за друга, от страха, что можем упасть, если разомкнем объятия.

— Я произнесла твое имя во сне, — прерываю я тишину.

Картер немедленно отстраняется и смотрит на меня. — Аса услышал?

Я киваю. — Да. Но думаю, у меня получилось выкрутиться. Я сказала, что ему послышалось, и в действительности я произнесла другое слово. Но он был таким злым, когда это случилось, Картер. Злее, чем я когда-либо видела. И я просто... я подумала, что ты должен знать. Нам нужно быть более осторожными. Я имею в виду, что знаю — на самом деле между нами ничего серьезного не происходит, но...

Картер прерывает: — Разве? Понимаю, мы технически ничего не сделали, но это не невинно, Слоан. Если Аса узнает, что мы вместе в одном классе...

— Ты прав, — соглашаюсь я.

Картер кивает головой, понимая что это значит. Теперь он не должен вообще разговаривать со мной в доме. Черт, он даже не должен смотреть в мою сторону. После сегодняшнего утра, Аса будет подозрительным, несмотря на то, что поверил мне. Последнее, что я хочу сделать — создать проблемы Картеру, но кажется, я уже сделала это.

— Мне жаль, — извиняюсь я.

— Почему ты извиняешься? Потому что тебе снился сон обо мне?

Я киваю.

Картер поднимает руку к моей щеке, и угол его рта дергается в улыбке. — Если ты извиняешься за это, то я должен тебе уже около десятка извинений.

Я кусаю щеку, чтобы скрыть улыбку. Картер опускает руку и кладет мне ее на спину. — Мы опоздаем, если не поторопимся.

Меня смешит мысль об опоздании. Какой имеет вес опоздание на урок по сравнению со всем дерьмом, что творится в нашей жизни? Малюсенький. Но он прав.

Я выхожу за ним из музыкальной комнаты и следую до нашего класса. Перед тем как войти вовнутрь, Картер наклоняется и шепчет:

— Как бы то ни было, сегодня ты очень красивая. И это сводит меня с ума.

Он идет дальше, несмотря на то, что от его слов мои ноги приросли к полу. Это все всего лишь... *Слова*. Несколько простых слов, собранные в одно предложение. Но они

обладали достаточной силой, чтобы физически остановить работу моего мозга.

Моя рука на автомате тянется ко рту, и я неслышно выдыхаю. Всеми силами сдерживаю улыбку, которая очень хочет украсить мое лицо и каким-то образом заставляю свои ноги зайти в класс. Поднимаю взгляд и вижу как Картер отодвигает два стула на самом верхнем ряду, поэтому направляюсь туда.

У меня такая слабость в коленях, что я готова упасть. Вот как это должно быть. *Вот до чего парни должны доводить девушек.*

Что, черт возьми, я вообще нашла в Аса?

Я дохожу до своего места, но Картер по-прежнему стоит и ждет когда я сяду. Посылаю ему улыбку, благодарю и сажусь. Вынимаю книги из рюкзака, то же самое делает и он, и как только мы рассаживаемся в класс входит профессор. Он поворачивается к доске и начинает что-то писать.

Из-за долгих криков на вчерашнем футбольном матче, у меня сел голос. Прочтите с восьмого по десятый параграф, мы обсудим их на следующем уроке.

Одна половина класса смеется, другая стонет. Мы с Картером открываем нужную страницу и начинаем читать. Но через несколько минут Картер берет ручку и начинает писать записку. От предвкушения кружится голова, надеюсь, что он пишет мне, а не заметки по прочитанному.

Я не испытываю чувство вины. Хотя должна. Особенно после того как Аса сделал мне сегодня предложение, и из страха за свою жизнь я сказала да.

Это полная жопа. Я попаду в ад.

А вообще... я наверно уже нахожусь в аду. Большая часть этой жизни, мне кажется наказанием за что-то ужасное, что я, возможно, совершила в прошлой жизни. По крайней мере, пока в ней не появился Картер. Я уже не помню, что до встречи с ним я наслаждалась жизнью.

Картер протягивает мне записку. Она согнута пополам, поэтому я открываю ее и читаю. Я ожидала набор случайных слов, как в той игре, в которую мы играли.

Но вместо этого, он написал простую просьбу.

Опусти руку под стол.

Я прочитываю ее дважды, прежде чем взглянуть на свои руки. Записка какая-то странная, но не как если бы мы играли в нашу игру. Странная только потому что она смутила меня. Я прячу записку под книгой и опускаю руку под стол, ожидая что он в нее

что-то вложит.

К моему удивлению, Картер ничего не вкладывает. К моей руке прижимается его теплая ладонь. Он переплетает наши пальцы и кладет наши руки мне на бедро.

А потом он переводит все свое внимание на книгу, продолжая чтение, словно не воспламенил меня только что.

И это именно то что я чувствую, когда Картер держит мою руку, прикасается к моему бедру. Чувство такое, что меня срочно нужно облить ведром воды. Сердце начинает биться быстрее, все тело начинает покалывать.

Он держит меня за руку.

Твою мать.

Не знала, что держаться за руки приятнее чем целоваться. Лучше чем секс. По крайней мере, секс с Аса.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на тяжести его руки на бедре. На тяжести его пальцев на моих. На том, как он иногда поглаживает ладонь большим пальцем.

После, наверно, пятнадцатиминутного притворства чтения книги, Картер вытягивает свою руку. Но не отпускает. Просто начинает вырисовывать круги на моей ладони. Поглаживает каждую часть пальцев, ладони, *между* пальцами. И с каждой пройденной минутой в моей голове зарождаются мысли о том, как бы эти руки ощущались на моих ногах. Шее. Животе.

Дышать становится тяжелее. Я начинаю чаще вдыхать, с каждой минутой приближаясь к концу урока.

Я не хочу, чтобы урок заканчивался. Я хочу, чтобы он никогда не заканчивался.

Когда Картер дважды исследовал каждый кусочек моей руки, его пальцы переместились на бедро. Теперь он гладит мое колено, на три сантиметра выше и обратно до колена. Я сижу с закрытыми глазами, сжимая в руке книгу. Картер продолжает свои поглаживания в течение нескольких минут, сводя меня с ума настолько, что я готова соскочить с места и убежать в туалет, чтобы умыться холодной водой.

Но я сижу на месте, потому что пятьдесят минут урока заканчиваются и все встают со своих мест.

Нахожу в себе силы, чтобы открыть глаза и смотрю на Картера. Он тоже смотрит на меня, глаза полузакрыты и полыхают огнем, а его влажные губы не позволяют отвести взгляда. Он снова берет меня за руку и сжимает ее.

— Знаю, мне не следовало...

Качаю головой. — Не следовало.

Я даже не знаю что он хотел сказать, но я понятия не имею где сейчас витают его мысли, потому что мои там же.

— Я знаю, — говорит он. — Я просто... не могу находиться рядом с тобой и не прикасаться к тебе.

— И я не могу оттолкнуть тебя.

Картер глубоко вдыхает и медленно выдыхает, отпуская мою руку. Собирает свои книги и засунув их в рюкзак, встает. Я смотрю на него сверху в низ, а он на меня снизу вверх. Жду, когда он попросится со мной или уйдет, но он стоит на месте.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд, после чего Картер бросает рюкзак и садится на место. Запускает руку в мои волосы и прижимается лбом к моему виску. Я не понимаю что он делает, но от отчаяния, с которым он прижимается, я вздрагиваю.

— Слоан, — шепчет он, его губы прямо у моего уха. — Я хочу всю тебя. Так чертовски сильно. До такой степени, что слепит в глазах.

Я ахаю от его признания.

— Пожалуйста, будь осторожна, — просит он. — До тех пор, пока я не помогу тебе выбраться от туда. Я не знаю когда это произойдет, но пожалуйста. Будь очень очень осторожна.

Я изо всех сил замуриваюсь, когда Картер целует меня в волосы. Чего бы я только не отдала, чтобы эти губы сейчас прижимались к моим губам.

Как я могу переживать такую бурю чувств по отношению к человеку, которого только недавно встретила? К кому-то, с кем еще даже не целовалась? К кому-то, кого очень хочу, но так же и презираю все, чем он занимается?

— Если я сегодня приеду к вам вечером, я даже не взгляну в твою сторону, — предупреждает он. — Но знай, все, что я вижу — это ты. Ты, блядь, все, что я вижу, Слоан.

Он отпускает меня так же быстро как схватил. Поднимает свой рюкзак и снова встает. Я слышу как он выходит из класса, но сама по-прежнему сижу совершенно неподвижно, с закрытыми глазами и колотящимся сердцем в груди.

Я хочу большего, не зависимо от того что он заставит меня чувствовать. И в то же время,

я хочу, чтобы он ушел из колледжа. Уехал из города. От Аса. Знаю, Картер хочет, чтобы я ушла от Аса и сама этого хочу. Так сильно хочу, но я должна хорошо подготовиться, чтобы это произошло. И если я уйду, Картер тоже должен будет уйти. Мало того, что ему нужно порвать все связи с Аса, еще мне нужно, чтобы он порвал все связи с этим коррумпированным образом жизни, который создал Аса.

Мы оба должны уйти.

Прежде чем станет слишком поздно...

Глава 24 АСА

Asa

Я никогда не был тем парнем, кто связывается с дерьмом. Еще одна мудрость, которой меня научил отец.

«Если что-то не приносит пользу, оно не должно тебя волновать».

Возможно, это лучший совет, что он когда-либо мне давал. Применяю эту мудрость в каждом аспекте своей жизни. В дружбе. С партнерами по бизнесу. В образовании. В своей империи.

Да, я сказал империи. Пока еще не все схвачено, но позитивное мышление и все в этом духе, согласны?

Когда я только начинал торговать наркотой, я был малышом. Толкал, что мог, когда мог и кому попало. В основном экстази детишкам из колледжа и траву хипарям. Но однажды я осознал, что так не получить деньги и власть, и начал учиться.

Прошел уже целый год, как я начал учиться каждую минуту каждого дня. И я сейчас не об этих дерьмовых учебниках, которые учат нас найти постоянную офисную работу со средней зарплатой, чтобы можно было позволить один дом, одну машину и жену. Я говорю о *настоящей* учебе. Знакомиться с людьми. Стать таким человеком, с которым они хотят встретиться. Пробовать хорошую наркоту: героин, кокс, чтобы понять, что лучше подходит для каждой группы населения. Знать, как не подсесть на эту дрянь. Узнать своего дилера так хорошо, чтобы стать лучшими друзьями не только с ним, но и с его дилером. Войти в доверие к любому, у кого больше власти, но сильно не высовываться, чтобы они не заметили, когда, к их удивлению, у тебя будет больше влияния, чем у них.

Я многому научился и прошел трудный путь. *Правильный*, с низов на самую вершину.

Не работаю сейчас с мелочью: травой, колесами или экстази. В первую очередь завязал с травой. Это *перебор*. Хочешь травы? Езжай в сраный Колорадо и купи себе подарочную карту в «кондитерскую». Не трать мое время зря.

Но, если тебе нужен хороший товар... тот, что заставит тебя почувствовать, будто ты целуешь лик самого Господа Бога? Вот тогда ты придешь ко мне. Я не продам тебе Форд, но предложу редчайший чертов Бугатти, который больше нигде не встретишь.

И я все еще расширяюсь. И всегда буду развиваться. Каждый второй на моем месте считает, что ему больше нечему научиться, поэтому их всех превзойдут другие парни. Насколько я знаю, в этом городе больше нет места выше Аса Джексона. У меня отличная команда. Парни, которые знают свое место, те, что понимают: я буду справедлив с ними, если они будут честны со мной.

Все еще присматриваюсь к своему самому новенькому, Картеру. Большинство людей прозрачны, но этот как мутная река. Большинство, особенно те, что работают на меня, целуют мою задницу, так как знают, как же чертовски приятно залезть мне в карман.

Картер другой. Он, кажется, не беспокоится ни о том, ни о другом. Его безразличие раздражает меня. Парнишка немного напоминает меня, но не уверен, что это хороший признак. Здесь есть место только для меня одного.

Мой «старичок» Джон начинает становиться небрежным. Однажды он был моей правой рукой, но в последнее время превратился в чертову ахиллесову пята.

Что возвращает меня к моей первой мысли.

«Если что-то не приносит пользу, оно не должно тебя волновать».

Стараюсь найти то, в чем Джон мне полезен. Но парень, кажется, только размазывает дерьмо, где бы он не прошел. На прошлой неделе чувак потерял моего главного клиента, потому что не смог удержать свой член в штанах, когда дело дошло до клиентской жены. Даже я в курсе как провести линию между своим членом и кошельком.

В отличии от Джона, Картер сплошная польза. Парень хороший переводчик, тихий, появляется там, где должен быть и делает то, что я говорю. Что является единственной причиной, почему я до сих пор не избавился от него, несмотря на свои подозрения. Он еще не перебор.

Однако, Джон. Он становится лишним грузом.

Но этот парень знает слишком много, что приводит к еще большей проблеме.

Для Джона. Не для меня.

Кроме бизнеса, я убрал все крайности из своей жизни. Все кроме Слоан, она намного больше, чем крайность. Если сравнивать ее с наркотиком, эта девушка- героин. Герыч классный. Он делает тебя мягким. Если у тебя его с запасом, героин будет тем, что ты с радостью можешь вводить каждый день до конца своих дней.

Может это странно сравнивать людей и наркоту, но когда эта дрянь — все, в чем ты разбираешься, это нормально.

Джон был бы метом. Слишком дерзкий, много говорит, иногда приносит боль. Реальную гребанную боль.

Далтон был бы коксом. Общительный, дружелюбный, заставляющий хотеть еще больше кокаина. Я люблю кокс.

Картер был бы...

Чем был бы Картер?

Думаю, пока знаю его недостаточно хорошо, чтобы сказать, какой наркотик он напоминает. Но, на те две минуты прошлой ночью, когда мне показалось, что Слоан произнесла его блядское имя, для меня он был охрененным передозом.

Но она не называла его имени. Слоан даже никогда не разговаривала с этим парнем, насколько я знаю. И, если Картер умный, он тоже не общался с ней, кроме того знакомства на кухне.

Но скоро я не буду больше волноваться о парнях вокруг нее, так как девушка не будет больше жить в этом доме. Она будет в *нашем* доме.

Дерьмо.

Блять!

Я же должен купить чертово кольцо сегодня. Знал же, что забыл что-то.

Направляюсь в гардеробную и одеваюсь. Размышляю на счет Армани. Понимаете — особенный день и все такое. Но вместо этого хватаю темно-синюю полуспортивную рубашку, которая нравится Слоан и брюки. А вообще без разницы, что я выберу, здесь все шикарное. Всегда одеваюсь согласно уважению, которое хочу получить.

И нет, мой долбаный папаша этому меня не учил. Он бы наверно добился большего в том мире, если бы не одевался как чертов бродяга, кем он собственно и являлся.

Спустившись по лестнице, заглядываю на кухню и замечаю Джона, стоящего возле раковины спиной ко мне. Прикладывает пакет льда к голове.

— Что случилось?

Джон поворачивается, вся правая часть его лица черно-синяя.

— Боже, мужик. Кто тебя так обхерачил?

Джон опускает лед в раковину.

— Не важно.

Подхожу к нему. Вблизи его лицо еще хуже. И если парниша думает, что мне не следует рассказывать, кто его отмудохал, то он ошибается. Если Джон испортил еще одно задание, его левая сторона будет выглядеть намного хуже, чем правая. Хватаю ключи со столешницы и повторяю вопрос:

— Кто, блять, тебя избил?

Он сжимает челюсть и отводит взгляд.

— Один засранец застал меня вчера ночью со своей девушкой. Набросился на меня, защитник. Но выглядит хуже, чем было на самом деле.

Долбаный идиот.

— Не, думаю выглядит как раз так, как было, — смеюсь в ответ.

Подхожу к шкафчику и проверяю запасы алкоголя. Пусто, как обычно. С силой захлопываю дверцу.

— Сегодня кое-что будем праздновать. Нужно, чтоб ты закупился. У меня дела.

Джон кивает.

— Особый случай?

— Ага, обручился. Сделай все по первому классу. Никакого дешевого бухла.

Направляюсь к двери и слышу, как Джон смеется. Оборачиваюсь, этот дебил все еще улыбается.

— Что смешного? — спрашиваю, возвращаясь на кухню.

Джон качает головой.

— А что *не* смешного в том что, ты собираешься жениться, Аса?

Я тоже смеюсь, а потом хватаю его за левую сторону лица.

Carter

Я добираюсь до машины на стоянке. Каким-то образом мне это удастся. Хватаюсь за руль и откидываю голову назад.

Понятия не имею, где теперь прочерчена граница, все чертовски размыто. Я пытаюсь выполнить работу, ради которой я здесь, но в то же время, из-за Слоан меня мучает вопрос — действительно ли это та жизнь, которую я хочу. Я не понимаю, кем я был сейчас Картером, или все это время я был Люком? Люк превращающийся в Картера.

Слишком много личного я смешал с работой, но как не быть собой, когда я рядом с ней? Все, что я хочу ей сказать. Все, что я хотел бы для нее сделать. Правда, которую я бы хотел ей рассказать.

Если бы я рассказал ей правду о том, кто я и для чего я здесь, я бы рискнул всем. Своей жизнью. Жизнью Райана. Возможно, и *ее* жизнью. Чем меньше она знает, тем лучше.

Прижимаюсь лбом к рулю и пытаюсь представить неизбежную кучу дерьма, что встанет на нашем пути.

Я хочу быть с ней. Хочу быть с ней, как Люк. Но этого не произойдет до тех пор, пока у нас не будет достаточно доказательств, чтобы посадить Аса навсегда. А мы не можем посадить его, пока он не оступится. Сейчас он осторожен. Он умнее, чем я думал вначале.

Но чем больше времени требуется, чтобы разобраться с этим расследованием, тем больше Слоан подвергается опасности. И учитывая то, что я теперь знаю об Аса, уйти от него — это худшее, что она может сделать. Он не позволит ей уйти с миром. Он сделает ей больно. И я не удивлюсь, если он сделает очень больно и ее брату.

Слоан застряла с ним, пока его не посадят, а на это могут уйти месяцы.

Снова откидываюсь на сиденье и беру телефон. Как будто чувствуя, у меня появляются два сообщения от Аса.

Аса: ты где?

Аса: встретимся за обедом в полдень. В Перальте. Я чертовски голоден.

Несколько секунд я смотрю на сообщения. Это на него не похоже. Он не пишет со своего телефона, если это связано с работой, а это значит... он хочет просто *пообедать*?

Я: буду там в десять.

Двенадцать минут спустя я захожу в ресторан, где ждет Аса. Он смотрит вниз на свой телефон, когда я сажусь на свое место.

— Привет, — здоровается он, даже не подняв взгляда. Отправляет сообщение, а затем откладывает телефон в сторону.

— Ты занят сегодня вечером? — спрашивает он.

Я качаю головой и беру меню.

— Не-а. А что?

Читаю меню, и не глядя на Аса чувствую, что он улыбается. Он тянется за спину, а затем кладет что-то на стол. Опускаю меню и мой взгляд падает на коробочку.

Коробочка для ювелирных украшений.

Какого хрена?

Аса открывает ее и протягивает мне. Смотрю на кольцо, в то время как все тело зудит от страха. *Он хочет сделать предложение?*

Я стараюсь не смеяться. Он чертов сумасшедший, если думает, что она согласится на это. К тому же он не знает Слоан так хорошо, как думает, потому что это кольцо абсолютно не похоже на Слоан. Кольцо безвкусное и слишком броское. Она его, блять, возненавидит.

— Ты хочешь сделать предложение? — возвращаю ему коробочку и снова беру меню, будто мне не интересно.

— Нет, уже сделал. Сегодня отмечаем.

Мой взгляд перемещается с меню прямо на него.

— Она сказала да? — до сих пор, я не имел и понятия, что кивок может быть таким самоуверенным. Выдавливаю улыбку:

— Поздравляю, мужик. Видно, что она достойна этого.

Почему Слоан не упомянула об этом утром? Подумала, что я разозлюсь? Она должна знать, что я понимаю, почему она сказала да. В ее положении она не может сказать нет Аса.

Согласиться было самым безопасным.

Просто не понимаю, почему она не предупредила меня.

Аса убирает коробку обратно в карман пальто.

— Она *действительно* достойна. Она героин.

Я выгибаю бровь.

— Героин?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аса отмахивается от моего вопроса и зовет официанта.

— Я хочу пива. То, что у вас на разлив. И чизбургер, это все.

Официант смотрит на меня.

— Тоже самое, — говорю я.

Мы отдаем меню, и я чувствую, как в кармане вибрирует телефон. Наверное, это Далтон. Я написал ему по пути сюда, что собираюсь пообедать с Аса. Я не знал, для чего этот обед, но хотел убедиться, что команда знает, где я. Особенно после того, как Слоан назвала мое имя во сне. Я ожидал, что мое согласие на этот обед можно посчитать самоубийством.

Делаю глоток воды из стакана, что уже стоит на столе.

— Так когда свадьба?

Аса пожимает плечами.

— Пока не знаю. Скоро. Я хочу перевезти ее из этого чертового дома, прежде чем она пострадает. Я не доверяю ни одному проклятому человеку, что обитают рядом с ней.

Как заботливо с его стороны. Он говорит об этом с опозданием на день, но уверен, что Джон не мог ему рассказать.

— А мне казалось, ей там нравится, — вру я. — Разве у вас не свободные отношения? Как так получается?

Глаза Аса сужаются.

— Нет, у нас нихрена не свободные отношения. С какого перепуга ты так подумал?

Я смеюсь и небрежно перечисляю все причины, почему человек из его окружения *может* так подумать, даже если я знаю больше.

— Джесс? Цыпочка, которую ты трахал в вашей спальне на прошлой неделе? Девушка в бассейне два дня назад?

Аса смеется.

— Тебе предстоит многое узнать об отношениях, Картер.

Откидываюсь на спинку стула. Стараюсь поддержать этот разговор, не показывая излишнюю заинтересованность, поскольку хочу знать подробности о том, почему он тратит время на Слоан.

— Может и так. Я считал, что большинство отношений строятся между двумя людьми, но, наверное, я ошибаюсь. Меня отношения сбивают с толку. Как и тебя.

— *Как и тебя?* — повторяет он. — Кто, блять, это сказал?

Нас прерывает официант, принесший пиво. Аса отодвигает свое пиво в сторону и наклоняется вперед, постукивая указательным пальцем по столу.

— Позволь мне кое-что объяснить тебе насчет отношений, Картер. В случае, если ты когда-нибудь в них окажешься.

Это должно быть интересно.

— Твой отец жив? — спрашивает Аса.

- Не-а. Умер, когда мне было два года. — *Это ложь. Он умер три года назад.*

— Ну вот и твоя первая проблема. Тебя вырастила женщина.

— Это плохо?

Аса кивает.

— Ты узнал о жизни от женщины. Как и многие мужчины, это нормально. Но в этом-то и проблема для большинства мужчин. Мужчины должны учиться у мужчин. Мы устроены иначе, чем общество призывает женщин верить.

Я не отвечаю. Жду, что он продолжит такое редкое нравоучение от щедрого "гения".

— Мужчины были созданы природой, не для того чтобы быть моногамным. Это укоренилось в нас для распространения нашего семени. Чтобы сохранять популяцию. Мы

производители по умолчанию, и не важно, что общество пытается навязывать нам, мы будем производителями, пока не убьем себя. Вот почему мы все время чертовски возбуждены.

Я смотрю налево, на двух пожилых женщин, рты которых открылись от подслушанного определения мужчин от Аса.

— Женщины — это те, кто рожают, — указываю я. — Разве они не считаются тоже производителями? Природа заложила в них эту способность, не для того чтобы увеличивать население?

Аса качает головой.

— Они хранители. Их обязанность вынашивать плод. А не создавать. Кроме того, женщины не нуждаются в сексе так, как мужчины.

Я бы хотел это записывать.

— Нет?

— Нихрена! Они хотят выражать мысли... эмоции... чувства. Они хотят связи... связи на протяжении всей жизни. Вот почему они прибегают к браку, потому что в них природой заложено найти себе защитника. Кормильца. Им нужна стабильность, дом, место, чтобы растить своих детей. У женщины нет постоянного физического желания, как у нас. Так что это справедливая сделка: мы создаем семьи для женщин, но нам тоже нужна отдушина, чтобы потакать своим естественным побуждениям. Когда мужики изменяют, это отличает от того, когда изменяют бабы.

Я киваю, как будто понимаю его философию, хотя мне горько за Слоан.

— Итак, по-твоему, женщины не имеют биологического оправдания, чтобы спать более чем с одним мужчиной. А мужчины имеют?

Аса кивает.

— Точно. Когда изменяет мужчина, это чисто физическая нужда. В женщине нас привлекают бедра, ноги, задница, сиськи. Это чисто половой акт. Всунул, высунул. Когда женщина изменяет, это чисто психологическое желание. Они возбуждаются эмоционально. От своих ощущений. Если женщина трахается с мужчиной, это не потому, что она просто возбуждена. Это потому, что она хочет, чтобы ее любили. Вот почему я изменяю Слоан. И вот почему Слоан не позволительно изменять мне. Измена мужчины отличается от измены женщины, и это факт, доказанный самой матерью-природой.

Блядь. Такие люди действительно существуют. Да поможет нам Бог.

— И Слоан это устраивает?

Аса смеется.

— В том то и дело, Картер. Женщины не понимают нас, потому что они не такие, как мы. Поэтому мужчинам также была дана такая способность, как хорошо врать.

Я улыбаюсь, когда все, что мне хочется сделать — это потянуться через стол и положить конец его способности к размножению — остановить его способность создавать жизнь, подобную своей.

— Так какую роль любовницы играют во всем этом? — спрашиваю.

Аса мерзко улыбается.

— Вот для чего Бог создал шлюх, Картер.

Выдавливаю улыбку. Он прав в одном — я определенно умею хорошо врать.

— Так значит, шлюхи для удовлетворения природных потребностей, а жены для вынашивания ребенка, — подвожу итог я.

Аса гордо улыбается, как будто научил меня чему-то. Он поднимает свое пиво.

— Выпьем за это, — говорит он. Мы чокаемся пивом, и он делает глоток.

— Мой отец любил размышлять на подобные темы.

— Он еще жив?

Аса кивает, но я замечаю внезапное напряжение его челюсти.

— Да. Где-то.

Нам приносят еду, но я не уверен, что хочу есть после нашей лекции по Дарвинизму.

И я точно не хочу есть, зная, что сегодня увижу Слоан. *На вечеринке ее гребаной помолвки.*

— Ты должен произнести тост сегодня.

Перестаю жевать.

— В смысле?

Аса делает глоток своего пива.

— Сегодня вечером, — поясняет он, ставя пиво обратно на стол. — На вечеринке. Ты должен произнести тост после того, как я объявлю о помолвке. Ты умеешь связывать слова лучше любого другого мудака, который там будет. Представь меня в лучшем свете. Слоан сожрет это дерьмо.

Через силу проглатываю еду.

— Сочту за честь.

Сукин сын.

Глава 26 СЛОАН

Sloan

Каждый день я стараюсь занять себя чем-нибудь, чтобы позже прийти домой. Чем меньше я здесь нахожусь, тем лучше. Сегодня после того, как закончились занятия, я сходила в спортзал, потом в библиотеку. Уже было больше семи, когда я, наконец, зашла домой. Джон сидел на диване, глядя на меня.

Заметив его рожу, я кинулась к лестнице и поднялась в свою комнату так быстро, как смогла. Я не в курсе, что произошло после того, как вчера вечером оставила ребят наедине, но понятно, что Картер с ним не закончил, потому что обе стороны лица Джона теперь черно-синие.

Проверяю, что заперла дверь спальни. Не знаю, здесь Аса или нет, но я больше никогда не рискну снова остаться с Джоном наедине.

Как только оказываюсь в комнате, бросаю свой рюкзак на пол. Мой взгляд мгновенно падает на тумбочку. Точнее на коробочку, что стоит на тумбочке.

Он купил мне кольцо. Он дает обещания почти каждый день и никогда их не выполняет. Единственный раз, когда я хочу чтобы он забыл об обещании — это единственный раз, когда он все помнит.

Да я везунчик!

Подхожу к тумбочке и открываю коробочку. Я даже не беру ее, а просто открываю, не очень желая видеть кольцо.

И сразу морщусь. Конечно, он купил бы что-то подобное; оно было, наверное, самым большим в ювелирном магазине. Три огромных бриллианта на толстом платиновом кольце, каждый бриллиант обрамляет камень поменьше.

Уродливое, как самое настоящее дерьмо. Неужели мне придется носить это?

Его никак не спрячешь. Я знала, что должна была предупредить сегодня Картера. Просто не знала, как сказать парню, к которому я испытываю чувства, что я только что обручилась с другим. С тем, кого он ненавидит. Даже если это помолвка очень мало для меня значит.

Я слышу смех на улице, поэтому подхожу к окну. Повсюду расставлены бочки с напитками, а Далтон стоит у гриля, готовя бургеры.

Кто-то развалился на шезлонгах, кто-то просто стоит у бассейна. Человек двадцать. Аса, должно быть, нагрел бассейн. Сейчас на улице градусов восемнадцать и вода слишком холодная, чтобы плавать, но несколько человек уже в бассейне.

Аса нагревает бассейн только для больших вечеринок.

Дерьмо.

Разворачиваюсь на стук в дверь спальни.

— Слоан!

Мчусь к двери и открываю ее, впуская Аса. Он улыбается, не успев взглянуть мне в глаза.

— Привет, будущая жена.

Забавно, как то, что он считает ласковым обращением, для меня звучит как оскорбление.

— Привет... будущий муж.

Он обнимает меня за талию и целует в шею.

— Надеюсь, прошлой ночью ты хорошо выспалась, потому что сегодня ты спать не будешь, — его губы поднимаются вверх по моей шее и останавливаются у уголка моего рта. — Хочешь увидеть кольцо сейчас или попозже?

Я не могу сказать ему, что уже видела кольцо, и это кольцо служит еще одним доказательством того, что он меня вообще не знает. Я говорю, что хочу увидеть его сейчас, потому что если выберу вариант "попозже", он раздует из этого большую проблему. Это последнее, чего я хочу.

Аса подходит к тумбочке и берет коробку. Дает ее мне, но тут же забирает обратно.

— Подожди. Нужно сделать это правильно.

Он опускается на одно колено и поднимает коробочку с кольцом передо мной.

— Ты окажешь мне честь стать миссис Аса Джексон?

Серьезно? Это должно быть худшим предложением в истории. Если не считать того, что он сделал его сегодня утром сразу после того как его рука сжимала мое горло.

— Я уже сказала да, глупенький, — говорю ему.

Он ухмыляется и надевает кольцо на мой палец. Я разглядываю его, поднося к свету. *Не знала, что кандалы могут так сильно сверкать.*

Аса встает и идет к гардеробной. Снимает свою голубую рубашку и начинает выбирать другую.

— Сегодня мы должны быть в одной цветовой гамме, — говорит он. — Черная рубашка, черное платье. — Он достает рубашку, а затем бросает в мою сторону платье. Я ловлю его. — Я буду так рад, когда у нас в скором времени появится свой дом. С отдельной гардеробной.

Мои руки сжимают платье.

— Наш собственный дом?

Аса смеется.

— Ты же не думаешь, что я собираюсь жениться на тебе и держать в *этом* доме, правда?

— *Держать* меня?

Он надевает черную рубашку через голову. Смеется себе под нос, пока застегивает ее.

— У меня сегодня был обед с Картером, — говорит он небрежно, садясь на кровать.

Обед? Что? Наш урок закончился в обеденное время. Картер ушел из класса после того, как заставил меня почувствовать бурю, а затем пошел обедать с *Аса*?

Почему?

Я сажусь на противоположную сторону кровати и равнодушно произношу:

— О, да?

Аса начинает натягивать носки.

— Он не так уж и плох. Мы вроде он нравится. Может, даже попрошу его быть шафером на нашей свадьбе.

Он уже планирует свадьбу?

Аса обувается и встает, поворачиваясь к зеркалу. Запускает обе руки в волосы.

— Уже думала о том, кого попросишь быть подружками невесты? У тебя вроде нет друзей?

Из-за тебя мне трудно заводить друзей, Аса.

— Наша помолвка была только утром, — говорю ему. — Потом у меня весь день были занятия. Времени особо не было, чтобы подумать о деталях свадьбы.

— Ты могла бы попросить Джесс быть подружкой невесты, — предлагает он.

Я киваю, но про себя смеюсь. Джесс ненавидит меня. Не знаю, почему, но эта девушка ни разу за шесть месяцев не посмотрела в мою сторону, независимо от того, сколько раз я пробовала подружиться с ней.

— Ага, — говорю я. — Я могла бы спросить Джесс.

Аса открывает дверь спальни и кивает в сторону платья, которое я по-прежнему крепко сжимаю в кулаке.

— Прими душ и собирайся. Я хочу, чтобы ты хорошо выглядела сегодня на большом заявлении.

Дверь закрывается за его спиной. Я смотрю вниз на платье. На кольцо.

Яма, которую я для себя вырыла, становится все глубже и глубже. Если я не выясню, как выбраться из нее, Аса зальет ее цементом.

Аса больше любит, когда у меня прямые волосы. Я знаю это, потому что пару раз, когда я завивала локоны, он просил меня переделать прическу. Первый раз это случилось сразу после того как мы начали встречаться, когда он впервые познакомил меня с Джоном и Джесс. И еще раз на нашу первую годовщину, когда мы пошли на ужин в ресторан, который я сама организовала. Праздничный ужин, о котором мне пришлось напомнить ему раза три.

Он сказал, что у его матери были кудрявые волосы, и он хочет, чтобы у меня были прямые.

Я ничего не знаю о его семье, кроме того, что у него ее нет. А та фраза про волосы матери — единственный раз, когда он упоминал о ней за все годы, что я его знаю.

Но... вот она я, стою перед зеркалом с плойкой, завивая волосы. Просто потому, что я знаю, что Картеру так нравится. Иногда я ловлю его взгляд на своих волосах, когда накручиваю локоны. Как будто он хочет прикоснуться к ним — скользнуть рукой в волосы и притянуть мое лицо к своему. И даже если он будет на противоположном конце комнаты от меня, и даже не посмотрит в мою сторону, я накручу кудри. Для него.

А не для своего *жениха*.

Музыка орет, дом полон людей, а я пробыла в ванной полтора часа. И конечно же, целый час я смотрела на себя в зеркало, гадая, как черт возьми, я докатилась до этого. Однако мне нужно перестать заикливаться на всех плохих решениях, которые я приняла, и понять, как все исправить.

В воскресенье я поеду к брату. Сейчас, когда его уход — забота частной клиники, я больше не встречаюсь с социальным работником, чтобы подписывать его годовые расходы. Но, думаю, назначу встречу с ней, пока буду там в воскресенье. Я хочу выяснить, что могу сделать, чтобы получить для него бюджетное место без известия Аса.

Кто-то стучит в дверь ванной комнаты, поэтому я опускаю щипцы для укладки и выключаю их. Открываю дверь, чтобы увидеть Аса, вцепившегося в дверной косяк. Его глаза пробегают вниз по моему телу, а потом снова наверх.

— Ну, ни хера себе! — говорит он, входя в ванную.

Обнимает меня одной рукой за талию, а вторую опускает на мое бедро, пальцами поднимая платье вверх.

— Я планировал дождаться, пока мы не окажемся в постели ночью, но не уверен, что смогу.

От него пахнет виски. Наверное, еще и девяти нет, а он уже почти напился.

Толкаю его в грудь.

— Ну, тебе *придется* подождать. Я только что закончила собираться. Мне бы хотелось иметь возможность помучить тебя своим нарядом, как минимум, *пару* часов.

Он стонет и сажает меня на тумбу, прижимаясь ко мне между ног.

— Слоан, как так получилось, что одному парню так чертовски повезло?

Я закрываю глаза, когда он целует мое плечо. Как как так получилось, что одной

девушке так *не* повезло?

Он сжимает мою талию и снимает с тумбы. Но не опускает на пол. Берет меня на руки, и я вынуждена схватить его за шею, чтобы не упасть. Аса выносит меня из ванной и спускается вниз по лестнице. Прежде чем мы доходим до последней ступени, он останавливается и ставит меня на ноги.

— Подожди здесь, — говорит он, и перепрыгнув остальные ступеньки, исчезает на кухне.

Я оглядываю всех людей, собравшихся в гостиной. Так много гребаных людей. Ловлю взгляд Джесс и я улыбаюсь ей. Она отворачивается, но я почти уверена, что она сморщилась, прежде чем это сделать.

Не понимаю, что я ей сделала и почему она так меня ненавидит. Но, честно говоря, я привыкла, что люди обращаются со мной так же, как ко мне относится она. Я перестала сильно беспокоиться об этом даже раньше, чем перешла в среднюю школу.

Пальцами правой руки касаюсь левой и нервно кручу кольцо. Думаю, единственная положительная черта этого кольца в том, что оно настолько велико, что я, наверное, могу использовать его в целях самообороны. Может, пригодится, если я снова окажусь наедине с Джоном.

Чувствую волнение в желудке, даже раньше, чем замечаю его взгляд. Картер находится на другой стороне гостиной. Он стоит, прислонившись к стене, рядом с Далтоном. Его руки сложены на груди и он верен своему слову — он не смотрит на меня. Технически. Он смотрит на мою руку.

Я перестаю крутить кольцо, и когда я это делаю, его глаза поднимаются вверх к моим. Его глаза сужаются, челюсть напрягается. Рядом с ним стоит Далтон, смеется и что-то рассказывает, словно Картер полностью сосредоточен на его болтовне. Но, как сказал Картер ранее, он не может видеть ничего другого — он видит только меня. Выражение его лица не меняется. Даже когда Аса возвращается с двумя бокалами шампанского и передает один мне, Картер все равно не отводит взгляд. Это почти как если бы он нарочно мучал себя.

Я стараюсь немного избавить его от боли и первая отвожу взгляд. Похоже, то, что я смотрю на Аса, не помогает. Я до сих пор чувствую взгляд Картера, когда Аса поднимает бокал.

— Эй, ублюдки! — кричит он. — Выключите музыку!

Спустя несколько секунд музыка обрывается. Все в комнате поворачиваются к нам, и мне вдруг хочется убежать обратно вверх по лестнице и спрятаться. Я заставляю себя не смотреть на Картера.

Получив всеобщее внимание, Аса начинает говорить:

— Поскольку я не смог удержать свой гребаный рот на замке, большинство из вас уже знают, что она сказала "да", — он берет меня за руку. — Короче, она сказала "Да"!

Коллективные возгласы и поздравления заполняют комнату, но быстро прекращаются, когда становится очевидным, что Аса не закончил.

— Я любил эту девушку долгое время, — продолжает он. — Она мой гребаный мир. Так что пришло время нам сделать это официально. — Он улыбается мне, и я бы солгала, если бы сказала, что не чувствую абсолютно ничего по отношению к нему — даже если на данный момент это всего лишь симпатия. Где-то глубоко внутри, я знаю, что он стал таким, потому что так с ним обращались в детстве. С одной стороны, я не могу винить его за это. Однако, только потому, что его поведение во взрослой жизни может быть оправдано, тем, что в детстве его окружали ужасные люди, не значит, что я обязана быть несчастной всю свою жизнь только потому, что он любит меня.

Потому что он любит меня. Возможно, он любит меня своей безумной любовью, но он *любит*. Это очевидно.

Аса осматривает комнату.

— Картер! Мужик! Помоги нам отпраздновать это грандиозное событие тостом!

Я закрываю глаза. Зачем он втягивает Картера в это? Я не могу смотреть. Я не могу.

— Кто-нибудь дайте этому ублюдку бокал шампанского! — кричит Аса.

Я открываю глаза и медленно смотрю через всю комнату в сторону Картера, у которого все то же выражение лица. Только на этот раз, ему вручают бокал шампанского.

И стул, чтобы на него встать.

Гребанная жизнь.

Аса притягивает меня к себе и целует в голову, пока мы оба смотрим, как Картер встает на стул. В комнате очень тихо. Картер в некотором смысле завладел всей комнатой, хотя Аса даже не давал команду, а Картер еще даже не произнес ни слова. Будто всех присутствующих больше волнует, что должен сказать Картер, чем то, что должен был сказать Аса. Надеюсь, Аса этого не замечает.

Картер не смотрит на меня. Он подмигивает Аса и подносит ко рту бокал шампанского. Одним глотком выпивает весь стакан, прежде чем произносит тост.

Когда стакан пуст, он передает его Далтону, который держит бутылку шампанского. Тот

снова наполняет бокал Картера, после чего Картер подносит его к груди и смотрит прямо на Аса. Я вижу его быстрый, сдерживаемый выдох прямо перед тем, как он начинает говорить.

— Трудно поверить, что мы достигли возраста для помолвок. Браков. Создания семьи. Но еще труднее поверить, что Аса Джексон — тот, кто всех нас опередил.

Несколько человек в комнате смеются.

— Я никогда не считал себя парнем, который когда-нибудь остепенится. Но, побывав в окружении Аса и познакомившись с ним ближе — воочию наблюдая, насколько он *ценит* свои отношения со Слоан, возможно, он заставил меня изменить свое мнение. Потому что, если он смог найти себе такую красавицу, тогда, может, и для всех нас еще не слишком поздно.

Люди начинают поднимать свои бокалы, но Картер вскидывает руку в воздух, чтобы их успокоить. Я чувствую, как рядом напрягается Аса, но сама слишком напряжена с той секунды, как Картер начал говорить.

— Я еще не закончил, — говорит Картер, окидывая взглядом толпу. — Аса Джексон заслуживает тоста длиннее, чем этот, вы, нетерпеливые ублюдки.

Больше смеха.

Картер выпивает второй бокал шампанского, и ждет, пока Далтон наполнит его в третий раз. Мой пульс колотится так сильно, и я молюсь, чтобы Аса не схватил меня за запястье и не почувствовал его.

— Не смотря на то, что Слоан очень, *очень* красивая, — продолжает Картер, старательное не глядя на меня, — внешность не имеет никакого отношения к любви. Это не любовь, когда кто-то тебе кажется красивым. Это не любовь, когда вы вместе смеетесь над одними и теми же шутками. И это не любовь даже когда у вас очень много общего. Любовь — это не какой-то образ или форма, она не определяется силой физического желания.

Картер выпивает третий бокал шампанского и точно так же, Далтон наполняет его в четвертый раз. Теперь и я делаю глоток из своего бокала, потому что мой рот и горло абсолютно пересохли.

— Любовь, — говорит Картер, и теперь уже звучит немного невнятно и чуть громче.

— Любовь невозможно найти. Она сама тебя находит.

Глаза Картера перемещаются по всей комнате, пока не останавливаются на мне.

— Любовь находит тебя в прощании в самом конце боя. Любовь находит тебя в сопереживании, которое ты испытываешь к кому-то другому. Любовь находит тебя в

объятиях, что следуют за несчастьем. Любовь находит тебя в праздновании после победы над тяжелой болезнью. Любовь находит тебя в опустошении после *поражения* против болезни.

Картер поднимает бокал.

— За Аса и Слоан. Пусть любовь найдет вас в любом несчастье, с которым вы столкнетесь.

Комната взрывается овациями.

Мое сердце взрывается в груди.

Аса целует меня в губы, а затем уходит. Растворяется в толпе людей, желающих погладить его по спине, поздравить и раздуть его это.

Я стою у лестницы, уставившись на парня, который все еще возвышается над всеми на стуле и смотрит на меня.

Картер смотрит всего несколько секунд, и я не могу отвести взгляда. Потом он выпивает свой четвертый бокал шампанского, вытирает рот и спускается со стула, исчезая в толпе.

Я кладу руку на живот и выдыхаю весь воздух, что сдерживала с тех пор, как Картер начал свою речь.

Любовь находит тебя в несчастье.

Вот уж точное описание того, где Картер нашел меня. В разгар череды несчастий...

Мои глаза сканируют толпу, пока не останавливаются на Аса в другой части комнаты, который смотрит прямо на меня. Подозрение сменяется улыбкой, весь день сияющей на его лице. Он смотрит на меня так же пристально, как я только что смотрела на Картера.

Я даже не могу найти в себе силы выдавить улыбку.

Аса опрокидывает рюмку и ставит её на стол. Кевин наливает еще, и передает ему. Потом еще. Его взгляд ни разу не отрывается от меня.

Глава 27 АСА

Asa

— Еще.

— Это уже пятый, Аса, — напоминает Кевин. — Сейчас только начало десятого. Если продолжишь в том же духе, вырубись к десяти.

Отрываюсь от Слоан и бросаю свирепый взгляд на Кевина. Он уступает и наливает шестой шот. Залпом выпиваю. Снова смотрю на лестницу, но Слоан уже ушла.

Осматриваю всю комнату, но нигде ее не нахожу. Тут же пробираюсь через толпу и поднимаюсь наверх в нашу спальню.

Открываю дверь и вижу, что Слоан сидит на кровати и пристально рассматривает кольцо на своей руке. Она поднимает глаза и улыбается, но как будто неискренне.

В последнее время она часто улыбается неискренне.

— Почему ты поднялась наверх? — спрашиваю ее.

Слоан пожимает плечами.

— Ты же знаешь, я не люблю вечеринок.

Раньше она любила. Точно так же, как любила спать обнаженной. На животе.

Делаю два шага, и оказавшись перед ней, смотрю на свою невесту сверху вниз.

— Как тебе тост Картера?

Слоан облизывает губы и снова пожимает плечами.

— Было трудно его слушать. Как-то сбивчиво получилось.

Согласно киваю и внимательно наблюдаю за ее реакцией.

— Правда? Поэтому ты так на него глазела, когда я отошел?

Слоан немного наклоняет голову, жест, означающий, что человек обескуражен. Или может, жест, когда человек хочет *притвориться* обескураженным.

Единственная что мне *не нравится* в Слоан, это ее ум. Она умнее многих девчонок. Даже многих мужчин, которых я знаю. Возможно даже что она хорошая лгунья, но я ни разу не ловил ее на лжи. Опускаю свою руку на ее щеку, заставляя смотреть мне в глаза.

— Я уже задавал тебе этот вопрос. Поэтому спрашиваю в последний раз, Слоан.

Если бы я не знал ее лучше, сказал бы, что Слоан дрожит. Хотя, может это шесть шотов несутся по моим венам. Провожу пальцами по ее скулам. Задерживаюсь на губах и очерчиваю их.

— Ты хочешь с ним трахнуться?

Ее шея напрягается и Слоан отстраняется.

— Аса, не будь смешным, — отвечает, уклоняясь от ответа.

Качаю головой.

— Я не идиот, Слоан, поэтому и не веди себя со мной так. Я видел, как ты на него смотрела вниз. И я все еще не уверен, что не его имя ты бормотала во сне той ночью. Поэтому скажи мне честно... ты хочешь с ним трахнуть? Ты думаешь о его губах на своих?

Слоан качает головой.

— Не делай этого снова, Аса. Ты пьян. Алкоголь делает тебя параноиком.

Слоан поднимается и подходит ко мне. Опускаю руки на ее талию. Она смотрит мне прямо в глаза.

— Мне похрен на Картера. Я его даже не знаю. Без понятия, зачем ты все время спрашиваешь меня он нем, но если этот парень так тебя беспокоит — *уволь* его. Не позволяй больше появляться в нашем доме. Мне все равно, Аса, и если ты чувствуешь в нем угрозу, сделай что-то с этим. Если бы я хотела другого, не надела бы это кольцо.

Слоан поднимает левую руку и улыбается.

— Кстати, оно прекрасно, — произносит, любуясь своим кольцом. — Тогда я потеряла дар речи, поэтому забыла сказать тебе, насколько оно идеально.

Или я слепой мудака или эта девушка лучший чертов обманщик, кого я когда-либо встречал. Если меня заставят выбирать из двух, я остановлюсь на первом.

Обнимаю ее за талию.

— Идем вниз. Хочу посмотреть на тебя всю ночь

Слоан целует меня в щеку.

— Через полчаса. Хочу еще немного поразглядывать свое кольцо, прежде чем все девушки внизу начнут требовать примерить его.

Слоан прокручивает кольцо на пальце, снова любуясь им.

Девочки. Им так легко угодить. Нужно начать покупать ей больше гребаных украшений.

Отпускаю ее и направляюсь к двери.

— Не задерживайся, тебя ждет много шотов, чтобы догнаться.

Открываю дверь и выхожу, но задерживаюсь, когда Слоан зовет меня. Оборачиваюсь, когда она снова садится на кровать.

— Я люблю тебя, — признается она, своими сладенькими губками. И мне до боли хочется войти в нее прямо сейчас.

Я войду. Позже.

— Знаю, детка. Ты была бы глупой, если бы не любила.

Закрываю дверь и спускаюсь к гостям. Возможно, мне не стоило ей это говорить, но я все еще злюсь, за то что Слоан заставила меня почувствовать, когда я застал ее разглядывающей Картера. Когда прохожу через комнату, Кевин все еще стоит у стола со спиртными напитками, выхватываю шот из его руки.

— Еще один, — указываю на бутылку и осушаю рюмку.

Мне нужна двойная порция, чтобы остудить кровь, кипящую во мне от одной только мысли о Слоан и Картере.

Кстати о Картере...

Замечаю краем глаза, как он наклоняется и что-то шепчет на ушко симпатичной брюнетке. Она смеется и хлопает его по груди. Слежу взглядом за его руками, они крепко держат ее за талию, прижимая девушку к стене.

Слоан права. Я становлюсь параноиком. Если бы что-то происходило между ними, Картер бы пилил меня взглядом или искал Слоан, а не исследовал бы своим языком шею этой брюнетки.

Хороший мальчик. Уверен, это первый раз, когда я вижу его полностью расслабленным. Должно быть это полбутылки шампанского, что он осушил за время своего тоста.

Выпиваю еще одну рюмку и прохожу мимо них, направляясь к черному выходу. Похлопываю Картера по спине, но не думаю, что он заметил. Цыпочка обвивает его своими ногами. У нее охуенные ножки.

Везучий ублюдок.

Слегка провожу пальцами по ее ноге, пока иду мимо. Губы Картера все еще заняты изучением шеи девушки, но она смотрит мне в глаза, когда чувствует мое прикосновение.

Подмигиваю ей, а затем иду на выход.

Даю ей пять минут, чтобы придумать повод и последовать за мной.

Наверно, мне должно быть стыдно — украсть девушку Картера прямо у него из-под носа. Но подонок прочно засел у меня в голове за последние сутки, из-за Слоан. Поэтому ничего страшного, он заслужил это.

Глава 28 КАРТЕР

Carter

— Он ушел? — шепчу ей на ухо.

Тилли кивает и прыгивает с меня.

— Да, — отвечает, вытирая шею. — Я понимаю, что ты должен быть убедительным, но, пожалуйста, больше никогда не прикасайся ко мне своим языком. Гадость.

Я смеюсь. Тилли поправляет прическу, проводя пальцами по волосам.

— А сейчас исчезни. Мне нужно работать. Похоже, будет легче, чем я думала.

Тилли легонько ударяет меня по груди и отодвигает в сторону, направляюсь к черному выходу в поисках своего нового проекта. *Аса*.

Эта девушка уже помогала с парочкой заданий, над которыми я работал, но обычно она палочка-выручалочка Далтона. Я решил, что присутствие здесь Тилли сегодня, пойдет на пользу не только мне, но и в целом всему расследованию. Если кто-то и сможет отвлечь Асу от Слоан хоть на секунду, это будет Тилли. И не только из-за ее внешности, а еще и потому, что эта девушка — хамелеон. Она может стать кем угодно, чтобы пробраться в голову парня, и Аса Джексон первый в ее списке.

Когда Тилли исчезает из вида, я осматриваю комнату, чтобы убедиться, что никто не обращает на меня внимания. Все чисто, и направляюсь прямо к лестнице.

Честно говоря, Тилли здесь не для того чтобы я смог пробраться в комнату Слоан. Вообще-то Далтон приказал мне сегодня держаться от нее подальше и ждать воскресенья, чтобы проявить к ней внимание, когда Аса не будет рядом.

К счастью, Далтон на улице. И Аса тоже.

А теперь еще и Тилли. У меня есть в запасе минут десять, чтобы проверить Слоан.

Возможно, она сбита с толку тем тостом, что я произнес. Дьявол, сам до сих пор не понимаю, зачем Аса попросил именно меня это сделать. Либо парень начинает доверять

мне, либо это ход «держи своих врагов ближе».

Не трачу время на стук и ожидание. Быстро открываю дверь, и так же быстро захлопываю ее за собой. На всякий случай запираю на замок. Слоан сидит на кровати, но как видит меня, поднимается.

— Картер, — произносит, смахивая слезу. — Тебе нельзя быть здесь.

Боже, как она прекрасна. Когда я увидел, как Аса и Слоан спускаются вместе по лестнице, внутри меня возникла непреодолимая боль и пустота. Я хотел отказаться от речи. Ее темные локоны, каскадом спадающие на обнаженные плечи, платье облегалo ее тело так, как я хотел бы обнять ее прямо сейчас. *Черт*. Знаю, не стоило выпивать полбутылки шампанского, чтобы произнести тост, но оно начинает ударять мне в голову прямо сейчас.

Прохожу мимо Слоан к окну, избегая каких-либо прикосновений. Останавливаюсь с боку и осматриваю задний двор. Аса развалился на шезлонге возле бассейна, Тилли на кресле рядом. Тилли клеится к нему, вовлекая в разговор. Руки Аса расслаблены и скрещены над головой, и даже отсюда с уверенностью могу сказать, Аса пялится на ее грудь.

Далтон разговаривает с Джоном на противоположной стороне бассейна.

Оглядываюсь на Слоан, что стоит позади меня, и качает головой.

— Зачем ты здесь? Он и так нас подозревает, Картер. Ты *сумасшедший*?

Киваю.

— Очевидно.

Слоан нервно обнимает себя за плечи, глядя мне прямо в глаза. Кажется, мое сердце сейчас разорвется прямо в груди. Так иногда происходит, когда я совершаю идиотские поступки вроде этого.

— Хочешь, чтобы я ушел? — задаю вопрос.

Слоан закусывает нижнюю губу.

— Не прямо сейчас, — шепчет в ответ.

Я подхожу к ней, отвожу ее левую руку от груди, и провожу пальцами по кольцу.

— Я не могу это сделать, пока на тебе это кольцо, — стягиваю его с руки и бросаю на кровать.

— Сделать что? — шепчет, глядя на меня в предвкушении.

Сокращаю расстояние между нами.

— Поцеловать тебя.

Дотрагиваюсь до ее лица, медленно скольжу руками по волосам.

— Я буду целовать тебя, пока не протрезвею или пока меня не поймают. Не важно, что случится первым.

Грудь Слоан поднимается с каждым вздохом.

— Поспеши, — отвечает едва дыша.

Спешить — это *последнее*, что я собираюсь сделать, если речь идет о Слоан.

Наклоняю голову, чувствуя, как ее пальцы теребят мою рубашку. Едва касаюсь ее губ, легким поцелуем. Мы одновременно с облегчением выдыхаем в ту же секунду, как только наши губы соприкоснулись — воздух в легких, который мы удерживали с того первого дня, когда увидели друг друга в классе.

Слоан стоит на носочках, требуя поцеловать ее по-настоящему, дать нам то, чего мы оба хотим.

Но вместо этого я отстраняюсь и люблюсь ею. Когда Слоан понимает, что я делаю абсолютно не то, чего она хочет, она открывает глаза.

Рассматриваю ее губы, хочу насладиться ими еще мгновение, прежде чем жадно на них накинусь.

Правой рукой касаюсь ее щеки, медленно провожу кончиком пальца по нижней губе.

— Почему ты так долго не решался? — шепчет Слоан.

Не свожу глаз с ее рта, очерчивая большим пальцем верхнюю губу.

— Я боялся, что как только мы начнем, уже не сможем остановиться.

Слоан обнимает меня за шею, рассылая миллионы мурашек по спине.

— Думаю, тебе следовало все обдумать прежде, чем ты вошел в мою комнату. Сейчас уже слишком поздно что-то менять.

Киваю, притягивая Слоан к себе. Одной рукой обнимаю ее за спину, другую погружаю в волосы.

— Согласен. Действительно слишком поздно.

Прижимаюсь к ее губам, и под кожей начинает бурлить кровь. Слоан приоткрывает рот, освобождая пространство для моего языка, и когда я, наконец, пробую ее вкус, она такая чертовски сладкая, что из меня вырывается стон.

Ее теплый рот, холодные губы и то, как она меня отвечает на мой поцелуй — превращает комнату в раскаленный ад. Хочу прижать Слоан еще ближе, поцеловать еще глубже, но и этого недостаточно. Мы цепляемся друг за друга, стараясь получить больше от этого поцелуя, чем нам позволено. Но ее губы, объятия, стоны... я не могу остановиться.

Не могу.

Мы перемещаемся к стене, я прижимаю Слоан, опираясь руками на стену. Наш поцелуй то замедляется, то ускоряется, и снова замедляется.

Останавливается.

Мы почти задыхаемся, и я не свожу с нее глаз. Слоан смотрит на меня снизу вверх с самым несчастным выражением лица, что я когда-либо видел. Нежно целую ее губы, щеки. Отстраняюсь и прижимаюсь к ее лбу своим, чтобы восстановить дыхание.

— Мне нужно идти домой, — шепчу. — Я должен, пока моя глупость не убила тебя.

Она кивает, но потом отчаянно хватается за руки.

— Забери меня с собой.

Я не двигаюсь.

— Пожалуйста, — умоляет, ее глаза полны слез. — Давай уйдем. Сейчас, прежде чем я передумаю. Я хочу выбраться отсюда и никогда не возвращаться.

Блядь.

Она действительно это говорит?

— *Пожалуйста, Картер,* — ее голос полон отчаяния. — Мы можем забрать моего брата, чтобы Аса не использовал его против меня. И чем бы все не закончилось, я найду способ дать ему тот уход, в котором он нуждается. Давай просто сбежим.

Мое сердце опустошено, как и ее надежда. Если бы Слоан только знала, как сильно я хочу сделать это. Начинаю качать головой, и Слоан поднимает руки к моим щекам. Из ее глаза стекает огромная слеза.

— Картер, *пожалуйста*. Ты ему ничего не должен. Ты можешь уйти. Мы оба можем. Прямо сейчас.

Сжимаю глаза и прижимаюсь к ее виску. Мои губы прямо возле ее уха, и я произношу шепотом:

— Все не так просто, Слоан.

Если бы это касалось только Люка, и Картер даже не существовал, мы бы уже пересекали границу штата. Но если бы я забрал Слоан сегодня ночью... если бы мы убежали, и я бросил Райана в центре всего этого... все расследование было бы скомпрометировано. И сделало бы Аса еще более опасным. И я бы подвел целую тучу людей, не говоря уже о своей карьере. У меня бы не было даже возможности помочь Слоан.

— Я хочу забрать тебя из всего этого, — шепчу ей. — Просто я не могу пока уйти. Не могу объяснить почему, и не знаю, когда смогу, но я сделаю это. Обещаю. Клянусь.

Прижимаюсь губами к ее волосам, и Слоан начинает плакать. И как бы я не хотел обнимать ее, пока опустошение не исчезнет, не могу. С каждой секундой, проведенной с ней в этой комнате, я подвергаю риску ее жизнь.

Целую ее еще раз и отстраняюсь. Слоан откидывает голову назад к стене, и сейчас выглядит еще печальнее, чем когда я вошел в эту комнату.

Она все еще цепляется за мое запястье, когда я пытаюсь выйти. Когда Слоан отказывается выпускать мою руку, я разжимаю ее пальцы. Наблюдаю, как ее рука медленно опускается. Я вынужден оставить ее и это самое настоящее опустошение.

Это несчастье.

И это то, где любовь находит тебя... в несчастьях.

Глава 29 СЛОАН

Sloan

Я никогда не пропускала ни единого воскресного посещения брата. И несмотря на то, что я провалялась в постели с тех пор как в пятницу вечером ушел Картер, притворяясь больной, я кое-как заставила себя встать.

Аса и все его друзья уехали в казино. Это около трех-четырёх часов езды на север, а до моего брата — час езды на юг. Это конечно плохо, но чем дальше я нахожусь от Аса, тем лучше себя чувствую. Мне гораздо легче дышать.

Прямо перед тем, как выйти из комнаты, я останавливаюсь в дверном проеме. Тянусь к

левой руке и снимаю кольцо, оставляя его на комод. Я вернусь домой намного раньше Аса, так что он не заметит, что сегодня я его не надела.

К тому же так моя рука будет чувствовать себя на миллион килограмм легче.

Я останавливаюсь на кухне, чтобы сделать напиток себе в дорогу. Когда подхожу к холодильнику, чтобы взять лед, моя рука сжимается вокруг дверной ручки. Взгляд падает на новые слова, написанные на доске.

Соленые огурцы не чувствуют себя виноватыми, когда люди поют песни, так почему простыни никогда не бывают сложены во вторник?

Понятия не имею, когда Картер написал это, но знаю, что он написал это, что бы я почувствовала себя лучше из-за того, что он ушел в пятницу вечером. Он написал это, чтобы рассмешить меня.

Это сработало, потому что, когда я открываю холодильник, я улыбаюсь впервые за два дня.

Наполняю свою чашку льдом и газировкой, затем беру еще газировки для Стивена. В пансионе не разрешают ему хранить газировку в комнате из-за диеты, так что я всегда тайком приношу ему газировку по воскресеньям. С разрешения его доктора, конечно. Просто не говорю это *Стивену*.

Я беру сумку, ключи, напитки и иду к двери, когда мне приходит сообщение. Дохожу до машины, и только потом достаю телефон и читаю.

Картер: Забери меня на углу между Стэндрт и Уайтт. Я хочу поехать с тобой.

Мои щеки горят от неожиданного сообщения. Я думала, что сегодня он с Аса и его ребятами. Пишу ему ответ, но приходит еще одно сообщение.

Картер: И еще, никогда не отвечай на мои сообщения. И удали все, что я только что послал.

Я делаю то, что он просит, выезжаю на дорогу и еду напрямик к углу между Стэндрт и Уайтт. Это всего лишь через несколько улиц, и я знаю, что он хочет, чтобы я забрала его там, потому что это безопаснее, чем оставлять его машину на дороге. Но я до сих пор не понимаю, как он узнал, что я куда-то собираюсь.

Вся в предвкушении, ищу его взглядом. Объехав угол Стэндрт, вижу, что Картер стоит прямо там, где и говорил. Стоит один на обочине, засунув руки в задние карманы джинсов. Он улыбается, когда видит меня, и от этого мне становится больно. И в то же время чувствую себя просто невероятно. Когда я останавливаюсь, он открывает дверь или залезает в машину.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Еду с тобой навестить твоего брата.

— Но... как? Как ты отвертелся от ребят? И как ты вообще узнал, что я собираюсь уезжать?

Картер улыбается мне, а потом наклоняется и проводит рукой по моим волосам. Прижимается к моим губам своими и говорит:

— У меня есть свои информаторы.

Он целует меня, а потом возвращается на свое сиденье, натягивая ремень безопасности.

— Если ты думаешь, что заходить с тобой в здание слишком рискованно, я не против подождать в машине. Мне просто захотелось провести с тобой немного времени наедине.

Я пытаюсь улыбнуться, но его присутствие, напоминает мне о пятнице и том, какой я была жалкой, когда умоляла его убежать со мной.

О чем я только думала? Я не могу просто взять и уйти, я на полпути к получению диплома. Я не могу просто взять Стивена и отправиться в дорожное путешествие через всю страну. Брат счастлив здесь, а я бы нанесла ему вред.

Просто, мне так сильно хочется уехать, и после того что я почувствовала, когда Картер поцеловал меня, я не справилась с эмоциями. Поэтому мне захотелось, чтобы Картер был не прав, в том что он действительно может спасти меня.

Картер берет меня за руку, через сиденье.

— Слоан. Ты можешь кое-что пообещать мне?

Я поднимаю на него взгляд.

— Зависит от того, что это.

— По твоему выражению лица, я вижу, что ты думаешь о пятнице. Давай не будем сегодня говорить об Аса. Или о том, что должно произойти. Я даже не хочу обсуждать возможность того, что нас поймают или то, насколько я тупой, раз поехал с тобой. Давай просто побудем сегодня Слоан и Люком, хорошо?

Я выгибаю бровь.

— Люк? Кто такой Люк? Это что, ролевая игра?

Его челюсть дергается, и он отвечает:

— Я имею в виду Картер. Когда я был младше, я часто назывался своим вторым именем. От старых привычек тяжело избавиться.

Качаю головой и смеюсь.

— Неужели я так сильно заставляю тебя волноваться, что ты забываешь каким именем тебя называть?

Он сильнее сжимает мою руку и улыбается.

— Хватит смеяться надо мной. И никогда не называй меня Люком. Только мой дедушка называл меня Люком, и это странно.

— Хорошо, но не буду лгать. Мне вроде как нравится имя Люк. Люк.

Он протягивает руку и сжимает мое колено.

— Слоан и *Картер*. Давай побудем Слоан и *Картером* сегодня, — исправляет он снова.

- И кто же я? — поддразниваю я, — Слоан или Картер?

Он смеется, затем расстегивает ремень безопасности и наклоняется через сиденье. Прижимает свои губы к моему уху и проводит рукой по бедру. Я задерживаю дыхание и хватаюсь за руль, когда он шепчет:

— Ты будешь Слоан. А я буду Картером. И после обеда, по дороге домой, мы где-нибудь остановимся, и ты сможешь побыть Слоан на заднем сиденье вместе с Картером. Хорошая идея?

Я выдыхаю и киваю.

— Угу.

Глава 30 КАРТЕР

Carter

— Когда в последний раз Аса ездил вместе с тобой? — спрашиваю Слоан.

Она глушит мотор и начинает собирать вещи.

— Два года назад. И это было только однажды. Он сказал, что чувствует себя здесь некомфортно.

Конечно, именно так бы он и сказал.

— То есть, никому не покажется странным, если я буду с тобой?

Слоан качает головой.

— Думаю, работники настолько привыкли видеть меня одну, что им просто будет любопытно, если я наконец появлюсь с кем-то еще. Но они ничего не заподозрят, и Аса не будет проинформирован, потому что они даже не знакомы.

Слоан закидывает ключи и телефон в сумочку, а затем хватается за руль и пристально смотрит на парковку перед нами.

— Это действительно грустно, правда? Что у меня никого нет? *Буквально* никого. Всегда были только я и Стивен против целого гребанного мира.

Протягиваю руку и убираю прядь волос за ее ухо. Хочу утешить ее, сказать, что у нее есть я. Но Слоан так откровенна сейчас, а я не хочу кормить ее очередной порцией лжи. Она даже не знает мое настоящее имя и чем больше я ей вру в такие моменты, тем сложнее ей будет простить меня, когда она узнает правду.

Что в принципе чуть не случилось сегодня. Клянусь Богом, иногда я удивляюсь, как вообще получил свою должность. Я худший детектив под прикрытием, что когда-либо существовал. Серьёзно, им стоило назвать меня *Розовой Пантерой*.

Время от времени я думаю, что возможно Слоан нормально восприняла бы правду. Может даже она даже помогла бы нам как-нибудь. Но это подвергло бы ее еще большему риску, хотя я уже и так сделал достаточно.

Возможно со временем, если Слоан завоюет доверие Райана, он увидит всю пользу, которую она может принести расследованию. Но сейчас, лучше оставить ее в неведении.

Слоан все еще бездумно смотрит в окно, поэтому я притягиваю ее к себе и обнимаю. Слоан обхватывает меня руками и выдыхает мне в шею, а я мечтаю, чтобы Аса умер к чертям собачьим по пути из казино.

Дерьмо. Это уже чересчур.

Но как Аса не замечает, насколько лучше бы жили люди, окружающие его, если бы он не существовал?

Разумеется, не замечает. Самовлюбленный садист ничего не видит вокруг себя.

— Ты на самом деле классно обнимаешься, — отмечает Слоан.

Сжимаю ее еще сильнее в своих объятьях.

— Думаю, у тебя просто недостаток обнимашек за всю твою жизнь.

— И это тоже, — соглашается она.

Держу ее еще некоторое время, пока Слоан не шепчет мне:

— Пятьдесят шесть королевских крабов съели шнурки за пасхальным ужином, а потом выкашляли радугу через свои ноздри.

Смеюсь и целую ее в лоб.

— Ты не можешь купить нелегальное масло с колесом от велосипеда или серпантинном.

Чувствую ее улыбку, когда Слоан прижимается к губам и целует меня. Это все, что мне было нужно перед тем, как выйти из машины — ее ответная улыбка.

— Ты говорила, ему не нравится Аса, — спрашиваю, пока мы идем по коридору к комнате Стивена. — Так, если он не разговаривает, откуда ты знаешь, кто ему нравится, а кто нет?

Слоан посвящает меня в подробности о состоянии своего брата, пока мы направляемся к нему. Она рассказала о пяти диагнозах, что ему поставили, но я даже не могу вспомнить их названия, меньшее, что могу сделать — это постараться их понять.

— У нас свой способ общения. Я его практически вырастила с младенчества, — она заворачивает за угол и указывает дальше по коридору. — Его комната, в самом конце коридора.

У меня все еще есть вопросы, поэтому беру ее за руку, пока мы не доходим до двери.

— Но ты же только на пару лет старше. Как ты его растила?

Слоан поднимает на меня глаза и пожимает плечами.

— Делала, что должна была, Картер. Никого не было рядом, что бы помочь.

Не знаю, встречал ли когда-нибудь таких, как эта девушка. Целую ее, частично из-за того, что хочу подарить ей как можно больше поцелуев сегодня, и частично, потому что она заслуживает немного больше любви в своей жизни. *Бескорыстной* любви. Наши поцелуи длятся не больше пары секунд, но у нас не было другой возможности с момента первого поцелуя. Моментально втягиваюсь в процесс, и все вокруг нас меркнет.

До тех пор, пока кто-то не начинает покашливать у нас за спиной. Отстраняемся и замечаем медсестру, пытающуюся пройти к выходу, который мы блокируем. Слоан извиняется и тут же начинает смеяться, пока мы бежим к комнате Стивена.

Слоан стучит в дверь и затем толкает ее. Вхожу следом и поражаюсь обстановкой. Я ожидал увидеть что-то похожее на палату, но это как миниатюрная квартира. Маленькая гостиная, плавно переходящая в спальню, и мини-кухня. Замечаю, что здесь нет ни плиты, ни микроволновки, хотя, возможно, Стивену все приносят уже приготовленное.

Слоан заходит в гостиную и приветствует брата, я же жду у входа, не хочу мешать им.

Стивен сидит на диване и смотрит телевизор. Парень мельком бросает взгляд на сестру, и я моментально вижу их сходство. Одинаковый цвет волос, такие же глаза.

Однако его лицо не выражает никаких эмоций. Стивен отворачивается к телевизору, и мое сердце сжимается от боли из-за Слоан. Единственный человек в этом мире, которого она любит, не способен выразить ей свои чувства. Не удивительно, что она кажется такой одинокой. Возможно, она самый одинокий человек, которого я когда-либо встречал.

— Стивен, кое-кто пришел с тобой познакомиться, — произносит Слоан, указывая на меня. — Это мой друг Картер. Мы вместе учимся в колледже.

Стивен быстро поднимает глаза и так же быстро возвращается к телевизору.

Слоан похлопывает по дивану рядом с собой, приглашая меня к ним присоединиться. Обхожу комнату и сажусь, наблюдая, как они общаются. Слоан достает вещи из сумочки: щипчики для ногтей, бумагу, ручку и банку содовой. Все это время разговаривает с братом, рассказывая ему о переезде и о своих мыслях насчет нового соседа.

— Хочешь льда? — интересуется у Стивена.

Перевожу взгляд на парня, но он никак не выражает свое желание. Слоан указывает на кухню.

— Картер, не принесешь ему стакан льда? И возьми голубую соломинку из верхнего левого шкафчика.

Киваю и отправляюсь на кухню за льдом, попутно замечая, как Слоан хватается за ручку и начинает что-то писать. Пододвигает листок Стивену, и тот моментально берет ручку и пишет что-то в ответ.

Он может читать и писать? Слоан об этом не упоминала.

Наполняю кружку льдом и возвращаюсь в гостиную, вручая заказ. Слоан заканчивает строку, передает листок брату и наполняет стакан газировкой. Как только Слоан погружает в

него соломинку, Стивен выхватывает стакан из ее рук и начинает пить. Парень передает ей записку, и Слоан отдает ее мне. Сначала читаю ее строки.

Книги, сделанные из мармеладок, очень сильно прилипают, когда на тебе меховые перчатки.

Далее читаю, что написал Стивен. Его почерк не такой разборчивый, но у меня получается понять.

Корзинки с ящерицами на моей голове разрывают для тебя вату напополам.

Перевожу взгляд на Слоан, и она дарит мне легкую улыбку. Вспоминаю наш первый день в школе, когда впервые увидел, как она писала такие же фразы. Тогда Слоан говорила, что просто иногда играет в такую игру. Теперь понимаю, что она имела в виду. Они играют в нее вместе с братом по воскресеньям.

— Он может что-нибудь прочитать? — спрашиваю Слоан.

Она качает головой.

— Он почти не понимает. Я научила его читать и писать, когда мы были маленькими. Но никогда не видела его осознанных фраз на бумаге. Это его любимая игра.

Смотрю на Стивена.

— Стивен, можно я что-нибудь напишу?

Тянусь за ручкой, и парень вручает ее мне, но по-прежнему не смотрит на меня. Вывожу слова на бумаге:

Твоя сестра удивительная, тебе очень повезло с ней.

Передаю Слоан листок и перед тем, как отдать брату, она читает сама. Ее щеки розовеют, и я чувствую легкий толчок в плечо. Затем она вручает записку и ручку брату.

Вот этим мы и занимаемся на протяжении следующих десяти страниц. Стивен со Слоан по очереди пишут случайные слова, я же просто строчу пачками комплименты Слоан.

У твоей сестры шикарные волосы. Особенно мне нравится, когда она их завивает.

Ты знаешь, что твоя сестра каждый день убирается за несколькими амбалами, которые не могут пошевелить своим гребанным пальцем? Ни один из них наверно никогда не говорил ей спасибо. Спасибо тебе, Слоан.

Сегодня безымянный палец твоей сестры выглядит пустым, но красивым.

Мне нравится твоя сестра. Очень.

Где-то через час, медсестра прерывает нашу игру и забирает Стивена на физиотерапию.

— А соцработник сегодня здесь? — интересуется Слоан.

Девушка в белом халате в ответ качает головой.

— Не по воскресеньям. Но я оставлю записку в ее ящике, когда мы со Стивеном закончим. Она свяжется с вами завтра.

Слоан соглашается с таким вариантом и идет к брату, чтобы обнять его. После того, как они попрощались, честно, я даже не знаю, что делать. Нет никакого желания притворяться, что я эксперт в общении с такими особенными людьми, как Стивен. Но так же не хочу сделать что-то, чего не следовало бы.

— Он пожимает руки? — спрашиваю у Слоан.

Слоан качает головой и берет меня за руку.

— Он вообще никому кроме меня не позволяет дотрагиваться до себя.

— Рад был познакомиться с тобой, Стивен, — говорю Стивену на прощание. Слоан берет сумку, и мы направляемся к выходу, чтобы медсестра могла выполнять свою работу и подготовить парня к терапии. Когда мы практически у двери, чувствую легкий удар по своему плечу. Оборачиваюсь и вижу Стивена, стоящего передо мной. Взгляд опущен, он стоит и раскачивается взад-вперед. Парень протягивает мне ручку и чистый листок бумаги. Беру, не особо понимая как сказать ему, что нам нужно уходить и игра не может продолжаться.

Смотрю на Слоан, чтобы понять, что она хочет, чтобы я сделал. Ее выражение лица ничего не проясняет. Стивен возвращается в гостиную. В недоумении держу пустую страницу и ручку.

— Он хочет, чтобы ты вернулся, — шепчет Слоан.

Поднимаю на нее глаза, она улыбается, качая головой.

— Картер, такого никогда раньше не было, — она прикрывает рот рукой и я слышу звук, который можно бы было назвать смесью смеха и плача. — Ты ему понравился.

Оглядываюсь на Стивена, стоящего к нам спиной. Когда мои глаза возвращаются к Слоан, она целует меня, поднимаясь на носочках, и тянет к выходу. Складываю бумагу и

запихиваю ее и ручку в задний карман.

Без понятия, чего я ожидал от этого визита, но точно не этого.

Я рад, что пришел, но теперь не только из-за Слоан.

Глава 31 АСА

Asa

Помню, в прошлом месяце здесь было намного веселее.

Я удваиваю ставки и провожу рукой по волосам, сжимая затылок. Я голоден. Смотрю на Кевина и Далтона, которые заняты разговором с барменшей, очень похожей на девушку, которую Джон, трахнул бы за домом, едва ли кто-то из них отвлекся.

Джон *не* трахает ее за домом прямо сейчас потому что он ушел с двумя проститутками со стоянки. Наверное, трахает их в мужском туалете. Меня удивляет лишь то, как он смог уломать их со своим лицом, похожим на ебаную чернику.

Хотя, он уже должен был вернуться, потому что я уверен, что он не может продержаться больше двух минут с одной бабой. Их было двое. Всего четыре минуты, но я не видел его целый час.

Где он, черт возьми?

Осматриваюсь вокруг и, когда не вижу его поблизости, обналичиваю свои фишки. Кричу через стол — *перекрикивая противный гребанный звон игровых автоматов* — Далтону и Кевину, что иду искать Джона. Далтон кивает.

Ищу в другой части казино, но его и там нет. Разворачиваюсь обратно и проходя мимо стола для игры в блэкджек, мой взгляд падает на парня, который что-то бормочет крупье.

— Каждый раз, когда я прихожу в это чертово казино, я вижу таких же убогих ублюдков сгорбившихся над этими столами, сдавая свои кровные зарплаты тебе, гребанный мудака, а ты продолжаешь их брать. Брать, брать, брать.

Крупье забирает фишки перед парнем. Мужчина за столом продолжает:

— И в девяти случаях из десяти, этот жалкий засранец — это ты.

Я смеюсь и встречаюсь взглядом с человеком, который только что это сказал.

И перестая смеяться.

Он смотрит на меня даже без капли узнавания.

Парень, который только что жаловался, отодвигает свой стул и встает. Он указывает на парня, на которого смотрю я, и говорит:

— Тебе повезло, Пол. Только и всего. Но это не конец.

Я сжимаю кулаки так сильно, что чувствую кровь. Чувствую, как она сочится из моей ладони.

Мне даже не нужно слышать его имя, чтобы убедиться — это он. Сын не забывает отца.

Независимо от того, насколько легко было для отца забыть сына.

Поворачиваюсь к нему спиной и вытираю кровь с руки о джинсы. Достāju телефон и открываю поисковик Google. После нескольких минут изучения результатов и взглядов то на него, то на свой телефон, я, наконец, нахожу то, что ищу.

Ублюдок был условно освобожден в прошлом году.

Убираю телефон в карман и иду к пустому стулу напротив него.

Я никогда не был так напряжен, но это не потому, что я боюсь того, что он сделает со мной. Я напряжен, потому что боюсь того, что я хочу сделать с *ним*. Делаю свою ставку и пытаюсь не слишком очевидно пялиться, но он не обращает на меня никакого внимания. Он сосредоточен на крупье.

Его волосы настолько редки, что его можно даже назвать лысым, если бы не последние несколько жалких прядей. Провожу рукой по своим волосам. Они густые, как и всегда.

Может быть, он облысел из-за стресса и это не передается по наследству. Боже, я надеюсь, от этого человека ничего не передается по наследству, потому что он выглядит, как гребаное пустое место.

Я помню, что отец был значительно выше. Значительно шире. Гораздо более пугающий. Я немного разочарован.

На самом деле, я *сильно* огорчен. Я всегда ненавидел этого ублюдка, но мои воспоминания о нем заставляли меня думать, что он непобедим. Из-за чего мне казалось, что возможно, в этом я немного похож на него. Но глядя на того, в кого он превратился, моя гордость покрывается трещинами.

— Эй, парень, — обращается он ко мне, пощелкивая своими костлявыми пальцами. — Есть сигаретка?

Я встречаюсь с ним взглядом, и он смотрит на меня, пытаясь стрельнуть сигарету у

своего, блядь, единственного ребенка, и даже не узнает меня. Ни капли.

— Я, блядь, не курю, мудака.

Он усмехается и поднимает руку, ладонью наружу.

— Эй, полегче, приятель. Плохое утро?

Он думает, *это* имеет ко мне отношение? Переворачиваю свою фишку и поддаюсь вперед.

— Можно сказать и так.

Он качает головой и молчит в течение следующего раунда. К нему подсаживается какая-то старая телка с сиськами морщинистее, чем стариковские суставы, и кладет свою руку ему на плечо.

— Я готова уйти, — скулит она.

Он отдергивает локоть, чтобы скинуть ее руку и говорит:

— Я нет. Я же сказал, что найду тебя, когда буду готов.

Она снова ноет, пока он не достает двадцатку из кармана и не говорит ей, пойти поиграть в какие-нибудь автоматы. Когда она уходит, я легонько киваю головой в ее сторону.

— Твоя жена?

Он снова усмехается.

— Нет. Блять, нет.

Я переворачиваю свою первую карту. Это десять червей.

— Ты когда-нибудь был женат? — спрашиваю его.

Он поднимает свою руку к шее и потирает ее, но не смотрит на меня.

— Однажды. Не долго.

Да, я знаю. Я был там.

— Она была шлюхой? — не отстаю от него. — Вот почему ты больше не женился?

Он смеется и снова смотрит мне в глаза.

— Да. Да, она была шлюхой.

Я делаю медленный вдох, затем переворачиваю вторую карту. Туз треф.

Блэкджек.

— Я собираюсь жениться, — говорю я. — Но она не шлюха.

Не думаю, что он понял мой намек, потому что он склоняет голову, чуть прищуривается. Затем он поддается вперед и упирается в край стола.

— Позволь мне дать тебе один совет, сынок.

— Не называй меня *сынком*.

На секунду он замирает, и я узнаю вспышку снисходительного выражения, которым он часто пользовался. Потом он говорит:

— Они *все* шлюхи. Ты еще молодой, чтобы создавать семью. Наслаждайся жизнью.

— Я *уже*, блять, наслаждаюсь жизнью. У меня целый набор наслаждений.

Он мотает головой, а потом бормочет:

— Ты — самый злобный сукин сын, которого я когда-либо встречал.

Он прав. Я такой.

Я никогда не был злее, чем в этот момент.

Я хочу залезть на этот стол и засунуть свои карты ему в глотку, несмотря на то, что это выигрышная комбинация.

Крупье толкает выигрыш ко мне, но я встаю и ухожу прежде, чем совершу какой-нибудь глупый поступок в здании, полном камер слежения и охранников.

— Сэр! — крупье кричит мне вслед. — Вы не можете уйти, не забрав свои фишки!

— Оставь себе эти ебаные фишки!

Я иду в другую часть казино так быстро, как могу. Наконец-то, нахожу Джона в окружении двух проституток у говно-игры Колесо Фортуны.

— Найди Далтона и Кевина. Мы уезжаем.

Я иду к выходу и как только открываю двери, наклоняюсь вперед, задыхаясь.

Я не похож на него.

Я нихрена не похож на него.

Он жалок. Он слабак. Он, блять, *лысый*, Христа ради!

У меня трясутся руки.

— Эй! — я окликаю человека, который только что вышел. — Можно мне одну?

Он кладет сигарету в рот и достает еще одну из кармана. Дает ее мне, потом протягивает зажигалку. Я прикуриваю и бормочу благодарности, затем делаю долгую затыжку. Я продолжаю расхаживать по стоянке, пока, наконец, не выходят парни.

Но, не отставая от них, я вижу его. Проститутка со сморщенными сиськами висит на его руке. Они пробираются к выходу.

— Поехали, — говорит Джон, когда они все вышли.

Качаю головой и не в силах оторвать взгляд от отца.

— Поедем через секунду.

Я продолжаю пялиться на них, когда они идут к выходу. Как только они открывают двери и оказываются снаружи, он замечает меня. Видит сигарету у меня во рту, когда проходит мимо.

— Мне казалось, ты сказал, что не куришь.

— Я и не курю, — отвечаю, выпуская дым в его сторону. — Это впервые.

Он опять посылает мне свой снисходительный взгляд. Тот самый, какой использовал, когда я был маленьким, только на этот раз он не сопровождается избиением.

Во всяком случае, с *его* стороны.

Они проходят мимо и, когда оказываются примерно в пяти шагах от нас, я кричу ему:

— Ты провел прекрасный день, Пол Джексон.

Отец останавливается, ждет несколько секунд, а потом оборачивается. Когда он,

разворачивается ко мне лицом, я вижу это. Узнавание. Он трасет головой и говорит:

— Я не говорил тебе своего имени.

Я пожимаю плечами, и бросаю сигарету на землю, раздавливая ее каблуком ботинка.

— Виноват. Думаю, я должен был сказать "nana".

Сейчас нет никаких сомнений, что теперь на его лице отражается узнавание.

— Аса? — он делает шаг вперед, но это была его вторая ошибка.

Первая — была, когда он не вспомнил меня с самого начала.

Я спокойно подхожу к нему и бью обоими кулаками. Жалкая тварь падает на землю даже прежде, чем я начинаю бить со всей силы. Чувствую, как кто-то из парней пытается оттянуть меня от него. Старая сучка кричит мне на ухо, царапая мое лицо, пытаюсь оттащить меня от отца.

Я снова его ударяю. Бью его за каждый год, на который он оставил меня одного. Я бью его за каждый раз, когда он называл мою мать шлюхой. Я бью его за каждый гребанный совет, который он когда-либо мне давал. Я продолжаю бить его до тех пор, пока мои кулаки не оказываются полностью в крови, и я больше не вижу лицо отца. Там так много крови, и я уверен, что по ошибке даже ударил по бетону вместо его головы, потому что этот удар был самым болезненным.

Когда парни, наконец-то, оттаскивают меня от него и начинают тащить к машине, я чувствую мокрое дерьмо на своем лице. Дерьмо, о котором отец говорил как о разнице между мужчинами и кисками.

Да, я про слезы. Я чувствую их, но не могу остановить, и я никогда не ощущал себя более сильным и более слабым за всю свою гребанную жизнь.

Не помню, как оказался на пассажирском сиденье, или кто посадил меня сюда, но я начинаю бить кулаками по приборной панели так сильно, что она ломается. Кевин срывается с парковки, я уверен для того, чтобы сбежать прежде, чем охрана обнаружит кровавое месиво, что я оставил перед их входной дверью.

Джон тянется к моему креслу и пытается заломить мои руки за спину, но он глупее, чем я думал, если считает, что сможет меня удержать. Я вырываюсь из его хватки и начинаю снова пробивать панель. Я буду бить по ней, пока мои руки не онемеют или это дерьмо не перестанет течь из моих гребанных глаз.

Я не стану им. Я, блядь, не превращусь в этого жалкого ублюдка.

Я больше не хочу это чувствовать.

— Кто-нибудь, дайте мне что-нибудь! — ору я.

Ощущения, будто мои кости пытаются прорвать кожу. Я тяну себя за волосы и бью по чертовому окну.

— Я не могу дышать!

Кевин опускает стекло, но это не помогает.

— *Дайте* мне что-нибудь! — кричу снова. Разворачиваюсь и пытаюсь схватить Джона, но он откидывается назад и поднимает свою блядскую ногу вверх, как будто это защитит его от меня. — Сейчас же!

— Все в багажнике! — кричит Джон. — Боже, Кевин! Остановись, чтобы мы могли успокоить его, блядь!

Я оборачиваюсь и снова бью по панели. Спустя несколько ударов, Джон возвращается на заднее сиденье.

— Дай мне две секунды, — говорит он.

Он гребанный лжец, потому что это больше похоже на десять секунд, прежде чем он протягивает мне иглу. Я снимаю крышку зубами и втыкаю шприц в руку.

Откидываюсь на спинку сиденья.

— Поехали, — говорю Кевину.

Закрываю глаза и чувствую, как автомобиль начинает двигаться.

Я не похож на него.

И не все они шлюхи. Слоан не шлюха.

— Она героин, — шепчу я. — Героин — это здорово.

Глава 32 КАРТЕР

Carter

— Что хочешь поесть? — спрашиваю я.

Она захотела, чтобы на обратном пути за рулем был я, так что последние пять миль я ищу ресторан.

— Мне все равно, — отвечает она, — Все что угодно, кроме греческой еды.

— Ты не любишь греческую еду?

Она пожимает плечами.

— Нет, люблю. Просто греческий ресторан находится только в следующем городе, а я хочу есть. Если ты хочешь греческую еду, то я должна ждать слишком долго, чтобы поесть.

Я смеюсь. Она так чертовски очаровательна. Я тянусь, чтобы взять ее за руку, но получаю входящее сообщение. Обычно за рулем я не переписываюсь, особенно если в машине Слоан, но Далтон сказал, что предупредит меня, если они решат вернуться раньше.

И конечно же, это сообщение от Далтона.

Далтон: Пора возвращаться назад. Аса не в самом лучшем состоянии.

О, черт. Неужели мое желание о его смерти сбылось?

Я: Вы попали в аварию?

Далтон: Нет. Он просто выбивал дерьмо из своего отца и сейчас у него гребанный срыв.

Далтон: Он продолжает бормотать, что Слоан лучше быть дома, когда он вернется. Никогда не видел его таким.

Я удаляю сообщения и возвращаю телефон на держатель для чашки. Хватаюсь за руль.

— Прости, но мы не можем остановиться и поесть. Далтон сказал, что у Аса истерика, и они едут назад.

— Истерика? — переспрашивает Слоан.

— Да, что-то связанное с его отцом? Видимо, он избил его в казино.

Слоан смотрит в окно.

— Его отец *жив*?

Я поднимаю на нее взгляд. Она не знает, что его отец был осужден за убийство? Думаю, в том, что Аса не сказал ей, есть смысл. Это не совсем то, о чем бы ты хотел, чтобы знала твоя девушка.

— Он не знает, что ты со мной. Мы не должны возвращаться раньше них, я хочу есть, — говорит она.

Я ненавижу себя за то, что заставляю ее вернуться домой, когда ей нужно держаться подальше от него.

— Далтон говорит, что он настаивает на том, чтобы ты была там. Видимо, он не в самом лучшем состоянии.

Она вздыхает.

— Это не мои проблемы. А почему Далтон знает, что ты со мной? Я не доверяю Далтону. Или Джону. Или Кевину.

— Не беспокойся. Я могу доверить Далтону свою жизнь.

Я беру ее за руку и кладу к себе на колени.

— Я припаркуюсь у своей машины и заеду позже вечером. Думаю, что между твоим возвращением домой и моим приездом должно пройти какое-то время.

Она кивает, но не произносит ни слова, пока мы едем домой. Мы оба боимся неизбежной встречи с неуравновешенным Аса Джексоном. Он достаточно опасен, когда в *хорошем* настроении. Даже не хочу думать о том, как он будет относиться к Слоан сегодня.

Когда мы подъезжаем к моей машине, я смотрю по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не видит. Сегодня утром я припарковался в нескольких милях от ее дома, а остальную часть пути прошел пешком.

Прежде, чем выйти из машины, я притягиваю ее к себе и целую. Она целует меня в ответ и вздыхает, а это немного печально. Будто она устала прощаться таким образом.

— Почему, когда мы делаем шаг вперед, мы вынуждены сделать десять шагов назад? — спрашивает она.

Я убираю прядь ее волос со лба.

— Мы просто должны начать делать шаги побольше.

Она выдавливает улыбку и говорит:

— Я ненавижу то, что не смогу поговорить с тобой, когда ты сегодня придешь. Или прикоснуться к тебе.

Я целую ее в лоб.

— Я тоже, — говорю я. — Мы должны придумать знак, чтобы мы смогли поговорить сегодня. Что-то хитроумное, что заметим только мы.

— Например?

Я поднимаю руку и провожу пальцем по моей нижней губе.

— Это мой, — говорю я ей.

Она морщит нос, пытаясь что-то придумать.

— Ты должна накрутить прядь волос на палец, — предлагаю я. — Мне нравится, когда ты так делаешь.

Она улыбается.

— Хорошо. Если ты увидишь, что я накручиваю прядь, значит я хочу побыть наедине с тобой.

Она берет прядь ее волос и накручивает ее на палец.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, а затем заставляю себя выйти из машины. Жду, пока она не уедет, чтобы снова написать Далтону.

Я: Не оставляй его наедине с ней, пока я не приеду. Я боюсь того, что он может сделать.

Далтон: Понял. Не уверен, что с ним происходит. Он вырубился, проспал десять минут, а сейчас непрерывно говорит. Говорит без остановки, что хочет спагетти и что его волосы очень тонкие. В этом нет никакого смысла. Он даже заставил Кевина провести рукой по его волосам.

Черт. Он уже не предсказуем. Это плохо.

Я: Дай мне знать, как только вы вернетесь. Я подожду около часа и приеду.

Далтон: Хорошая идея. Кстати, он только что посмотрел на меня и сказал, что ты ЛСД. Как думаешь, что это значит?

Я: Понятия не имею.

Далтон: Он сказал: «Картер вызывает худшие галлюцинации и к нему тяжело приспособится. Он ЛСД».

Я: Он не в своем чертовом уме.

Глава 33 СЛОАН

Sloan

Мой телефон звонит, как только я вхожу через парадную дверь. Я смотрю на экран и вижу, что это Аса.

Отлично.

Провожу пальцем по экрану и отвечаю.

— Привет.

— Привет, детка, — говорит он. По голосу кажется, будто он только проснулся, но я слышу, что он все еще в машине. — Ты дома?

— Ага. Только зашла. Ты все еще в казино?

— Нет. Мы едем домой. Голодные. Мы хотим спагетти, сможешь приготовить?

Так я и слышала.

— У меня много домашнего задания. Я сегодня не планировала готовку.

Он вздыхает и говорит:

— Что ж, ну а я не планировал, что захочу спагетти.

— Похоже, у нас диллема, — безразлично отвечаю я.

— Не для меня. Приготовь, чертovsky спагетти, Слоан. *Пожалуйста.* У меня тут, вроде как, плохой день.

Я закрываю глаза и падаю на диван. Это будет длинная ночь. Я должна сделать ее настолько легче, насколько это возможно.

— Ладно. Я приготовлю тебе спагетти. Хочешь соус с фрикадельками, дорогой?

— С удовольствием. Мы же хотим фрикадельки, да, ребята?

Я слышу, как несколько парней в машине пробормотали:

— Конечно.

Закидываю ноги на подлокотник дивана и ставлю телефон на громкую связь, расположив его на груди.

— Почему у тебя плохой день?

Несколько минут Аса молчит, а потом отвечает:

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о своем отце, Слоан?

— Нет.

Он вздыхает.

— Вот именно. Рассказывать не о чем.

Господи. Что с ним сделал этот мужчина? Сжимаю пальцами виски.

— Когда ты будешь дома?

Аса не отвечает на мой вопрос, и вместо этого спрашивает:

— Картер там?

Я немедленно оказываюсь в сидячем положении. Это вина паранойи, но мой голос становится немного слабее. Стараюсь скрыть это, когда отвечаю:

— Нет, Аса, он с тобой.

Далее следует недолгая пауза.

— Нет, Слоан. Он *не* со мной.

Становится очень тихо, и когда я смотрю вниз на экран, понимаю, что он бросил трубку. Прижимаю телефон ко лбу. *Что он знает?*

Спустя час, они все заходят через парадную дверь. Я еще не закончила со спагетти, потому что мне пришлось идти в магазин за чертовой лапшой. Аса заходит в кухню, и я ахаю, когда вижу его. Его футболка вся в крови, а кулаки почти неузнаваемы. Тут же кидаюсь в кладовку за аптечкой.

— Иди сюда, — говорю я, направляя его к раковине.

Промываю его руку, пытаюсь понять, откуда идет кровь, но, кажется, что она идет отовсюду. Весь его кулак выглядит как кусок сырого мяса. К горлу поступает рвота, но я заставляю себя продолжить промывать его руку, чтобы скорее перевязать ее и больше не смотреть на это.

— Что, черт возьми, ты сделал, Аса?

Он морщится и смотрит на свою руку. А потом пожимает плечами.

— Не достаточно.

Смазываю мазью всю его руку, а затем обматываю бинтом, но это едва помогает. Скорее всего, ему нужно наложить швы. Несколько швов.

Чувствую, как он крепко обхватывает мою руку, я кидаю на него взгляд.

— Где твое чертово кольцо?

Дерьмо.

— На комод. Я не хотела запачкать его, пока готовлю.

Он встает и дернув меня за руку, подталкивает к ступенькам. Я чувствую натяжение вплоть до шеи.

— Аса, остановись!

Но он не отпускает меня, и когда он тащит меня за собой, в гостиную, появляется Далтон.

- Аса, — говорит он.

Аса все равно не останавливается. Мне приходится бежать, просто чтобы не упасть, пока он переступает сразу через две ступеньки.

Он открывает дверь в спальню и хватает мое кольцо с комода, вытягивая мою левую руку между нами.

— Не снимай свое чертово кольцо. Именно для этого я и купил тебе его, что бы люди знали, что не могут связываться с тобой.

Он кладет мою руку на комод и открывает первый ящик, удерживая мою ладонь.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, боясь услышать ответ.

Он открывает второй ящик, обыскивая его.

— Помогаю тебе запомнить, что бы ты никогда не снимала его, — говорит он, хватаясь за ручку, и захлопывает ящик.

Мой взгляд падает на бутылочку суперклея в его руках.

Что за фигня?!

Я пытаюсь вырвать свою руку, но Аса сдавливает мое запястье еще сильнее. Он снимает колпачок с суперклея и начинает брызгать им на мой палец, распространяя его под кольцом.

Глаза начинают жечь слезы. Никогда не видела его таким, и я не хочу еще больше злить его. Я перестаю бороться и стою так прямо, как только могу, несмотря на то, что мое сердце бешено колотится в груди. Картера здесь нет и, если честно, я слишком испугана, чтобы бороться, потому что не уверена, что кто-либо из тех парней внизу придет мне на помощь.

Аса отбрасывает суперклей на комод и сжимает мою руку. Потом, он дует на нее, чтобы высушить клей. Смотрит на меня все время, пока дует на мой палец. У него чернящие глаза. Огромные, черные и пугающие.

— Ты закончил? — шепчу я. — Я не хочу переварить твои спагетти.

Аса дует на мою руку еще несколько раз, а потом переворачивает ее и целует мою ладонь.

— Все сделано. Теперь ты не забудешь.

Он сумасшедший. Он чертов псих. Я всегда знала, что он не был хорошим человеком, но я и понятия не имела насколько он сумасшедший, пока только что не посмотрела в его глаза.

Аса выходит из комнаты и следует за мной вниз. Далтон стоит возле ступенек, и я вижу беспокойство в его глазах.

Я все еще не доверяю ему.

Иду назад в кухню, прямо к плите. Достая лапшу и начинаю сливать воду через дуршлаг, когда слышу шум подъезжающей машины.

Картер.

Заканчиваю сливать воду, все это время глядя на свое кольцо.

Она приклеено криво. Снять суперклей будет очень тяжело, и возможно займет несколько дней. Минимум, что мог сделать этот придурок, это приклеить кольцо прямо. Это

начинает сводить меня с ума.

Я пытаюсь не смотреть на входную дверь, когда она открывается. Возвращаюсь к плите и помешиваю соус для спагетти, проверяя фрикадельки в духовке. Аса смывает кровь со своих рук возле раковины, когда Картер заходит в кухню и открывает холодильник.

— Что с тобой случилось? — спрашивает Картер.

Я не могу разобрать, что говорит Аса из-за пульса в ушах, но Картер смеется.

— Вы что, ребята, выиграли джек-пот?

Я разворачиваюсь и иду к раковине, краем глаза бросая взгляд на Картера.

Аса качает головой и говорит:

— Ни хрена. Не такой джек-пот, какой обхватывал тебя ногами в пятницу ночью.

Сейчас, я чувствую, будто вся кровь отлила от моего сердца. Я не могу смотреть на Картера. Не могу. Либо Аса проверяет меня, хочет увидеть, как яотреагирую на это предложение, либо Картер далеко не такой, каким я его считала.

— Она была, как хренов фейерверк, — добавляет Аса. — Отличная работа, чувак. Я определенно был впечатлен.

Я иду к духовке, чтобы проверить фрикадельки, но только для того, чтобы взглянуть на лицо Картера. Он делает глоток пива, не смотря мне в глаза.

— Она просто друг, — отмахивается он.

Я должна схватиться за дверцу духовки со всей силы, потому что увствую, что могу упасть прямо на пол.

Что за девушка? Когда? В пятницу ночью Картер пришел в мою комнату и целовал меня. Как я могла не знать, что он был здесь с кем-то другим?

Сейчас я чувствую себя еще больше душой, чем когда-либо чувствовала, встречаясь с Аса. По крайней мере, я хотя бы знала, что Аса гавнюк.

Я честно думала, что Картер был другим.

— Конечно друг, — отвечает Аса. — Ты и Далтона так к стене прижимаешь? А Джона? Там, откуда я родом, друзья не делают этого с друзьями, мужик.

Я достаю фрикадельки из духовки, и чтобы никто из них не увидел мои слезы, я

вынуждена идти длинной дорогой вокруг острова обратно к плите. Через несколько секунд, я чувствую, как руки Аса обвиваются вокруг моей талии. Он целует мою шею, и я буду проклята, если не развернусь и прижмусь своими губами к его. Настолько сильно, насколько я его ненавижу, и насколько хочу отрезать его член, за то, что он сделал со мной наверху, этот поцелуй вовсе не о нем.

Я хочу, чтобы Картер почувствовал тоже, что и я. Будто в моей груди огромная рана.

Гребаный ублюдок. Они все гребанные ублюдки.

Я отстраняюсь от Аса.

— Из-за тебя мне сложно сконцентрироваться. Ребята, валите из кухни, что бы я могла закончить готовку.

Понятия не имею, как я могу говорить, потому что каждое мое слово хочет превратиться во всхлипывание. Я кидаю все фрикадельки в соус, и когда начинаю добавлять лапшу, входит Далтон.

— Боже, Аса. Иди, прими чертов душ. Мы все потеряем аппетит, если нам придется смотреть на кровь, пока мы едим.

Я пользуюсь отвлечением Далтона, чтобы взглянуть на Картера. Он смотрит прямо на меня, его глаза полны беспокойства. Такое ощущение, что прямо сейчас он пытается сказать мне миллион слов. Он поднимает руку и проводит пальцем по верхней губе.

Я не накручиваю волосы на палец. Вместо этого, я протираю рот средним пальцем и поворачиваюсь к Аса. Он убирает волосы с моих плеч.

— Ты должна пойти в душ со мной. Сделать это одной рукой, будет немного сложно.

Я трясусь головой.

— Позже. Я должна закончить готовку.

Аса проводит пальцами по моей руке, проводя по кисте и кольцу. Он поворачивается и выходит из кухни. Далтон идет за ним. Как только я остаюсь наедине с Картером, он несется через всю кухню ко мне. Останавливается, когда оказывается возле меня, и подходит так близко, как только можно, что бы это не выглядело подозрительно. Я хватаюсь за угол перед собой и не поднимаю на него взгляд.

— Все было не так, Слоан. Клянусь. Ты должна верить мне.

Эти слова он произносит отчаянным шепотом.

Я все еще не смотрю на него, когда отвечаю:

— Ты целовался с другой *девушкой*?

Медленно поворачиваю голову и смотрю ему в глаза. Я почти уверена, что он готов рискнуть и притянуть меня к себе.

Он начинает трясти головой.

— Я бы не поступил так с тобой. Все было не так.

На этот раз он говорит медленно и внятно. Мне хочется поверить его словам, но по опыту общения с другими мужчинами, я понимаю, что нельзя доверять тому, у кого есть член.

Картер осматривается по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не видит. Все парни в гостиной сидят к нам спиной и смотрят телевизор. Картер наклоняется и сжимает мое запястье.

— Я бы никогда не сделал что-либо, что могло бы причинить тебе боль. Никогда. Я клянусь жизнью твоего брата, Слоан.

И именно в этот момент я *действительно* начинаю злиться. Я отстраняюсь и ударяю его так сильно, что все парни в гостиной поворачиваются к нам.

Сейчас мне так больно, как не было никогда в жизни, но я все еще достаточно умна, чтобы догадаться, что мне надо прикрыть тот факт, что я только что ударила его.

— Не говори так об Аса, придурок! У него плохой день!

Картер мгновенно понимает, что я делаю. Он заставляет себя засмеяться «для галочки» и потирает щеку, но я вижу опустошение в его глазах, когда он поворачивается и идет в сторону гостиной.

Я поворачиваюсь и помешиваю чертовы спагетти. Останавливаюсь, чтобы вытереть слезы рукавом кофты, а затем начинаю снова мешать. Через минуту, Далтон появляется возле меня и наклоняется, макая палец в соус. Пробует соус, а потом проводит пальцем по губам.

— Он говорит тебе правду, Слоан.

Далтон уходит, и я больше не могу контролировать свои слезы. Я не знаю, во что верить. Кому доверять. На кого злиться, кого любить. Иду к раковине и смываю соус с рук.

Я должна выбраться из этого дома.

Я иду к задней двери и кричу через плечо.

— Ваши гребанные спагетти готовы, вы чертовы ублюдки!

Глава 34 КАРТЕР

Carter

Ополаскиваю последние тарелки и отправляю их в посудомоечную машину.

Аса никогда не доедает свои порции. Слоан больше не появлялась. Пару минут назад написал Далтону и попросил подняться наверх и проверить состояние Аса, прежде чем я рискну выйти на улицу и поговорить со Слоан.

Протираю столешницу и запускаю посудомоечную машину. Слышу, как Далтон спускается по лестнице, и тут же получаю от него сообщение.

Далтон: Он вырубился обнаженным на своей кровати. Похоже пробудет в таком состоянии еще некоторое время. Я напишу тебе, если он будет спускаться. Убедись, что твой телефон включен.

Дважды, а то и трижды проверяю настройки звука и вибрации, затем отправляю телефон в карман. Направляюсь к Слоан, чтобы постараться уладить отношения между нами.

Она в центре бассейна, плавает на спине, рассматривая звезды. Слоан не поворачивается ко мне, когда слышит захлопывающуюся заднюю дверь.

Пока я подхожу ближе, замечаю ее рубашку и джинсы, брошенные на шезлонг.

Твою мать! Она плавает в нижнем белье.

Может для нее это обычное дело, но для меня это все равно что ступить на мину, когда Слоан практически без купальника.

Подхожу к кромке бассейна и не свожу с нее глаз, но она по-прежнему не смотрит в мою сторону. Вода покрывает большую часть ее лица, но даже при тусклом освещении от дома, я замечаю ее красные глаза.

Если подумать об этом, то это какая-то херня. Слоан расстроена тем, что я могу быть с другими девушками, хотя сама все это время каждую ночь спит в постели с другим мужчиной.

Черт, да она поцеловала его просто, чтобы вывести меня из себя.

Но я понимаю. И не виню, потому что знаю, как Слоан было больно. И больно*до сих пор*.

И это самая сложная часть. Это не значит, что я готов признаться ей в чувствах. Самое тяжелое — знать, что она чувствует прямо сейчас, когда сомневается во мне.

Если бы я мог признаться и рассказать Слоан правду, все было бы гораздо проще. Но это нарушение моего задания. Это было бы прямое неподчинение приказу Райана. И учитывая тот факт, как неуравновешен сейчас Аса, чем меньше она знает, тем лучше.

Когда на кухне Аса упомянул Тилли, Слоан мгновенно побледнела. Я мог убить его прямо там.

Слоан раскидывает руки и плещет ногами, подталкивая себя к центру бассейна.

— Он забыл выключить подогрев бассейна на выходные, — произносит тихо. — Очень хорошо. Думаю, я могла бы остаться здесь навсегда.

У нее грустный голос. Мне хочется сбросить ботинки, прыгнуть в воду и остаться там *с ней* навсегда. Только не в этом бассейне и не в этом доме.

— Как ее зовут? — спрашивает, еще тише, всматриваясь в ночное небо.

Потираю шею, осмысливая, сколько правды я могу сказать.

— Тилли.

Слоан смеется, но не потому, что считает это забавным.

— Она твоя девушка?

Вздыхаю.

— Тилли просто друг, Слоан. Иногда она оказывает мне услуги.

Слоан полностью погружается под воду, до самого дна. Когда она выплывает, из ее глаз чуть ли не кинжалы летят. Увидев это выражение лица, понимаю, какую глупость только что сморозил.

Хватаюсь за голову.

— *Не такие* услуги, Слоан. *Господи*.

Она отбрасывает волосы со лба, а я стараюсь не смотреть ни на что, кроме ее лица, но это чертовски тяжело, когда Слоан такая мокрая.

- Какую услугу она тебе оказала в пятницу ночью, что тебе пришлось лапать ее?

Ее спокойствие меня бесит, потому что знаю, что внутри она рвет и мечет. А это значит, Слоан готова взорваться в любую минуту. Чувствую, что край этого бассейна — как край вулкана.

— Ответь мне. Какую услугу она оказывала тебе в пятницу ночью? — повторяет она свой вопрос.

— Тилли помогала мне убедить Аса, что я не хочу тебя трахнуть, — честно отвечаю.

Мне даже не нужно смотреть на ее грудь, чтобы заметить выдох облегчения. Хотя, она и пыталась его скрыть. На мгновение Слоан задерживает на мне взгляд, а потом снова исчезает под водой. Подплывает к мелкой стороне, поднимается и выходит из бассейна. Ее полностью прозрачное нижнее белье телесного цвета чертовски сводит меня с ума. Я почти боюсь, что Аса в своей комнате сможет услышать мой пульс.

Слоан продолжает идти вдоль бассейна, пока не останавливается прямо напротив меня. А дальше, она делает еще один шаг ко мне. Так близко, что я чувствую ее мокрый лиф, прижатый к моей груди.

— А это *так*? Ты хочешь трахнуть меня?

Господи Боже. Что она делает?

Борюсь с собственными руками, когда они тянутся к ее бедрам.

— Не совсем, — хрипло отвечаю. — Я больше заинтересован в том, чтобы заняться с тобой любовью.

Теперь Слоан тяжело дышит, но это ничто по сравнению с моим дыханием. Я так сильно хочу поцеловать ее, но это определенно будет поцелуем смерти, потому что я ни за что не остановлюсь.

Потому что Слоан убьет меня, если я попытаюсь поцеловать ее. Не понятно, злится она на меня или нет. Ведет себя, будто хочет, чтобы я прикоснулся к ней, поцеловал ее. Но взгляд говорит, что единственное желание Слоан бросить меня в бассейн и удерживать мою голову под водой.

Она скользит руками по своим бедрам, накрывая мои руки своими. Переплетает наши пальцы и медленно гладит моей рукой свой живот, поднимаясь к груди.

С трудом проглатываю и поднимаю глаза на окно ее спальни.

— Что ты делаешь, Слоан?

Она прижимается ко мне и встает на носочки, пока ее грудь не соприкасается с моей. Закрываю глаза и кладу руку на поясницу. Мои пальцы чуть погружаются в ее трусики, притягивая еще ближе.

Губы Слоан находят мое ухо, и она шепчет:

— Тебя повысят, если ты пересподишь с невестой главного подозреваемого?

Мои глаза увеличиваются вдвое.

Аккуратно запускаю пальцы в ее волосы, отводя голову назад так, чтобы я мог видеть ее лицо.

— Я тебя не понимаю, Слоан?

Она улыбается, но обида в ее глазах увеличивается.

— Я знаю, кто ты, — произносит. — Знаю, что ты делаешь здесь. И теперь понятно, почему ты так интересуешься мной.

Слоан с силой отпихивает меня, делает шаг назад, и я больше не держу ее. Снова глазами метает в меня молнии.

— Не смей, блядь, со мной разговаривать, или я всем расскажу, что ты агент под прикрытием. *Люк*. Она пытается уйти, но я тут же делаю шаг на встречу и закрываю ее рот рукой. Слоан пытается кричать, бросаю взгляд в сторону черного выхода.

Нас еще никто не видел, но мне нужно увести ее в более уединенное место, прежде чем она сделает что-то, что убьет нас обоих.

Слоан пытается оттянуть мою руку, царапая ее ногтями. Обнимаю ее за талию, заставляя идти к боковой части дома. Она злится еще больше, когда понимает, что я делаю, поэтому начинает бороться изо всех сил. Ненавижу, что приходится применять силу, но это для ее же блага. Когда мы наконец доходим до нужного места, под прикрывающими ветвями деревьев, я подталкиваю к стене, не отрывая ладонь от ее рта.

— Прекрати, Слоан, — говорю, глядя в ее мертвые глаза. — *Послушай* меня. Веди себя тихо и выслушай меня. *Пожалуйста*.

Она тяжело дышит, обеими руками схватившись за мое запястье.

Когда Слоан прекращает сопротивляться, прижимаю одну руку к стене дома за ее головой и медленно убираю вторую от ее рта.

Она едва дышит от страха, когда я кладу руку рядом с ее головой. Прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Все, что я когда-либо говорил тебе. Каждый взгляд, что был направлен в твою сторону. Каждый раз, когда прикасался к тебе. Это никогда не было работой, Слоан. Ни одного гребанного раза. Ты понимаешь это?

Она молчит.

Меня передергивает, так как злюсь, что поставил ее в такое положение. Злюсь, что она не доверяет мне. Ненавижу, что дал Слоан все возможные поводы для этого. И меня бесит, что я совершенно не знаю, что сказать ей, чтобы она поверила в мои чувства.

Наклоняюсь и целую ее в висок, затем опускаю руки и обнимаю ее.

Не пытаюсь больше убедить словами.

Слишком поздно кормить ее извинениями.

Просто обнимаю Слоан, потому что невыносимо тупо стоять, зная, что она сейчас чувствует.

Спустя несколько минут в застывшем состоянии в моих объятиях, она медленно начинает расслабляться. Ее руки поднимаются и сжимают мою рубашку, и Слоан прижимается ко мне.

Утыкается лицом в мою грудь и начинает плакать, поэтому я обнимаю ее так крепко, как только могу.

Зажмуриваю глаза и шепчу в ее влажные волосы.

— Ты все, что я вижу, Слоан. Превыше работы, превыше правильного и неправильного. Ты все, что я вижу.

Целую ее волосы, когда чувствую, как ее губы, прижимаются к моей шее. Притягиваю ее еще ближе. Слоан все еще тяжело дышит, возможно, это смесь страха, злости и нашей непреодолимой близости. Мы находим друг друга в темноте и, когда наши губы наконец-то встречаются, Слоан будто безмолвно умоляет меня забрать этим поцелуем все ее сомнения.

И я забираю. Наши губы отчаянно переплетаются. Прижимаю ее к стене и скольжу руками по талии. Каждая секунда, что проходит, это секунда, которой никогда не должно было быть. Ах, если бы у меня было еще десять секунд с ней сегодня вечером.

Прижимаюсь к Слоан еще сильнее, и она стонет, впиваясь в мой рот. И с этим звуком

все, окружающее нас, исчезает. Тревога, здравый смысл. Моя потребность в ней поглощает меня полностью и, судя по ее рукам, пробирающихся под мою рубашку, ее тоже.

Я в тумане и не вижу способа выбраться отсюда в ближайшее время.

Проклятье.

Мои губы оставляют дорожку из поцелуев на ее шее, пока я поднимаю руку к ее груди и проскальзываю под лиф. Касаюсь нежной как шелк кожи.

- Черт возьми, Слоан, — шепчу, медленно двигаясь ртом вверх по ее шее. Когда наши губы встречаются, Слоан ныряет языком в мой рот, и расстегивает пуговицы на моих джинсах.

Поднимаю сначала одну ее ногу, затем другую.

— Моя машина, — шепчу Слоан, обвивая ее ногами свою талию.

На улице достаточно темно, и территория довольно плотно обрамлена деревьями, поэтому не беспокоюсь о соседях, которые могут увидеть нас, пробирающихся на заднее сиденье. Единственное, о чем переживаю — это ее жених в доме, а быть пойманными значило бы...

Даже не хочу думать об этом прямо сейчас. Далтон пока что не писал, значит, у нас есть время.

Захлопываю заднюю дверь и протягиваю руку к переднему сиденью, вытягивая из бардачка презерватив. Откидываюсь на сиденье, Слоан забирается сверху, губы к губам, руки на моей груди.

И еще ниже.

Поднимаю ее лиф наверх, отвечая на каждый поцелуй, в то время как Слоан освобождает меня от джинсов.

Как только презерватив на мне, хватаю ее бедра и усаживаю сверху, пока Слоан отбрасывает в сторону свои трусики. Откидываю голову на сиденье, хочу видеть ее лицо, когда буду входить в нее.

Наши глаза встречаются, и я начинаю медленно ее опускать. В машине становится еще тише, когда мы вдвоем задерживаем дыхание. Ни на секунду не отрываю от нее взгляда, пока Слоан принимает меня. Когда я полностью вошел, кожа к коже, мы одновременно и резко выдыхаем.

— О Боже, — шепчу я.

Это лучшее, что я когда-либо чувствовал — наконец-то я внутри Слоан.

И я никогда не чувствовал себя таким виноватым, как сейчас, зная какой опасности моя слабохарактерность подвергает ее.

Слоан наклоняется ко мне и обнимает за шею.

— Люк, — выдыхает мое имя.

Твою мать, я умираю.

Она назвала меня Люком.

Мои губы находят ее, и я целую Слоан так, как она заслуживает, чтобы ее целовали. С уверенностью. С уважением. С чувством.

Слоан начинает двигаться на мне, и эта девушка все, что я вижу.

Закрываю глаза, и она все, что я, черт возьми, вижу.

Глава 35 СЛОАН

Sloan

Никогда не думала, что это может быть так хорошо.

Звучит как клише, даже если я думаю именно так. Но его руки, рот, прикосновения — это мой ответ на вопрос, ради чего стоит жить.

Я не знаю, как так произошло, что два часа назад на кухне я его ненавидела, а сейчас я чувствую к нему больше, чем за все дни до этого вместе взятые.

Осознание того, что Картер не такой как Аса... что он его полная *противоположность...* это так... *радует.*

Он хороший. Он *хороший парень.* Такие парни на самом деле существуют.

Все снизошло на меня озарением, пока я плавала в бассейне. Картер, называющий себя чужим именем. Картер, посещающий класс испанского, который на несколько лет отстает от его способностей, только чтобы быть ближе ко мне. Как он продолжал убеждать меня доверять ему, но никогда не объяснял *для чего.*

Использовать другую девушку в качестве приманки.

В этом то и была загвоздка. Я поняла это задолго до прихода Картера к бассейну.

Когда Далтон сказал, что Картер... или Люк... неважно, говорит правду, я знала, что в этом было что-то еще. Больше, чем она. Больше, чем то, что он нагло целовался с кем-то еще, находясь со мной в одном доме. Я сказала себе, что если он выйдет на улицу и начнет отрицать, что был с ней, то я пойму, что он лжец. Что он точно такой же, как и Аса.

Но если Картер выйдет на улицу и скажет мне правду, что он использовал ее, чтобы отвлечь Аса, тогда значит, что я оказалась права. Я раскусила его.

Просто не знала, что из этого мне захочется услышать. То, что он был в точности как Аса... или то, что он все это время использовал меня.

Как только Картер понял, что я раскрыла его, я ожидала, что это будет конец наших отношений. Думала, что он будет верен своей работе и постарается заключить со мной что-то типа сделки, чтобы я молчала. Потому что парни как он... парни увлеченные карьерой, хорошие, успешные, добрые... они не влюбляются в таких девушек, как я.

Или по крайней мере, меня этому научила жизнь.

Но я ошиблась, потому что его не волновала работа. Я поверила ему, когда он сказал, что все, что он видит — это я. Потому что, все что я вижу — это он.

Все, что я *чувствую* — это он.

И прямо сейчас, я сосредоточена только на его поглаживаниях, прикосновениях к самым нужным местам. Боюсь, что своими стонами разбужу не только Асу, но и всех соседей.

И словно читая мои мысли, Картер накрывает мой рот своим, заглушая мои стоны. Мои ноги и руки начинают трястись, когда через меня проходит самое лучшее ощущение, из всех что я когда-либо чувствовала.

— Люк, — стону я напротив его губ.

Несмотря на то, что в этот момент я слаба, я нахожу силы, чтобы двигаться быстрее... сильнее, пока я не оказываюсь той, кто должен подавлять *его* звуки.

Его рот невероятен. Он как фрукт. Сладкий на вкус.

Ничего похожего на горечь, которую я глотаю, когда целую Аса.

Когда никто из нас больше не трясется, а я все еще сижу на нем верхом, Картер наклоняется вперед и проходится губами по моему плечу.

— Ты должна вернуться внутрь, — говорит он.

Я знаю, что он прав, но как бы я хотела, чтобы это было не так. Дом — это последнее место, где я хотела бы оказаться сейчас. Я провожу пальцами по его волосам, и ловлю свежий запах шампуня.

— Ты принимал душ? Прежде чем вернулся в дом?

Он улыбается, я это вижу даже в темноте.

— Значит ты принял души у тебя в машине были презервативы? Ты ожидал секса сегодня?

Картер откидывает голову на подголовник, и его губы растягиваются в медленной, довольной ухмылке.

— Я принял душ, потому что мне нравится хорошо выглядеть для тебя. У меня в машине есть презервативы, потому что мне нравится быть готовым ко всему. И они лежали тут около шести месяцев, если тебе интересно.

Мне было интересно, но у меня нет на это право. Картер знает, что по-прежнему происходит между мной и Аса по ночам. Если бы я могла остановить это, я бы так и сделала, но прямо сейчас это не выход.

По крайней мере, пока нахожусь в этом доме.

Но мы не говорим об этом. О том факте, что я все еще с Аса, и о том, что произошедшее между мной и Люком было неправильно, неважно насколько правильным это чувствуется. Но если честно, мне наплевать на то, что я изменила Аса. Мне должно быть стыдно, но мне не стыдно.

Карма та еще стерва, Аса Джексон.

Люк проводит пальцем по моей руке и подхватив пальцем бретельку бюстгалтера, начинает тереть ее.

— Слоан?

Я рассматриваю его челюсть. У него отличное лицо. Мужественное во всех нужных местах, кроме мягких аппетитных губ.

— Да?

- Как ты догадалась?

Я ухмыляюсь.

— Ты — все, что я вижу, Люк. А еще я очень умная.

Он кивает.

— Да, ты умная.

Он прижимает ладони к моей спине, и прижимает меня к себе, но до того, как наши губы встречаются, моя спина ударяется об сиденье, и Картер нависает надо мной, прикрыв мне рот рукой.

— Не шуми, — шепчет он, выглядывая через окно.

Мое сердце поднимается к горлу.

Мы покойники. Мы покойники.

Мы. Покойники.

Я слышу тяжелый стук в окно, но не совсем уверена, что это не мое сердце.

— Открой чертову дверь!

Я закрываю глаза, но чувствую, как рот Люка прижимается к моему уху.

- Это всего лишь Далтон, — шепчет он. — Оставайся на месте.

Я киваю и прикрываю себя руками, пока Люк садится и открывает дверцу. Что-то летит по направлению к заднему сиденью и Люк ловит это руками.

— Что за фигня! — говорит Люк, хватая на лету, то что Далтон только что бросил в него.

Далтон наклоняется внутрь и смотрит на меня.

— Если в следующий раз, вы двое решите улизнуть и потрахаться, убедитесь, что взяли одежду с собой.

Люк протягивает мне футболку и джинсы, которые Далтон только что швырнул в него. Я судорожно натягиваю футболку на голову, смущенная тем, что мы были так неосторожны.

— Он проснулся? — спрашивает Люк у Далтона.

Далтон бросает на него строгий взгляд, который говорит о многом, но я даже не пытаюсь понять что именно.

— Нет. Но ты должен уйти до того, как из-за тебя нас двоих убьют.

Затем Далтон поворачивается и смотрит на меня.

— А ты должна вернуться в дом, до того как из-за Картера убьют *тебя*.

Он выпрямляется, и прямо перед тем, как захлопнуть дверцу машины, бросает:

— Нам нужно поговорить до того, как ты уедешь, Картер.

Я пытаюсь натянуть свои мокрые джинсы и Люк наклоняется вперед, чтобы помочь мне. Я должна продолжать называть его Картером в своей голове, иначе я проболтаюсь и назову его Люком перед Аса.

— У тебя неприятности? — спрашиваю я, застегивая джинсы и выпрямляя футболку. Он проводит рукой по моей шее.

— У меня *всегда* неприятности, Слоан. Я бы хотел сказать, что хорош в своей работе, но думаю, последний час доказал, что мои приоритеты немного вышли из-под контроля.

Я смеюсь.

— Лично я считаю, что твои приоритеты, за последние пол часа, были самыми правильными.

Люк целует меня, и говорит:

— Иди, будь осторожна.

Я целую его в ответ, сильно. И когда уйду от него в этот раз, мне почти не так больно. Потому что сейчас у меня есть надежда.

Надежда на то, что у него есть план, как выбраться из этого бардака.

Стою под душем и с лица не сходит улыбка, потому что, когда я открыла заднюю дверь и вошла в чистую кухню, я точно знала, что ее убрал Картер.

Никто, действительно *никто*, ни разу не пошевелил и пальцем, чтобы помочь мне в этом доме.

Не уверена, что когда-либо слышала, что уборка — это путь к сердцу девушки, но основываясь на своей реакции, могу сказать, что это определено путь к моему. Потому что, я чуть не расплакалась, когда услышала работающую посудомоечную машину.

Это очень печально. Включить посудомоечную машину для меня значит больше, чем

обручальное кольцо? Со стороны может показаться, что мои приоритеты тоже вышли за рамки.

Но мне больше нравится, когда выходят за рамки именно по этому поводу.

Аса лежал без сознания на кровати, когда я зашла в комнату. Он развалился голый.

Отлично. Попытаюсь разбудить его или подвинуть на его половину, но он слишком тяжелый.

Я подхожу к его стороне кровати, беру его за руку и стараюсь подвинуть. Он не сдвинулся с места, но начал стонать между храпом.

Потом... он начинает *блевать*.

На мое, черт возьми, стеганное одеяло.

Я закрываю глаза и стараюсь сохранять спокойствие. Конечно же ему надо было разрушить эту прекрасную ночь.

Аса продолжает блевать между приступами стонов, наполняя комнату ядовитым запахом. Я подбегаю к столу и открываю мусорное ведро, а затем протягиваю ведро и наклоняю его голову так, чтобы он блевал в мусорное ведро.

Его рвет еще несколько раз и наконец-то, после нескольких минут тишины, он открывает глаза. Когда он поднимает глаза на меня, в них уже нет этого пугающего взгляда, он сменился на детскую невинность.

— Спасибо, детка, — бормочет он.

Я ставлю мусорную корзину на пол, а затем кладу руку ему на голову.

— Аса, нужно чтобы ты постарался встать. Надо убрать одеяло с кровати.

Он переворачивается, отодвигаясь от рвоты, и кладет подушку себе на грудь, почти немедленно засыпая.

— Аса, — трясу его я, но он снова вырубился.

Я встаю и осматриваю комнату, пытаюсь придумать, как вытянуть одеяло, не спускаясь вниз за помощью.

Я не смогу сделать это самостоятельно, и не собираюсь спать на диване внизу. Не тогда, когда здесь Джон. Молюсь, чтобы Далтон и Картер были здесь, потому что, если Джон и Кевин узнают, что Аса не в себе, моя безопасность встанет под угрозу.

К моему облегчению, когда я спускаюсь вниз, Картер и Далтон стоят возле двери, притворяясь, что собираются уходить. Картер выпрямляется, когда замечает меня.

— Мне нужно, чтобы кто-то помог поднять Аса, что бы я могла поменять одеяло. Он все облевал.

— Удачи вам с этим, — бормочет с дивана Джон.

Картер бросает взгляд в сторону Джона, а затем немедленно начинает подниматься по ступенькам. Я вижу неодобрение в глазах Далтона, но он все равно начинает идти за Картером.

Когда мы поднимаемся в комнату, внутри стоит такой ужасный запах, что мне приходится закрыть нос.

— Святое дерьмо, — бормочет Далтон. Он идет прямо к окну и открывает его. Мы все смотрим на Аса и мне немного неловко за то, что он голый. Но зная Аса, его бы это не волновало. А даже если бы и волновало, то это только его вина.

Картер наклоняется и пытается разбудить его.

— Аса. Просыпайся.

Аса стонет, но все еще не просыпается.

— Что за фигню он принял? — спрашивает Картер, поворачиваясь к Далтону.

Далтон пожимает плечами.

— Если бы я знал. Я видел, что он принял несколько таблеток по дороге в казино. И героин по дороге домой.

Картер даже не колеблется, когда наклоняется и засовывает руки под Аса. Он встает и поднимает Аса с кровати.

Я тут-же хватаю одеяло и складываю его. И на этот раз, я даже не собираюсь стирать его. Бросаю его в коридор и на всякий случай меняю простыни.

— На какой стороне он спит? — спрашивает Картер, все еще держа Аса на руках. Я указываю на его сторону кровати и Картер тащит его туда. Далтон помогает положить Аса на кровать, достает из шкафа еще одно покрывало и укрывает его.

Когда я подгибаю покрывало, Аса открывает глаза и смотрит на меня. Морщась, он проводит рукой по лицу.

— Что это за запах? — бормочет он.

— Тебя вырвало на кровать.

Он морщится.

— Ты убрала?

Я киваю и шепчу:

— Да. Я сменила простыни. Спи.

Аса не закрывает глаза. Вместо этого, он протягивает руку и хватается прядь моих волос.

— Ты так хорошо обо мне заботишься, Слоан, — говорит он.

С секунду я не моргая смотрю на него, на эту его уязвимую версию.

И каким-то образом, даже несмотря на то, что Картер находится в комнате, я ему сочувствую.

Я не могу *не* сочувствовать ему.

Аса такой не из-за того, что он *выбрал* быть таким. Мне кажется, что он такой какой есть, потому что ему никогда не показывали, что можно быть другим.

Вот почему я всегда ему сочувствовала. У него никогда не будет моего сердца, и, вероятно, он никогда не получит моего прощения.

Но я не могу *не* сочувствовать ему.

Я начинаю вставать, но он хватается меня за запястье, дергая вниз. Я падаю на колени возле кровати и Аса, держа меня за руку, шепчет с закрытыми глазами:

— Однажды, когда мне было пять... Меня вырвало на кровать. Мой отец заставил меня спать в этом. Он сказал, что это научит меня не делать так снова.

Аса выпускает смешок, но затем его глаза сжимаются еще крепче.

— Полагаю, этот ублюдок, снова оказался неправ, — бормочет он.

О, Боже.

Моя рука тянется к сердцу, когда я представляю Аса маленьким мальчиком.

Я поворачиваюсь и смотрю на Картера и Далтона, которые смотрят на Аса почти с такой же жалостью, что и я. Когда я снова поворачиваюсь к Аса, он переворачивается на живот, пряча лицо в подушке.

Сжимает подушку кулаками и так сильно прижимает ее к лицу, что уверена он пытается удушить себя. Его плечи начинают трястись, когда он выпрямляет их.

— Аса, — шепчу я, успокаивая его, и глажу по голове.

Он начинает рыдать. Такое сильное рыдание, которое разрывает сердце и не сопровождается звуками.

Абсолютно тихое.

Я никогда не видела, чтобы Аса плакал. Я даже не думала, что он способен на настоящие слезы.

Завтра он не вспомнит ничего из этого. Он не узнает, если я оставлю его одного или залезу в кровать и обниму его. Я продолжаю гладить Аса по голове и поднимаю взгляд на Картера. Далтон уже ушел. Сейчас нас только трое.

Картер подходит ко мне, и я вижу такое же сочувствие в его глазах. Он поднимает руку и проводит по моей щеке, затем наклоняется и целует меня в лоб.

Задерживает свои губы на несколько секунд, а затем встает и идет к двери. Когда Картер доходит до двери, он оборачивается и несколько секунд просто смотрит на меня. Поднимает руку и медленно проводит пальцем по верхней губе. Мое сердце рвется к нему, но я стою, будто приклеена к полу, успокаивая Аса.

Я поднимаю руку и беру прядь волос, накручивая ее на палец. Губы Картера растягиваются в мимолетной улыбке, он смотрит на меня еще несколько секунд, а потом закрывает дверь.

Я залезаю в кровать под одеяло и обнимаю Аса, успокаивая его, пока не убеждаюсь, что он наконец-то заснул.

Но прямо перед тем, как я отключаюсь, я слышу, как он шепчет:

— Тебе лучше никогда не оставлять меня, Слоан.

Глава 36 АСА

Asa

Первое, что я вижу, когда открываю холодильник — тарелку с остатками спагетти.

Спасибо, Господи.

— Вот видишь, папочка? — шепчу под нос, чтобы никто не услышал. — Она просто находка.

Ставлю тарелку со спагетти в микроволновку и иду к раковине, чтобы умыться. Ощущение такое, будто я всю ночь проспал головой в унитаза. Черт, судя по вони в спальне, сегодня утром, видимо так и было.

Облокачиваюсь на стойку, ожидая, пока разогреются макароны. Наблюдаю, как тарелка вращается в микроволновке.

Интересно, я его убил?

Сомневаюсь. Прошли почти сутки с тех пор как мы покинули казино. Если бы он умер, полиция была бы уже здесь. А если он жив, я почти уверен, что он не будет выдвигать обвинения. Он знает, что заслужил то, что я с ним сделал.

Микроволновка подает сигнал.

Достаю спагетти, хватаю вилку, и засовываю шмоток макарон в рот. Я едва их проглотил, прежде чем вынужден был искать мусорную корзину. Меня дважды вырвало, я прополоскал рот, а потом заставил себя засунуть в рот еще одну порцию.

Буду запихивать рвоту обратно как сумасшедший, потому что я не тот человек.

Я съедаю еще порцию спагетти и проглатываю вместе со своей желчью.

Протолкни, Аса.

Передняя дверь открывается и входит Слоан. Смотрю на часы и вижу, что сейчас всего третий час дня. Она никогда не приходит домой с учебы так рано. Либо она не замечает меня, стоящего в кухне, либо это тот период месяца, и она в отвратительном настроении, потому что она направляется прямо вверх по лестнице в спальню.

Минутой позже, я слышу, как она крушит спальню. Вещи падают на пол. Ее шаги перемещаются с одной части комнаты в другой. Смотрю в потолок, гадая, какого хрена она делает. У меня слишком сильно болит голова, чтобы подниматься наверх и проверять.

Мне и не нужно, потому что спустя несколько секунд, Слоан несется вниз по лестнице.

Когда она поворачивает за угол на кухню, мой член дергается в штанах. Она злая, как черт, и это пиздец как горячо. Я улыбаюсь ей, когда она топает в мою сторону.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, она кидает их мне в лицо. Тычет пальцем в мою грудь.

— Где документы, Аса?

Документы?

Какого хрена она несет?

— Какого хрена ты несешь?

Ее грудь вздымается и если бы она только шагнула на несколько сантиметров ближе, я смог бы почувствовать ее соски.

— Папка моего брата! — уточняет она. — Где они, Аса?

Ах, эти документы...

Аккуратно ставлю тарелку со спагетти на стол, а затем поднимаю руки и скрещиваю их на груди.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Слоан.

Она медленно втягивает воздух, и с еще большей аккуратностью его выдыхает, а затем отворачивается. Кладет руки на бедра, пытаюсь найти в себе силы, чтобы сохранять спокойствие.

Я понимал, что если она когда-нибудь узнает, что я сделал, она разозлится. Но даже при этом, я никогда по-настоящему не задумывался, как буду ей это объяснять.

— Два года, — говорит она, стиснув зубы. Она разворачивается и ее глаза полны слез.

Вот, дерьмо. Я не хотел доводить ее до слез.

— В течение двух лет я думала, что ты платишь за его лечение. Ты показывал мне документы, Аса. Государственные письма. Квитанции. — Она начинает ходить туда-сюда. — Социальный работник сегодня подумала, что я идиотка, когда я спросила ее, могут ли ему продлить льготы. Ты знаешь, что она мне сказала, Аса? — она снова тычет в меня пальцем.

Я пожимаю плечами.

Она делает шаг вперед, скрестив руки на груди.

— Она сказала: «Льготы не отменяли, Слоан. Уход за Стивеном никогда не был

Теперь по ее щекам текут слезы. Впервые с того момента, как она зашла сюда, я начинаю немного беспокоиться, что, возможно, я зашел слишком далеко. Она злее, чем я когда-либо ее видел.

Она не сможет меня бросить.

— Слоан, — я делаю шаг вперед и кладу руки на ее плечи. — Детка, послушай. Мне пришлось сделать то, что я сделал, чтобы вернуть тебя. Ты *бросила* меня. Мне жаль, что ты расстроена. — Я поднимаю руки к ее щекам, — Правда, ты не должна злиться из-за этого. От меня потребовалось чертовски много сил и денег. Поэтому, тебе должно льстить, что ты настолько важна для меня.

Ее руки поднимаются к моим и она отталкивает меня от себя.

— *Чертов ублюдок!* — кричит она. — Ты подделал кучу документов для обеспечения своей лжи, Аса! Ежемесячные письма от правительства! Кто это, блять, *делал*?

Она понятия не имеет, сколько денег мне пришлось заплатить ублюдку, который их посылал, иначе она сейчас бы поблагодарила меня.

Слоан снова тычет в меня пальцем.

— Ты заманил меня в ловушку. Все это время ты заставлял меня думать, что выхода не было.

Я проглатываю гнев. Делаю шаг вперед. *Я ее правильно расслышал?*

— *Я заманил тебя в ловушку?*

Она так возбуждена, что это видно по ее частому дыханию. Она сердито стирает пальцем слезы и кивает, понизив голос.

— Да, Аса. Ты заманил меня в ловушку. Я была твоей гребаной заключенной в течение последних двух лет, думала, что моему брату уже придется возвращаться обратно к нашей никчемной матери. Все потому, что ты *знал*, что если у тебя не будет приманки, которая удержит меня, я уйду от тебя.

Слоан не это имела ввиду. Она злится. Она никогда не оставит меня. Да, я солгал ей. Да, я заплатил дохера денег, чтобы подделать документы, будто льготы для ее брата были отменены. Но это было временным решением. В конечном итоге, она бы и так приползла обратно ко мне. Я только облегчил ее путь.

— Так вот значит как ты считаешь? То есть, ты была здесь в ловушке? — спрашиваю. —

Я не дал тебе кров над головой? Не покупал еду? Не покупал хорошую одежду? Не позволял тебе поступить в колледж? Не отдал свою машину? — Я расхаживаю по кухне и не останавливаюсь, пока не дохожу до нее. Толкаю ее назад, пока Слоан не прижимается к стене, а я не упираюсь руками по сторонам от нее. — Не смей стоять здесь — *в моем* доме — и намекать, что у тебя не было ни единой возможности в мире, чтобы выйти за эту чертову дверь.

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь в гостиную.

- Давай. Если больше не любишь, блять, *уйди!*

Слоан никогда не уйдет. Я знаю это, потому что, если она уйдет, это будет значить, что последние два года она терпела меня из-за моих денег. Используя меня в качестве единственного способа, чтобы поддерживать ее, черт побери, непутевого брата. Если это так, это делает ее шлюхой по определению.

А я не женюсь на гребаной шлюхе.

Слоан бросает взгляд на дверь, а затем оглядывается на меня. Она качает головой, и я клянусь, что она улыбается.

— Прощай, Аса. Наслаждайся жизнью.

Она начинает идти в сторону входной двери.

— Я действительно наслаждаюсь своей жизнью, Слоан. Я пиздец как наслаждаюсь ею!

Позволяю ей добраться до входной двери, прежде чем иду следом. Она даже не дошла до газона, когда моя рука обнимает ее за талию, а вторая — закрывает ей рот.

Разворачиваю ее и веду обратно в этот проклятый дом, которому она так неблагодарна. Несу ее прямо в спальню, пинком открывая дверь. Швыряю ее на кровать, но она пытается сбежать, оббегая вокруг меня.

Как мило.

Я хватаю ее за волосы и кидаю обратно на кровать. Она кричит, но это ненадолго. Забираюсь на нее сверху, прикрыв ее рот одной рукой и удерживая ее руки другой. Я не могу полностью справиться с ее ногами, когда она делает все возможное, чтобы выползти из-под меня, но у меня в одном пальце больше сил, чем во всем ее теле. Больше похоже, будто она щекочет меня, чем пытается причинить боль.

— Слушай сюда, детка, — шепчу, глядя на нее сверху вниз. — Если ты пытаешься намекнуть, что не любишь меня, я очень расстроюсь. *Действительно*, блять, расстроюсь. Потому что это будет означать, что ты притворялась со мной с того дня, как переступила

порог моего дома. Это будет означать, что ты симулировала каждый оргазм, каждый поцелуй, каждое слово, которое когда-либо мне говорила — просто, как ежемесячный платеж. И если это правда, значит ты шлюха, Слоан. Ты знаешь, что делают такие мужчины как я со шлюхами?

Ее глаза расширяются от страха. Надеюсь, это значит, что я завладел ее вниманием.

Она больше не пытается выползти из-под меня, так что это хороший знак.

— Это был вопрос, детка. Ты знаешь, делают такие мужчины как я со шлюхами?

Слеза стекает из ее глаза, когда она качает головой. Я чувствую, как дыхание из ее ноздрей разбивается о мою руку; она изо всех сил пытается втянуть побольше воздуха.

Приближаюсь губами к ее уху.

— Пожалуйста, не заставляй меня тебе показать.

Мы лежим так еще несколько минут, пока я не отодвигаюсь и не смотрю на нее сверху вниз.

Выражение ее лица не изменилось, но теперь она так сильно плачет под моей рукой, что даже сопли текут из носа. Они уже на моей руке. Я убираю руку подальше от ее рта и вытираю об кровать. Натягиваю рукав своей рубашки, и вытираю ее лицо.

Ее губы дрожат. Не знаю почему, но я никогда не замечал, как это чертовски привлекательно. Закрыв глаза, мягко целую ее дрожащие губы.

— Ты меня любишь? — шепчу против ее рта. — Или ты шлюха?

Дрожащий выдох выходит из ее губ.

— Я люблю тебя, — шепчет она. — Мне очень жаль. Я просто расстроилась, Аса. Мне не нравится, когда ты мне врешь.

Я прижимаюсь своим лбом к ее и выдыхаю. В каком-то смысле, она права. Я не должен никогда, блядь, врать ей о ее брате. Но если бы она была на моем месте, она бы сделала то же самое.

— Не смей больше так на меня сердиться, Слоан, — отодвигаюсь и убираю волосы с ее лица. Они влажные и липнут к моей руке. Я провожу по ним пальцами, глядя по всей длине волос.

— Мне не нравится моя реакция на твой гнев, — говорю тихо. — Что мне хочется сделать с тобой.

Она кивает.

— Мне тоже это не нравится, — говорит она.

Ее глаза полны сожаления, но я не чувствую себя плохо. Она сама виновата, что я так с ней поступил. По крайней мере, частично. Стало утомительно врать так долго, что я перестал вести себя аккуратно.

Отпускаю ее запястья и провожу руку по ее щеке, проникая пальцами к задней части шеи.

— Теперь мы должны поцеловаться и помириться?

Она кивает, и когда я прикасаюсь своими губами к ее, я вздыхаю с облегчением. Потому что за долю секунды, когда она шла к входной двери, я подумал, что она серьезно уйдет. Я подумал, возможно, мне никогда не удастся снова ее попробовать.

Я успокаиваюсь, что это была пустая угроза. Не знаю, что бы я делал, если бы узнал, что она на самом деле меня не любит.

Она поворачивает голову в сторону и открывает мне доступ к своей шее. Когда я поцелуями спускаюсь вниз по ее телу, она начинает расслабляться.

Когда я, наконец, полностью снял с нее одежду, она раздвигает для меня ноги.

Я прижимаюсь к ней.

— Ты любишь меня, Слоан?

Она кивает, а потом говорит:

— Да, Аса. Я люблю тебя.

Мой язык ныряет в ее рот одновременно с тем, как мой член ныряет в нее.

В нее — туда, где я — это единственный человек, который там когда-либо был.

Где я — единственный человек, который там когда-либо будет.

— Ты моя, Слоан, — шепчу, трахая ее так, как она любит.

Она сжимает мои руки и закрывает глаза.

Она ощущается такой глубокой, она плачет все время.

Закрываю глаза и подставляю лицо под поток воды в душе.

О чем я думала?

Противостоять ему в одиночку, не предупредив Картера? Это было действительно тупо.

Но в свою защиту могу сказать, что сложно здраво мыслить, когда тебя ослепляет ярость.

Сегодня утром, после встречи с доктором, я получила телефонный звонок от социального работника. Тогда я уже подъезжала к кампусу, но когда открылась правда о том, что лечение брата финансировалось государством, я растерялась. *Совсем* растерялась. Развернула машину и помчалась в больницу, чтобы встретиться с врачом. Никогда я не была так зла, как в тот момент, когда возвращалась домой.

Единственное, о чем могла думать — это Аса, и как я хочу его убить. Ярость действительно ослепляет. Когда я зашла на кухню, чтобы высказать ему все в лицо, меня не волновало, что Аса может навредить мне. Мне просто нужно было знать, правда ли что, Аса присылал мне фальшивые письма от имени государства. Я не желала этому верить, потому что это означало бы, что Аса на самом деле ненормальный. Только психи со справкой могли придумать такую ложь и врать в течение двух лет.

Я помню тот день, когда он принес мою почту, после того как мы впервые расстались. Письмо об оплате лечения лежало сверху. После его прочтения, я была опустошена. Ублюдок на самом деле обнадежил меня, сказал, если мне хоть что-то понадобится, он поможет любой ценой. Аса сказал: «Вот как ты поступаешь с теми, кого любишь, Слоан. Ты помогаешь им».

Но тогда я верила, что Аса на самом деле любит меня и это искренний порыв. *Сейчас я думаю, это больше похоже на психическое расстройство.*

Мне некуда было идти, и из-за беспокойства о Стивене, все закончилось тем, что я была вынуждена просить помощи у Аса. Это было последней возможностью. Черт, я тогда даже позвонила по тому номеру на письме, чтобы убедиться, что других вариантов у меня нет. Сейчас уже очевидно, это был ненастоящий номер, а трубку поднял один из друзей Аса, но тогда я этого не понимала.

Горячая вода смешивается со слезами, струящимися по моим щекам.

Как я могла так долго быть у него на крючке? Теперь понятно, почему Аса разрешал мне брать машину и навещать Стивена только по воскресеньям.

Социальный работник не работает по воскресеньям. И ни единого шанса, что мы встретимся и заговорим о лечении.

Все еще не могу поверить, хотя прошло уже несколько часов с того момента, как я все узнала. Стараюсь убедить себя, что я ни о чем не догадывалась, потому что не было причин думать, что Аса может сделать что-то вроде этого. Но у меня была *сотня* причин.

Вот какой Аса.

Он лжец. Обманщик. Саботирует людей. Ставит себя выше других.

Сейчас я так зла на саму себя, от чего еще сильнее тру тело, желая смыть его запах. Растираю шею, когда шторку душа кто-то отодвигает. Замираю и прижимаюсь спиной к стене. Если дойдет до драки, так мне будет удобнее.

Аса стоит передо мной, полностью одетый. Темно синие джинсы и белоснежная майка. Она подчеркивает татуировки на его руках, делает их ярче — агрессивнее. Но выражение лица не злое. Аса выглядит растерянным.

И он действительно смотрит на мое лицо, а не на грудь.

— Думаешь, это странно, что никто больше не приходит? — спрашивает меня.

Его мысли все более и более непредсказуемы. Облегченно выдыхаю и поворачиваюсь к нему спиной, смывая кондиционер с волос.

— Не уверена, что понимаю, о чем ты, Аса.

Смыв кондиционер, поднимаю на него глаза. Аса уставился на дно ванны, рассматривая как вода, кружась сливается в канализационную трубу.

— Раньше, здесь было много народа, днями и ночами. А сейчас четыре — пять человек, если это не вечеринка.

Это из-за того, что ты непредсказуемый и пугаешь людей до чертиков, Аса.

— Может, они просто заняты?

Его глаза встречаются с моими. Они все еще полны растерянности. И немного разочарованием. Я мало что знаю о наркотиках или как от них отходят, но паранойя может быть симптомом отходняка. Надеюсь на это, в противном случае, не знаю, как справиться с этой версией Аса.

— Ага, — отвечает. — Может, они просто заняты. Или нет, но просто хотят, чтобы я так

думал. Потому что все здесь гребанные притворщики.

Его слова пропитаны ненавистью, но голос спокойный, с ноткой разочарования. Молюсь, лишь бы Аса не относил эти слова про притворщиков к Картеру.

Или ко мне.

Нужно предупредить Картера. С Аса что-то определенно не так. Никогда я так не боялась за свою жизнь, как в тот момент, когда он затащил меня обратно в дом. Борюсь с собой, чтобы не рассказать Картеру, что произошло, знаю, он будет расстроен узнав, что я противостояла Аса в одиночку.

— Нам надо пригласить пару человек сегодня на ужин. Приготовишь что-нибудь?

Киваю в ответ.

— Сколько будет людей?

Аса ни секунды не задумывается об ответе.

— Я, ты, Джон, Далтон, Кевин и Картер. Хочу, чтоб все было готово к семи. Сейчас напишу им.

Закрывает шторку от душа.

Какого черта с ним происходит?

Делаю глубокий вдох и хватаю мочалку. Мою ступни, когда Аса снова отдергивает шторку. Смотрю в его глаза, он все еще разглядывает только мое лицо. Открывает рот, закрывает, делает паузу на несколько секунд и только потом спрашивает:

— Ты злишься на меня, Слоан?

Это вопрос с подвохом?

Черт, да! Я ненавижу тебя, Аса.

Оцениваю выражения его лица и отвечаю:

— Я не довольна тобой.

Аса кивает, будто ни в чем меня не винит. Теперь я знаю наверняка: что-то с ним не так.

— Я не должен был лгать тебе о лечении брата. Иногда мне кажется, я мог обращаться с

тобой лучше.

Сглатываю комок в горле.

- Так почему же ты этого не делаешь?

Аса щурится и наклоняет голову, словно на самом деле обдумывает мой вопрос.

— Я не знаю.

Задергивает шторку.

Дверь в ванной с грохотом закрывается.

Хватаюсь за живот, потому что чувствую, меня сейчас вырвет. Все, что Аса делает, заставляет меня нервничать в его присутствии. После этого странного разговора, обстановка накалилась в десятикратном размере.

Слава Богу, он приглашает еще кого-то на ужин, я больше не хочу оставаться с ним наедине. Мне нужен Картер.

Закрываю воду и тут дверь ванной снова открывается. Секунду спустя, шторка отдергивается с другой стороны. Моя рука застывает на ручке крана, когда я слышу, что Аса забирается в душ.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, не заставляй меня снова заниматься с тобой сексом. Медленно выдыхаю через нос, в надежде, что он просто ждет своей очереди принять душ.

Проходит пара секунд, но Аса не прикасается ко мне. В ванной стоит тишина, от страха мое сердце грохочет в груди.

Расправляю плечи и медленно поворачиваюсь. Его белая майка промокла насквозь, и он все еще в джинсах. Аса опирается на заднюю стенку душа, босиком, уставившись на дно ванной.

Выжидаю момент, чтобы узнать, чего он хочет. Но Аса не двигается, а просто молча *продолжает пялиться на ванную*. Я наконец завожу разговор.

Мой голос скрипит от страха, когда спрашиваю:

— Что ты делаешь, Аса?

Этот вопрос вырывает его из состояния транса. Наши глаза пересекаются. Аса пристально смотрит на меня бесконечно долгих пять секунд, затем осматривает душ и возвращает взгляд к своей одежде. Проводит рукой, будто не понимает, почему она мокрая.

Трясет головой и отвечает:

— Блядь, я не знаю.

От такой реакции мои колени слабеют. Не выключив воду, выскакиваю из душа как можно быстрее и хватаю полотенце. Меня не волнует, что я не одета, распахиваю дверь и несусь в спальню. Просто нужно держаться от Аса как можно дальше, пока Картер не придет, тогда я буду в большей безопасности.

Выхожу в коридор, и замечаю что-то справа. Поворачиваюсь и вижу Джона, заходящего в комнату в конце коридора. Его рука прижата к двери, но сам он смотрит на меня. Взглядом сканирует мое полуголое тело.

Замечаю его отвратительную ухмылку и делаю три шага к двери спальни.

— Даже не думай об этом, ты, сраный кусок дерьма.

Захлопываю дверь и закрываю ее на замок, прячась от каждого из этих сумасшедших мудаков. Подхожу к телефону и пишу Картеру.

Слоан: Он сходит с ума. Прошу, приди пораньше.

Удаляю сообщение и жду, когда же выключится вода в душе.

Она не выключается.

Одевшись для похода в магазин, решаю проверить Аса. Открываю дверь ванной, он больше не стоит. Теперь парень сидит в ванной, полностью в одежде, его глаза широко распахнуты, а вода стекает по его телу.

Сжимаю дверную ручку и делаю маленький шаг назад.

— Я иду за продуктами, Аса. Что ты хочешь, чтобы я приготовила сегодня на ужин?

Его голова не двигается, но глаза пробегают по комнате и встречаются с моими.

— Мясной рулет.

— Хорошо. Хочешь еще чего-нибудь, чтобы я купила?

Он смотрит на меня пару секунд, затем улыбается.

— Купи десерт для праздника.

Праздника? Мое горло сжимается.

— Договорились, — отвечаю слабым голосом. — Что празднуем?

Он больше на меня не смотрит, уставился перед собой.

- Увидишь.

Глава 38 КАРТЕР

Carter

Понятия не имею, зачем Аса пригласил нас на ужин. В последнее время мы проводили у него дома почти каждый вечер, сегодня не должно было быть по-другому. Я надеялся, что Слоан преувеличивала в своем сообщении, когда сказала, что он сходит с ума, но меня немного беспокоит, что она права.

Я чувствую запах еды даже раньше, чем открываю входную дверь. Когда захожу в дом и осматриваюсь, не хватает только Далтона. Джон и Аса сидят в креслах, а Кевин на диване.

Аса сидит, наклонившись вперед, упираясь локтями в колени, и держит в руках пульт от телевизора, переключая новостные каналы. Когда он слышит, как за моей спиной закрывается дверь, то оборачивается.

Я киваю головой в его сторону и он отворачивается обратно к телевизору.

— Ты смотришь новости, Картер?

Бросаю взгляд в сторону кухни, чтобы увидеть Слоан, стоящую у барной стойки и протирающую ее тряпкой. Я вижу ее с того места, где стою, но Аса ее видеть не может.

— Иногда, — отвечаю я.

Слоан переводит взгляд на меня и касается пальцем волос. Я провожу большим пальцем по своей нижней губе. Она поднимает другую руку к голове и накручивает волосы на три пальца. Потом на пять. Потом на все десять. Затем изображает, будто рвет на себе волосы обеими руками, крутя их во все стороны, давая понять мне, что сходит с ума.

Я хочу улыбнуться, но заставляю себя пройти в гостиную и занять место рядом с Кевином.

— Почему тебе интересно смотрю ли я новости? — спрашиваю Аса.

Он переключает на очередной канал.

— Я ничего не слышал о своем отце. Хочу просто убедиться, что он выжил, и меня не собираются арестовывать за убийство.

Он говорит это так беззаботно, словно возможность быть арестованным за убийство — обычное дело. Я киваю, но не говорю ему, что его отец выжил. На самом деле, с ним ничего серьезного не случилось. Сотрудники казино вызвали ему скорую помощь, но не было никаких серьезных повреждений кроме сломанного носа и сломанной челюсти. Мужчина даже не захотел выдвигать обвинения. Далтон рассказал мне все это после того, как проверил сегодня эту информацию.

Он также рассказал, что мужчина был наркоманом, ему поставили диагноз "параноидальный шизофреник", и у него была куча и других проблем. Мне неприятно это говорить, но где-то глубоко внутри у меня есть капля симпатии к Аса. Никто не знает, что он пережил в детстве с таким отцом. Но это просто сочувствие. Вы можете сочувствовать кому-то, и одновременно желать, чтобы он был мертв.

Я оставляю при себе информацию о состоянии здоровья его отца. Думаю, это хорошо, что Аса беспокоит о последствиях. Наверное, он не слишком часто испытывает это чувство.

Аса вздыхает после того, как дважды безрезультатно пролистал все новостные каналы.

Встает и бросает пульт в сторону Джона.

— Вы, ребята, убедитесь, что вымыли руки. Моя невеста потрудилась приготовить этот ужин, и я не хочу чтобы кто-либо из вас, уекков, сидел за моим столом с грязными руками. — Он направляется к лестнице и поднимается в свою комнату. Дверь в его спальню закрывается, и я смотрю на Кевина, который пялится на пустую лестницу.

— Он действительно ведет себя чертовски странно, — говорит Кевин.

Джон начинает переключать каналы и спрашивает:

— А это удивительно?

Ни один из них не собирается идти на кухню, чтобы вымыть руки, поэтому я пользуюсь возможностью, чтобы туда сходить. Слоан достает рулет из духовки, когда я прохожу мимо нее.

— Привет, Слоан, — здороваюсь небрежно.

Она смотрит на меня, но не улыбается. Ее взгляд намекает, что нам нужно поговорить. Но нет никакого способа сделать это прямо сейчас. Я включаю воду и она подносит мясной рулет к стойке рядом со мной. Отделяет ножом рулет от формы и начинает его резать.

— Сегодня я облажалась, — шепчет она.

Прикрываю кран, уменьшая поток воды, чтобы лучше ее слышать.

— Я узнала, что Аса врал мне о пособии для брата. Я с ним поругалась. Сказала, что ухожу от него. Он очень рассердился.

— Слоан, — говорю я тихо. Зачем она это сделала? — Ты в порядке?

Она пожимает плечами.

— Сейчас да. Но что-то с ним не так, Картер. Мне страшно. Он полчаса просидел одетым в душе. Потом, когда я вернулась домой из магазина и взглянула в окно, я увидела, что он сидел в шезлонге, уставившись на бассейн. Затем он начал шлепать ладонью по лбу. Он шлепнул себя тридцать шесть раз. Я считала.

Иисус Христос.

Слоан бросает на меня взгляд и я ненавижу то, какой напуганной она выглядит. Мне следует сейчас же ее забрать.

Схватить за руку, вытащить на улицу, пока он наверху, и увезти ее нахер отсюда.

— Теперь он постоянно твердит, что у него для меня какой-то сюрприз. Он сказал, что этот ужин — своего рода праздник, — шепчет она. — Я боюсь того, что именно мы празднуем.

Над головой слышны шаги Аса, когда он собирается спуститься вниз. Слоан хватается форму с мясным рулетом и несет к столу.

Парни, должно быть, услышали, что Аса спускается, потому что теперь они пришли мыть руки, как он и велел.

Мы помогаем Слоан перенести оставшуюся еду на стол, когда Далтон заходит через переднюю дверь. Время только 18:55, но он замечает напряженный взгляд Аса и извиняется за опоздание.

— Ты не опоздал, — говорит Аса. — Как раз вовремя.

Я сажусь и оказываюсь напротив Аса. По диагонали со Слоан. Как-то странно тихо, пока все накладывают еду в свои тарелки. Когда все положили себе еду, Аса хватается вилку и говорит:

— Нам нужно прочесть молитву?

Никто не отвечает. Мы все просто смотрим на него, размышляя, он шутит или кому-то и в самом деле нужно начать молиться, прежде чем он выбьет из него все дерьмо.

Аса громко смеется и произносит:

— Вы идиоты, — подбирает вилкой пюре и съедает.

Джон спрашивает:

— Это второй раз, когда мы вместе ужинаем. С чего это? Это случается, когда ты становишься более домашним?

Аса щурится, глядя на Джона, затем запивает пюре пивом.

— Где сегодня вечером Джесс?

Джон пожимает плечами.

— Не видел ее несколько дней. Думаю, мы расстались.

Аса смеется, потом смотрит на меня.

— А где Тилли?

Я провожу большим пальцем по своей нижней губе.

— Работает. Она может зайти завтра вечером.

Аса облизывает губы, делает еще один глоток своего пива.

— Было бы хорошо, — говорит он. Затем смотрит на Далтона. — Почему ты не привел сюда девушку?

Далтон говорит с полным ртом мясного рулета.

— Она живет в Нэшвилле.

Аса кивает и спрашивает:

— Как ее зовут?

— Стеф. Она певица. На самом деле, она — та причина, по которой я опоздал. Она подписала сегодня контракт и позвонила, чтобы сказать мне об этом, — Далтон выглядит гордым, когда рассказывает о ней.

Мне хочется рассмеяться, потому что нет никакой Стеф. Он просто сходу придумал это дерьмо, а Аса проглотил все, как стакан парного молока.

— Круто, — говорит он.

Аса хорошо относится к Далтону. И по тому, как он на него смотрит, я могу сказать, что он вообще его ни в чем не подозревает. Мне не нравится, как Аса смотрит на меня.

— Что не так с твоим ебальником, Картер?

Я смотрю на него и выгибаю брови.

— Ты теребишь свои чертовы губы.

Я даже не понимал, что все еще потираю губу. Убираю руку ото рта.

— Все хорошо, — отвечаю, взяв кусочек мясного рулета. Последнее, что я хочу сделать, это спровоцировать его. Учитывая то, как он ведет себя в последнее время.

Аса съедает еще один кусок рулета, а потом упирается руками рядом со своей тарелкой.

— Итак, — говорит он. — У меня есть маленький сюрприз!

Он улыбается, а затем смотрит на Слоан. Я вижу, как движется ее горло, когда она сглатывает.

— Какой? — осторожно спрашивает она.

Аса открывает рот, чтобы заговорить, но его останавливает громкий стук в дверь. Я вижу раздражение в его глазах, когда он поворачивается, чтобы взглянуть на дверь гостиной. Раздается второй громкий стук.

Аса роняет вилку с громким лязгом и осматривает каждого из нас.

— Кто-то из вас кого-то ждет? Посреди гребаного ужина?

Никто не отвечает.

Он выскакивает из-за стола и швыряет свою салфетку на стол. Когда он поворачивается, чтобы пройти в гостиную, Слоан поглядывает на меня через стол. Она выглядит испуганной, но в то же время испытывает облегчение, что его маленький сюрприз был прерван. Я поворачиваюсь к Далтону, и он выгибает бровь.

Мы все наблюдаем, как Аса всматривается в глазок. Он смотрит несколько секунд, а затем прижимается лбом к двери.

— Блять.

Аса разворачивается и несется на кухню, схватив Слоан за руку и поднимая ее со стула. Хватает ее за плечи и говорит: — иди в комнату и закрой дверь. Не открывай ее, что бы ни происходило.

Я отодвигаю свой стул и встаю. Далтон делает то же самое. Мы оба смотрим друг на друга, а затем обратно на Аса.

— Кто за дверью? — спрашивает Джон, тоже отодвинув свой стул. Не думаю, что кто-либо из нас когда-либо видел Аса таким нервным.

Аса осматривает лестницу и комнату, как будто пытается найти способ сбежать.

— Это чертово ФБР, Джон. Это, блядь, чертово ФБР!

Что?

Я сразу смотрю на Далтона, но он качает головой, давая знать, что точно так же не в курсе, как и я. А еще я заметил, что он сжал кулаки.

— Дерьмо! — говорит Далтон.

Я уверен, что для Аса реакция Далтона ожидаема. Но я знаю, почему он злится. ФБГ собирается зайти в этот дом и погубить все расследование.

В дверь снова стучат.

Аса запускает руки в свои волосы.

- Блять! Блять!

Я вижу как он смотрит в сторону задней двери. Я уже вижу, как он пытается спланировать пути отхода. Делаю шаг вперед, чтобы привлечь его внимание.

— Если они здесь для того, чтобы кого-то арестовать, они были бы уже в доме, Аса. Возможно, они здесь лишь для допроса по поводу твоего отца. Просто открой дверь и веди себя нормально. Мы все будем сидеть за столом, будто нам нечего скрывать.

Далтон кивает.

— Он прав, Аса. Если мы все будем действовать слаженно, у них не будет повода задуматься, что ты что-то скрываешь.

Аса кивает, но Джон качает головой.

— К черту это. У нас это дерьмо распахано по всему дому, если мы откроем дверь, все

кончено. Для всех нас.

Глаза Аса широко раскрыты, пока он пытается понять, что делать. Мы все смотрим на входную дверь, когда стук повторяется.

Я вижу раздувшиеся вены на шее Далтона, и знаю, что его волнует то, что вся работа, которую мы проделали, будет зря. Все расследование ничего не будет значить, потому что теперь оно будет в руках кого-то другого.

Пару раз мы видели, как это происходит — расследование передают на высшие уровни. Но Далтон уже столько сил сюда вложил, что для него будет невозможным смотреть, как сгорают все его труды.

— Иди в свою комнату, Слоан, — приказывает Аса. — Тебе не нужно быть здесь, когда я открою эту дверь.

Слоан переводит взгляд на меня, в ее глазах беспокойство. Она хочет знать, должна ли выполнять приказ Аса покинуть комнату.

Снова стук.

Я тихонько киваю, чтобы дать понять Слоан, что она должна делать то, что ее просит сделать Аса. По крайней мере, она будет подальше от того, что будет происходить внизу.

Вдруг Аса шагает через комнату к Слоан. Останавливается перед ее лицом.

— Какого хуя ты на *него* уставилась? — кричит он и машет рукой в мою сторону. — Какого хуя ты на него уставилась?

О, Боже. Я начинаю обходить стол, но Далтон хватает меня за руку. Аса оборачивает руку вокруг задней части шеи Слоан и толкает ее в сторону лестницы.

— Поднимайся по лестнице, я тебе сказал!

Слоан не оглядываясь убегает наверх.

Теперь Аса смотрит на меня. Далтон не может быть счастлив, что появилось ФБР, но я чувствую облегчение. Выбор между вероятностью, что Аса арестуют за то, что он здесь хранит и противостоянием ему. Это значит, что я переживу этот вечер, потому что взгляд, который он кидает в мою сторону прямо сейчас, говорит совсем другое.

Аса все знает. Основываясь хотя бы на одном взгляде Слоан на меня, можно понять что между нами что-то происходит. Но из-за стука в дверь и вероятности, что его вот-вот арестуют, он, к счастью, отодвигает это на задний план.

Он указывает на нас четверых.

— Садитесь, — говорит он. — Ешьте. Я открою эту чертову дверь. — Мы все занимаем свои места. Аса несется на кухню и открывает шкаф, прошаривая заднюю стенку. Он достает пистолет и засовывает его за спину в штаны. Проходя мимо стола, он говорит: — Если я узнаю, что хоть кто-то из вас, мудаков, несет за это ответственность, вы *все* мертвецы. — Аса поворачивается к двери и прямо перед тем как открыть ее, прижимается к ней лбом, произнося короткую молитву. Когда открывает дверь, он улыбается. — Чем могу помочь, господа?

Я слышу, как голос спрашивает:

— Аса Джексон?

Аса кивает, и тут дверь распахивается и несколько мужчин толкают его, повалив на пол.

Когда Джон видит, что происходит, он несется к черному выходу, но в тот момент, дверь вышибают и трое мужчин врываются вовнутрь. Джон сразу сдается и падает на пол кухни.

И тут наступает момент, когда я понимаю, что эти ребята не имеют никакого понятия о том, что Далтон и я работаем под прикрытием. У меня даже нет значка, чтобы это доказать. Они просто подумают, что мы на стороне Аса.

Следующие несколько секунд царит полный хаос.

Еще больше мужчин врываются через дверной проем, пушки направлены на наши головы, мы лежим, уткнувшись лицами в пол, руки скованны за спиной.

Я лежу рядом с Далтоном и, прежде чем они поднимают его на ноги, он шепчет:

— Успокойся. Подожди, пока не окажешься один, прежде чем говорить.

Я киваю, но один из агентов замечает наше общение. Далтона поднимают за руки вверх.

Я слышу, как Аса зачитывают правило Миранды, когда двое мужчин рывком поднимают меня за руки. Они отдают распоряжения, разделить всех нас по разные стороны дома. Меня тащат в комнату рядом с кухней.

Все, о чем я могу думать — это Слоан и, как она, наверное, сейчас напугана.

Дверь за мной захлопывается, и меня сажают на стул. Со мной в комнате два человека. Один выше меня, с темно-русыми волосами и бородой. Другой — ниже, коренастее. С рыжими волосами и красноватыми усами. Первым говорит рыжий. Они оба достают свои значки из карманов, и показывают мне.

— Я Агент Бауэрс, — говорит он. — Это Агент Томпсон. Мы собираемся задать вам несколько вопросов, и высоко оценим вашу помощь.

Я киваю. Агент Бауэрс подходит ближе ко мне и говорит:

— Вы здесь живете?

Я качаю головой.

— Нет, — я начинаю рассказывать им, что я здесь делаю и что они совершают огромную ошибку, но долговязый меня перебивает и спрашивает:

- Как тебя зовут?

- Картер, — говорю я. Пока не называю имя *Люк*, потому что все еще не уверен, что Аса будет арестован. Последнее, чего я хочу, чтобы гребаный ФБР раскрыл меня.

— *Картер?* — переспрашивает агент Бауэрс. — У тебя одно имя? Ты типа Мадонна? Или Шер? — он наклоняется вперед, глядя на меня. — Какая у тебя, блядь, фамилия, умник?

За спиной я шевелю руками, пытаюсь ослабить давление наручников на запястьях. Пульс стучит в висках, отчасти из-за случившегося за последние несколько минут, а отчасти потому, что меня бесит, что они скоро закроют дело и получают все лавры. Конечно, они здесь для того, чтобы арестовать Аса.

И да, я рад, что Слоан теперь в безопасности. Но, зная, какими дерьмовыми были последние месяцы и как я подвергал Слоан опасности, *действительно* действует на нервы.

Становится тихо и я слышу, как из другой комнаты Аса орет "да пошли вы!"

Агент Томпсон пинает мой стул, привлекая мое внимание обратно к себе.

- Как твоя фамилия, сынок?

Я в курсе как проводить соответствующее расследование, а эти придурки уже нарушили как минимум три правила. Но ФБР, и даже полицейские, не соблюдают правила, особенно в таких ситуациях. Я знаю это не понаслышке. Что является причиной, почему мне нужно от них отделаться. Я хочу проверить, как там Слоан, пока не опоздал. Я понижаю голос.

— Я на вашей стороне, — говорю им. — Если вы снимите наручники, я докажу это, а затем вернусь к моей ебаной работе!

Мгновение агент Томпсон смотрит на меня, а затем оглядывается на агента Бауэрс и смеется. Он указывает на меня.

— Ты слышал? — спрашивает он. — Этот парень говорит, что он полицейский.

Агент Бауэрс тоже смеется, и с большой долей сарказма говорит:

— Извини, мы ошиблись. Ты свободен, — говорит он, указывая в сторону двери.

Я мог бы обойтись и без сарказма.

— Вы найдете мой значок под пассажирским сиденьем. В черном Чаржере.

Глаза агента Томпсон сужаются и он смотрит на меня, как будто и в самом деле начинает думать, что я не вру. Переводит взгляд на агента Бауэрс и подталкивает его в сторону двери, тихо приказывая, пойти проверить.

Я до сих пор слышу, как в другой комнате Аса кричит на того, кто его допрашивает.

Теперь он требует адвоката. Не думаю, что сейчас он ему поможет.

Когда мы оказываемся одни, агент Томпсон больше не задает вопросов. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы спасти Слоан.

— Там в спальне наверху девушка. Вы можете убедиться, что она в порядке, когда ваш напарник вернется?

Агент Томпсон кивает.

— Да, мы проверим. В доме есть кто-то еще, о ком мы должны позаботиться?

Впервые за несколько дней, я чувствую, что могу, наконец, выдохнуть. Я ненавижу то, что это не мы закрываем расследование дела Аса, но я рад, что оно, наконец-то, подходит к концу. Ради Слоан.

Мгновение спустя, дверь в спальню открывается. Я поднимаю голову, чтобы увидеть, нашел ли агент Бауэрс конверт с моим значком. Первым делом я вижу конверт, но как только понимаю у кого он в руках, мое облегчение превращается в один большой пиздец растерянности и страха.

Какого хера происходит?

Глаза Аса встречаются с моими.

Какого хера?

Он смотрит на конверт в своих руках и дважды ударяет им по ладони.

Смотрит на агента Томпсон и говорит:

— Я хотел бы уединиться со своим другом, пожалуйста.

Агент Томпсон кивает и выходит из комнаты. Прежде чем он выходит за дверь, Аса указывает на синюю куртку ФБР агента Томпсон с тремя большими желтыми буквами, написанными на спине.

— Они выглядят *правдоподобно*, не правда ли? — спрашивает он. Затем бросает взгляд обратно на меня. — Я купил их в костюмированном магазине в бизнес-центре. — Он смеется и закрывает дверь. — Неизвестные *актеры* оказались немного дороже, чем куртки.

Нет. Блять. Блять. Нет.

А я попался на удочку.

Чувствую вкус желчи в горле. Чувствую, как кровь сочится из моего запястья, пока я борюсь изо всех сил, чтобы хоть как-то выбраться из этих наручников.

Аса бросает конверт с моим значком на матрас, потом тянется за спину и достает пистолет из штанов. Садится на край кровати, его губы гневно сжаты.

— Как тебе мой сюрприз? *Люк.*

Я смотрю прямо на него... осознавая, что я только что совершил самую большую ошибку в своей карьере. Самую большую ошибку в своей жизни.

И все, о чем я могу сейчас думать, это Слоан.

Я изо всех сил зажмуриваюсь и все, что я вижу, это Слоан.

Глава 39 АСА

Asa

— Ты смотрел фильм «На гребне волны»? — спрашиваю его.

Люк с ненавистью разглядывает меня, тяжело дыша, его ноздри раздуваются. Мне чертовски нравится это.

Он не отвечает. Забавно, что он так быстро раскрыл свой рот, чтобы похвастаться, что он долбаный коп, но, когда дело доходит до меня, он едва ли хочет разговаривать.

— Я не имею в виду тот кусок дерьма, в который они его переделали, Люк. Я говорю об

оригинальном фильме с Киану Ривзом и Патриком Швайзем. О, и как его там, из «Ред Хот Чили Пеперс»? Певец?

Смотрю на Люка, что бы он помог мне вспомнить имя этого парня, но он не помогает. Он просто смотрит на меня. Я не знаю зачем я жду его ответа. Опускаюсь на кровать и продолжаю говорить.

— В этом фильме есть часть, где Киану Ривз и его друзья врываются в дом, наполненный наркотиками. Но они не знали, что один из парней, живущий в этом доме, — коп под прикрытием. И из-за своей нетерпеливости и отсутствия плана, они портят все чертово расследование бедного парня. Месяцы тяжелой работы. Помнишь эту часть?

Естественно, Картер не отвечает. Он просто продолжает возиться с наручниками за спиной, пытаюсь освободить себя.

— Когда я увидел этот фильм впервые, мне было около десяти лет, но я не мог перестать думать об этой части. Я стал одержим ею. Я всегда думал, что бы было, если бы команда Киану только *притворялась* ФБР. Я думал, как бы развернулась эта сцена, если бы этот ублюдок под прикрытием раскрыл себя, только ради того, чтобы узнать, что Киану вообще не работал на ФБР. Он только притворялся, чтобы выманить его. Что-то вроде двойного поворота сюжета.

Взгляд Люка падает на дверь, будто сейчас кто-то войдет и освободит его. Я не хочу разрушать его иллюзии, но этого никогда не произойдет.

— В любом случае, — продолжаю я, поднимаясь. — Я думал, это будет достойно съемки. Посмотреть, если кто-то из вас ублюдков настолько тупой, чтобы попытаться предать меня. И если так, были ли вы настолько тупы, чтобы закрутить двойной сюжет.

Я наклоняю голову и улыбаюсь ему.

— Должно быть, сейчас ты чувствуешь себя действительно чертовски тупым.

Его челюсть сжимается. Так же, как и моя, потому что я понятия не имею как теперь к нему обращаться и это выводит меня из себя. Картер? Люк? *Труп?*

Да. Я предпочту называть его *трупом*.

— И я имею в виду действительно чертовски тупым, — говорю я, смеясь. — Почему ты так быстро раскрыл себя? Я не коп, но даже я понимаю, что раскрытие прикрытия, это не то, что люди спокойно принимают.

Я обхожу комнату несколько раз, стараясь переварить все, что у меня в голове. Зачем так торопится, чтобы выбраться из ситуации? Будто это был вопрос жизни и смерти. Если бы он не поторопился, то было бы слишком поздно.

Я медленно сажусь на кровать.

— Если только...

Я поднимаю на него взгляд.

— Если только ты раскрыл себя потому что ты из тех парней, которые позволяют своим эмоциям управлять своими действиями. Как называют таких парней? Я уверен, что у нас с тобой совсем недавно был такой разговор.

Я поднимаю взгляд на потолок, задумавшись.

— Ах да, — восклицаю я. — *Ссыкуны*.

Люк не смеется над моей шуткой.

Скорее всего, это хорошо, потому что, если бы он засмеялся, это бы вывело меня из себя.

Я смотрю на дверь и пытаюсь вспомнить закрыл я ее или нет. Встаю и иду проверить, затем поворачиваюсь и снова смотрю на Люка.

— Но главный вопрос в том, *почему* ты был так эмоционален в это время? Когда ты должен был быть на вершине игры в прикрытие? Что такого могло быть у тебя на уме, если это не смогли победить тренировки и здравый смысл?

Я делаю пять шагов в его направлении, пока между нами больше не остается свободного пространства. Все это время он поддерживает зрительный контакт, приподняв подбородок, чтобы удерживать взгляд.

— Ох. Точно. Ты был слишком занят волнениями о моей гребаной *невесте*, вместо мыслей о своей работе!

Я ударяю пистолетом по его челюсти. Его голова поворачивается в сторону. Я почти уверен, что удар был достаточно сильный, чтобы выбить один или два зуба. Но он делает вид, что ему все равно. Он снова смотрит мне в глаза, выглядя еще спокойнее, чем до того, как я ударил его.

Ублюдок.

Я ненавижу, что мне все еще нравится эта его сторона. Тихая, самоанализирующая сторона, которая не ломается от страха. Это впечатляет.

Единственный минус этой стороны является то, что сломать ее может только Слоан.

Интересно, как долго он промывал ей мозги? Использовал ее для расследования? Скорее всего, он медленно настраивал ее против меня с того самого дня, как они встретились.

Я думал, что *вчера* был плохой день. Я думал, что, избивая своего отца я был злее, чем когда-либо. Но я был не прав. *Чертовски не прав.*

Наблюдая, как Слоан смотрела на него ожидая инструкций, тогда я был злее чем когда-либо. *Невероятно злой.* Я никогда не хотел убить кого-либо так сильно, как Картера. Но это бы разрушило мой сюрприз, так что, я должен был подождать.

Я медленно поворачиваю пистолет и прижимаю к его голове, представляя какого это будет, когда я наконец-то нажму на курок. Смотреть, как все его чертovsky мозги разлетаются по полу. Мне интересно, какой вред это принесет его голове? Можно ли его будет узнать потом? Когда я приведу Слоан сюда, что бы она посмотрела на него последний раз, узнает ли она его? Или вся его голова взорвется?

Заставляю себя убрать пистолет от его головы, потому что, насколько мне бы не было интересно, что произойдет, когда я убью его, есть несколько вопросов, на которые я хочу получить ответы, до того, как это случится.

Я опускаюсь на корточки напротив него и кладу руки на колени.

— Ты спал с ней?

Я знаю, что в данном случае, это риторический вопрос, потому что, с его стороны было бы глупо отвечать на этот вопрос. Но он еще не доказал, что он самый яркий карандаш в сегодняшней коробке.

— Где вы были, когда ты трахал ее первый раз? В моем доме? В моей кровати? Она кончила?

Люк поджигает губы, увлажняя их. Но опять не отвечает. Его молчание начинает раздражать меня. Я встаю и иду к двери, дважды проверяя, что она заперта. Я даже не уверен, почему хочу, чтобы она была закрыта, у парней все под контролем. Одному из них было приказано подняться наверх и следить за Слоан. Четверо разбросаны между Кевином и Джоном, и я не волнуюсь ни об одном из них. Они чересчур тупые, чтобы быть копами, но мне нравится идея, позволить им нагадить в штаны.

Я все еще не уверен насчет Далтона. Но он в гостиной с двумя парнями, так что, я позабочусь о нем после того, как закончу с Люком.

— Хочешь узнать, какого было, когда я трахал ее в первый раз? — спрашиваю я.

С тех пор, как я вошел сюда, он наконец-то отвечает на мой вопрос. Он едва качает головой в сторону, дважды. Это так незаметно; не думаю, что он даже осознавал, что сделал это. Должно быть, он *действительно* не хочет этого знать.

Меня это не волнует, Люк. Я все равно расскажу тебе.

Я снова сажусь на кровать. Но на этот раз, я сажусь прямо возле спинки кровати. Я скрещиваю ноги и кладу пистолет на бедро.

— Ей было восемнадцать, — говорю я. — Невинная. Нетронутая. Бедная девочка заботилась о своем брате так долго, что у нее даже не было шанса побыть ребенком. Развлекаться, веселиться, встречаться с парнями. Ты согласишься, если я скажу тебе, что я был первым парнем, которого она поцеловала?

Сейчас, он смотрит вниз, избегая моего взгляда. Я вижу, как пульсируют вены на его шее. Улыбаюсь и вдаюсь еще в большие детали моей истории, потому что мне нравится смотреть, как он ерзает.

— У нее не было опыта, потому что, она была стеснительной. У нее не было опыта, потому что она никому не доверяла. Она росла с жалкой матерью, даже не зная своего отца. Так что, когда я появился, она не знала, что думать. У нее не было никаких бывших, чтобы сравнивать меня с кем-то. Некого, кого нужно было перещегоолять. Я просто знал, что, если я буду лучше, чем ее родители, она подумает, что это благословение. Так и было, Люк. Я был *так* добр к ней.

К счастью, она не была из тех девушек, которые хотели действовать медленно. Первый раз, когда я повел ее на свидание, я поцеловал ее еще до того, как мы добрались до ресторана. Я прижал ее к стене в каком-то переулке, и ей это так понравилось, что казалось, она хочет захлебнуться моей слюной.

Черт. Мое член твердеет, только об одной этой мысли.

— Я уже был в том ресторане, так что знал, в какое время там не будет толпы. И я знал, какой столик заказать, что бы мы были наедине. Она не могла оторвать от меня рук, с тех пор, как мы сели. Как-будто я разбудил в ней что-то, о чем даже не подозревал. И от этого мне захотелось уложить ее на стол, снять с нее платье и трахнуть ее прямо на закусках.

Я никогда не забуду то платье. Это было милое маленькое белое платье с небольшими лямками и желтыми цветами. Оно было шелковым, и я не мог перестать трогать его. На ней были белые босоножки, которые открывали ее красные ногти, и в какой-то момент ужина она сняла их. Мне чертовски понравилось это. Тебе нравятся женские ножки, Люк?

Теперь он смотрит на меня. Я не уверен, что произошло, но он не выглядит таким же спокойным, каким был после того, как я ударил его.

Я был прав. Это единственная тема, которая способна сломить его. Я улыбаюсь и продолжаю свой рассказ.

— Все время, пока мы ели, я очаровывал ее. Говорил ей, какой она была красивой, какой особенной. Что то, что она делала для своего брата, было самой сострадательной вещью, которую я когда-либо видел. И все это время, пока я говорил ей именно то, что она хотела слышать, моя рука медленно спускалась по ее ноге. К тому времени, как официант принес меню, что бы мы заказали десерт, моя рука уже залезла под ее трусики. Официант едва ли успел отойти, как я мой палец вошел в нее.

Я выдохнул, пытаюсь контролировать свой пульс. Я даже не могу *думать* об это не возбуждаясь.

— Сложно описать то, что произошло дальше, потому что, тебе стоило бы быть там. Но я постараюсь.

Я сажусь на кровати и провожу пистолетом по щеке.

— Ее киска... Черт. Она была самой теплой, мокрой и упругой из всех, которые я трогал. Я хотел залезть под стол и зарыться в нее ртом. И она была такой *отзывчивой*. Полагаю, это было нормально, потому что до этого, ее никогда не трогал парень. Но в этом было что-то волшебное... что-то необычное произошло во мне, когда я дотронулся пальцем до ее девственной плевы. Ее первый оргазм настиг ее в индийском ресторане со вкусом карри на ее языке, моей рукой под ее платьем и моим пальцем глубоко в ней. Это было прекрасно. Чертовски прекрасно.

Я вздыхаю, вспоминая это. А затем смеюсь, вспоминая, что даже не добрался до лучшей части.

— Я должен был поиметь ее. Должен был поиметь ее через эту девственную плеву, пока она не истекла кровью на меня, так что я отвез ее прямо в свою квартиру. Но конечно, после того, как мы целовались около получаса, она попросила подождать. Сказала, что мы слишком торопимся. Но я должен был поиметь ее, Люк. Я не мог *дышать*. Так что, я просто лежал с ней два чертовых часа. Подождал до середины ночи, а затем начал целовать ее. Трогать ее. Лизал ее клитор, обрабатывая ее во сне, чтобы, когда она проснулась, ей пришлось умолять меня. И это именно то, что случилось. Она проснулась с моей головой между ее ног и через десять секунд, она умоляла меня. Первая *ночь*, Люк. Это было ее первое официальное свидание. Ее первый поцелуй. Ее первый оргазм. А затем, я уже был в ней, глядя как она морщится и извивается подо мной. Я положил свою руку на ее живот, потому что хотел услышать хлопок, когда толкался в нее. Когда это произошло, она закричала. Для нее это было неожиданно, то, как я только что толкнулся в нее и взял ее пока она все еще наполовину спала. Я не думаю, что тогда она уже полностью проснулась. А затем я начал трахать ее. Сильно. *Так* сильно, Люк. Я никогда не чувствовал, что хочу быть частью кого-то; быть внутри кого-то больше, чем просто своим членом. Я просто продолжал толкаться, потому что, по какой-то причине, я не чувствовал, что могу добраться достаточно глубоко.

Кстати, следы от спинки кровати все еще на стене. Я покажу их тебе, до того, как убью тебя.

Я встаю. И протираю лицо рукой.

— Прошло два года, а я все еще думаю о той ночи. О том, как я себя чувствовал, зная, что я был первым, кто был внутри нее. Первый человек, который заставил ее кончить. Первый человек, чье имя она выкрикнула. И каждый раз, когда я смотрю на нее, я люблю ее немного больше, зная, то, что произошло между нами всегда будет неприкосновенным. Что все первое и последнее будет принадлежать мне. Что она никогда не позволит другому мужчине поцеловать ее. Трогать ее. Войти в нее и все испортить.

Я спокойно подхожу к Люку и снова сажусь перед ним.

— Если я узнаю, что ты все это забрал у меня, Люк, она будет бесполезной для меня. Прости, я должен подняться наверх и найти ее. Думаю, нам троим предстоит серьезный разговор.

Я отправляю двух ублюдков в комнату, следить за Люком, а сам поднимаюсь наверх к Слоан.

Глава 4 °СЛОАН

Sloan

Первое что я сделала, когда поднялась в комнату, это бросилась к прикроватной тумбочке где лежал телефон. Но его там уже не было. Искала повсюду: на полу, на кровати, под ней. И тут я вспоминаю что Аса поднимался наверх прямо перед ужином.

Ублюдок спрятал мой телефон.

Услышав внизу крики, удары, грохот... я побежала в гардеробную и спряталась там. Меньше чем через десять секунд, кто-то начал ломиться в дверь. И когда я услышала «ФБР, откройте!», то вздохнула с облегчением.

Тут же выползла из шкафа и настежь распахнула дверь, но уже через секунду поняла: что-то здесь не так. Агент затолкал меня обратно в спальню, направив на меня пистолет, и захлопнул дверь. Он указал мне сесть на кровать и не позволял шевелиться или говорить, с тех пор как вошел.

Прошло достаточно много времени. Слишком много. Время от времени мне удается разобрать голоса Далтона, Джона или Кевина.

Но не Аса.

И не Люка.

Живот сводит от мысли, что ко всему этому Аса имеет непосредственное отношение. Будет не удивительно, если он придумал очередной абсурдный, но детально проработанный план. Они становятся его фишкой.

— Я арестована? — спрашиваю агента.

Он продолжает стоять у двери, но не отвечает.

— Если я не арестована, я хотела бы спуститься вниз.

Агент качает головой.

К черту этого парня.

Поднимаюсь и пытаюсь его обойти, но парень хватает меня за руку и толкает обратно к кровати. Вот теперь я уверена на все сто процентов, что происходит что-то неладное. Соскакиваю и предпринимаю еще одну попытку.

— Помогите! — кричу, надеясь привлечь чье-нибудь внимание в доме.

Агент закрывает мой рот ладонью и прижимает меня к стене.

— Советую тебе закрыть свой рот и вернуться на кровать.

С силой наступаю ему на ногу, прекрасно понимая, что только усугубляю ситуацию. Но я устала не давать отпор. Он хватает меня за плечи и толкает к стене так сильно, что я ударяюсь головой. Вздрагиваю и пытаюсь поднести руку к голове, но парень хватает мои запястья и прижимает руки к бокам.

- Ах ты маленькая злока, — произносит он улыбаясь так, будто происходящее его заводит.

Откуда, черт возьми, он появился? От туда же, откуда мудака Джон?

— На помощь! — я снова кричу.

На этот раз парень качает головой и говорит:

— Не знаешь, как держать рот на замке, да? — и неожиданно прижимает свои губы к моим и, блять, я ненавижу мужиков. *Я ненавижу их всех. Ненавижу!*

Мои глаза широко открыты, пока я пытаюсь сжать губы под натиском его языка. Выглядываю из-за плеч парня, гадая как избавиться от него, но тут дверь спальни настежь открывается.

Я одновременно и напугана и рада увидеть Аса.

Какого хера здесь происходит?

Аса глазами обводит комнату и задерживает взгляд на нас — на парне, который все еще пытается завладеть моим ртом. Теперь еще и его рука пробирается мне под футболку. Осознаю, в каком мерзком мире я живу, когда ловлю себя на мысли, что молюсь, чтобы Аса пришёл ко мне на помощь и мне страшно что, с ним я в безопасности.

Ему нужно всего пару секунд, чтобы переварить то, что он видит. Глаза его наливаются яростью.

— Я дал тебе одно гребанное задание, мудила! — Аса орет, подбегая к нам.

Когда парень отпускает меня и оборачивается, Аса успевает вытянуть его пистолет и прижимает дуло к голове парня.

— Всего одно блядь задание!

Раздается оглушительный звук.

Ничего не слышу, кроме звона в ушах. Глаза жжет, лицо горит. Я зажимаю уши руками и закрываю глаза.

Нет, этого просто не может быть.

Нет, нет, нет.

Слышу, как парень падает на пол, и делаю шаг в сторону, чтобы вытянуть свою ногу из-под его тела.

— Нет, Аса. Нет, нет, нет, — повторяю с закрытыми глазами, продолжая закрывать уши.

— Скорее всего, он подумал, что ты шлюха, Слоан, — произносит Аса, хватая меня за руку. — Но разве можно его винить?

Аса резко дергает меня вперед, и я спотыкаюсь о тело парня. Не отпуская мою руку, Аса ставит меня на ноги и тянет к двери.

Я не открываю глаз. Возможно, я кричу, потому что в горле ужасно жжет, но не уверена: может это просто звон в ушах. Меня неожиданно поднимают в воздух и забрасывают на плечо.

Аса несет меня вниз по лестнице, но последние десять секунд снова и снова проигрываются в моей голове.

Этого не может быть.

Чуть позже Аса кладет меня на кровать. Все еще слишком страшно, чтобы открыть глаза. Проходит еще пару мгновений, и я чувствую, как мне не хватает воздуха. Делаю вдох в перерыве между рыданиями и слышу голос Аса, нависающего надо мной.

— Слоан, посмотри на меня.

Медленно открываю глаза и поднимаю на него взгляд. Аса стоит на коленях надо мной, гладит мое лицо, отбрасывая назад волосы. На его лице и шее несколько капель крови.

Заглядываю в его глаза, его зрачки заполнили все пространство. Две огромные черные точки пристально смотрят на меня сверху вниз, и я начинаю дрожать еще сильнее.

— Слоан, — шепчет он мне, проводя руками по волосам.

Я пытаюсь отвести взгляд, но он хватается мою челюсть и заставляет смотреть ему в глаза.

— Детка, у меня очень плохие новости.

Сомневаюсь, что мое сердце выдержит то, что он собирается сказать. Боюсь, если я открою рот, чтобы ответить, меня стошнит.

— Я знаю про тебя и Люка.

Услышав это имя, мое сердце готово остановиться. Борюсь с потоком слез, который собирается вернуться. *Он назвал его Люком.*

Как Аса узнал, что Картер это Люк?

Собираю последние капли силы, чтобы прикинуться идиоткой.

— Кто такой Люк?

Аса сканируют мое лицо. Зрачки сжимаются и снова увеличиваются. Легкая улыбка скользит по его лицу, а затем Аса прижимает губы к моему лбу.

— Так я и думал, — шепчет, отодвигаясь от меня. — Это не твоя вина, Слоан. Он промыл тебе мозги. Пытался настроить против меня. Но его зовут не Картер, детка. Он Люк. Спроси у него сама.

Заводит руку за мою спину и поднимает до тех пор, пока я не сажусь на кровать.

И вдруг я встречаюсь лицом к лицу со своим самым страшным ночным кошмаром.

Люк сидит на стуле, его руки в наручниках за спиной. Агония на его лице говорит обо всем, что он думает о нашем теперешнем положении.

Нет.

Аса наблюдает за мной, ждет моей реакции. Я стараюсь контролировать себя — спрятать свой страх, свою боль и страдания. Но осознание того, что сейчас мы оба в руках у Аса, дает мне немного силы притворяться.

Не реагируй. Не реагируй. Не реагируй.

В голове повторяю раз за разом эти слова, в то время как Люк произносит мне то же самое глазами.

Вот чего хочет Аса. Реакции. Делаю все возможное, чтобы не дать ему того, чего он ожидает. Теперь Аса стоит, поэтому я смотрю на него с самым невинным выражением лица, на какое только способна.

— Аса, о чем ты говоришь? Почему Картер в наручниках?

Аса смотрит на меня, будто разочарован. Будто он ожидал, что я раскроюсь и скажу, что знала, что Люк работает под прикрытием. Или, по крайней мере, признаюсь, что я сплю с ним. Аса подмигивает мне.

— Все еще думаешь, что я идиот, Слоан? — спрашивает он и медленно скользит взглядом по Люку.

— Тогда, полагаю, ты не против, если я сделаю это, да?

Аса поднимает пистолет и направляет на Люка, точно так же как сделал за секунду до того, как пристрелил парня в спальне.

Я срываюсь с места и хватаю его за руку, крича:

— Нет! Аса, нет!

И он не стреляет.

Вместо выстрела, рука, что держала пистолет, размахивается и бьет меня так сильно, что я отлетаю на кровать. Мне даже не нужно признавать то, что было у нас с Люком. Моя реакция сделала все за меня.

Аса наваливается на меня сверху, сжимая мои запястья и прижимаясь лбом к моей

голове.

— Слоан, *нет*, — его голос дрожит. — Нет, *нет*, детка.

Аса отстраняется, и его глаза полны боли.

— Он был в тебе? Ты позволила ему *быть в тебе*?

Я слишком сильно плачу, чтобы признать это. Я слишком сильно плачу, чтобы отрицать это.

Его лицо искривляется в гримасе, словно Аса считает, что это самое страшное, что могло произойти прямо сейчас. *Он застрелил парня, но больше всего расстроен моей возможной изменой?*

Отворачиваюсь и сжимаю глаза.

Вот и все.

Вот как я и умру.

Аса утыкается головой между моей шеей и плечом и бормочет:

— Не могу вспомнить, закрыл ли я дверь.

Когда он сползает с меня, я пытаюсь осознать, что Аса только что сказал, но это так бредово, и мой пульс слишком быстрый, чтобы соображать. Я даже не знаю, что и думать. Пока Аса идет к двери, я поворачиваю голову, чтобы найти Люка. Его руки сцеплены за спиной вокруг стула. Но он быстро поднимается, переводит руки через спинку и снова садится. Теперь его руки прямо за его спиной, без какого либо препятствия в виде стула. Все происходит так быстро, мне нужно пару секунд, чтобы понять, что Люк даже не пристегнул к стулу.

Должно быть Аса даже не знает об этом, иначе он никогда бы не повернулся к Люку спиной.

Я бросаю взгляд на дверь, которую Аса запирает. Смотрю на Люка, и он качает головой, указывая оставаться спокойной. Он не может поднести большой палец к губе, но он кусает ее, проводя зубами туда назад.

Поправляю прядь волос, когда Аса прислоняется спиной к двери спальни. Он прижимает пистолет к своей щеке, но смотрит прямо на Люка.

— Я тебе уже рассказывал, как я впервые трахнул ее. Теперь твоя очередь.

Отец стоит около окна, наблюдая за мужчинами.

Он следит за ними все время. Папа говорит, что если эти люди узнают, где мы живем, они пристрелят его. Потом они убьют маму, а затем и меня. По его словам, после того как эти мужчины нас пристрелят, они, возможно, даже не расскажут полиции. Оставят нас всех здесь, и наши тела будут гнить в доме, а мыши и тараканы будут ими кормиться.

— Аса! — отец кричит от окна, указывая на входную дверь. — Проверь дверь еще раз.

Я уже дважды ее проверял, но он не верит, что она заперта. Отец просит проверить дверь каждый раз, когда выглядывает в окно.

Не знаю, почему в какие-то дни он думает, что за ним придут, а в какие-то ему наплевать на них. Слезая с дивана и плетусь к двери. Я могу быстро дойти до двери, но иногда мне страшно, что появятся мужчины, и пристрелят меня, поэтому я мимо большого окна я ползу.

Проверяю дверь.

— Заперто.

Отец смотрит на меня и улыбается.

— Спасибо, сынок.

Ненавижу, когда он называет меня сынком. Папа обращается ко мне «сынок», только когда он напуган, что его пристрелят, а вместе с ним маму и меня. Когда отец напуган, то становится действительно милым со мной, просит помочь ему, типа придвинуть диван к двери или отключить все электроприборы. Сегодня я очень много ему помогал, и он без конца называет меня сынком.

Мне больше нравится, когда отец вообще никак меня не называет, а просто сидит в кресле целый день.

Забираюсь обратно на диван, но прежде папа берет меня за руку и сжимает ее.

— Они здесь, Аса! — шепчет мне и поднимает на ноги. — Тебе нужно спрятаться.

Сердце стучит как бешенное, и я киваю.

Отец серьезно напуган, но мужчины никогда прежде не появлялись. Выглядываю из большого окна, пока папа тащит меня через всю гостиную, но я никого не вижу. Я не вижу никаких мужчин.

Папа выводит меня через заднюю дверь, вниз по ступенькам, становится на колени и хватает за плечи.

— Аса, спрячься под домом и оставайся там, пока я за тобой не приду.

Качаю головой.

— Я не хочу.

Внизу темно, и однажды я видел скорпиона.

— У тебя нет выбора! — шепотом выкрикивает отец. — Не высовывайся, пока я не приду или они нас всех убьют.

Он толкает меня к яме, которая ведет под дом. Падаю на колени, и мои руки утопают в грязи. Не оборачиваюсь. Ползу так быстро, как только могу, чтобы мужчины меня не заметили.

Подтягиваю ноги к груди и стараюсь плакать тихо, чтобы меня не услышали.

Я замерз и проголодался, и плакал, пока солнце не взошло. Но папа сказал не двигаться, я и не двигался. И все еще не шевелюсь. Надеюсь, он не рассердится, но я обмочился, пока спал.

Я не писал под себя во сне с прошлого дня рождения. Если мужчины его еще не убили, папа очень сильно разозлится.

Слышу, как они ходят по дому. Не знаю, убили ли они моего отца. Мама была в спальне, где она проводит большую часть времени, поэтому они могли убить и ее тоже, если нашли.

Но они не убили меня, потому что я поступил именно так, как приказал мне отец. Остаюсь здесь и не двигаюсь, пока он не придет.

Или пока мужчины не уйдут.

Я очень сильно замерз и проголодался, и плакал, пока солнце снова не зашло. Но я по

прежнему не двигаюсь. Папа приказал, и я повинуюсь. Больше не чувствую ног. Мои глаза закрыты. Больше не хочу пить, потому что с трубы, что рядом со мной капает вода, и я подставил рот и выпил ее.

Думаю, папу и маму убили, потому что наверху очень тихо. Я не слышал шагов с тех пор, как солнце взошло, или может те люди просто ушли.

Знаю, отец наказал не шевелиться, но если бы он был жив, то пришел бы за мной.

Но он не пришел.

Выползаю из-под дома. На улице темно, а это значит, я был под домом больше суток. Не думаю, что те люди убили маму и отца, а после остались в доме больше, чем на день. А это значит, они скорее всего ушли, и я спокойно могу зайти внутрь.

Когда я пытаюсь встать, то падаю назад. Ноги онемели, а пальцы болят. Ползу к задней лестнице и понимаю, что вся моя одежда в грязи. Боюсь, что испачкаю пол. Пытаюсь оттереть немного ковриком, но только размазываю грязь еще больше.

Хватаюсь за ручку двери и тяну на себя. Все еще не полностью чувствую ноги, но теперь они работают. Когда я открываю дверь и захожу в дом, вижу мертвое тело отца. Оно в кресле в гостиной.

Задерживаю дыхание. Никогда раньше не видел труп, и не хочу смотреть сейчас. Но я должен убедиться, что это мой отец, а не один из мужчин. На цыпочках захожу в комнату, я так напуган, сердце будто бьется прямо в шее.

Подхожу к креслу, глубоко вдыхаю и делаю шаг, чтобы взглянуть на него. Немного удивлен, что покойники не так уж и отличаются от живых.

Я думал, он будет весь в крови или другого цвета, как призрак. Но выглядит так же.

Поднимаю палец и дотрагиваюсь до его щеки. Я слышал, что мертвые холоднее живых, поэтому прижимаю кончик пальца к его щеке, чтобы почувствовать его кожу.

Рука отца тянется к моему запястью и сжимает руку. Его глаза широко распахнуты, и это пугает меня до чертиков. Я кричу.

Папины глаза очень злые, когда он замечает мою одежду.

— Где, черт возьми, ты был, парень? Ты весь в грязи!

Я думал, он мертв.

Но он не умер.

— Под домом, куда ты сказал мне идти вчера. Ты сказал, что придешь за мной.

Отец сильнее сжимает мое запястье, поддается вперед и говорит:

— Никогда, мать твою, не буди меня снова, ты, маленький ублюдок! Сейчас иди в душ, от тебя воняет дерьмом!

Отец отталкивает меня. Делаю шаг назад, все еще растерянный, что он выжил.

Я думал, приходили те мужчины. Я думал, они убили его.

Отец хватается меня за шиворот и выводит из гостиной. Он сказал, что придет за мной, но даже не помнит, что я был под домом.

Чувствую, как в глазах начинает жечь, поэтому бегу прочь из комнаты. Не могу плакать перед отцом, иначе он совсем расвирепееет.

Иди по коридору к ванной комнате, но все чего я сейчас хочу, это поесть. Никогда прежде мой желудок не был таким голодным. Прохожу мимо спальни матери, где она проводит большую часть времени, ее дверь открыта. Мама спит на кровати, я захожу, чтобы спросить, если ли у нас что-нибудь поесть. Трясу ее, пытаюсь разбудить, но она только мычит и переворачивается.

— Аса, дай поспать, — говорит мама.

Мне не нравится, что она так много спит. Мама говорит, что не может спать, поэтому принимает кучу таблеток, которые помогают ей заснуть. По ее словам, белые — от ночных кошмаров, но она принимает их, когда солнце уже высоко. Я видел.

У нее еще есть желтые, она их называет особыми таблетками. Мама говорит, что бережет их для тех дней, когда хочет мысленно куда-нибудь отправиться.

Я смотрю на баночку с таблетками и мне интересно заметит ли она если я украду одну штучку? Потому что я тоже хочу мысленно куда-нибудь отправиться. Не хочу чтобы моя мысли сейчас находились внутри этого дома.

Беру баночку с желтыми таблетками и пытаюсь изо всех сил, но не могу открыть. Я пока не очень хорошо читаю, потому что только в первом классе, но в конце концов разбираю, что написано в инструкции. Нужно сначала нажать, а потом повернуть.

Следую инструкции и баночка открывается. Смотрю на маму, но она по прежнему смотрит в другую сторону. Быстро беру одну желтую таблетку, кладу ее в рот и разжевываю. Морщусь, потому что это самая мерзкая вещь, что я когда-либо ел. Очень горькая и хочется запить ее. Делаю глоток маминой воды и поласкаю рот.

Надеюсь, она права. Надеюсь, эта таблетка унесет меня куда-нибудь, потому что я уже устал находиться в этой семье.

Закрываю баночку с таблетками и выскользываю из комнаты. К тому моменту, как я захожу в ванную, мои ноги будто снова не мои.

И руки тоже. Они как будто летят в воздухе.

Включив воду, я смотрю в зеркало, потому что чувствую, как растут мои волосы. Хотя, они не выглядят длиннее. Вроде такой же длины. *Но я чувствую, как они растут.*

Пальцы на ногах трясутся так же, как ноги. Кажется, сейчас я упаду, поэтому быстро сажусь на край ванны. Забыл снять одежду, но все в порядке, она очень грязная. Думаю, одежде тоже стоит помыться.

Интересно, как долго я сидел под домом. Возможно, я пропустил день в школе. Вообще мне не очень нравится школа, но я очень хотел пойти сегодня, чтобы увидеть, что мама Брэди положила ему с собой на обед.

За обедом Брэди сидит рядом со мной, он каждый день приносит коробку с едой. Однажды мама завернула ему кусок кокосового торта. Он ему не нравится, поэтому Брэди сказал, что я могу съесть его. Он был такой вкусный. Я пришел домой и сказал маме, каким он был вкусным, но она так и не купила мне кокосового пирога.

Иногда мама Брэди пишет ему записки и кладет в коробку с обедом. Он читает их вслух и смеется, потому что думает, что они глупые. Хотя я никогда не смеюсь. Они мне не кажутся глупыми.

Однажды я видел как Брэди выбросил в мусор одну из записок, и поднял ее. Там было написано: «Дорогой Брэди. Я люблю тебя! Отличного дня в школе!»

Я оторвал верхнюю часть с именем Брэди и сохранил записку. Представлял, что это моя мама написала ее для меня, чтобы я прочитал. Вот почему я хотел пойти в школу сегодня, потому что если мама Брэди написала ему еще одну записку, я хотел бы украсть ее и снова притвориться, что она для меня.

Интересно, каково это иметь человека, который скажет такие же слова мне.

Я тебя люблю!

Никто и никогда не говорил мне такого.

Меня тошнит. Такое ощущение, что моя голова крутится под потолком, а глаза смотрят вниз на мое тело, сидящее на краю ванной. Интересно, поэтому мама так любит эти желтые

таблетки? Потому что они заставляют ее почувствовать, как жизненно важные части ее тела поднимаются высоко в воздух, где никто не может достать их?

Закрываю глаза и шепчу в никуда «Я люблю тебя», пока летаю в воздухе. Однажды я найду человека и заставлю полюбить меня достаточно сильно, чтобы сказать эти слова. Хочу, чтобы это была девочка. Красивая девочка. Такая, чтобы отец не подумал, что она шлюха.

Будет здорово. Может, она так сильно меня полюбит, что даже испечет кокосовый пирог. Я очень люблю кокосовые пироги.

Если я найду девушку, которая скажет мне эти слова и испечет торт, я не отпущу ее. Не выброшу, как Брэди выбрасывает записки своей мамы.

Она будет со мной навсегда, и я никогда ее не отпущу. Заставлю говорить, что она любит меня каждый день.

«Я люблю тебя, Аса» пообещает она мне. «Я никогда не уйду от тебя.»

Глава 42 АСА

Asa

Я никогда никого не убивал. Не считая того, что произошло всего несколько минут назад. Я застрелил парня, который пытался взять то, что ему не принадлежит.

Я все еще не уверен в своих чувствах.

Мне, наверное, следует волноваться, какие последствия могут быть за убийство. А еще я должен злиться, потому что как только я выстрелил в него и притащил Слоан в эту комнату, остальные мудаки, которых я нанял, быстро съебались.

Наверное, побоялись, что я начну стрелять и в них.

Думаю, я все таки немного беспокоюсь о последствиях и обо всем этом дерьме.

Обычно, когда стреляют из пушки, кто-то вызывает полицию. А значит благодаря любопытной чертовой соседке, они, скорее всего, прямо сейчас едут сюда.

И я имею в виду реальных полицейских. А не это жалкое подобие, что сейчас сидит передо мной.

Я разочарован, что все пошло не так, как я планировал. Я застреливаю одного парня из самообороны, а остальные просто сдают свою гребанную работу и проваливают?

Это означает, что Джона, Кевина и Далтона больше никто не задерживает. А значит, по

крайней мере, один из них вот-вот придет биться в эту дверь, удивляясь, почему, блять, я устроил это представление.

Получается... сейчас я вроде как в безвыходном положении. Мне остается только бежать. Думаю, что единственный вариант, который у меня действительно остался — это выстрелить в Люка, в его чертову самодовольную морду, и забрать с собой Слоан, пока еще могу это сделать. Уверен, она получит психологическую травму. Но мы могли бы пройти терапию или что-то в этом роде, когда снова где-нибудь устроимся. Она ей понадобится после такой промывки мозгов Люка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Немного печально, что у меня только один вариант и только минута или около того, чтобы его осуществить свой план, потому что я действительно хотел услышать, как Люк расскажет мне, каково это было, когда он трахал Слоан.

Не потому, что меня бы это возбудило. Я не ебаный псих.

Я хотел услышать это, потому что мне нужен мысленный образ. Мне нужно знать, что такого он сказал ей, что она его захотела. Нужно знать, как именно он ее уговорил, так же как однажды это сделал я? Мне нужно знать, издавала ли она те же звуки, что иногда издавала, когда была со мной. Я хочу знать, в каком положении он ее трахал. Он был сверху? Или она? Он был сзади?

Мне просто нужно точно знать, чтобы я случайно не сделал или не сказал те же что и он, когда буду занимать с ней любовью в будущем. Мне нужно знать наверняка, что я никогда не буду ебать ее в таких же позах, в каких трахал ее он.

Но теперь у меня нет чертового времени, потому что кто-то стучит в дверь, а Люк до сих пор молчит.

— Аса!

Это Далтон.

Я все еще не уверен, что думать о Далтоне. Мне он очень нравится. Он же кокс, все любят кокс. Но все знают, что кокаин — один из наиболее широко распространенных наркотиков. Целая куча самозванцев. На углах улиц дилеры продают измельченный аспирин полуживым наркоманам, которые даже не могут отличить одно от другого.

Далтон может даже не быть кокаином. Он, наверное, бутылек ебаного Адвила, измельченного и пересыпанного в пакетик.

— Аса, открой дверь! — кричит Далтон.

Я тянусь за спину и убеждаюсь, что дверь заперта.

— Куда все делись? — кричу Далтону. — Там тихо!

— Открой дверь, чтобы мы могли поговорить, — теперь он прямо по ту сторону двери.

Я смеюсь и повторяю.

— Где все, Далтон? Где Джон и Кевин?

— Они уехали. Они испугались и сбежали.

Конечно, они так и сделали. Блять, лучшие друзья на всю жизнь. Придурки.

Я смотрю на Слоан. Она сидит в изголовье кровати, колени притянуты к груди. Смотрит на меня широко открытыми глазами.

Люк тоже смотрит на меня. Неважно, где я нахожусь или что делаю, он всегда блять на меня смотрит. С того самого дня, когда мы познакомились. Когда Далтон представил меня ему.

Я наклоняюсь, пока мой рот не оказывается рядом со щелью в двери.

— А почему ты все еще здесь, Далтон? Ждешь, пока придет твое подкрепление?

На этот раз Далтон отвечает не так быстро. Помолчав, он говорит:

— Я здесь, потому что тут мой друг. Если ты его отпустишь, мы уйдем.

Я не могу поверить, что я, блять, попался на это. Я жил с этими мудаками несколько месяцев и они были здесь для того, чтобы меня уничтожить.

Как будто снова возвращаюсь в детство.

По крайней мере, Слоан любит меня.

По крайней мере.

Я оглядываю всю комнату, пока не останавливаюсь на ней.

— Помнишь, когда утром я был в душе и ты спросила, хочу ли я что-нибудь чтобы ты купила мне в магазине?

Она кивает, но совсем чуть-чуть.

— Я тебе сказал, что хочу десерт для праздника. Какой ты купила?

— Твой любимый, — шепчет она.

— Кокосовый торт?

Она снова кивает.

Вот видите? Она, блядь, любит меня.

— Далтон, — говорю, чтобы привлечь его внимание. Не то, чтобы он когда-нибудь меня им обделял.

Мне, наверное, следует подвинуться. Он прямо по другую сторону этой двери. Как бы ублюбок не выстрелил в меня через нее.

Я делаю шаг к стене и еще раз проверяю заперта ли дверь.

— Сделай мне одолжение, ладно? Принеси нам кокосовый торт.

На мгновение Далтон снова делает паузу прежде, чем ответить.

— Хочешь торт? — переспрашивает он в замешательстве. — Ты, блять, хочешь торт?

Почему это звучит так смешно?

— Да, я хочу торт! Принеси нам ебаный кокосовый торт, придурок!

Я слышу, как отдаляются шаги Далтона, когда он идет на кухню. Люк смотрит на меня так, будто я сошел с ума.

— У тебя какие-то проблемы?

Он качает головой и открывает рот, чтобы заговорить. Наконец-то.

— Есть лекарства, которые могут помочь тебе, Аса, — выдает он.

Лекарства?

— Какого хрена ты несешь?

Люк смотрит на Слоан, а затем обратно на меня. Я ненавижу, когда он смотрит на нее. Мне хочется вырвать его чертовы глаза и проглотить их, как те желтые таблетки моей матери.

— Ты проверил заперта ли дверь пятнадцать раз за последние пять минут, — продолжает он. — Это не нормальное поведение. Но его можно контролировать. Точно

также, как и поведение твоего отца можно было контролировать.

Вот теперь я точно вырублю ублюдка.

— Скажи что-нибудь еще о моем отце, Люк. Рискни.

Его глаза встречаются с пистолетом, который теперь направлен прямо на него, но по какой-то причине он все равно не затыкается.

— Ты знал, что в двадцать семь лет ему поставили диагноз параноидальной шизофрении? Я читал об этом в его досье. Он никогда не принимал свои лекарства, Аса, ни разу. То, что происходит в твоей голове — можно остановить. Все это можно остановить. Ты не обязан быть похожими на него.

И я иду через комнату и прижимаю гребанный пистолет к его голове.

— Я не такой как он! Я на него не похож!

Я не успеваю нажать на курок, потому что Далтон стучится в дверь.

— Как мне передать тебе этот торт? — Кричит Далтон.

Блять. Хороший вопрос.

Я иду к двери, но мое предвкушение поесть торта стирают звуки сирен. Они далеко — может быть, через четыре или пять улиц.

У меня еще есть время. Если бы в этой чертовой спальне было окно, я мог бы схватить Слоан, вырубить Люка и через прыгнуть к машине, прежде чем они успели бы сюда добраться.

Но на моем пути стоит сукин сын Далтон.

Если он стоит у двери, держит торт, то он, наверное, прямо... прямо... здесь.

Я прицеливаюсь и как только хочу выстрелить, что-то сильно врезается мне в спину. Я падаю вперед, мои колени ударяются об пол, а пистолет выпадает из рук. Оглядываюсь, Люк стоит рядом со мной, и заводит ногу назад, чтобы пнуть меня по лицу. Я откатываюсь в сторону размахиваю ногой по полу, и выбиваю его из равновесия. Он приземляется на спину.

Люк сразу же пытается пролезть руками в наручниках через ноги, чтобы они оказались перед ним, а не за спиной. Я сажусь и тянусь за пистолетом, но Слоан спрыгивает с кровати и бросается на пол. Наши руки одновременно дотягиваются до пистолета, но мои более опытные и я знаю, как его нужно схватить, чтобы держать крепче. Ее руки шарят вокруг моих, пока она не понимает, что пистолет плотно сидит в моей руке. Отталкиваю ее

подальше от себя, обратно в этот чертов угол.

Она ударяется о стену и быстро отодвигается от меня так далеко, как только может. К тому времени, как я нацеливаю пистолет на Люка, ублюдок каким-то образом смог просунуть свои руки перед собой.

Он поднимается на ноги, поэтому я делаю шаг вперед и спускаю этот чертов курок. Я наблюдаю, как его бедро разрывается на мелкие кусочки.

Черт, даже смотреть больно.

Люк стоит на коленях.

Он ударяется спиной о стену. Морщась, зажимает ладонями рану. Теперь Далтон колотится в дверь.

— Аса, открой эту чертову дверь или я ее вышибу! Три...два...

— Если ты откроешь эту дверь, они оба мертвецы! — ору я.

Далтон не произносит свое последнее «один».

Я смотрю на Слоан, она забилась в углу, руками зажимает уши, а слезы льются из ее глаз. Она смотрит на Люка, и выглядит так, будто собирается нахуй отключиться. Мне нужно вытащить ее отсюда прежде, чем она это сделает. А сирены все ближе. Скорее всего уже на этой улице.

Блять.

Думай, Аса. Думай.

Я трижды бью себя по лбу пистолетом. Я не могу ее потерять. Не могу. Если меня арестуют, я не смогу ее защитить. Я не смогу дотронуться до нее. Она поверит в чью-то ложь. Возможно, даже снова в ложь Люка.

Она единственный человек, который когда-либо меня любил. Я не могу ее потерять. Не могу.

Я подползаю к ней и пытаюсь взять ее руки, но она отодвигается от меня. Я направляю чертов пистолет на ее голову для того, чтобы, наконец, получить ее внимание. Прижимаюсь лбом к ее голове.

— Скажи, что любишь меня, Слоан, — она так дрожит, что не может даже говорить. — Пожалуйста, детка. Мне нужно услышать это от тебя.

Она трижды пытается вернуть свой голос, но продолжает заикаться. Ее губы дрожат сильнее, чем я когда-либо видел. Слоан, наконец, произносит одно предложение.

— Пусть Люк уйдет, и я скажу.

Я крепче обхватываю пистолет. Запускаю другую руку в ее волосы и сжимаю.

Она пытается, блять, торговаться?

Я делаю глубокий вдох через нос. Моя челюсть напряжена слишком сильно, чтобы вдыхать через рот. Когда успокаиваюсь достаточно, чтобы говорить, сжимаю зубы и шепчу:

— Ты любишь меня, ведь так? Ты не любишь его. Ты любишь меня.

Поднимаю голову и встречаюсь с ее окаменевшими глазами. Она поднимает подбородок и говорит:

— Я отвечу после того, как ты его отпустишь. Ему нужен врач, Аса.

Врач? Ему не нужен врач. Ему нужно, мать твою, чудо.

— Не обязательно, чтобы ты отвечала, — говорю ей. — У меня ощущение, что если я убью его, по твоей реакции я смогу и сам сказать, любишь ли ты его.

Ее глаза расширяются и она сразу начинает качать головой.

— Нет, — выпаливает она. — Пожалуйста, не убивай его, ты только навредишь себе. Я люблю тебя, Аса. Пожалуйста, не убивай никого.

Я смотрю прямо на нее, вглядываясь в каждый ее глаз. Трудно понять правда ли это, потому что все, что я вижу на ее лице — это страз за Люка.

— Не волнуйся, Слоан. Наверняка он надел пуленепробиваемый жилет.

Я поворачиваю голову и поднимаю пистолет, направляя его прямо в грудь Люка. Стреляю. Люк всем телом ударяется об стену. Его руки поднимаются к груди и кровь тут же начинает просачиваться сквозь его пальцы. Он сразу безвольно падает на бок.

— Упс. Ошибочка получилась. Я оказался не прав.

Слоан кричит. Выкрикивает его ебаное имя, кричит нет, кричит, что ты наделал, снова выкрикивает его имя, кричит, кричит, кричит.

Она, блять, орет.

У нее текут ебанные слезы.

Из-за него.

Я хватаю ее проклятую руку и тащу, пока она не падает спиной на кровать. Сажусь на нее, когда она прикрывает свою голову и кричит еще громче, слезы просто текут по ее лицу.

— Почему ты, блять, кричишь, Слоан? ПОЧЕМУ?!

Я слышу, как голос моего отца повторяет шлюха, шлюха, шлюха. Бью себя по лбу, чтобы заставить его замолчать.

Стоп, стоп, стоп.

Она его не любит. Она любит меня. Навеки.

— Ты не любишь его, Слоан, — говорю я, мое лицо корчится от боли. — Нет, он промыл тебе мозги.

Я хватаю ее лицо и целую ее. Она пытается отстраниться от меня, пытается со мной драться.

— Да! — кричит она. — Я люблю его, я ненавижу тебя, я люблю его, я, блять, ненавижу тебя!

Она пожалеет об этом. Она будет сожалеть об этом больше, чем когда-либо сожалела о чем-либо за всю свою гребаную никчемную жизнь. Если она думает, что сейчас ей плохо, наблюдая, как этот ублюдок умирает, пускай подождет, пока не увидит, как умираю я.

Она едва знала этого парня. Она любила меня в течение двух гребаных лет! Моя смерть, блядь, опустошит ее. Она будет плакать так сильно, что ей не хватит воздуха, чтобы сказать, что она всех ненавидит.

Шлюха, шлюха, шлюха.

Я снова ударяю рукой по своей голове, а затем прижимаюсь своим лбом к ее.

Сейчас она уже не орет. Она просто безудержно рыдает.

— Ты пожалеешь об этом, Слоан. Ты думаешь, что сейчас сильно плачешь? Когда я умру, это убьет тебя. Это. Блять. Убьет. Тебя.

Она качает головой, произнося слова сквозь рыдания.

— Слишком поздно убивать меня, Аса. Ты убил меня целую вечность назад.

Она бредит.

Она чертовски бредит.

Я смеюсь, зная, как сильно это ее расстроит. Я смеюсь, зная, как сильно она пожалеет, обо всем, что только что сказала. Хотел бы я быть здесь, чтобы посмотреть, когда она, наконец, поймет, как много я значу для нее. Сколько я для нее сделал. Какой будет ее жизнь без меня.

Прикасаюсь ртом к ее дрожащим губам.

Прижимаю пистолет к своей голове и нажимаю гребаный...

Глава 43 ЛЮК

Luke

Знаете, на что похожа смерть?

Нет. *Не* знаете, потому что никто о ней не расскажет. Мертвые люди не могут описать свои чувства, когда смерть приходит за ними. А те, кто жил, никогда не умирая, не способны описать смерть.

Но сейчас я смотрю ей прямо в лицо. Так позвольте мне рассказать о ней, пока я еще на это способен.

Наступает такой момент, на долю секунды, прямо перед тем, как ты закроешь глаза в самый последний раз, когда ты чувствуешь, как смерть сжимает тебя в своих объятиях.

Ты чувствуешь, как твое сердце начинает замедляться, готовясь остановиться навсегда.

Ты чувствуешь, как мозг отключается, и кровь стучит, как захлопывающиеся двери.

Ты чувствуешь, как глаза закрываются, не зависимо от того как сильно ты держать их открытыми. И ты осознаешь: на что бы ты ни смотрел в этот момент — это последнее, что ты когда-либо увидишь.

Я вижу Слоан. Она все, что я вижу.

Я вижу, как она кричит.

Я вижу, как Аса поднимает ее и бросает на кровать.

Я вижу, как она пытается с ним бороться.

Я вижу, как Слоан сдается.

Вот почему я отказываюсь закрывать глаза.

Опускаю взгляд на кровь, сочащуюся из моей груди. Жизнь вытекает из меня прямо на пол. Я совершил достаточно ошибок, из-за которых Слоан оказалась в положении, в котором сейчас находится. Я отказываюсь умирать, не исправив хотя бы несколько из них.

Собираю последние силы и тянусь рукой к лодыжке до тех пор, пока не дотягиваюсь до пистолета. Руки все в крови, стараюсь из всех сил, чтобы сжать его и, наконец, у меня получается. Может я и не лучший в своей работе по многим пунктам, но я чертовски хорошо стреляю.

Как только я поднимаю пистолет, Аса наводит свой на самого себя.

Хрена-с два, он свалит так легко.

Отказываюсь закрывать глаза, обхватываю пальцем курок и нажимаю, наблюдая, как пуля проходит сквозь его запястье, отбрасывая пистолет на пару метров.

Отказываюсь закрывать глаза, когда слышу еще три выстрела, на этот раз они доносятся из-за двери комнаты.

Отказываюсь закрывать глаза, когда наблюдаю, как Райан выбивает дверь и врывается вовнутрь в сопровождении нескольких человек.

Отказываюсь закрывать глаза, пока Аса не оказывается на полу, в нескольких метрах от Слоан, закованный в наручники.

Отказываюсь закрывать глаза, пока они не встречаются с глазами Слоан.

Она соскакивает с кровати и бросается ко мне, садиться на колени, и прижимает руки к моей груди, делая все возможное, чтобы удержать остаток жизни во мне.

У меня даже не осталось сил, чтобы сказать ей: слишком поздно.

Закрываю глаза в последний раз.

Но ничего страшного, потому что она все, что я вижу.

Она — последнее, что я когда-либо увижу.

Глава 44 СЛОАН

Sloan

Это чувство не ново для меня. Однажды я уже видела, как умирает мой любимый человек. Ужасная, душераздирающая, мучительная смерть.

Это произошло за месяц до того, как мне исполнилось тринадцать.

У меня были братья-близнецы Стивен и Дрю. Я была их нянькой с самого рождения. У обоих были большие проблемы со здоровьем, но мать пропадала всю ночь напролет, не обращая внимание на их потребности. Она перешла черту, когда могла бы стать матерью, которой должна была быть. Она водила их к врачу и выписывала им необходимые лекарства, только для того, чтобы убедить государство, что она достойная мать. А потом перекладывала большую часть своих ежедневных обязанностей по уходу за братьями на меня, а сама уходила и веселилась или, что она там делала, до самого утра.

В ту ночь, когда умер Дрю, я сидела одна с братьями. Я не могу вспомнить всех деталей, потому что стараюсь не слишком часто думать о той ночи, но я помню, как услышала его падение в спальне. У него часто случались приступы, и я знала, что это скорее всего один из них, и побежала в их комнату, чтобы проверить его.

Когда я открыла дверь, Дрю лежал на полу, все его тело дергалось в конвульсиях. Я упала на колени и как могла сдерживала его руками, но, поскольку ему уже исполнилось десять, мне было сложно это сделать, ведь они со Стивеном переросли меня. Я делала все возможное, удерживая его голову, пока все не закончилось.

Я не замечала кровь до тех пор, пока приступ полностью не прекратился. Она была на моих руках и одежде. Я запаниковала, когда увидела рану на его голове. Кровь была повсюду.

Когда из-за приступа он упал, то ударился головой о дверную ручку.

У нас не было телефона, поэтому я была вынуждена оставить Дрю одного в комнате, и побежала к соседям вызвать 911.

Когда я вернулась, Дрю уже не дышал. Сомневаюсь, что он вообще сделал хоть один вдох после того, как я ушла от него. Тогда я не знала, что он умер от удара головой, но сейчас я понимаю, что, скорее всего, он был мертв до того, как я набрала 911.

После той ночи я изменилась. До того случая, во мне жила надежда на улучшение своей жизни. Я знала, что никто не может быть так проклят в детстве; сначала жить с такими ужасными родителями, а потом пережить столь же ужасный подростковый возраст и взрослую жизнь.

До того случая я думала, что, возможно, в жизни существует равный баланс хорошего и плохого, и разница лишь в том, что удача и неудача по-разному распределены на протяжении всей жизни каждого человека. У меня была надежда, что все мои неудачи я пережил в начале своей жизни, и что теперь станет проще.

Но та ночь изменила мое мышление.

Дрю мог упасть где угодно в спальне, кроме того места, где это произошло. Врач сказал, что его рана была настолько неудачной, что ударяся он всего на шесть сантиметров левее или правее, все было бы в порядке.

Шесть сантиметров. Вот что лишило Дрю жизни.

Удар в висок убил его почти мгновенно.

В течение месяца я была помешана на этих шести сантиметрах. Дольше, чем моя мать смогла притворяться, что скорбит по нему.

Я была одержима этим, потому что знала, что ударяся он на шесть сантиметров левее или правее, его выживание назвали бы "чудом".

Но то, что случилось с Дрю прямая противоположность чуду. Это была трагическая случайность.

Несчастный случай, который заставил меня полностью потерять веру в чудеса. Когда мне было тринадцать, любая надпись "чудо" выводила меня из себя.

Это одна из главных причин, почему я никогда особо не участвовала в розыгрышах в социальных сетях. Из-за количества "чудес", мелькающих в моей новостной ленте в Фейсбуке, мои глаза просто выкатывались из орбит. Так много людей "излечились" от рака, благодаря молитвам своих друзей на Фейсбуке. *"Это доброкачественная опухоль! Аллилуйя! Бог так добр ко мне!"*

Так много раз мне хотелось протянуть руку через экран ноутбука и, схватив тех людей за плечи, закричать: "Эй! Представляете? *Вы не особенные!*"

Многие люди умирают от рака. Где было *их* чудо? Может потому что их друзья на Фейсбуке недостаточно молились? Почему химиотерапия им не помогла? Может быть потому что они сделали не достаточно репостов в социальных сетях? Почему они не получили *свое* чудо? Бог думает об их жизнях меньше, чем о тех, чьи жизни пожалел?

Нет.

Иногда рак лечится... иногда нет. Иногда люди ударяются головой и умирают, большую часть времени они бьются головой и выживают. И каждый раз, когда вы слышите, что человек выжил вопреки всякому ожиданию... так и есть. *Свершилось невозможное.*

Потому что люди никогда не думают о том как добиться невозможного, ведь сколько печальных смертей должно произойти, чтобы конкретно это выживание считалось "вне

нормы".

Может, смерть Дрю и уничтожила мою веру в чудеса, но, на мой взгляд, ты либо выживаешь, либо нет. Путь от первого вдоха до последнего выдоха не имеет ничего общего с чудесами, количеством молитв, совпадениями или божественным вмешательством.

Не всегда путь человека от первого вдоха до последнего выдоха является частью главного плана. Иногда единственное, что разделяет твой последний вдох и смерть — всего лишь шесть сантиметров.

Вот почему, когда врач вошел в комнату ожидания, чтобы объявить мне о состоянии Люка, я была вынуждена сесть, когда он сказал:

— *Если бы пуля попала всего на шесть сантиметров левее или правее, Люк бы умер мгновенно. Теперь все, что мы можем делать — это молиться о чуде.*

Я не смогла сказать врачу, что не верю в чудеса.

Люк либо выживет... *либо нет.*

— Тебе нужно выпить кофе, — говорит Райан. — Размять ноги.

Восемь часов назад Люка перевели из хирургии. Он потерял много крови и теперь требуется переливание. С тех пор я отказывалась оставлять его.

Качаю головой.

— Я не уйду, пока он не проснется.

Райан вздыхает, но понимает, что не сможет заставить меня поменять решение. Он подходит к двери:

— Принесу тебе кофе.

Я наблюдаю, как он выходит из комнаты. Все это время он был в этой больнице вместе со мной, хотя я знаю, что у него наверняка есть куча связанных с работой дел, которые он должен сделать прямо сейчас.

Написать отчет о том, что произошло прошлой ночью. *Принять* заявления. Дело об убийстве, арест, *покушение* на убийство.

Я не видела, как прошлой ночью Аса забирали из спальни, потому что слишком сильно волновалась о том, что случилось с Люком. Но я могла его слышать. Все то время, что я

зажимала руками грудь Люка, ожидая прибытия скорой помощи, Аса находился за моей спиной и кричал:

— Пускай он умирает, Слоан! Он тебя не любит! *Я люблю тебя! Я люблю!*

Я ни разу не обернулась, чтобы признать его или слова, им сказанные. Я продолжала пытаться помочь Люку, пока они вытаскивали Аса из спальни. Последнее что он сказал, было:

— Это *мой* чертов *торт!* Дайте мне забрать мой гребаный *торт!*

Я не знаю, что будет с Аса дальше. Уверена, что будет какой-нибудь суд, но, честно говоря, я не хочу давать показания. Боюсь, что если дам показания, то решение будет мягче, чем он заслуживает. Потому что мне придется быть честной. Мне придется рассказать им обо всех изменениях, что я заметила в его поведении; в частности, кардинальные изменения за последние недели. Всем, кто его знает, очевидно, что есть большая вероятность развития симптомов шизофрении — таковы наследственные болезни его отца. Но если это так, то он, скорее всего, будет приговорен к содержанию в охраняемой психушке, чем к тюрьме.

И даже если я хочу, чтобы он получил помощь, я так же хочу, чтобы он за все заплатил. Я хочу, чтобы он заплатил за каждую гадость, которую когда-либо сделал и я хочу, чтобы он платил вечно. *В тюрьме.* Где он сгниет с мужиками, которые, скорее всего, вдвое злее, чем он когда-либо мечтал стать.

Некоторые могут назвать это злобой. Я просто называю это кармой.

Я хватаюсь за ручку кресла и шепчу, чтобы никто не услышал.

— Я устала думать о тебе, Аса Джексон.

И я действительно устала. Я и так потратила на него слишком много времени своей жизни, а теперь я просто хочу сосредоточиться на будущем. На Стивене. *На Люке.*

К нему подключены трубки, провода и капельницы, но мне удастся найти место на кровати, где могу поместиться, если просто свернуться калачиком. Я залезаю к нему на кровать, обнимаю его, кладу голову ему на плечо и закрываю глаза.

Спустя несколько минут, голос Райана вытаскивает меня из сна.

— Кофе.

Я открываю глаза, а он сидит на стуле у кровати, держа в руках кофе для меня. Это, наверное, пятая чашка с тех пор, как Люка перевели из хирургии, но я уверена, что смогу выпить на миллион больше, если придется ждать так долго.

Райан откидывается на спинку стула и делает глоток своего кофе, затем сжимает его обеими руками и наклоняется вперед.

— Он когда-нибудь рассказывал тебе, как мы познакомились? — спрашивает Райан.

Я качаю головой.

Я вижу на губах Райана ностальгическую улыбку.

— Какое-то время назад нас вместе назначили на одну работу. Он разоблачил себя на вторую ночь задания, — рассказывает Райан, покачивая головой. — Я был так зол на него, но знал, почему он это сделал. Не могу вдаваться во все подробности, но если бы тогда он сам себя не выдал, ребенок бы лишился жизни. Люк бы не смог пережить, если бы такое случилось. В тот момент я понял, что у него не подходящее сердце для такой работы. Но как бы я ни был зол на него, я уважал его до чертиков за то, что он сделал. Его так сильно заботила жизнь подростка, что он даже не подумал, как это скажется на его собственной карьере. И это не недостаток, Слоан. Это черта характера. Уверен, что оно называется состраданием, — говорит он подмигивая.

История Райана заставляет меня улыбнуться впервые за все это время.

— Это его самая сексуальная черта, — шепчу я. — Его сострадание.

Он пожимает плечами.

— Ну не знаю... у него еще отличная задница.

Я смеюсь. На самом деле я этого не знаю — Люк сидел на ней, когда у меня был единственный шанс ее увидеть.

Я ставлю свой кофе на тумбочку, а затем наклоняюсь и целую Люка. Я позаботилась о том, чтобы целовать его каждый раз, когда могу, просто на случай, если у меня больше не будет такого шанса.

Когда я отстраняюсь от него и начинаю опускать голову на подушку, я слышу тихий шум. Райан выпрыгивает из своего кресла в ту же секунду, когда я поднимаю голову.

— Он только что издал какой-то звук? — спрашивает Райан, его голос полон надежды.

— Думаю, да, — шепчу я.

Райан машет рукой в сторону Люка.

— Поцелуй его еще! Мне кажется, он очнулся!

Я целую. Снова слегка касаюсь его губ и нет никаких сомнений, что Люк издает в этот момент какой-то звук. Он точно просыпается.

Мгновение мы оба пялимся на него, пока его веки дрожат, открываются и закрываются несколько раз.

— Люк? Ты меня слышишь? — спрашивает Райан.

Наконец, Люк полностью открывает глаза, но не смотрит на Райана. Вместо этого, его глаза через силу оглядывают комнату, пока не останавливаются на мне, свернувшейся калачиком на боку. Мгновение он смотрит на меня сверху вниз, а затем шепчет слабым голосом:

— Леприконы увидели калейдоскоп пряжек, когда туман опустился, как жара.

В моих глазах тут же появляются слезы, но я стараюсь не заплакать.

— О, Боже, — говорит Райан. — Он несет бред. Это не очень хорошо. Я позову врача. — он выбегает из комнаты, прежде чем я могу объяснить ему, что с Люком все в порядке.

Я поднимаю руку к лицу Люка, и прикоснувшись к его губам, шепчу:

— Унылые багеты задержались на детской площадке, поедая кашу из миски, пока чахнут слизняки. — В моем голосе слышится облегчение — мое счастье, моя благодарность. Мои губы накрывают его и, хотя я знаю, что для него это не хорошо и ему, наверное, очень больно, я обнимаю его, где только могу и целую во все места, до которых могу добраться — до его лица, шеи. Я сворачиваюсь вокруг него, стараясь держаться подальше от травм. Тихонько лежу рядом с ним, и слезы скатываются по моим щекам.

— Слоан, — говорит Люк, его голос хрипит. — Я не могу вспомнить, что произошло после того, как я все испортил. Ты спасла меня?

Я смеюсь и поднимаюсь на локте.

— Не совсем, — тихо отвечаю я. — Ты выстрелил Аса в руку, выбив у него пистолет, а затем я подбежала к тебе и зажимала рану до тех пор, пока не приехали врачи. Я бы сказала, что это была взаимопомощь.

Он пытается выдавить улыбку.

— Я же говорил, что не очень хорошо выполняю свою работу, — говорит он.

Я улыбаюсь в знак согласия.

— Знаешь, еще не слишком поздно все бросить. Ты мог бы вернуться в школу и стать

учителем.

От смеха он морщится.

— Не плохая идея, Слоан.

Люк пытается наклониться вперед, чтобы поцеловать меня, но это отнимает все его силы.

У него было всего шесть сантиметров.

Всего шесть сантиметров между последним вздохом и жизнью.

Когда я сокращаю эти шесть сантиметров и целую его, я знаю, что заканчиваю главу.

Действительно темную главу, конец которой я ждала более двух лет.

И этот поцелуй — только начало новой книги. Книги, где, возможно, чудеса не так уж и надуманны.

Глава 45 АСА

Asa

Поднимаюсь и открываю глаза.

Нет, я не спал. Никто не сможет уснуть в этом чертовом месте.

Делаю глубокий вдох через нос и выдыхаю через рот, удивляясь, почему до меня только сейчас дошло.

Тогда она сказала не *сильнее*.

Она, блядь, сказала *Картер!*

«Ёбанная шлюха!»

Глава 46 ЭПИЛОГ

Sloan

Тихо стучусь в дверь палаты, но никто не отвечает. Когда я опускаю дверную ручку и заглядываю внутрь, Люк спит. Телевизор работает на низкой громкости, но его все равно слышно. Я смотрю на диван, где Райан лежит на боку, бейсболка закрывает его глаза. Он тоже спит.

Придерживаю дверь, чтобы бесшумно закрыть ее, никого не разбудив, но Райан слышит

меня и садится на диване. Он вытягивает руки над головой и зевает, а затем встает.

— Привет, — здоровается он. — Ты побудешь здесь какое-то время?

Я киваю.

— Я, наверное, останусь здесь на ночь, — шепчу. — Иди, отдыхай.

Он снова смотрит на Люка и говорит:

— Приходил врач. Он сказал, что завтра его могут выписать, но нужно, чтобы кто-то какое-то время был постоянно рядом. Ему нужен строгий постельный режим. Хотел предложить свою кандидатуру, но уверен, он бы предпочтет, чтобы это была ты.

Ставлю сумочку на диван.

— Прекрасно. Я могу побыть с ним, если он не против.

— Я абсолютно не против, — доносится голос Люка с кровати. Поворачиваюсь в его сторону и он лениво мне улыбается.

Райан смеется и говорит:

— Зайду утром после встречи с Янгом.

Люк кивает Райану и жестом подзывает меня.

— Иди сюда.

Я подхожу к нему, когда Райан выходит из комнаты. Как обычно, при каждом посещении, Люк двигается, освобождая для меня место, чтобы я легла рядом.

Закидываю ногу на него, а руку кладу на грудь, положив голову на плечо.

— Как твой брат? — спрашивает он.

— Хорошо, — говорю я. — Действительно хорошо. Тебе придется пойти со мной, когда поправишься. Стивен сверлил взглядом дверь, ожидая, когда ты появишься, поэтому уверена, он был разочарован, что тебя со мной не было.

Чувствую смех в груди Люка.

— Сегодня я пытался улизнуть и поехать с тобой, но кто-то чрезмерно заботливый.

Я качаю головой.

— Тебе выстрелили в грудь, Люк. Ты чуть не умер. Я не буду рисковать. — поднимаю голову с его плеча и опираюсь на руку. — И кстати о рисках, что именно сказал врач о твоей завтрашней выписке? Постельный режим? Никаких физических нагрузок?

Люк проводит рукой по моим волосам и улыбается.

— Что если я скажу, что он велел соблюдать постельный режим и сочетать его с физическими нагрузками?

— Я назову тебя лжецом.

Он корчится.

— От четырех до шести недель, — сдаётся он. — Врач сказал, что мое сердце должно находиться в состоянии покоя. Знаешь, как мне будет трудно это сделать рядом с тобой, заботящейся обо мне?

Я пробегаю пальцами по его груди, чувствуя бинты под его больничной одеждой.

— От четырех до шести недель — это ничто, когда впереди у нас вечность.

Люк тихонько смеется.

— Тебе легко говорить. Парни думают о сексе каждые семь секунд.

— Это миф, — не соглашаюсь я. — Биологи утверждают, что на самом деле только тридцать четыре раза в день.

Несколько секунд Люк смотрит на меня, а потом говорит:

— И все равно, это почти тысячу раз в течение следующих четырех недель я должен буду сдерживаться.

Я качаю головой с улыбкой.

— Постараюсь облегчить твои мучения. Следующий месяц не буду принимать душ или расчесываться и краситься.

— Это не поможет, — говорит он. — Возможно, даже будет еще хуже.

Я опускаю голову и прикасаюсь губами к его шее.

— Если для тебя это слишком тяжело, можно нанять медсестру, которая будет заботиться о тебе вместо меня, — дразню я.

Люк сжимает рукой мое плечо и зевает.

— Никто не будет ухаживать за мной, кроме тебя, — шепчет он.

По его голосу я слышу, как начинает действовать обезболивающее, поэтому не отвечаю. Мы лежим так какое-то время, и я почти уверена, что он уснул. Но потом Люк спрашивает:

— Слоан? А где ты сейчас живешь?

Я ждала этого вопроса. Он в больнице уже две недели и каждый раз, когда поднимается вопрос о моем проживании, я говорю, что мы поговорим об этом позже.

У меня такое чувство, что на этот раз он не позволит мне сменить тему.

— В гостинице.

Люк мгновенно застывает, и взяв меня за подбородок, поворачивает лицом к себе.

— Ты шутишь?

Пожимаю плечами.

— Все хорошо, Люк. Скоро я найду квартиру.

— Какой отель?

— На Страттон.

Его челюсть напрягается.

— Ты сегодня же оттуда съедешь. Тебе нельзя находиться там в одиночестве, это не безопасное место. — Он пытается сесть, приподняв голову. — Почему ты не рассказала мне?

Я возмущенно взмахиваю рукой.

— Ты чуть не умер, Люк. Последнее, что тебе сейчас нужно — это еще больше беспокоиться обо мне.

Люк откидывает голову обратно на подушку, проводит ладонями по лицу, а затем смотрит мне в глаза.

— Ты останешься у меня. Все равно мне нужна помощь. Нет смысла платить за отель.

— Я не перееду к тебе. Мы едва знаем друг друга, но я буду о тебе заботиться так долго,

как тебе это будет нужно. Это слишком много, слишком быстро.

Люк опускает подбородок и сурово смотрит на меня.

— Ты останешься у меня, Слоан. Я не прошу тебя переехать насовсем. Но пока я не поправлюсь, и у тебя не появится своя квартира, ты не вернешься в этот отель.

Отель действительно ужасный, но это все, что я могу себе позволить. После ареста Аса я забрала свои записки и немного одежды, и больше не возвращалась в тот дом.

Я киваю.

— Максимум две недели. Потом у меня будет свое собственное жилье.

Люк вздыхает, радуясь, что я не спорю. Но, честно говоря, я не знаю, как смогу позволить себе квартиру за две недели. Мне придется найти работу и машину. Сегодня мне пришлось взять машину Люка, чтобы навестить Стивена, но я не могу брать ее постоянно.

Чувствую, как рука Люка скользит по моим волосам и останавливается на затылке.

Когда наши взгляды встречаются, в его глазах появилась мягкость, которой не было несколько секунд назад.

— Перестань себя накручивать, — говорит он тихо. — Ты больше не одна, Слоан. Хорошо?

Я выдыхаю.

— Хорошо, — шепчу.

Впервые за всю свою жизнь я чувствую, что свое бремя несу не одна. Никогда не встречала никого, кто бы привнес в мою жизнь больше облегчения, чем стресса. До Люка.

Любовь не должна чувствоваться, как дополнительный груз. Она должна быть светом, воздухом.

Аса сделал мою жизнь тяжелой.

Люк заставляет меня чувствовать, будто я плыву.

Наверно именно это отличает правильную любовь от неправильной. Вы либо чувствуете себя привязанным к якорю... либо чувствуете, будто парите.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — спрашиваю Люка.

Я впервые в его доме, и потрясена тем, что здесь практически пусто. Дом находится примерно в часе езды от места, где жила с Аса. Даже ближе к больнице брата.

Люк сказал, что этот дом он арендует. Он никогда не знает, куда его пошлют на задание, поэтому еще не готов взять ипотеку.

— Я в порядке, — отвечает Люк. — Перестань волноваться. Я дам тебе знать, если мне что-нибудь понадобится, хорошо?

Я киваю. Осматриваю его спальню, не зная, куда себя деть. Он, наверное, хочет спать. Просто чувствую себя странно из-за того, что это не мой дом.

— Хочешь прилечь со мной и посмотреть фильм? — спрашивает он, поднимая одеяло.

— Отличная идея.

Забираюсь в кровать и прижимаюсь к нему, как каждый день в больнице. Он включает телевизор и начинает переключать каналы. Через минуту или около того, Люк говорит:

— Спасибо, Слоан.

Я смотрю на него.

— За что?

Его глаза медленно осматривают мое лицо.

— За все, — шепчет он. — За заботу обо мне. За то, что ты такая сильная, несмотря на все, что пережила.

Да, я помню, доктор запретил физическую активность, но сомневаюсь, что он знал о том, на какие слова способен Люк. Целую его в губы, потому что, по-моему, он чертовски заслуживает благодарности. И похвалы. Черт, да просто хорошее отношение ко мне от кого-то настолько ново, что я начинаю таять каждый раз, когда он открывает рот.

Его рука ложится мне на голову и он целует меня сильнее.

Это не очень хорошо. Люк прав. Четыре недели таких ласк, как мы должны воздерживаться?

Боже. Мы влипли.

Но вдруг мы слышим громкий стук в дверь.

— Я открою, — говорит он, поднимая одеяло. Закутываю его обратно.

— Не волнуйся. Тебе нужно отдыхать. Я сама открою дверь.

Люк берет мою руку, а я поднимаюсь с кровати.

— Сначала посмотри в глазок, — предупреждает он. — Если это Райан, он почешет затылок, чтобы ты знала, что все чисто и можно открывать дверь.

Если не почешет, не открывай дверь.

Я на секунду останавливаюсь, не понимая, для чего нужны эти немые коды. Правда, не спрашиваю вслух. К таким правилам придется привыкнуть. Надеюсь, Люк был серьезен, когда говорил о смене профессии.

Я подхожу к входной двери и смотрю в глазок, и конечно же, Райан чешет шею. Но с ним кто-то еще. Какая-то девушка.

- С ним девушка! — громко шепчу я, пока бегу назад в спальню Люка.

- С длинными светлыми волосами? — спрашивает Люк.

Я киваю.

- Прекрасно, это просто Тилли.

Тилли. Великолепно.

Я возвращаюсь в гостиную и ввожу код доступа к сигнализации, а потом открываю дверь.

— Привет, — здоровается Райан, входя во внутрь, а следом и Тилли. Она улыбается мне, но я уже боюсь ее. Она на несколько дюймов выше меня, одета в гладкие черные брюки, в которые заправлена рубашка с воротником. Две верхние пуговицы расстегнуты, обнажают блестящее серебристое ожерелье. Никогда не видела, чтобы такой простой образ смотрелся так хорошо.

— Тилли, это Слоан. Слоан, это Тилли.

Она протягивает руку, чтобы пожать мою и мне почти больно. Не могу ничего с собой поделаться и тут же вспоминаю о том, что она обжималась с Люком. Даже если это нужно было для работы, образ до сих пор заставляет мой желудок переворачиваться.

Я не позволяю этому факту слишком меня беспокоить. Я понимаю.

И как будто она прочла мои мысли, Тилли говорит:

— Извини за обжимания с Люком в твоём доме. Это было необходимо, но никогда не повторится. Поверь мне. Это было почти так же плохо, как когда я была вынуждена поцеловать его на публику, — говорит она, указывая на Райана.

Райан закатывает глаза.

— Тилли, Тилли, Тилли, — говорит он. — Это было больше года назад, а ты до сих пор не можешь перестать думать о моем языке у себя во рту.

Она кивает.

— Кошмары трудно забыть.

Я смеюсь. Теперь она мне нравится. Закрываю входную дверь и направляюсь к спальне.

— Он в своей комнате, — говорю я им обоим.

Райан поглядывает в сторону комнаты, а затем обратно на меня. Что-то в выражении его лица меня беспокоит, но он старается скрыть это вымученной улыбкой.

— Не возражаешь, если мы поговорим с Люком наедине? — спрашивает он.

Я скрещиваю руки на груди. Смотрю то на него, то на Тилли.

— Это связано с Аса?

Я вижу, как Тилли бросает беглый взгляд в сторону Райана, раскрывая секрет, что Аса — это именно то, о чем они намерены поговорить с Люком.

— Я хочу знать, — заявляю им. — Если ты не позволишь мне присутствовать при разговоре с ним, я буду подслушивать под дверью.

Райан не улыбается. Его губы сжимаются в тонкую линию и он просто кивает.

— Достаточно честно, — соглашается он.

Они оба идут в спальню Люка и мне необходимо сделать успокаивающий вдох.

Похоже все не очень хорошо.

Luke

Я вижу, как Тилли и Райан идут к моей спальне, но я не отрываю глаз от Слоан. Она стоит в гостиной с закрытыми глазами, с таким видом, будто ее сейчас стошнит.

— Что ты ей сказал, — спрашиваю Райана.

Сразу после того, как я задаю этот вопрос, Слоан резко выдыхает, открывает глаза, выпрямляет спину и направляется к моей спальне.

— Ничего, — трясет головой Райан. — Она настояла на том, чтобы находится при нашем с тобой разговоре.

Теперь Слоан стоит в моей спальне, прислонившись к двери и смотрит, как Райан и Тилли подходят к дивану. Последнее, что я хочу, это чтобы Слоан оказалась вовлечена во все это. Если бы я мог, я бы сделал все, что угодно, чтобы она больше никогда не услышала имени Аса. Но я знаю, что впереди нам предстоит еще много всего, включая судебные заседания.

Возможно, ей даже придется дать показания. Так что, пока Аса не посадят навсегда, я не смогу защитить ее от всего этого. Двигаюсь и предлагаю Слоан присесть ко мне.

И как только она удобно усаживается, и мы оба облокачиваемся на спинку кровати, я смотрю на Райана:

— И о чем же ты не хочешь мне рассказывать?

Он качает головой и поддавшись вперед, скрещивает ладони.

— Даже не знаю с чего начать, — говорит он, встречаясь со мной взглядом. — Сегодня я встречался с Янг.

— И? — спрашиваю я.

— Все плохо, и не знаю, как приукрасить эту новость. Поэтому постараюсь объяснить так, чтобы вы оба меня поняли.

Слоан берет мою руку, и я уже чувствую, как она дрожит. Чтобы хоть немного успокоить ее, сжимаю ее руку. Райан склонен преувеличивать. Как бы я хотел, чтобы Слоан это знала. Тогда она бы так не беспокоилась.

- Аса утверждает, что он застрелил парня у себя в спальне, в целях самозащиты.

— Это не было самозащитой, — фыркает Слоан. — Я была там!

Райан медленно кивает.

— Он говорит, что защищал не *себя*. Аса утверждает, что защищал *тебя*. По его словам, он услышал, что ты зовешь на помощь, а когда он зашел в комнату, то увидел, что на тебя

набросился парень и у него был пистолет. Аса утверждает, что у него не было другого выбора, кроме как остановить его, пока тот не убил тебя.

Слоан трясет головой.

— Это было не так... — она смотрит на меня. — Люк, он не должен был убивать его.

Я знал, что Аса выкинет что-то подобное. Я обнимаю Слоан, и снова перевожу внимание на Райана.

— И что же это значит? Когда дело дойдет до суда, Слоан не придется давать показания?

— Мы на это и надеемся, — выдыхает Райан. — Если дело вообще дойдет до суда.

— *Если?* — переспрашивает Слоан, озвучивая мои мысли.

В этот раз отвечает Тилли.

— Дело в том... что это очень похоже на самозащиту. У парня был нелегальный пистолет. Слоан звала на помощь. Он напал на нее. Даже с ее показаниями, все на стороне Аса. Да пистолет был зарегистрирован на имя Аса. Так что, все легально. В отличие от жертвы. Также, Аса утверждает, что не знает людей, что ворвались в его дом. А полиция не отследила ни одного сбежавшего. Только жертву, которая теперь не может подтвердить или опровергнуть что-либо.

Я закрываю лицо руками и слышу, как участилось дыхание Слоан, когда она начала осознавать, что говорят Райан и Тилли.

— А что насчет нас троих? — спрашиваю я. — Наше слово против его. Мы знаем, что он все это придумал. Аса признался в этом.

— Он признался в этом тебе, Люк, — говорит Райан. — Я этого не слышал, так что я не могу давать показания против него. Меня не было с вами в комнате. И... — Райан останавливается.

Тилли наклоняется вперед и продолжает:

— Аса настаивает на том, что вы его подставили.

— Вы издеваетесь надо мной? — я резко выпрямляюсь. — И какой же судья поверит в эту хрень?

Это просто смешно. Они говорят какую-то чушь, и только расстраивают Слоан. Я не должен был допускать, чтобы она все это слышала.

— Знаю, это звучит как бред, — говорит Райан. — Мы все знаем, что он виноват. Но для судьи... Взгляни на это со стороны: невеста Аса осознанно спала с копом под прикрытием, который пытался арестовать его. О чем подумает судья, когда невеста Аса и тот самый коп буду давать против него показания?

Рука Слоан вытягивает свою руку и накрывает ладонями лицо. От всего этого у меня начинает болеть в груди.

— Ты знаешь, что я преследовал ее, Райан. Если бы я знал, что это поставит наше дело под угрозу... — хотел сказать, что не сделал бы этого, но не смог. Потому что я бы сделал это. Я сделал это. Я преследовал ее, ни смотря на последствия. И теперь мы в чертовом безвыходном положении.

— Все зависит от судьи, — говорит Тилли, — он может отклонить дело еще до того, как оно дойдет до суда. Большинство дел по самозащите сразу же закрывают, если свидетель дает показание, которое подтверждает, что убийство было совершено в целях самозащиты.

— Но его историю никто не сможет подтвердить, — говорю я.

Райан и Тилли смотрят на Слоан. Райан поворачивается к ней.

— Показания Слоан вполне подойдут, чтобы подтвердить то, что это была самозащита.

- Как? — ошеломленно спрашивает Слоан.

Райан встает, обходит кровать и облокачивается на стену возле Слоан.

— Жертва напала на тебя? — спрашивает он.

Слоан кивает.

- У него был пистолет?

Слоан снова кивает.

— Он притворялся полицейским?

Еще один кивок.

— Ты звала на помощь?

В этот раз она не кивает. По ее щеке скатывается слеза.

— Дважды, — шепчет она.

— И что ты почувствовала, когда Аса зашел в комнату? — спрашивает Райан. — судья будет задавать тебе такие же вопросы.

— Облегчение, — шепчет она сквозь слезы. — Страх. И облегчение.

Райан кивает.

— Этого достаточно, чтобы доказать, что Аса не виновен. Он спас тебя. В глазах судьи это едва ли является убийством, не важно, что мы знаем какой он говно на самом деле. В суде не будут рассматривать всю его историю. Только этот поступок.

— Но... — Слоан вытирает слезы. — Он мог и не стрелять в него. Аса мог остановить его не убивая.

Райан кивает в согласии.

— Я знаю это. Мы все знаем. Но судья не знает Аса так, как мы. Они разорвут тебя на части, Слоан. Они сделают так, чтобы Аса выглядел жертвой, потому что ты его невеста. И ты осознанно связалась с полицейским под прикрытием, который вел дело против него. Они будут на стороне Аса, а твои обвинения даже не будут слушать.

— Но, — Слоан встает. — А что насчет *твоего* слова против Аса? Разве это не повлияет на мои обвинения? Разве это не переубедит их, что это было преднамеренное убийство?

Глаза Райана встречаются с моими. Он выдыхает и снова возвращается к дивану.

— Это еще одна причина, почему мы тут, — говорит он. — Янг не хочет продолжать наше расследование. Ни один из наших отчетов не был закончен, потому что мы так и не завершили расследование. Янг боится, что, если мы выдвинем обвинение и дело дойдет до суда, наш отдел попросту закроют. То, что один из наших копов был вовлечен в отношения с невестой нашего главного объекта, не выглядит хорошо. И то, что мы раскрыли себя. Они боятся, что дело Аса разрушит репутацию отдела. Янг хочет, чтобы дело закрыли без всяких обвинений и что это не стоит такого риска.

— О Боже, — говорит Слоан, садясь на кровать. Она опускает голову на колени и держит ее руками. — Это все моя вина.

Я наклоняюсь и беру ее за руку.

— Слоан, это не твоя вина. Это моя вина. У меня была всего одна единственная обязанность. — Я поднимаю взгляд на Райана. — А что насчет того, что он пытался убить меня? Он выстрелил мне в грудь, и это не было самозащитой. Ему ведь выдвинут обвинение за это?

Райан сглатывает.

— Аса утверждает, что это тоже являлось самозащитой. Вы оба стреляли друг в друга. Слоан была единственным свидетелем в комнате. Я могу подтвердить только то, что слышал, находясь по ту сторону двери.

— Он чуть не убил меня, Райан!

Райан и Тилли снова смотрят друг на друга. Тилли прочищает горло и отвечает:

— Дело в том, Люк... со всем этим дерьмом, даже если ему выдвинут обвинения, то тебя тоже осудят. И вы оба попадете за решетку.

— Меня будут судить? И за что же, черт возьми, меня будут судить?

— Зависит от судьбы. Нападение... Попытка убийства. И если отдел не отдаст дело в суд... Это будет выглядеть так, будто у вас с Аса просто произошел конфликт. В результате любовного треугольника.

Теперь я слышу, как Слоан плачет.

Я не могу продолжать задавать вопросы. Мой мозг не может сосредоточиться.

— То есть, вы хотите сказать, что мало того, что этот ублюдок уйдет безнаказанным... Обвинения выдвинут еще и против меня?

Райан медленно кивает.

— Если только... Ты не признаешь свою вину. Его адвокаты настаивают на этом. Они хотят, чтобы мы отклонили обвинения в обмен на информацию о Джоне, Кевине и еще нескольких людей, задействованных в расследовании. Как я уже говорил, Люк. Все зависит от судьбы. Ну и окружного прокурора, конечно же. Но это хорошо, потому что ты ему нравишься. Не думаю, что он будет обвинять тебя в чем-либо. Но если мы выдвинем обвинения против Аса, его адвокаты ответят тем же. Так что подумай над этим серьезно.

Не могу поверить в то, что слышу.

— А что насчет всего остального, что он совершил? — спрашивает Слоан. — Все, что он делал со мной? Я могу не отклонять эти обвинения?

- Да. Но в чем именно ты обвиняешь его? Изнасилование? Он насиловал тебя? — интересуется Тилли.

Слоан бегло смотрит на меня, а потом снова поворачивается к Тилли.

— Даже не знаю, — тихо произносит она. — Несколько раз я... Я боялась, что он причинит мне боль, так что... Я просто позволила ему.

Тилли встает и подходит к кровати. Садится напротив Слоан.

— Ты когда-нибудь говорила ему «нет»? Ты, когда-нибудь просила его остановиться?

На несколько секунд Слоан задумывается, а потом отвечает:

- Нет. Я была слишком напугана, чтобы сказать «нет». Я притворялась, что все нормально.

Тилли наклоняет свою голову и сжимает руку Слоан, давая понять, что понимает ее.

— Боюсь, что для суда это дело не дойдет. Все что ему нужно сделать, это сказать, что он понятия не имел, что ты не хотела заниматься сексом. Если ты никогда не говорила «нет», и не показывала это своими действиями...

Слоан снова опускает голову на колени, и пододвинувшись ко мне, ложиться мне на грудь. Я обхватываю ее руками и целую в затылок.

— Мне жаль, — говорит Тилли. — У нас было несколько вариантов, которые могли бы выдвинуть против него твердые обвинения. Мы могли бы задавить его, так как хотели с самого начала.

— Ты имеешь в виду то что я облажался? — прерываю я.

Райан встает.

- Не будь так жесток с собой, Люк. Я поощрял некоторые из этих ошибок. Иногда дела просто закрывают и забывают о них. Иногда мы получаем все, что искали еще до конца расследования. К сожалению, это не это случай. Все было запутанно с самого начала, и мы ничего не можем с этим сделать. Полиция ничего не нашла в его доме, после того как там все убрали Джон и Кевин. Все, что они нашли — это деньги и рецепты с лекарствами. Этого недостаточно. Иногда, это просто не стоит сражения.

Я чувствую, как напрягается тело Слоан. Она наклоняется и смотрит на Райана.

— Не стоит сражения? Он убил человека! И он бы убил Люка, если бы не эти долбаные шесть сантиметров. И теперь ты говоришь, что он уйдет чистым! И сможет найти меня? Найти Люка? Потому что он не отступит, Райан! Он не отступит, пока Люк не умрет. И ты *знаешь* это!

— Слоан, — отдергиваю я, притягивая ее к себе. — Остановись. Мы еще не знаем, отпустят его или нет. Постарайся успокоиться.

Он начинает плакать, и я обнимаю ее, пока Райан смотрит на нее с сожалением. Он незаметно и кивает, и говорит:

- Мне жаль, Слоан. Мне правда жаль.

Райан смотрит на меня, и в его глазах я читаю какое же сожаление. Я киваю, давая ему понять, что понял. Это не вина Райана. Это только моя вина.

Райан и Тилли разворачиваются к двери. Я притягиваю Слоан к себе, стараясь отогнать ее страхи. Но она дрожит всем телом. До этого момента я даже не осознавал насколько она боится Аса.

Я целую ее в затылок и шепчу:

— Все будет хорошо, Слоан. Теперь ты не одна. Я здесь, и я не позволю, чтобы он причинил тебе боль. Обещаю.

Я держу ее так, пока она не засыпает от полного изнеможения.

Asa

- У тебя есть какие-нибудь вопросы? — спрашивает мой адвокат.

Его зовут Пол. Так же, как и моего отца. Я почти отказался от него, когда узнал об этом, но у него лучшая репутация в штате. Я не должен отталкивать его, только из-за того, что он тезка второго человека, которого я больше всего ненавижу.

Первый — это Люк.

— Нет, — отвечаю я. — Мы заходим в зал суда, я говорю, что это была самозащита и судья решает, судить меня или нет.

— Все правильно, — кивает Пол.

Я встаю, и наручники впиваются в мои запястья. Ненавижу то, что Слоан увидит меня в них. Это немного оскорбительно. По крайней мере, они позволили мне надеть костюм, так что мне не придется идти в этом ужасно нелепом оранжевом костюме.

Оранжевый — не мой цвет, и этот костюм — любимый костюм Слоан.

— Давай сделаем это! — говорю Полу. — Кусок чертового торта.

Пол быстро кивает и встает. Кажется, ему не нравится моя уверенность. Она ему не

нравится с того момента, как мы встретились. Я вообще не уверен, что нравлюсь ему. Понятия не имею, что он обо мне думает. До тех пор, пока он пытается вытащить меня из этой дыры, он мой любимый человек в мире.

Ну... *Второй* любимый. Слоан все еще на первом месте этого списка.

Конечно, она совершила много дерьма, чтобы вывести меня из себя, но я знаю, что все это благодаря Люку и лжи, которой он ей наговорил. Уверен, что она провела достаточно долго времени с ним, чтобы прийти в себя.

Я выхожу из комнаты вслед за Полом, и меня сразу же окружают четыре охранника. Двое спереди, и двое сзади. Пятый охранник открывает дверь в зал суда. Как только мы проходим через двери, я ищу ее взглядом.

Сначала я замечаю его. Ебаный ублюдок сидит во втором ряду рядом со своим дружкой Далтоном. Или Райаном. Похрен как его там зовут.

Слоан сидит не рядом с ним. Она сидит в углу последнего ряда. Я улыбаюсь ей, но она тут же отводит взгляд.

Есть две причины, почему она не сидит с Люком. Она либо поняла, что он обманывал ее, и не хочет иметь с ним ничего общего. Либо им посоветовали не сидеть рядом из-за их маленькой неосторожности.

Я выбираю первый вариант.

Сажусь на свое место, но не отвожу взгляда от Слоан. Из-за чего оказываюсь лишь наполовину повернутым к судье. Но это нормально. Смотрю на нее, пока она снова не смотрит на меня.

— Всем встать, Суд идет, — говорит охранник.

Я встаю, но не перестаю смотреть на Слоан. Слышу, как открывается дверь и шаги, но я даже не взгляну на этого мужчину, пока Слоан снова не посмотрит на меня. На ней новое платье. Черное. Как будто пришла на чертовы похороны. Волосы завязаны в пучок на затылке. Она выглядит утонченно. И чертовски сексуально. Мой член напрягается, и я хотел бы вывести ее в холл, поднять ее платье до талии и прижаться лицом между ее ног.

Я скучаю по ее запаху. Скучаю по мягкости ее бедер. Скучаю по тому, как сжимается все ее тело, когда я засовываю в нее свой член.

— Вы можете сесть.

Я сажусь.

Чёрт, тут жарко, как в Аду.

Слышу, как судья начинает говорить, и в это же время Пол протягивает мне лист бумаги.

Опускаю взгляд на бумагу.

«Ты должен повернуться лицом к судье, чтобы показать свое уважение».

Я смеюсь и беру ручку.

«К черту судью, и к черту тебя, Пол» — пишу я и протягиваю записку ему и снова переводя взгляд на Слоан.

Теперь она смотрит на меня. Ее взгляд прикован ко мне, губы сжаты в одну линию так крепко, будто она нервничает. Мне нравится это. Очень нравится, на само деле. Когда она смотрит на меня, то что-то чувствует, и совсем не думает о Люке.

— Я люблю тебя, — бесшумно произношу губами.

Глаза Слоан опускаются на мои губы, и я улыбаюсь ей. Затем этот гребанный идиот — *этот вонючий ебанный тупой ублюдок* — встает и идет к последнему ряду, прямо туда, где сидит она. Идет, пока не садится рядом с ней. Обнимает мою чертову невесту, а она закрывает глаза и прижимается к его плечу, будто бы с облегчением. Наши взгляды пересекаются с этим *ебанным тупым ублюдком, промывающим мозги* — и он наклоняется вперед, прикрывая ее от меня. Он смотрит на меня, будто угрожающе призывает отвернуться.

Я хочу убить его. На несколько секунд, я обдумываю варианты этого убийства.

Схватить пистолет охранника и пристрелить его. Подбежать к нему, и сломать шею. Взять ручку, которой только что писал, и воткнуть ее прямо ему в артерию.

Но ничего из этого я не делаю. Держу себя в руках, потому что уверен, что это дело обернется в мою пользу, и до следующего слушания меня выпустят.

Его убийство может подождать.

Я должен спланировать его убийство тщательнее и в более личной обстановке.

Решаю отвернуться. Не потому что боюсь Люка, а потому что должен убедить судью в том, что он может выпустить меня.

Стараюсь следить за каждым движением и словом обоих адвокатов. За каждым ответом судьи. Я улыбаюсь, когда судья смотрит на меня. Но внутри кровь кипит. От осознания того,

что Люк тут, сидит рядом с ней, обнимает ее. Скорее всего, это значит, что ночью она была с ним, пока я трахал свою собственную руку в тюремной камере. А еще это значит, что скорее всего он был внутри нее. Его пальцы, его член, его гребанный язык. Пробуя и забирая то, что принадлежит мне.

То, что должно было быть *только* моим.

Мой пульс учащается, когда судья поднимает свой молоток.

— Судебное дело откладывается.

Я медленно выдыхаю через нос. Смотрю на Пола.

— Что, черт возьми, сейчас произошло?

Он взглядом показывает, что я должен молчать. Я снова смотрю в конец зала, когда слышу плач Слоан. Люк помогает ей подняться, она обнимает его и плачет. Рыдает.

Она расстроена. Это не самые хорошие новости. Она расстроена из-за меня.

— Они отправляют дело в суд? — спрашиваю я Пола. — Ты сказал, что дело не дойдет до суда.

Пол трясет своей маленькой головой.

— Нет, судья решил не отправлять дело в суд. Что значит, что твое заявление о самозащите было принято. Ты должен вернуться в свою камеру, но только для того, чтобы внести за тебя залог. Это займет около четырех или пяти часов, но как только внесу залог, сразу приду за тобой.

Наблюдаю, как Люк помогает Слоан выйти из зала суда. *Тогда, почему она плачет? Если мои обвинения были отклонены, почему она плачет?*

— Как думаешь, сколько времени занимает восстановление после промывки мозгов? — интересуюсь я и обращаюсь.

Пол пожимает плечами, — О чем ты говоришь, Аса?

— Сколько времени займет терапия от промывания мозгов? Несколько недель? Месяцев? Больше года?

Пол смотрит на меня, а потом качает головой.

— Увидимся через несколько часов, Аса.

Он встает, поэтому встаю и я. Все те же четыре охранника выводят меня из зала суда.

Я должен быть чертовски рад тому, что обвинения отклонили. Следующее должно быть еще легче, потому что Пол сказал, что отдел Люка не выдвинул обвинений. Так что, пока я придерживаюсь плана о признании вины, никому не угрожаю и говорю им все, что они хотят знать о Джоне и Кевине, меня не будут судить за то, что я выстрелил в Люка.

Это многое говорит о нашей судебной системе. Я бы убил этого парня, если бы не эти долбанные шесть сантиметров, но они отпускают меня потому что я признался в том, что психически не здоров.

Я чертовски обожаю США.

Но все равно, кажется, что все мои усилия пошли к чертям. С того момента, как у меня появились подозрения, что кто-то промывает Слоан мозги, я продумывал эту сложную схему, но так и не привел ее в действие. Я должен был рассказывать, что подстроил спектакль с притворным полицейским, и это было очень тяжело для моего эго. Я, блядь, горжусь этим планом, и хотел бы, чтобы весь мир знал о том как безукоризненно все прошло.

Но без упоминания всей этой чепухи с шизофренией. *Искупался в одежде, несколько раз проверил, закрыта ли дверь, и люди уже решили, что я сошел с ума.*

Я должен был это сделать. Я знаю себя, и я знал, что если мои подозрения окажутся верными, и Слоан трахалась с кем-то другим, и я бы сорвался с удовольствием убил бы парня. Но я не мог убить кого-то, потому что меня сразу же признали бы психически больным. У меня должен был быть запасной план, что бы я не гнил большую часть своей жизни в тюрьме, как мой отец.

Возможно все было не напрасно. По крайней мере, я в любой момент могу оправдаться «шизофренией». Что скорее всего и сделаю, потому что Люк по прежнему дышит.

Вернувшись в камеру, я падаю на кровать, когда за спиной лязгает замок. Я не могу не улыбаться.

Все обернулось так замечательно. Слоан понадобится немного времени, чтобы прийти в себя, но знаю, что все будет хорошо. Особенно, когда Люк исчезнет навсегда. Мне придется привыкнуть к тем фактом, что Люк был внутри нее. Я вытрахаю его из нее. Просто буду трахать ее как можно чаще, в различных позах до тех пор, пока не перестану вспоминать его, глядя на нее.

— Чему ты так блядь радуешься? — спрашивает голос за спиной.

Я поворачиваюсь и смотрю на своего соседа по камере. Не могу вспомнить его имя. С тех пор, как мы оказались в одной камере, он задал мне миллион вопросов, но это первый

раз, когда отвечаю ему.

— Скоро я стану свободным человеком, — на моем лице расплывается. — А это значит, что я наконец-то смогу жениться на своей невесте.

Настоящая свадьба. С трехуровневым огромным кокосовым тортом.

Не могу не смеяться, от этой мысли.

Я иду за тобой, Слоан. Хочешь ты этого или нет.

Ты обещала любить меня.

Навсегда.

И ты, блядь, будешь.

Sloan

Я подношу чашку кофе ко рту, но из-за сильной дрожи в руках кофе выплескивается из чашки маленькими волнами.

Смотрю на часы на дальней стене. Три часа ночи.

Прошло два дня с тех пор, как Аса был выпущен. В день суда за него внесли залог. Люка и меня переселили в эту городскую квартиру в городе в целях защиты до следующего судебного заседания.

Квартира хорошая, но из-за того, что я боюсь выйти на улицу или даже выглянуть в окно, она больше похожа на тюрьму.

Люк уверял меня, что Аса не сможет найти нас здесь. Но Люк, наверное, не понимает, что даже если Аса будет сидеть в тюрьме всю оставшуюся жизнь, я буду постоянно оглядываться. А если Аса сам не сможет навредить мне или Люку, не стоит сбрасывать со счетов, что он кого-нибудь наймет для этого дела.

Оборачиваюсь, когда слышу, что открывается дверь спальни. Выходит Люк, протирая глаза. На его бедрах висят черные спортивные штаны и он без футболки, но повязка покрывает большую часть груди. Он босиком подходит к спинке дивана и я откидываю голову чтобы посмотреть на него. Он наклоняется и целует меня в лоб.

— Все хорошо?

Я пожимаю плечами.

— Не могу уснуть. Снова.

Его взгляд смягчается и он поднимает руку, убирая со лба мои волосы.

— Слоан, — говорит он тихо. — Тебе нечего здесь бояться. Он не сможет нас найти. Мы в безопасности до следующего судебного разбирательства, обещаю.

Снова киваю, но эти слова не успокаивают меня. Я никогда не перестану бояться Аса, неважно, насколько безопасно я буду себя чувствовать.

Люк обходит диван и садится, усаживая меня к себе на колени. Обнимает меня и спрашивает:

— Что мне сделать, чтобы помочь тебе заснуть?

Я улыбаюсь. Мне нравятся его методы отвлечения.

— Прошло всего две недели после выписки. Осталось еще две.

Его руки обхватывают мою задницу под его большой футболкой, которая на мне. Он скользит пальцами к краю трусиков, посылая мурашки по всему телу и выгоняя из головы все мысли об Аса за несколько секунд.

— Я не имел в виду секс с тобой, — говорит он. — Я больше склоняюсь к тому, что могу для тебя сделать.

Одна его рука скользит по моему животу, а потом поднимается вверх к груди. Большим пальцем поглаживает сосок, одновременно скользя языком по моим губам. Люк глубоко целует меня, а затем отстраняется, как только я начинаю чувствовать головокружение.

— Я буду осторожен, — обещает он. — Мои руки и рот сделают всю работу, но я прослежу, чтобы остальные части моего тела перенесли это спокойно. Хорошо?

Знаю, что должна способствовать его восстановлению, но каждый раз, когда он прикасается ко мне, меня это успокаивает. Заставляет меня меньше нервничать.

Мне нужно это прямо сейчас.

— Хорошо, — шепчу я.

Люк улыбается, и снимает с меня футболку. Его рот накрывает мою правую грудь, и почти сразу переходит к левой. Затем он толкает меня спиной на диван, и нависает надо мной. Его губы движутся по моему рту, шее, груди. Его дыхание согревает меня, пока рука проникает в мои трусики.

Он заставляет меня поднять одну ногу на спинку дивана, а вторую опустить на пол. Прижимается своими губами к моим и шепчет:

— Посмотри на меня.

Я открываю глаза, когда его пальцы проскальзывают в меня. Издаю стон, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми, ведь он любит сохранять зрительный контакт.

Мне тоже это нравится. Это ново для меня.

Раньше с Аса, я всегда плотно закрывала глаза, потому что не хотела смотреть на него.

С Люком я боюсь что-нибудь упустить. Я не хочу пропустить то, как он смотрит на меня, как реагирует на мои звуки. Мне нравится зрительный контакт.

Он надавливает большим пальцем, пока остальные его пальцы остаются во мне, и мы выдерживаем зрительный контакт не более тридцати секунд, потому что все, что требуется — это его прикосновения, чтобы окончательно отправить меня за грань. Как только я начинаю дрожать под ним, он прижимается к моему рту, проглатывая свое имя, срывающее с моих губ. Люк целует меня, пока я не успокаиваюсь, а затем опускается на меня. Я чувствую его твердость через штаны, и меня накрывает второй волной желаний.

— Думаю мне уже лучше, — говорит он, двигая бедрами против меня. — Уверен, уже можно оказаться внутри тебя.

У него хриплый голос — нуждающийся — и было бы очень просто спустить его штаны и позволить ему заполнить меня. Но я буду чувствовать себя ужасно, если что-нибудь случится из-за нашей нетерпеливости. Его сердце может быть еще достаточно сильным для этого.

— Как насчет компромисса? — шепчу я. — Еще одна неделя и мы попробуем очень медленно.

Люк стонет мне в шею, но отодвигается.

— Еще одна неделя, — соглашается он. — Но тогда будь готова к нескольким разам за день. Мне многое нужно будет наверстать. — Я смеюсь, и он ложится рядом, притягивая к себе. Я кладу руки на его грудь и пробегаюсь пальцами по повязке.

— Интересно, как будет выглядеть шрам, — шепчу я.

Его рука проникает в мои волосы, и пропуская их через пальцы, спускается вниз на спину, и по руке.

— Не знаю, — отвечает Люк. — Но надеюсь, ты будешь много его целовать.

Я смеюсь.

— Не волнуйся, когда мы разберемся со всем, тебе придется удерживать мой рот подальше от себя. Мне слишком сильно нравится твое тело, — я поднимаю взгляд. — Это глупо? Что мне нравится смотреть на тебя без рубашки?

Люк с усмешкой качает головой.

— Не-а. Первое, что привлекло меня в тебе — твоя задница.

— Я думала, это были слюни на подбородке, когда в первый день ты разбудил меня в классе.

Он кивает.

— Точно. Ты права. Это определенно были слюни.

Я смеюсь. Мне нравится, что он может рассмешить меня в такие нелегкие для меня времена. Наши губы встречаются, и мы целуемся как минимум пять минут. Пока он опять не начинает твердеть подо мной. Я чувствую себя ужасно из-за того, что Люк так сильно мучается, но нет никакого способа, чтобы я позволила ему пойти против рекомендаций врачей. Мне нужно, чтобы он был максимально здоров так скоро, как может. Я отталкиваю его и пытаюсь сменить тему, которая поможет его успокоить.

— Как думаешь, ты скоро увидишь маму? — спрашиваю его.

Люк много рассказывал о своей матери. Ненавижу то, что мы сейчас прячемся, потому что из-за этого Люк сможет увидеть ее только после следующего слушания, когда Аса, я надеюсь, снова окажется за решеткой.

Конечно, есть шанс, что Аса снова будет выпущен на свободу. Но мы не говорим о такой вероятности.

— Мы увидимся с ней, когда все это закончится. Ты ей понравишься.

Я улыбаюсь, не представляя, каково это иметь мать, которая любит тебя. Начинаю думать о своей единственной семье — Стивене — и моя улыбка исчезает.

Люк замечает смену настроения и проводит костяшками пальцев по моей щеке.

— Что случилось?

Не хочу его беспокоить.

— Просто подумала о Стивене, — говорю я. — Надеюсь, он в безопасности.

Люка опускает руку и переплетает наши пальцы.

— Он в безопасности, Слоан. У него двадцатичетырехчасовая охрана. Тебе не нужно о нем волноваться, я об этом позаботился.

Меня бесит то, что Аса поставил нас в такую ситуацию. Ситуацию, когда я не могу даже увидеть собственного брата. Люк не может увидеть собственную мать. Мы не можем покинуть эту квартиру. И должны все время волноваться о безопасности всех, кого любим.

Это не правильно.

Я ненавижу Аса Джексона. Ненавижу то, что когда-то познакомилась с ним.

— Люк, я хочу, чтобы Аса заплатил, — шепчу, уставившись на его грудь. Я не могу смотреть ему в глаза, когда полна такой ненависти. — Я хочу, чтобы Аса страдал худшим из возможных способов. И от этого чувствую себя таким ужасным человеком.

Губы Люка прижимаются к моему лбу, мягко и нежно.

— Он заслуживает того, чтобы отправиться в тюрьму до конца своей жизни, Слоан. Ты не должна чувствовать себя виноватой за это.

Я отодвигаюсь и смотрю ему в глаза.

— Нет, не такого рода жажда мести. Тюрьма не повлияет на него так, как на большинство людей. Я хочу, чтобы ему было по-настоящему больно. Хочу, чтобы он увидел, как сильно я тебя люблю. Чтобы он осознал, что я люблю тебя и выбрала тебя вместо него. Это бы его разрушило.

В глазах Люка появляется вспышка понимания, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Если это делает тебя плохим человеком, тогда мы пара злодеев. Потому что я бы все отдал, чтобы заставить его так страдать.

Это странно, но его слова заставляют меня улыбнуться. Наверно когда тебя очень сильно задели, месть становится единственной целью, которая может заставить двигаться дальше. Это не нормально. Я знаю это, и уверена Люк тоже это знает. Но даже понимая разницу между правильными и неправильными поступками, не возможно изменить то, что чувствуешь. И остается только ощущать вину за свои чувства.

Прижимаюсь к Люку и кладу голову ему на грудь.

— Иногда, — шепчу я, — у меня такие ужасные мысли...

Я замолкаю, потому что не уверена что должна произносить это вслух.

Люк губам прижимается к моей голове, и положив руку на плечи, говорит:

— Расскажи мне, Слоан.

— Ты будешь плохо думать обо мне.

— Я никогда не смогу.

Закрываю глаза, не зная наверняка, как Люк воспримет мою исповедь. Но станет легче, просто высказаться, рассказать хоть кому-нибудь сколько ненависти я сдерживаю.

— Иногда... я хочу, чтоб хоть один раз Аса увидел, как ты меня трахаешь. Это единственное, что могло бы убить то, что осталось от его души. Иногда я хочу, чтобы он был вынужден смотреть, как ты берешь то, что по его мнению, принадлежит ему...

Довольно долго Люк молчит. Мне становится стыдно, что я призналась в этом вслух. Не хочу, чтобы Люк подумал, что у меня фантазия, в которой Аса смотрит на то, как мы получаем удовольствие. Это далеко не так. Зная Аса, именно это ранит его больше всего. Вот какая у меня фантазия — мой личный способ отомстить ему.

— Слоан, — наконец говорит Люк. — Ты много чего натерпелась от Аса незаслуженно. Гораздо больше, чем кто-либо мог вытерпеть. И это совершенно нормально что ты хочешь, чтобы он страдал. Никогда не чувствуй себя виноватой. Никогда.

Я вздыхаю с облегчением от его слов. Люк обнимает меня еще крепче.

— А как бы ты сам хотел отомстить?

Люк усмехается.

— Единственная моя месть — посмотреть как ты осуществишь свою личную месть. Я просто хочу чтобы ты пришла в себя. Стала прежней. Поэтому я хочу того, что принесет тебе успокоения.

Я люблю его. По-настоящему люблю. Так чертовски сильно. Поднимаю голову с его груди и говорю:

— Я люблю тебя, Люк.

Он сжимает мое лицо и говорит:

— Я тоже тебя люблю, малышка, — а затем он целует меня.

Но вдруг останавливается.

Раздается грохот.

В нашу входную дверь кто-то сильно тарабанит. Я сразу же ощущаю ужас, кожа покрывается мурашками, а руки снова начинают трястись.

Люк уже стоит. Даже не заметила, когда он вскочил с дивана. Он бросает мне мою футболку и показывает надеть ее. Пересекает гостиную, и хватает пистолет со стола.

Снова стуки в дверь.

Люк жестом показывает мне подняться и следовать за ним. встаю.

— Кто знает, что мы здесь? — спрашиваю его.

— Только Райан, — отвечает он, направляясь ко входной двери. Я иду за ним. Он наклоняется и смотрит в глазок. Отстраняется и прижимается спиной к стене у двери.

— Это Райан, — шепчет он.

Я выпускаю глубокий, сдерживаемый вздох.

— Слава Богу, — шепчу я.

Но Люк не двигается. Его пистолет до сих пор поднят, а глаза впились в мои.

— Что случилось? — шепотом спрашиваю я.

Люк делает быстрый вдох, а затем выдох.

— Он не потирает шею.

Luke

Слоан тут же бледнеет. Она знает наш с Райаном невербальный сигнал, когда все чисто. И теперь она понимает, что там не безопасно.

Снова смотрю в глазок, надеюсь, что просто пропустил сигнал. Но Райан по-прежнему не потирает шею. И сейчас четыре часа утра. Зачем ему быть здесь?

— Открой дверь, Люк, — призывает Райан. — Я знаю, что ты там.

Райан смотрит прямо в глазок. Но я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять — он

надеется я не открою дверь.

Если ко всему этому причастен Аса, то зачем Райан привел его сюда?

Я снова смотрю в глазок и вижу, как Райан смотрит влево, как будто слушает, как кто-то отдает ему приказы. Райан вздыхает и снова смотрит на дверь.

— Он взял Тилли. Если ты не откроешь дверь, он прикажет им убить ее. Он единственный, кто знает, где она находится.

— Блять, — шепчу я, прижимаясь головой к стене. — Блять.

Не могу поверить, что Райан пожертвовал Слоан в такой ситуации. Не могу поверить, что он привел его сюда. Здесь должно быть что-то еще. Райан бы сначала рискнул своей жизнью, прежде чем чьей-то другой.

Я смотрю на Слоан, и слезы текут по ее щекам. Ее глаза широко раскрыты от страха.

Снова смотрю в глазок, когда в поле зрения появляется Аса, с направленным пистолетом к голове Райана.

— Не забудь сказать ему, кто еще у меня есть, — добавляет Аса достаточно громко, чтобы я услышал его через дверь.

Райан закрывает глаза с сожалением.

— Люк, — говорит он. — Его человек находится у дома моей сестренки. Мне жаль, Люк. Прости.

Я закрываю глаза. Младшая сестра Райана — единственная, кого он будет защищать больше, чем кого-либо в этом мире. Теперь это имеет смысл. И из-за того факта, что Аса оказался достаточно умным, чтобы провернуть все это, мне страшно за жизнь Слоан. Вынимаю телефон, чтобы набрать 911.

— Если ты позвонишь в полицию и меня арестуют, они все будут мертвы, — предупреждает Аса. — Тилли. Сестра Райана. И Райан. Мои ребята получили строгий приказ. Я даю тебе три секунды, чтобы открыть эту дверь.

Теперь Слоан рыдает, и качая головой, умоляет меня не открывать дверь. В два шага я оказываюсь прямо перед ней. Провожу большим пальцем по своей нижней губе и шепчу:

— Прости меня, Слоан.

Затем, схватив ее за руку и притянув к себе, прижимаю пистолет к ее голове и открываю дверь.

Первым делом Аса смотрит на Слоан. Потом его взгляд скользит по пистолету, который я прижимаю к ее голове.

— Сукин сын, — выплевывает он.

Я и Слоан делаем шаг назад в гостиную, когда Аса пробирается внутрь, держа пистолет у головы Райана.

— Похоже, у нас затруднительное положение.

Я пожимаю плечами.

— Не совсем. То, что у тебя есть против меня — это всего лишь расходный материал. То, что у меня против тебя — нет.

Слоан очень сильно трясется, и меня чертовски убивает, то что я делаю это с ней. Но Слоан знает — она — это единственный инструмент торга, который мы можем использовать. Аса никогда не хотел ее смерти, так что надеюсь, она понимает, что это может быть нашим единственным выходом.

Это риск, но у нас нет вариантов.

Наши взгляды с Аса встречаются.

— Отпусти ее, Люк. Я отпущу Райана, мы со Слоан уйдем, и все будет как раньше.

Я никогда не отдам ее в руки Аса. Никогда. Даже если ему придется убить меня первым.

— Аса, — говорю я, отступая назад. — Помнишь последний раз, когда мы были заперты в одной комнате? Тебе было очень интересно узнать подробности моего первого раза со Слоан.

Его адамово яблоко подпрыгивает.

— Тебе все еще интересно услышать об этом?

Аса угрожающе дергает пистолетом, прижимая дуло к подбородку Райана, заставляя его поднять голову.

Я делаю то же самое со Слоан. Она начинает плакать еще сильнее.

— В первый раз я поцеловал ее в вашей спальне, — продолжаю я. — Прямо около вашей кровати.

— Закрой свой ебанный рот, Люк, — орет Аса. — Или его чертовы мозги сейчас разлетятся по всей квартире.

Я киваю.

— Если ты это сделаешь, то увидишь, как Слоан выглядит изнутри.

Аса морщится. Он в моих руках.

— Думаешь, я расстроюсь, если она умрет? — спрашиваю я. — Таких как она миллион, Аса. Она ничего для меня не значит. Она привела меня к тебе, а это все, что меня когда-либо волновало. Она просто шлюха, которая использовала тебя ради денег. Неужели ты думаешь, я привел бы такую девушку домой к маме?

Аса опускает голову и щурится.

— Думаешь, я поверю? Хорошая попытка, Люк. Но я знаю, ты хочешь оставить ее себе, иначе твоей задницы не было бы здесь. Теперь скажи мне, что тебе нужно, чтобы отдать ее мне. Живой.

— Я пока не могу этого сделать, Аса. Ты прав, я не хочу от нее отказываться. Я трахнул ее лишь один раз. Она задолжала мне хороший трах или даже два.

Шея Аса напрягается. Это по-настоящему задело его. Я вижу, что теперь он больше сосредоточен на мне, чем на Райане. Нужно еще немного надавить.

— Хочешь узнать, как это было, когда я в первый раз трахнул ее?

Аса качает головой.

— Не особенно. Я хочу чтобы у меня не было необходимости убивать тебя или твоего напарника. Хочу, чтобы ты отдал мне Слоан, чтобы мы смогли дальше жить своей жизнью.

— Ты вырубился в своей постели наверху, — я не останавливаюсь, и прижимаюсь щекой к Слоан. Чувствую ее слезы и мое сердце сжимается с каждой секундой, что я заставляю ее проходить через это, но у меня нет другого выбора.

— Тогда Слоан только что вышла из бассейна, и ее бюстгалтер и трусики были мокрыми. Соски были твердыми как блядь камни. И знаешь, что она сделала, Аса?

Он не отвечает, поэтому я продолжаю.

— Она подошла прямо ко мне, прижалась своими твердыми сосками к моей груди, а начала выкрикивать бред. Сказала, что знала, что я работал под прикрытием. Угрожала рассказать тебе. Поэтому я сделал то, что любой парень бы сделал в этой ситуации. Я повел

ее за дом, прижал к стене и поцеловал, чтобы заставить замолчать, — я выдавливаю из себя ехидную улыбку. — Ей понравилось, Аса. Она стонала так громко, что я испугался, что эти крики могут тебя разбудить. Затем она обернула вокруг меня свои ноги, давая понять, как сильно меня хотела. Я отнес ее к своей машине, где она меня оседлала. Она скользила прямо по моему члену и трахала меня в моей машине, пока ты спал наверху. Она трахнула *меня*, Аса. Она не трахала Картера. Она трахала Люка. Копа. Она трахалась со мной, зная, что я был там для того, чтобы арестовать тебя. — я подталкиваю Слоан вперед на шаг, подходя ближе к Аса, чтобы вонзить этот нож еще глубже. — Что ты теперь чувствуешь? Зная, что сильнее всего Слоан возбудилась, узнав что я коп под прикрытием, работающий против тебя, чем когда думала, что я просто очередной дилер, как ты?

Ноздри Аса раздулись. Он с ненавистью пожирает взглядом Слоан.

— Это правда, детка? — спрашивает он, его голос пронизан страхом ожидая ее ответа. Слоан права. Она — единственное, что может его сломать. — Ты знала, что он полицейский, когда трахалась с ним?

Слоан смотрит на Аса, от страха у нее частое дыхание. Она кивает.

— Это правда, Аса, — шепчет она. — И это был лучший, блять, оргазм в моей жизни.

Буквально за доли секунды я вижу, как ее слова разбивают ему сердце. Рассекают всю его душу пополам. Он хмурится и быстро выдыхает, отказываясь верить в слова, которые она только что произнесла.

Доля секунды — это все, что нужно, чтобы направить свой пистолет в его сторону. Я нажимаю на курок, и попадаю в руку, что держит пистолет.

Когда вылетает вторая пуля, Райан вырывается и выхватывает пистолет у Аса, прострелив каждую ногу.

Слоан обнимает меня, одной рукой я крепко держу ее, а другой направляю пистолет прямо в голову Аса. Мой палец на спусковом крючке, и я держусь изо всех сил, чтобы не выстрелить в него. Закончить его гребанную никчемную жизнь.

Райан видит это на моем лице.

— Не делай этого, Люк, — просит он.

Аса падает на пол и Райан защелкивает наручники у него за спиной.

— Где Тилли? — рычит Райан.

Аса встречается с ним взглядом. У него четыре пулевых ранения — и ни одно из них не угрожает жизни — но на его лице торжественное выражение, словно он даже чувствует

физическую боль.

— А хрен ее знает, — отвечает он.

Райан бьет прикладом пистолета по лицу Аса. Брызги крови оказываются на стене. Он хватается за телефон Аса из кармана и говорит:

— Звони им! Прямо сейчас! Ты прикажешь отпустить Тилли и мою сестру, ты, кусок дерьма!

Аса смотрит на него, смеясь.

— С твоей сестрой просто повезло, — говорит он. — Нашел ее в интернете. Посмотрел адрес. У ее дома никого нет, ты, доверчивый кусок дерьма.

Райан долго и упорно смотрит на него, а потом достает свой телефон и набирает номер.

— Ты в порядке?

Делает паузу.

— Тилли, ты, блядь, в порядке? Это не шутка! Где ты?

Райан закрывает глаза, а затем снова ударяет Аса по голове.

— Ты, жалкая тварь!

Райан звонит своей сестре.

— Привет, — говорит он. — Я послал полицию к тебе домой. Не волнуйся, мне просто нужно убедиться что ты в порядке.

Когда Райан вешает трубку, он смотрит на меня и качает головой.

— Мне очень жаль, Люк, — говорит он. — Я не знал, врет он или нет. Я не мог рисковать.

— Я сделал бы то же самое.

Райан проверяет наручники за спиной у Аса, а затем идет к двери.

— Я позвоню в полицию, чтобы забрали этого гребанного ублюдка. Буду внизу. Держи его на прицеле, пока они не приедут за ним.

Как только дверь закрывается, я притягиваю к себе Слоан, крепко обнимая.

— Мне очень жаль. Прости, что пришлось это сделать. Прости, что приставил пистолет к твоей голове и говорил такие вещи.

Она приподнимается на цыпочки и целует меня.

— Ты спас мне жизнь, Люк. Не извиняйся, я знала, что ты делаешь.

— Отвали от нее, — шипит Аса.

Мы оба оглядываемся на него. Аса закован в наручники, джинсы все в крови, что сочится из его ног.

Но его видимо не волнует, что он ранен четыре раза. Аса смотрит на Слоан с яростью в глазах.

Все, о чем я могу думать — это Слоан и какое облегчение я испытываю, зная что этот ублюдок определенно окажется в тюрьме.

По крайней мере, Слоан будет чувствовать себя безопаснее.

Но она все еще не отомстила.

Asa

Ебаный петух. Его руки на ней, его губы в ее волосах. Ощущение, будто мой живот разрезают изнутри гребанным мачете. Каждый раз, когда он касается ее, я чувствую вкус блевотины.

— Убери от нее свои руки, — шепчу я.

Глаза Слоан встречаются с моими, и она подходит к Люку, прижимаясь спиной к его груди. Она оборачивает его руки вокруг своей талии.

— Я не хочу, чтобы он убирал свои руки от меня, — шепчет она. — Он заставляет меня чувствовать, Аса. То что ты никогда у тебя не получалось.

Слоан поднимает свою футболку и скользит рукой Люка под нее.

Какого хрена она делает?

Теперь мне и в самом деле пиздец как сложно контролировать дыхание. У меня никогда не было такой сильной ненависти. Если бы от меня потребовалось принять церковь, только чтобы я смог поверить в дьявола, к которому отправится Лук, я бы никогда не пропустил ни одну ебанную службу.

Глаза Люка удерживают мой взгляд, когда он прижимается ртом к ее шее. Я вижу его руку,двигающуюся под ее футболкой, прямо на груди. Он сжимает ее сиськи и я давлюсь рвотой.

— Слоан, — говорю я, с отчаянием в голосе. — Детка, остановись. Не позволяй ему прикасаться к себе, тебе не нравится.

Я из-за всех сил пытаюсь вырваться из этих гребаных наручников, но они начинают кровоточить в тех местах, где металл режет кожу.

Слоан откидывает голову назад, пока не прислоняется к плечу Люка, но продолжает смотреть на меня сверху вниз.

— Помнишь, как мы впервые занялись сексом, Аса? Той ночью, когда ты лишил меня девственности?

Я качаю головой, желая, чтобы она замолчала. Это был особенный день. Люк не должен знать об этом, это мой день.

Та ночь — это моя ночь. Хорошие девочки не разговаривают, так как она сейчас.

Вторая рука Люка ложится на ее живот и начинает медленно сползать вниз. Слоан стонет стоя прямо передо мной.

Ебанный пиздец, блять.

— Я сказала тебе, что не готова, — говорит мне Слоан. — Но когда я проснулась, ты был на мне.

Я качаю головой.

— Остановись, Слоан. Не говори так со мной, детка. Ты не это имеешь в виду.

— Каждый раз, когда я вспоминаю ту ночь, меня тошнит, — шепчет она. — Мое горло горит каждый раз, когда я думаю о том, как ты забрал такую особенную для меня часть и присвоил себе, ради своего собственного удовольствия.

Мои глаза следят за тем, как рука Люка исчезает в трусиках Слоан.

Чувствую эту хрень на своем лице. Мокрое дерьмо. Слезы. Я буду убивать его очень медленно, он будет умолять меня забрать свою жизнь.

— День, когда я узнала, что ты лгал о помощи Стивену? — продолжает она, постанывая между предложениями. — Я так тебя боялась, что позволила переспать со мной той ночью.

И пока ты трахал меня я все это время плакала, потому что это было последним местом, где я хотела находиться. Ты был последним человеком в мире, чьи прикосновения я хотела.

Слоан начинает напрягаться под рукой Люка.

Она поднимает руку и хватается за шею Люка.

— Я ненавижу тебя, Аса. Я тебя ненавижу всей душой.

Она разворачивается и, опираясь на диван, притягивает Люка к себе. Позволяет ему целовать себя, пока его рука все еще внутри нее.

Я не могу блять смотреть на это.

Я отворачиваюсь.

— Открой глаза, Аса, — приказывает Люк.

— Да пошел ты.

Я слышу его шаги, а потом чувствую, как он хватается за волосы. Прижимает мою голову к стене позади меня и удерживает, пока я не смотрю на него.

— Ты будешь, блять, смотреть или я заклею твои чертовы глаза так, что они всегда будут открыты, — говорит он.

Люк возвращается к Слоан и стягивает с нее трусики вниз до лодыжек. Она отбрасывает их.

Я хотел бы отвернуться, но до сих пор не верю, что она это делает. Никаких вариантов, что она сделала бы это передо мной. Она не примет его в себя.

Люк поднимает ее футболку, оголяя грудь, а затем обхватывает сосок ртом.

О, Боже.

Она не хочет этого.

Она не позволит ему войти в себя.

Она никогда бы не поступила так со мной.

Слоан хватается за его волосы обеими руками и просит:

— Трахни меня, Люк. Возьми то, что принадлежит себе прямо сейчас.

Я не могу дышать.

Она залезает ему в штаны.

Толкается ему навстречу.

Боже. Нет.

— Люк, — выдыхает она.

Нет.

Детка, нет.

У меня болит в груди.

Блять.

Блять.

Нет.

— Боже, Люк. Да. Да.

Нет, нет, нет.

Я пытаюсь набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы попросить ее остановиться, но, блять, я не могу говорить.

Бьюсь головой об стену позади.

Раз.

Хочу остановить ее.

Два.

Хочу остановить его.

— О, Боже, — стонет она и встречается со мной взглядом. — Я и не знала, что это может быть так хорошо.

Три.

Четыре.

Физическая боль даже близко не стоит с тем, что Слоан делает со мной.

Она оборачивает свои руки вокруг его шеи.

— Я люблю тебя, Люк, — врет она ему.

Ее зубы впиваются в его плечо, когда он отвечает:

— Я тоже тебя люблю, малышка.

Я бьюсь головой в пятый раз.

Шестой.

Слоан говорит:

— Я буду любить тебя вечно, Люк. Только тебя.

И в этот момент она вырывает мое сердце из груди. Запрокидывает голову назад и стонет. Все ее тело сотрясается так, как я никогда не видел.

Мне хочется умереть.

Слышу, как он стонет. Кряхтит у ее шеи, находясь глубоко внутри нее, даже без гребанного презерватива. Он пачкает ее.

Губит.

Я хочу умереть.

Закрываю глаза, чтобы не видеть последствий.

— Убей меня, — шепчу я. — Просто убей меня.

Я слышу вой сирен.

Блядь, твою мать! Последнее, что я хочу, это оказаться с этими видениями в тюрьме.

Открываю глаза когда они заканчивают. Слоан надевает свои трусики.

— Чертова шлюха, — говорю я ей. — Шлюха, просто убей меня.

Слоан еще раз прижимается губами к Люку, а затем выпрямляется и идет ко мне.

Наклоняется передо мной. Я хочу вытянуть руку и придушить ее, но уверен, что потерял слишком много крови, чтобы сейчас даже просто поднять руки.

— Никто не собирается убивать тебя, Аса. Оставшуюся часть своей жизни, каждый раз, когда ты будешь закрывать глаза в тюрьме, я хочу, чтобы ты видел меня. С Люком. Как Люк трахает меня. Как Я Выхожу Замуж За Люка. Рожая детей от Люка.

Слоан наклоняется ближе, пока я не чувствую запах секса. Она смотрит мне прямо в глаза и шепчет:

— И каждый год 20 апреля, моя прекрасная семья будет праздновать твой день рождения с большим, огромным, кокосовым тортом, ты, жалкий ублюдок.

Она встает и хватает Люка за руку. Он обнимает ее и держит до тех пор, пока дверь не открывается.

Кругом пистолеты.

Нацеленные на меня.

Но все, что я вижу — это Слоан.

Гребаная шлюха улыбается, и это я вижу.

Глава 47 ПРОЛОГ

Sloan

Два года назад.

Прошло две недели с тех пор как Стивену одобрили финансирование проживания в лечебном центре. Лучшего времени для этого было и не придумать — прямо перед началом первого семестра в колледже. Я бы солгала, если бы сказала что не переживаю из-за нашего отдельного проживания, но мне гораздо спокойнее, что он живет там, а не с матерью. Конечно же, моя главная цель это перевезти его к себе, но пока это сложно сделать, ведь я сама пока без постоянного жилья.

Всю свою жизнь я присматривала за Стивеном. Поэтому, даже и не думала, что могу поступить в колледж. Во всяком случае, за месяц до окончания старшей школы, пока не узнала от школьного консультанта о финансовой поддержке, и что я могу получить для Стивена помощь от государства. Судя по всему, у матери всегда была возможность подать заявление, но для этого необходимо приложить усилия. Плюс у нее была я, чтобы заботиться о брате.

Я считала, что если моя мать законный опекун Стивена, а ему только шестнадцать лет, то это означает, что он вынужден жить с ней, пока не подрастет, чтобы получить

дополнительную помощь.

Но теперь, все иначе. Я узнала о финансовой поддержке и я официальная первокурсница. Проблема лишь в том, что мне не хватило денег на комнату в общежитии, поэтому какое-то время мне придется жить у себя дома.

Вроде как.

Иногда я остаюсь ночевать у друзей (ну ладно, у знакомых), потому что от кампуса до дома ехать час. Обычно я добираюсь на автобусе, но только когда у меня есть деньги на проезд. Но когда уроки назначены на два дня подряд стараюсь найти место где переночевать. В последнее время это происходит чаще, потому что каждый раз когда нахожусь в одной комнате с матерью, мы начинаем драться. Я терпела ее как могла, но теперь когда Стивен больше здесь не живет, тут сложно находиться.

Когда я слишком долго думаю о своей жизни, то испытываю своего рода стресс. Я не живу в общежитии, у меня нет денег на съемное жилье, ночую на диванах знакомых, в надежде, что достаточно часто сменяю ночлег, так чтобы никто не догадался, что я хожу постоянно с рюкзаком, не желая возвращаться в дом матери.

И у меня предчувствие что моя карма, в конце концов наградит меня. И возможно это уже происходит. Мне больше не придется беспокоиться о Стивене, как раньше, теперь он живет в медицинском центре. И это означает... что теперь я смогу пожить для себя. Каждый мой день был похож на предыдущий. Проснуться, одеться, одеть Стивена, сесть на автобус, высадить его у школы, поехать в свою школу, забрать Стивена со школы, ехать на автобусе домой, приготовить ужин, помочь Стивену поесть, дать ему таблетки, искупать его, уложить в кровать, выполнить домашнее задание, лечь спать. На повторе.

Но теперь... я чувствую некую свободу. Не то чтобы Стивен был всегда обузой для меня. Я люблю его и все для него сделаю, но так приятно, когда у меня наконец есть время на себя. Вот только если бы знала что с ним делать. После учебы я не знаю куда податься, и большую часть времени провожу в библиотеке. Я подала заявление на получение работы в кампусе, и нахожусь в листе ожидания на две должности. Ещё подала запрос на работу в Макдональдс, что на одной улице с колледжом, но видимо каждый бедный студент хочет тоже работать там.

Между тем, пока я не получу работу и не начну копить на собственное жилье для себя и Стивена, я продолжу стараться выживать. И продолжу надеяться, что Стивену нравится как о нем заботятся. Больше всего хочется верить, что финансирование не урежут и что брат будет расти в хорошем месте, где о нем заботиться. Потому что я никак не смогу дать ему должного ухода, пока пытаюсь ходить в колледж и ищу работу.

В общем, сейчас у меня не идеальная жизнь, но все налаживается. Медленно, но верно.

И сидеть рядом с этим парнем, который иногда появляется на уроках истории, одно из

немногих удовольствий, которые я получаю от жизни прямо сейчас.

Мне всегда становится очень неловко когда это парень появляется в классе, надеюсь, он не смотрит в мою сторону. У меня никогда не было денег, чтобы купить красивую одежду или сделать прическу с маникюром. Я и рядом не стою с теми девчонками, что флиртуют с ним в классе. У меня темные длинные волосы и поскольку я не могу себе позволить стрижку или прическу, то просто отращаиваю их до тех пор пока сама не смогу подстричь кончики.

Иногда мне кажется, что я выделяюсь среди всех в колледже, но не с хорошей стороны. Я бы предпочла слиться со всеми. Раствориться в толпе.

Хочу быть полной противоположностью этого парня. По-моему, его зовут *Аса*. Наверно он один из самых красивых парней, которых я когда-либо встречала. И это не только из-за его внешности, а из-за его уверенности в себе. Никогда не встречала ничего подобного. Аса с такой уверенностью заходит в класс, широкие плечи чуть оттянуты назад, голова поднята вверх, а глаза сканируют комнату, как бы говоря: "Только попробуйте мне что-нибудь сказать, насчет того что я появляюсь тут всего один раз в неделю". Даже учитель не в состоянии сделать ему выговор и вроде, тоже нервничает в его присутствии.

Когда в класс заходят другие ученики, они входят с опущенными головами, взгляд прикован к полу, они подходят к своим партам и даже не замечают, что кто-то наблюдает за ними. Но, кажется, Аса хочет, чтобы все пялились на него. Как будто он очень расстроится, если не заполучит внимание каждого ученика.

И, насколько мне известно, ему не о чем беспокоиться. Он получает это внимание и даже больше.

Я разглядываю его, пока учитель монотонно рассказывает о гражданской войне. У него очень красивые волосы. Не могу удержаться и представляю, какими бы они были мокрыми. Как бы они смотрелись с моей запущенной рукой в них. Каково было бы, если бы он стоял передо мной и смотрел на меня так, как если бы тоже хотел прикоснуться к *моим* волосам.

Сомневаюсь, что Аса хоть раз взглянул в мою сторону, но мне нравится представлять, что иногда он смотрит. Я представляю, каково это быть объектом *чьего-то* внимания в реальности. У меня не было времени на парней из-за обязанности ухаживать за Стивеном. Это все равно, что работа няни, которая никогда не заканчивается, ни на выходные, ни на праздники. В старшей школе ребята часто приглашали меня на свидания, но я не знала, как оставить Стивена одного. Хотя мне хотелось с кем-нибудь встречаться. Мне хотелось всего, чего обычно хочется девочкам-старшеклассницам. Парня, первого поцелуя и все, что с этим связано.

Однажды, я пребывала в таком отчаянии получить свой первый поцелуй, что когда парень, в которого я была влюблена, наконец, позвал меня на свидание, предложила ему приехать ко мне. Таким образом, я бы познакомилась с парнем поближе, и в то же время следила за Стивеном. В ту ночь матери не было дома, поэтому я тщательно готовилась к его

приезду. Но прямо перед его звонком в дверь, у Стивена начался приступ за обеденным столом. У меня ушли все силы чтобы успокоить его, но к тому времени как все закончилось, мы оба были испачканы. Вся еда была на нас, волосы в картошке, рукав рубашки порван.

Я открыла дверь запыхавшаяся и обессиленная. Парень тогда посмотрел сначала на меня, потом на Стивена и на весь беспорядок, что брат устроил на кухне и попятился от нашего дома. "Может в другой раз", — сказал он на прощание.

Но после так ни разу и не позвал меня на свидание. И я больше чем уверена, он рассказал об этом всем ребятам в школе, потому что после того случая меня никто не приглашал на свидания.

Иногда парни бывают настоящими говнюками.

Я отвожу взгляд от Аса и смотрю на доску, дописывая, что попустила, пока летала в облаках. Быстро пишу, но тут в ручке заканчиваются чернила.

Трясу ее и пытаюсь снова писать, но она не пишет.

Я не взяла в класс сумку, поэтому запасной у меня нет. Продолжаю заставлять ее писать и, когда в классе раздается шум царапающей ручки, я чувствую на себе взгляд Аса.

Мне даже не нужно поднимать голову. Я чувствую на себе его взгляд, как он рассматривает мою уродскую одежду, мои уродские ногти, волосы, отсутствие макияжа. Мне хочется заползти под парту и скрыться от его пристального внимания, но уже слишком поздно.

— Вот.

Дерьмо.

Я не хочу на него смотреть, но Аса протягивает мне ручку, пытаюсь передать ее. Все тело наполняется жаром — от корней волос до глубины живота.

Когда я поднимаю голову и впервые встречаюсь с ним взглядом, у меня перехватывает дыхание. У него совершенное лицо. Сильная челюсть, две пухлые губы — влажные и манящие. Когда он улыбается мне, ямочки в уголках его рта придают суровость его чертам, не потерявшие мальчишеское обаяние.

Я бы могла бесконечно говорить о совершенстве его внешности, но я не из тех людей. Я не настолько поверхностна.

Ведь так?

Мне не важно, что его волосы достаточно густые чтобы ухватиться за них. Мне не

важно, что его руки выглядят так, будто он без труда сможет поднять меня одной рукой. Мне все равно, что его голубая футболка идеально облегает его грудь и не обязательно запускать руку под футболку, чтобы точно знать, где проходит контур его шести кубиков пресса.

Ничего из этого не имеет для меня значения. Я не такая.

Так почему же мне так трудно дышать?

Аса по-прежнему протягивает мне ручку. Усмехается над моим молчанием, а потом пододвигает стул ближе и кладёт ручку мне на парту. Подмигивает и переводит внимание на доску.

Я опускаю взгляд на ручку. Снова смотрю на Аса и вижу, что он перестал писать.

Он отдал мне свою единственную ручку?

Беру ручку и заставляю себя дописать конспект, несмотря на то что полностью поглощена мыслями что нужно будет поблагодарить и вернуть ему ручку. А это значит, что я должна буду заговорить с ним.

Когда профессор заканчивает свою лекцию, у меня начинают трястись руки. Я посмешище! Собираю рюкзак и до того как он встает, прохожу мимо и пробубнив "спасибо", кладу ручку на парту и пулей вылетаю из класса.

Выхожу из класса на ватных ногах, но не успеваю пройти и десяти шагов, мне на плечо ложится чья-то рука.

— Привет.

Я закрываю глаза, потому что этот голос звучит еще сексуальнее, когда обращён ко мне в такой близости. Когда я оборачиваюсь и смотрю на него, Аса глядит на меня сверху вниз, а его ямочки тонут в его самодовольной ухмылке. Глаза считывают каждый сантиметр моего лица и я отдала бы все на свете, лишь бы узнать, о чем он думает, разглядывая меня. Аса прислоняется к шкафчику рядом со мной и спрашивает:

— Как тебя зовут?

О, Боже.

Он собирается пригласить меня на свидание.

Парень, от которого я никогда это не ожидала, заметил мое существование. И по каким-то причинам, еще и хочет пригласить меня погулять. В душе очень хочется согласиться, но не делаю этого. Не после того как увидела его вблизи. Не после того что сделал с моими внутренностями всего лишь его голос. Мы абсолютно разные. По его взгляду можно сразу

сказать, что он заживо съест меня.

Мне нужно сначала научиться общению с такими парнями как он. Я не могу начинать свои первые отношения с ним, ни разу до этого *не поцеловавшись* с парнем.

Я резко разворачиваюсь и ухожу в другую сторону. Спустя пару шагов, чувствую, как на плечо снова ложится рука.

— Привет, — повторяет он, на этот раз смеясь.

Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом:

— Я уже поблагодарила тебя за ручку.

Почему я веду себя как сука?

Эта дурацкая, очаровательная улыбка до сих пор сияет на его лице. У него даже зубы сексуальные. У кого, черт возьми, бывают сексуальные зубы?

— Я понял, — отвечает Аса. — И пожалуйста. Но теперь я вроде как хочу, чтобы ты оказала мне услугу в ответ.

Я могу ничего не знать о свиданиях, но знаю точно что означает, когда такие парни как он просят об услуге.

— Ты одолжил мне ручку, — говорю я. — Эта услуга едва ли стоит ответа.

Аса выгибает бровь, — Я одолжил тебе единственную ручку. Теперь мне нужны копии твоих конспектов.

Ах вот оно что. Наверно он и не собирался звать меня на свидание.

— Ты посещаешь один из четырех уроков и теперь переживаешь о потерянных десяти минутах? — возмущенно спрашиваю я. — Серьезно?

Аса почти закатывает глаза, — Вообще то, — отвечает он, поддаваясь вперед, — я пытаюсь заигрывать с тобой, но ты все немного усложняешь.

Оу.

Я закусываю губу, стараясь скрыть свою реакцию от услышанного, какой бы она ни была. Но скорее всего он привык к таким реакциям, потому что уверена, я единственная девушка во всей школе, кто с ним еще не флиртовал.

— Меня зовут Слоан, и я не заинтересована во флирте с тобой.

— Слоан, — повторяет он, улыбаясь. — Очень приятно.

Серьезно? Как могут эти три слова вызвать мурашки на руках?

Аса делает шаг ко мне. От него пахнет мятой.

— Слоан... ты должна поужинать со мной сегодня вечером. Обещаю быть джентльменом так долго, как ты захочешь.

Его предложение одновременно и отталкивает и возбуждает. Понятия не имею как. Словно, мое тело и совесть объявили друг другу войну. Особенно сейчас, когда я смотрю на его рот, гадая, станет ли он парнем, которого я впервые поцелую. В моем представлении, поцелуй с парнем можно сравнить с поеданием ананаса. Вроде сытный и утоляющий жажду, но ты можешь чувствовать его вкус на языке еще несколько часов, после того как поешь.

Этот парень просто одолжил мне ручку, а я уже мечтаю о его поцелуях? Я теряю голову рядом с ним.

Качаю головой и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Понятия не имею, почему я только что отшла его. Ведь у меня нет планов получше на вечер. Но что то в нем говорит мне, что я могу зайти слишком далеко. Аса опасен. Он не мелководье, где люди могут помочить ноги. Он, кишашщее акулами, дно океана. И если я соглашусь пойти с ним, это все равно, что встать на край лодки и нырнуть в темную глубину.

Но как я могу согласиться на это, когда даже не знаю, умею ли я плавать?

Теперь Аса стоит напротив меня, заставив меня резко остановиться. Он делает шаг вперед, я шаг назад.

— Нам не обязательно называть это свиданием, — не сдаётся он. — Я просто пиздец как очарован тобой и хотел бы поужинать глядя на тебя. Ты позволишь мне заехать за тобой вечером, чтобы я смог смотреть на тебя, пока ем?

На его лице расплывается игривая улыбка и я не могу ничего с собой поделать и смеюсь. И, черт возьми. Он *матершиник*. Почему эта его черта так заводит меня?

Наверно всему виной мое тело, а не сознание.

Аса с отчаянием смотрит на меня и губами произносит "пожалуйста". Не понимаю, почему мне так понравилось, что он произнес это слово губами, а не вслух.

Я на минуту задумываюсь, вспоминая свой недавний внутренний монолог в классе. Я молода. Это мой первый шанс испробовать жизнь сейчас, когда Стивен находится под

постоянным уходом. Если я не начну в ближайшее время получать жизненный опыт, потом мне будет нелегко его нагнать.

Выдыхаю и киваю, — Ладно. Я позволю тебе смотреть на меня, пока ты будешь есть. Извращенец. Подъезжай к студенческому клубу к семи.

Аса качает головой. — Я заеду за тобой в половине девятого. Только тогда освобожусь.

— Очень позднее свидание, — говорю я.

Аса улыбается и отвечает:

— Так значит это свидание, — он наклоняется и практически прикасается губами к моему уху, — Надень, пожалуйста, то платье, в котором ты была в прошлый вторник. — шепчет он. — То, что с желтыми цветами.

А потом проходит мимо и уходит прочь, и я даже не смогла увидеть выражение его лица, после этих слов. Такое ощущение, что эти слова электрическим разрядом прошли сквозь мое тело.

Аса заметил, во что я была одета на прошлой неделе?

Прикрываю свою улыбку рукой и иду на следующий урок.

Я пошла в прачечную.

Насколько это уныло?

Платье, которое попросил надеть Аса, было грязным, но у меня нет доступа к машинке и сушилке в собственном доме, и в доме девушки, у которой я несколько дней уже ночую. Поэтому я собрала свои грязные вещи и отправилась в прачечную. И пока ждала когда постираются вещи накрасилась и сделала прическу.

Интересно буду ли я ему нравиться, если Аса узнает об этом?

Я заметила какой марки у него одежда. Каждый раз когда Аса появляется в классе на нем новая пара обуви. Даже ручка, которую он мне одолжил, выглядит дороже, чем мое платье.

До сих пор не могу понять, почему он захотел пойти именно со мной. Не поймите меня не правильно, у меня не так все плохо с самооценкой. Просто мне интересно почему, из всех девушек, что флиртовали с ним, Аса пригласил именно меня на свидание?

Я тихая, не пытаюсь привлечь внимание, не одеваюсь вызывающе. Можно даже сказать,

что я делаю как раз таки все, чтобы избежать внимания таких парней как Аса. Потому что я ненавижу неизвестность.

Когда всю свою жизнь вы проживаете без флирта с парнями, вы просто доходите до такой точки, когда чувствуете что слишком сильно отстали, и нет никакого варианта догнать своих сверстников.

Кто-то обращает на меня внимание, кто-то нет. Уже двое парней спросили, нужна ли мне помощь. Непонятно это, потому что они хотели ограбить меня, или потому что я стою здесь уже полчаса. Одно из ненавистных мне человеческих качеств — это не пунктуальность. Это минус одно очко в пользу Аса, а ведь мы еще даже не начали свидание. Даю ему еще десять минут и если он не появится, я уйду.

Одна минута прошла.

Три.

Семь.

Восемь.

Девять.

Время вышло, козлина.

Закидываю сумочку на плечо и разворачиваюсь в сторону автобусной остановки. Как только захожу за угол, я слышу визг тормозов и как машина останавливается на стоянке.

Слышу, как захлопывается дверь, но не оборачиваюсь. Продолжаю идти.

— Слоан!

Слышу, как Аса бежит за мной. Я рада, что он здесь. Это значит, что меня не кинули. Но он опоздал на сорок пять минут.

Я почти подхожу к остановке, когда Аса встает передо мной.

— Привет, — здоровается он, и с усмешкой оглядывает меня. — Ты готова?

Не веря своим ушам, я смеюсь. Это он всерьез? Он даже не собирается извиниться за опоздание?

— Я ждала тебя сорок минут, — раздраженно отвечаю я. — Я так сильно проголодалась, что уже не хочу есть, а просто хочу спать. Спокойной ночи, Аса.

Его глаза мгновенно наполняются виной, и он берет меня за плечи.

— Нет. Не говори так. Прости, меня задержали. Я бы позвонил тебе, но у меня нет твоего номера.

— У меня нет телефона, — огрызаюсь я.

Аса удивленно выгибает брови. — Почему? У кого в наши дни нет мобильного?

— У бедных людей, Аса. Людей, которые не могут себе позволить современную роскошь. У людей, которые тратят последние три доллара на прачечную, стирая платье, которое попросил надеть парень, и который слишком поздно появился. Людей, у которых нет времени стоять здесь допоздна, потому что единственное их средство передвижения это автобус, и последний уехал десять минут назад. Так что извини, но мне нужно добраться до остановки.

Пытаюсь протиснуться мимо него, но он берет мое лицо в свои руки.

— Пожалуйста, не уходи. Я ждал этого свидания весь день. И изо всех сил старался приехать вовремя и знаю что опоздал, но я здесь. Пожалуйста, давай начнем все с начала? Давай притворимся, что мы назначили свидание на девять десять и я приезжаю точно в это время, а ты очень взволнована и тебе интересно, куда я тебя повезу?

Он отчаянно заглядывает мне в глаза. Аса действительно очень милый, даже несмотря на свою дерзость. Такая смертельная комбинация.

Вот дерьмо.

Я выдавливаю улыбку, — Куда ты меня поведешь?

Аса улыбается.

— Спасибо тебе, — благодарит он и все его лицо расплывается в улыбке. — Это сюрприз. И мы туда пойдём, ты же не против?

Я киваю и стараюсь выкинуть из головы тот факт, что он опоздал. Аса мог задержаться на полчаса по многим причинам, и он прав. Он здесь, и совершенно очевидно не хотел меня обмануть. Наверно не стоило быть такой грубой.

Аса опускает руку и переплетает наши пальцы. Должно быть, для него это обычный жест, то что он регулярно делает, когда встречается с девушками. Но для меня это далеко не обычное явление. Это нечто невероятное. Второй раз за всю свою жизнь я держусь за руку с парнем. В первый раз это произошло когда мне было двенадцать, поэтому даже не уверена, считается ли это.

— Ты потрясающе выглядишь, — делает Аса комплимент, и отпустив руку, сбавляет шаг, чтобы полюбоваться моим платьем. Сканирует все мое тело взглядом, задерживаясь на подоле у бедер, и снова смотрит мне в глаза. Аса улыбается мне и снова берет за руку.

— Когда я впервые увидел тебя в этом платье, я блядь не мог усидеть в классе. Я пытался догнать тебя после урока, но потерял тебя в коридоре.

Я улыбаюсь. — А я и не заметила, что ты меня заметил.

Аса смеется, — Ты многое не замечаешь, Слоан. Поверь.

— Например, что?

Аса искоса смотрит на меня:

— О, ну просто то, что каждый чертов парень из класса истории не может оторвать от тебя взгляда. Включая меня.

Я бы точно заметила, если бы Аса хоть раз взглянул на меня.

— Ты говоришь бред.

Он пожимает плечами. — Я предпочел бы находиться в бреду и на свидании с тобой, чем быть вменяемым, но с любой другой девушкой.

Эта фраза лишает меня дара речи.

Не знаю как воспринимать его слова, как лесть или оскорбление? Он так все четко говорит, и я уверена, что каждый свой комплимент Аса отработал на более чем одной девушке и не раз. Я для него не особенная.

Так почему же его слова оказывают на меня такой эффект?

Живот скручивается в узел и становится жарко, хотя на улице довольно таки прохладно, а я кстати в платье с короткими рукавами.

А если серьезно, то вполне очевидно, что именно из-за влечения, девушки попадают в неприятности с такими парнями. Я не верю его словам, но я бы солгала, если бы сказала что мне не нравятся комплименты. Даже если это ни к чему не приведет, мне будет приятно послушать их в течение нескольких часов.

Мне нужно постараться просто наслаждаться ими. Я давно не занималась тем, чем занимаются девушки в моем возрасте, и должна наслаждаться этим вечером, несмотря на то, что в глубине души я знаю что это всего лишь влечение. Он меня совсем не знает, ему просто нравится, как на мне сидит это платье.

Аса прерывает мои мысли:

— Нам нужно дойти до конца улицы.

Я учусь в этом колледже уже целый семестр, но еще ни разу не гуляла по этой улице. Здесь красиво. На деревьях горят рождественские огни, хотя до Рождества еще очень далеко. С колонок, что прикреплены к фонарным столбам, доносится музыка. Когда в конце улицы я вижу ресторан, то немного разочарована окончанию нашей прогулки. Я не успела насладиться свежим воздухом.

Интересно о чем мы будем разговаривать во время ужина. Что если мы просто только поедим, а потом разойдемся? Я никогда не была на свидании, поэтому не знаю всех этапов.

— Какая твоя самая любимая часть свидания? — спрашиваю Аса, в попытке получить хоть какую-то информацию, пока он не понял что я в этом вопросе абсолютная невежда.

Аса смотрит на меня и улыбается.

— Поцелуй, Слоан. Определенно поцелуй.

Так значит сегодня это произойдет?

У меня вдруг пропадает аппетит, потому что я очень сильно напрягаюсь. Аса ждет разочарование, ведь мой язык понятия не имеет что делать внутри его рта.

Прочистив горло, я спрашиваю:

— Это всегда происходит в самом конце свидания?

— Все зависит от пары. Иногда это случается во время свидания. Иногда его и вовсе не бывает. Иногда это случается в самом начале свидания.

Не будет ли это странно? Если сразу покончить с этим?

— А когда по твоим прогнозам у нас будет поцелуй? — улыбаюсь я и гадаю, насколько очевидно, что я заигрываю с ним.

Потянув меня за руку, Аса резко заворачивает в узкий переулок. До ресторана осталось шагов тридцать, поэтому я немного опешила, что мы пошли в обход.

Мы в переулке, очень узком и пустом. Аса оборачивается и я ахаю, когда вижу его глаза. Он хватает меня за бедра, и прислоняет спиной к стене.

— Думаю, сейчас самое подходящее время, — говорит он, и наши губы тут же

встречаются.

У меня в груди подпрыгивает сердце. Руки нервно сжимаются в кулаки, схватившись за его рубашку. Его язык скользит по моим плотно сжатым губам, и я практически таю. Раскрываю губы и вздыхаю, когда его язык прикасается к моему.

Теперь я больше не нервничаю. Сама того не понимая, инстинктивно целую его в ответ. Поглаживанием на поглаживание, вздохом на вздох, повторяла то, что делал он. Уверена, что еще тридцать секунд и я точно научусь целоваться, но не успела я подумать об этом, как Аса разрывает наш поцелуй.

Он прислоняется руками о стену, позади меня и прижимается к моей голове. Аса часто дышит прямо мне в ухо, и я рада, что он сейчас не смотрит на меня, потому что я улыбаюсь.

Это было приятно. Не так уже и страшно, как я себе представляла поцелуй. Чувствую себя так уверенно и даже не знаю зачем выпаливаю:

— Это был мой первый поцелуй.

Аса тут же напрягается и я жалею, что сказала об этом. Он отстраняется и его глаза еще чернее, чем были до поцелуя.

— Ты ведь сейчас пошутила?

Я должна рассмеяться и сказать "ну конечно". Но вместо этого я качаю головой

— Ты никогда не встречалась с парнями?

Я снова качаю головой:

— Нет.

Аса наклоняет голову и пристально разглядывает меня.

— Это как-то связано с религиозными запретами?

Я смеюсь.

— Нет. Вообще нет. Я не скромница и не храню себя для брака или еще что-либо в этом духе. Просто я всегда... была занята. Всю свою жизнь с утра до вечера я была занята. У меня не было ни минутки на свидания.

Аса недоверчиво смотрит на меня.

— Так значит... к тебе никогда не прикасался парень? Не целовал? *Никто?*

И снова, я качаю головой.

— Никогда. Сегодня первый раз. Ты... поцеловал меня. Это мой единственный опыт. Так что не суди строго, если вдруг я облажалась.

Аса медленно выдыхает, а потом шепчет:

— Ахуеть!

И его губы снова накрывают мои, но на этот раз гораздо крепче. Поцелуй очень неожиданный и мне нужно пару секунд, чтобы начать отвечать ему.

Теперь он пожирает меня губами, отчаянно целует меня, прижимаясь ко мне всем телом. Я хватаюсь руками за шею, потому что от такой интенсивности поцелуя я еле стою на ногах. Тело настолько слабеет, что боюсь сейчас я упаду.

Не могу угнаться за ним. Жадно хватаю ртом воздух, когда Аса целует мой подбородок, шею, снова в губы. Его руки в моих волосах, мои в его. Аса стонет, когда отпускает мои волосы и наклонившись, хватается меня за бедра и поднимает, прижимая к стене.

Просто удивительно как отличается наш второй поцелуй от первого.

Интересно, каким будет третий?

Аса оборачивает мои ноги вокруг своей талии и скользит руками по бедрам пока не пробирается под платье, чтобы убедиться что я плотно прижата к стене.

Когда он снова целует меня в шею, я невольно откидываю голову назад, — Аса, — шепчу я. — Наверно нам нужно уже пойти поесть.

Он смеется мне в шею, — Знаю, — бормочет он. — Ничего не могу с собой поделаться. Зная, что ты... что ты... блядь, Слоан. Не могу перестать целовать тебя. Но я пытаюсь.

Аса снова целует меня в шею и теперь я больше не беспокоюсь о еде или поцелуе. Я сосредоточена на том, что сжимаю его своими ногами, наши тела прижаты друг к другу и когда я начинаю двигаться ему навстречу, ощущаю то что никогда не чувствовала раньше.

— О, Боже, — шепчу я, еще крепче обвивая вокруг него свои ноги.

— Я думал дело не в религии, — шепчет он в ответ.

Я смеюсь над его комментарием, и когда тело трясется от смеха, Аса стонет и отодвинув меня от стены ставит на ноги. Целует меня в лоб и прижавшись к моему лбу своим, молча смотрит мне в глаза. Переплетает наши пальцы и без слов выводит меня из

переулка и ведет к ресторану.

Я не знаю, может потому что уже поздно, или может ресторан не очень хороший, но когда мы заходим, внутри никого нет. К нам выходит хостес и берет два меню. Он старше нас, ему около тридцати лет.

— Думал вы уже не придете, — обращается он к Аса.

Аса пожимает плечами, — Мы задержались.

Парень кивает и указывает в сторону комнаты, ведущей в главный зал. — Сюда, — говорит он.

Мы заходим в еще одну пустую комнату, и поворачиваем на лево. В самом углу комнаты стоит круглый столик, на котором в ведре со льдом охлаждается бутылка вина.

Я уже под впечатлением.

Аса помогает мне присесть и тут же садится рядом, положив руку на колено. Парень сначала кладет на стол меню, а затем открывает бутылку вина и разливает по бокалам.

Я практически не пью, но сегодня вроде отличный повод выпить. Аса поднимает бокал, словно хочет произнести тост, поэтому я тоже поднимаю, когда он говорит:

— За первые поцелуи. Первое свидание. И все то первое... что бы ты, черт возьми, ни позволила мне сегодня.

Я смеюсь, — По крайней мере, десерт.

Мы чокаемся и я пробую вино. Оно не такое сладкое, к какому я привыкла, но мне нравится. Когда я откладываю бокал, Аса наклоняется и целует меня в уголок губ.

— Наверно мне нужно было подождать до конца свидания и только потом поцеловать.

Я не понимаю, что он имеет в виду, — Почему?

— Потому что это все о чем я сейчас могу думать. Но я очень многого о тебе не знаю, поэтому должен быть хорошим парнем и задать тебе миллион вопросов.

По мне, так о моей жизни не стоит говорить. Вообще.

— Мне восемнадцать, — начинаю я. — В следующем месяце мой день рождения. У меня есть мать, которая прежде чем рожать детей, должна была сдать тест на пригодность. У меня есть брат, которого я очень люблю. Теперь ты знаешь обо мне гораздо больше, чем любой парень на этой планете. Ну и как?

На секунду Аса пристально смотрит мне в глаза, а затем отвечает, — Ты мне нравишься. — А потом мы снова возвращаемся к поцелую.

На это раз поцелуй медленный, и его палец исследует внешнюю часть моего бедра. Целуясь, мы каким-то образом полностью поворачиваемся, оказываясь друг перед другом. И единственное что разрывает наш поцелуй это покашливание официанта.

— Вы уже определились с заказом? — спрашивает он.

Аса смеется, прежде чем отстраниться от меня, — Блядь, да, — отвечает он. — Мы вместе будем нечто особенное.

Официант кивает и уходит.

Делаю несколько глотков вина, пока Аса делает то же самое.

— Ты только что сделал заказ за меня? — спрашиваю. — Что если мне не понравится это нечто особенное?

Аса улыбается, — Тогда я закажу что-нибудь другое, — его рот возвращается к моему и мы снова целуемся. На этот раз его рука смелеет. Или может вино ослабляет мое сопротивление.

Мы так долго целуемся, что я даже не замечаю, как его рука переместилась на внутреннюю часть бедра. Его пальцы медленно поглаживают кожу, вверх вниз, выводя круги, движения становятся смелее. Думаю, это потому что я с трудом дышу, когда он едва касается моих трусиков.

— Аса, — шепчу я.

Он качает головой. — Я знаю. Знаю, что ты хочешь сказать. Я сбавлю обороты.

И на какое то время он останавливается, но только потому что принесли наш еду.

Это суши. Довольно смелый выбор с его стороны, потому что не всем нравятся суши. Но к его счастью, мне нравятся. Мы стараемся есть без перерывов, но Аса каждый раз наклоняется, вот прям как сейчас, и целует то мой подбородок, то в ухо. Каждый раз, когда он целует меня, мне хочется выпить больше вина.

Я допиваю уже третий бокал, к тому времени как мы доедаем и заказываем десерт. Аса просит принести его минут через пятнадцать.

Наверно я пью уже четвертый бокал. Точно не могу сказать.

Все что я знаю, это то, что поцелуи очень приятны. Невероятно. Гораздо приятнее, чем я представляла себе, особенно учитывая отсутствие опыта.

Я застываю от этой мысли.

Что если я слишком многое ему позволяю? Я ведь не знаю. Понятие не имею чем обычно восемнадцатилетняя девушка занимается с парнем, сидя в ресторане, с парнем который точно знает что сказать и прекрасно владеет своим ртом.

— В чем дело? — спрашивает Аса, отстраняясь. Пытаюсь сфокусировать взгляд на его глазах, но все о чем я думаю это его рука у меня между ног и он слишком близко подобрался к моим трусикам.

— Я... — быстро выдыхаю. — Я не знаю. Наверно нам нужно замедлиться.

Его палец медленно вырисовывает круги на моем бедре и это так приятно, что я понятия не имею как могу просить его замедлиться прямо сейчас. Но я должна. Я не должна больше позволять ему так прикасаться к себе.

Не так ли?

— Слоан, — говорит он, прикасаясь к щеке большим пальцем другой руки. — Тебе не нравится то что ты сейчас ощущаешь? Разве тебе неприятно?

Я киваю, — Приятно, но... мы впервые поцеловались только час назад. Мне кажется., что я слишком многое тебе позволяю.

Аса щекочет меня носом и отстраняется, — Это забавно, потому что мне не кажется, что я не слишком многое себе позволяю.

— Но... — закрываю глаза, — это тупость, спрашивать об этом, — я открываю глаза. — Но разве это нормально? Ну... то что я слишком... распутная?

Чувствую, как его грудь трясется от смеха. Он целует меня и снова отстраняется. Аса смотрит на меня игривым взглядом, от чего его лицо становится еще милее.

— Ты взрослая женщина, Слоан. Если тебе приятно, то это все что имеет значение. Это свидание только наше и ничье больше. Все чем мы занимаемся на этом свидании, имеет значение только для нас, — он целует мой подбородок. — Хочешь чтобы я перестал тебя целовать?

Я качаю головой:

— Не совсем. Нет.

Аса тянется к моему уху, — Хорошо. Я тоже не хочу останавливаться. И это не делает тебя распутной, Слоан. Очень сложно быть шлюхой, когда тебя целовал только один парень, не так ли?

Все довольно логично получается. Вроде как. Наверно. У меня кружится голова.

Его пальцы снова начинают поглаживать мое бедро. Аса отстраняется и закусывает губу. Смотрю на его губы. Его зубы выпускают губу и он улыбается мне.

— Единственное о чем тебе стоит беспокоиться, это приятны ли тебе мои прикосновения. Ладно?

Я выдыхаю и киваю, когда его пальцы начинают кружить по бедру.

— Тебе приятно сейчас? — шепотом спрашивает он.

Отбрасываю голову назад, — Да, - шепчу в ответ, едва дыша. Я вздрагиваю всем телом, когда его палец прикасается к трусикам. Аса не целует меня. Сейчас наблюдает за мной. Его взгляд прикован к моему рту, когда он скользит пальцем над трусиками. Я снова вздрагиваю.

— А как насчет этого? — шепчет он. — Так тебе хорошо?

Хочу сказать да, но получается только хныкнуть.

Я думаю о том что мы находимся в общественном месте. Думаю о том, что через несколько минут официант принесет нам десерт. О том, что я не должна так себя вести прямо здесь и прямо сейчас.

Но потом я думаю, а почему нет?

Его губы почти касаются моих, когда Аса говорит:

— Мне нужно чтобы ты еще раз подтвердила. Ни один парень никогда так к тебе не прикасался? — его палец скользит к трусикам и оттянув край, оказывается под тканью. Я почти задыхаюсь, когда он продолжает:

— Никто не знает, какая ты на ощупь?

Всем телом я чувствую биение сердца, но пульс сосредоточен только между ног, желая, чтобы Аса стал первым, кто прикоснется ко мне. Но я борюсь с совестью, которая говорит, что это не должно произойти здесь. Но я так рада, что моя неопытность не отбила у него желание. Скорее наоборот, она *возбудила* его. Это не то что я ожидала.

— Никто, Аса, — шепчу я. — Никто никогда так ко мне не прикасался. Ты единственный.

Аса тяжело дышит и я понимаю что права. Ему нравится, что он первый. Возможно даже он без ума от этого факта.

Его язык скользит мне в рот именно в тот момент, когда я ощущаю давление между ног. Его палец неожиданно скользит во внутрь, но я не останавливаю его. Он проглатывает мои стоны и вздохи, пока я стараюсь расслабиться под его рукой. Пытаюсь привыкнуть к этому ощущению, к его движениям.

— Вот так, — подбадривает он, шепча в губы. — Расслабься. Позволь мне сделать тебе приятно.

Аса надавливает пальцем и от этого у меня так сильно напрягаются ноги, что я отодвигаюсь от него. Но его это не останавливает, он двигается ближе. Еще крепче целует меня.

Я в шоке от того как мое тело невольно начинается тереться об его руку. Когда я в первый раз потерлась, Аса застонал, поэтому я продолжаю.

Теперь давление внутри уже двух пальцев, когда он проталкивает их вглубь, насколько это возможно.

— Блядь, — стонет он. — Ты такая чертовски тугая, Слоан.

Его голос невероятным образом действует на меня, такой глубокий и полный желания.

— Я, блядь, не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя, — Аса останавливает поцелуи на моей шее. — Меня убивает тот факт, что я не могу прямо здесь трахнуть тебя. Прямо сейчас.

Боже. Мне кажется, что мне нравятся эти грязные словечки. Это удивительно, но слушая, как он хочет меня, мне самой хочется отдаться ему.

Но не сейчас. Определённо не сегодня ночью. Мы и так все делаем слишком быстро, но он все делает так, словно в этом нет ничего плохого.

— Я хочу попробовать тебя, — шепчет Аса. — Я хочу залезть под этот гребанный стол и с жадностью съесть тебя.

— Аса, — шепчу я.

Это все что я могу произнести, потому что боюсь, что если я скажу что-то большее, я все испорчу. Не думаю, что смогу сказать как он...

— Тебе нравится это? — спрашивает он.

— Да.

Это легко. Я могу отвечать на вопросы.

— Скажи мне, — просит он. — Скажи, *"мне нравится это, Аса"*.

Я сжимаю бедра и дотягиваюсь до его уха, — Я без ума от этого, Аса.

Должно быть, я сказала именно то что он хотел услышать, потому что следующие тридцать секунд проходят как в тумане. Его язык пожирает меня, его рука касается нужных точек и пальцы сгибаются в правильном угле, отчего я начинаю дрожать. Трястись. Трепет все усиливается, и я пытаюсь отстраниться от него, потому что ощущения слишком сильные, но он прижимается ко мне с еще большей силой, глотая мои стоны.

Его пальцы остаются внутри, но рука уже не двигается, и Аса отстраняется, наблюдая, как я прихожу в себя, после всего, что он сделал со мной.

Его грудь вздымается и он прижимается к моему бедру, так что я через джинсы чувствую какой он твердый.

Жду когда полностью восстановлю дыхание, прежде чем что-то сказать. И тут, по непонятным причинам я выбираю сказать:

— Не знаю, что и дальше произойдет.

Я сказала это, больше потому что не знаю должна ли я что-нибудь сделать для него. Услуга за услугу. Так сказать, вернуть должок. Чувствую себя идиоткой.

Аса усмехается, — Теперь... мы съедим охуенный десерт.

Как только он это произносит, он убирает свою руку и за углом тут же появляется официант. Я выпрямляюсь, пытаюсь скрыть тот факт, что у меня запутались волосы, и что я по-прежнему едва дышу.

Официант делает вид что ничего не заметил. Я очень признательна ему за это. Парень ставит на стол тарелку с одним куском кокосового торта и две вилки.

— Наслаждайтесь десертом, — желает он нам.

Аса окунает в торт палец... Тот, который только что был внутри меня... Наблюдаю, как он засовывает палец себе в рот и обсасывает его. Медленно вынимает изо рта, и произносит с улыбкой:

— Это мой новый любимый аромат — Косовый торт вперемешку с тобой.

Я краснею.

Аса берет вилку, после беру и я. Пробую кусочек и улыбаюсь.

Он нравится мне. Аса заставляет меня чувствовать будто я... даже не знаю. И в опасности и в безопасности. Может и не лучшая комбинация, но прямо сейчас мне хорошо. Здесь. Сегодня.

— Проведи со мной ночь, — просит он, проглотив кусочек торта.

Не отвечаю. Обдумываю его просьбу.

Сегодня мне особо негде переночевать. Уже слишком поздно, чтобы ждать автобус до дома и будет не красиво появляться у друзей в такой поздний час.

— Только при одном условии, — отвечаю я.

Аса кивает, — Обещаю не просить тебя делать то, чего ты не захочешь.

Мне даже не нужно было озвучивать свое условие. Он все сказал за меня.

— Ладно, — соглашаюсь я.

Аса откладывает вилку и выкрикивает:

— Счет, пожалуйста!

Мы целуемся, когда заходим в дом. Мне не удалось рассмотреть дом полностью, но я оглянулась вокруг и поняла, что удивляться тут нечему. Учитывая как Аса одевается и на каких машинах ездит, этот дом не выбивается из общей картины его достатка. Единственное что странно, это то, что он владелец всего этого. Он рассказал об этом пока мы ехали.

Аса поднимает меня на руки и целует, пока мы поднимается вверх в его спальню. Когда мы ехали, я сказала что сомневаюсь что пока готова к сексу. Что за сегодняшний вечер я испытала больше чем способна уместить в голове.

Аса заверил меня, что ничего такого не случится, что мы будем просто целоваться до тех пор пока не уснем. Но меня не покидает сомнение, что одних поцелуев ему будет мало.

Я не знаю что еще. Я никогда раньше не делала минет парню, поэтому думаю что мы двигаемся намного быстрее, чем планировала. Хотя чувствую себя виноватой. Сегодня я получила больше чем отдала.

Теперь мы в его спальне. Дверь комнаты захлопывается и я тут же оказываюсь прижата

его телом к ней. Аса резким движением снимает с меня платье.

Охренеть!

Не собиралась я так быстро оголяться.

Естественно, я тут же прикрываюсь, обняв грудь руками. И когда я прикрываюсь, то чувствую себя глупо. Просто я не ожидала такого поворота.

Аса хватается мои запястья и раскрывает руки, — Я хочу посмотреть на тебя, Слоан, — просит нежным голосом. Он делает шаг назад и разглядывает меня. К счастью на свидание я надела чистый комплект белья.

— Блядь, — шепчет он, медленно опуская взгляд на трусики. — Ты уверена, что не хочешь, чтобы я оказался внутри тебя сегодня ночью? — подходит ближе, пока его руки не ложатся на мои трусики, стягивая их вниз.

Это слишком быстро.

— Аса, — шепчу я. — Остановись.

У меня все еще туман в голове от вина, но даже будучи пьяной, я понимаю, что трусики должны оставаться на мне. До тех пор пока я не буду готова их снять.

Что может даже не произойти сегодня.

Он поднимается, поглаживая мое тело, останавливаясь чтобы оставить поцелуи в разных местах. Добравшись до моих губ, он шепчет:

— Что случилось?

С дрожью выдыхаю. Я нервничаю.

— Это слишком для меня, — говорю, и отхожу от него. — Вся эта ночь... Я не была готова ко всему этому. Мне кажется...

Я останавливаюсь на полу слове, пытаюсь подобрать правильные слова. Аса по прежнему стоит лицом к двери и медленно выдыхает, как мне показалось, разочарованно.

— Мне кажется, ты воспринимаешь меня не такой, какая я есть на самом деле, — продолжаю я. — Я не привыкла к таким вещам, Аса. У меня нет такого опыта. Прямо сейчас мне не комфортно с тобой. Ты заставляешь меня нервничать. И это не твоя вина, наверно ты просто подумал, что я не та девушка. Наверно... наверно тебе лучше отвезти меня домой.

Аса поворачивается ко мне, и я вижу, как морщится его лицо, словно я выбрала

неправильные слова. Черт, может и так. Не знаю, что мне делать, что говорить. Весь этот вечер стал подтверждением нашего абсолютного различия. Его жизненный опыт гораздо больше моего. И просто, потому что я позволила ему зайти слишком далеко не значит что у него есть право дойти до конца.

Мне нужно притормозить, независимо от того расстроится Аса или нет. Наверно, с моей стороны это эгоистично. Но я не виновата в том, что мне вдруг стало дискомфортно. В доме парня, которого едва знаю. Оставаясь с ним ночевать.

Полагаю что шансов на то, что он достанет ключи от машины и отвезет меня домой больше, нежели заведет взрослый разговор о том, что первый поцелуй и первый секс в один день это слишком много, и слишком быстро.

Аса запускает руку в волосы и сжимает шею, глядя на меня через всю комнату. А потом, полный решимости, быстро подходит ко мне и берет мое лицо в руки заставляя смотреть ему в глаза.

— Думаешь, я не знаю что ты за девушка? — спокойным голосом спрашивает Аса, разглядывая мое лицо. — Я неделями наблюдал за тобой в классе, Слоан. Я *прекрасно* знаю какая ты девушка. Я изучал тебя. Восхищался тобой. И слишком часто думал о тебе. А недавно, я понял, что ты именно то, чего мне не хватало в моей жизни. Ты тот тип девушки, о которой я мечтал. Ты та девушка, о существовании которой я не мог даже мечтать. Но ты действительно существуешь и... ты уже пиздец какая особенная для меня. В моей жизни... особенные случаи очень тяжело достаются. Действительно *чертовски тяжело*. Возможно даже, что ты первая особенность в моей жизни, которая может стать полностью моей. И если я слишком давлю или слишком тороплюсь, то это только поэтому. Дело не в моих ожиданиях. И дело не в твоей неопытности. Я не могу перестать прикасаться к тебе, потому что до смерти боюсь что если я буду двигаться слишком медленно... если я не получу все слишком быстро... я опоздаю.

Задерживаю дыхание.

Жду, пока впитаю каждое произнесенное им слово.

Я не успеваю все впитать, когда он продолжает:

— Останься со мной на ночь. Пожалуйста. Ты можешь надеть свои трусики, платье. Черт, ты даже можешь снять свой бюстгальтер и спать абсолютно голой. Мне все равно. Я просто хочу, чтобы ты лежала в моей кровати, и все. Клянусь, Слоан. Мне просто нужно уснуть рядом с тобой.

У него очень искреннее выражение лица. А слова еще больше. Вот почему я киваю... по непонятным причинам, сейчас я верю ему. А я не так-то просто доверяю людям.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Но вместо того, чтобы найти своё платье, я тянусь за спину и расстёгиваю лифчик. Позволяю ему упасть на пол. Аса разглядывает меня, пока я стою перед ним, полностью обнаженная.

— Идем спать, — шепчет он хриплым голосом.

Подхожу к кровати и забираюсь под одеяло. Я оборачиваюсь, Аса снимает рубашку и джинсы, и не снимая боксеры ложится в кровать. Двигается ко мне.

— Повернись, чтобы я смог обнять тебя.

Смеюсь и поворачиваюсь. Даже представить не могла, что этот вечер закончится обнимашками, но мне нравится.

Аса крепко обнимает меня и целует в волосы:

— Сладких снов, — шепчет.

— И тебе.

Сложно сказать, понравилось ли мне быть пьяной. Я в первый раз выпила больше чем один бокал вина за ночь. Черт, похоже, я выпила целых пять бокалов за ужином. Думаю, я так много пила, чтобы успокоить нервы, почувствовать себя комфортнее. Видимо слишком комфортно. Потому что теперь знаю и, что такое впасть в мертвую спячку и как сильно гудит голова, что невозможно спать.

Когда ты пьян, ты чувствуешь тяжесть. Голова становится тяжелее, тело становится слишком тяжелым, чтобы управлять им, даже эмоции становятся тяжелее. А теперь и воздух тяжелее, как будто ко всему прочему весь мир сосредоточен на мне, пока я изо всех сил пытаюсь открыть глаза.

Но у пьяного состояния есть и преимущества. Каким-то образом, параллельно тяжести, внутри ты ощущаешь легкость. словно перышко щекочет внутри живота. Щекочет губы. Заставляет меня жаждать давление... прикосновение. Сегодня мне было приятно, когда Аса прикоснулся ко мне. Алкоголь помог мне насладиться этим, даже когда совесть приказывала остановить все.

И даже сейчас... сквозь сон... я чувствую это. Его теплоту, силу его рук, звук его голоса.

Я зависла между реальностью и сном, и не могу понять, где именно нахожусь. Не хочу вообще просыпаться, но все такое реальное. Его руки на моей груди, рот между моих ног. Все так реально, и я вздрагиваю от колючей щетины на нежной коже бедер.

Резко хватаю ртом воздух.

Сердце бешено бьется в груди. Руки хватаются за простынь и сжимаются в кулаки.

Я не сплю.

Это слишком настоящие ощущения.

Слишком рано.

Слишком быстро.

— Аса, — шепчу я.

Не могу понять, где он. Чувствую лишь его руки на себе... они двигаются от груди к животу.

Он... *О Боже!*

— Аса, — снова шепотом зову я и все мое тело напрягается. Как это произошло? Когда мы успели дойти до этого момента?

Несмотря на то, что заставляет меня чувствовать его язык, мне кажется это неправильно, что я просыпаюсь в таком положении. Так правильно и так не правильно. Это я его попросила? Пока спала?

Или он просто сам начал?

Пытаюсь сжать ноги, оттолкнуть его рот подальше. Но Аса только крепче сжимает талию и скользит языком по всему центру, медленно.

Я издаю стон.

Я хочу крикнуть, но блять издаю стон. Мой голос предатель.

— Пожалуйста, — шепчу я, едва выдыхая.

Я больше не чувствую его язык. Теперь он нежно целует внутреннюю часть бедра. Я очень четко различаю его движения, и не могу понять, как так получается, что мне очень сильно хочется оттолкнуть его и в то же время вернуть его рот на место.

— Расслабься, — шепчет Аса, и я чувствую поток его дыхания. — Ты заслуживаешь это. Ты заслуживаешь только лучшее, Слоан.

Комната вращается вокруг. Его руки ложатся мне на живот, глядят меня, и теперь я

думаю, что плохо думать о том, что это плохо.

Его ладони опускаются вниз к бедрам, потом до колен. Надавливает и раздвигает ноги, открывая их шире.

— Просто закрой глаза и расслабься. Пожалуйста, позволь мне сделать это для тебя.

И прежде чем успеваю согласиться или отказаться, его рот возвращается мне между ног, его язык погружается в меня, вылизывает, и снова погружается. Моя спина выгибается и я по-прежнему изо всех сил сжимаю простынь.

Теперь его язык начинает вылизывать только мой клитор.

Никогда в жизни ничего подобного не чувствовала.

Изо всех сил зажмуриваюсь и начинаю его принимать. Сдаюсь тяжести и легкости своего опьянения и уже через секунду мой голос снова предает меня.

— Аса, — выкрикиваю я.

Я задыхаюсь.

Отпускаю простыни и хватаюсь за его волосы, притягивая его, мне нужно, чтобы он был еще ближе.

— Не останавливайся, — просит мой голос, несмотря на то, что сознание кричит, **ОСТАНОВИСЬ!**

Не останавливайся.

Остановись.

Нет.

Да

Нет.

— Да! — откидываю голову на подушку.

Мое тело полностью подается ему, хотя сознание еле пытается догнать.

На этот раз я напряжение внутри другое. Держусь за его волосы обеими руками, и начинаю реагировать совершенно по-новому.

Аса прав. Так хорошо. Это так приятно. Так хорошо, что я запрещаю себе думать о том, во что мне обойдется это состояние, когда все закончится.

У меня не было ничего хорошего в жизни. Мне это необходимо. Я должна почувствовать нечто хорошее.

Сейчас я дрожу. Всем телом. Его язык и губы двигаются с таким рвением, будто единственное его желание это доставить мне наслаждение. Чувство усиливается... дыхание становится все более беспорядочным, мои стоны становятся более отчаянными.

А потом это происходит.

Глубоко внутри, и не понятно действительно ли я не сплю. Должно быть это сон. Это невозможно почувствовать наяву.

Невероятно мощная волна чувств. Я застываю, когда оргазм проходит через все тело. Я больше не издаю стоны, перестаю дрожать, дышать. Проходят секунды пока оргазм крепко сжимает меня. Еще через несколько секунд он отпускает меня, освобождает, и отбрасывает вниз.

Я снова дрожу, тяжело дыша. Аса убирает свои губы и поднимается, прикладывая их к моим. Чувствую свой вкус на его губах... его язык у меня во рту, его мокрые губы на моих губах.

— Блять, — выдыхает он мне рот. — Я был не прав. Вот это мой любимый аромат.

Его язык погружается глубже в мой рот, и я проглатываю его стон, когда он садится на меня.

Пытаюсь глотнуть воздуха. Я выдохнула весь, прямо перед его поцелуем и теперь мне нечем дышать, потому что он так сильно целует меня, что невозможно вздохнуть. Голова тяжелая, но мозг работает, и я хочу попросить его замедлиться. Хочу попросить его дать мне секунду, чтобы вдохнуть воздух. Я много чего хочу сказать ему, но вокруг меня все кружится на меня наваливается вина за то, что позволила всему этому случиться, ведь я даже не была уверена, хотела ли этого.

Аса, наконец, отрывается от меня и я судорожно вдыхаю воздух, когда он прижимается ко мне щекой.

— Задержи дыхание, — шепчет он. — Может быть больно.

Его ладонь прижимается к моему животу, но не могу понять что он делает и где будет больно.

— Что будет больно? — с трудом выдыхаю я.

И слышу ответ в своем собственном крике.

Все тело пронизывает боль, когда он пытается войти в меня одним быстрым неожиданным толчком.

А потом еще одним.

— Аса! — выкрикиваю я.

Он целует меня, когда по щеке стекают слезы.

— Слоан, — бормочет он, целуя в губы и толкаясь в третий раз. Четвертый. Пытаюсь сжать ноги вместе, пытаюсь оттолкнуть его от себя, и толкаюсь руками в его плечи.

Он хватается меня за руки, одним движением, и поднимает их над головой, вжимая в матрас.

Сейчас мне уже не так приятно. Ощущение от того что он внутри меня совершенно не похожи на те, когда его рот был на мне.

— Ты такая охуительно тугая, Слоан, — шепчет он. — Спасибо тебе. Спасибо тебе большое, за то что дала мне это.

Дала?

Разве я дала это ему? Я даже не помню когда он спрашивал, готова ли я. *Хотела* ли я этого? Или он просто это взял?

Я думаю.

Кто так поступает? До этого Аса уверял меня, что готов ждать и я поверила ему.

Сильно зажмуриваюсь и пытаюсь обдумать все. Все что я могу чувствовать это давление изнутри. Бедрa горят, от того что я пытаюсь сжать их, но не могу.

Я проснулась от этого. От его прикосновений... поцелуев. И я не остановила его.

Я сказала да.

Произнесла это слово вслух.

Я просила *не останавливаться*.

Он неправильно понял меня, я просила не об этом. Я была готова не к этому.

Я выбрала не те слова, и это не его вина. Это *моя* вина.

Я больше не девственница и мне некого винить за это кроме себя.

Его губы скользят по моей щеке и Аса слизывает мои слезы.

— В следующий раз не будет больно, — шепчет он, слизывая слезы с другой части лица. — Обещаю.

Если бы он хоть на секунду задумался что только что лишил меня девственности без моего согласия, то бы не вел себя так. Аса благодарит меня за то, что я согласилась. Он полностью осознает все, что между нами происходит, а я до сих пор наполовину сонная и не понимаю по взаимному согласию ли все произошло. Должно быть да.

Он бы не сделал этого. Если я не хотела, чтобы это произошло, зачем тогда я легла с ним спать? Голой? Я едва его знаю.

Я должна была лучше подготовиться.

Подготовиться.

Я ахаю. *Мы не были готовы.*

Аса даже не надел защиту. Пытаюсь вырвать руки из его схватки, но он не выпускает.

Аса, — молю я. — Презерватив.

Он стонет мне в шею, — Резинка на мне, детка. Не волнуйся, — сжимает мои руки и отстранившись, смотрит на меня сверху вниз.

— Ты такая тугая, — говорит Аса. — Это чертов сон.

Или ночной кошмар.

Аса отпускает мои руки. Все то время, пока он занимался со мной сексом, я ни разу не остановила его.

Ни разу.

И я даже не знаю чего сейчас хочу. Что сделано, то сделано, и было бы как то неправильно останавливать его. Не тогда, когда он думает что я хотела этого. Тогда я бы почувствовала себя еще более незрелой и неопытной по сравнению с ним. Единолично получить удовольствие... дважды за ночь... и останавливать, когда настала его очередь?

Теперь он берет меня за колено, и подняв ногу, закидывает себе за талию.

Я морщусь, потому что в этой новой позе Аса глубже входит в меня.

— Больно? — шепчет он.

Я киваю. — Да.

Он улыбается, и эта улыбка вызывает раздражение. Почему он улыбается?

— Будет еще больнее, если я остановлюсь, — поясняет он. — В следующий раз ощущения будут совсем другие. Я обещаю. Просто глубокого дыши, ладно?

Если остановиться будет еще больнее? О Боже! Не знала, что первый раз будет таким. И почему я считала себя такой ничтожной, из-за того что так долго ждала этого? Я могла бы прожить счастливую жизнь, если бы знала что будет так больно.

— Обхвати меня второй ногой, — просит он. — Будет лучше, если ты перестанешь сопротивляться.

Я делаю, что он просит и пытаюсь расслабиться. Готова на все лишь бы не чувствовать боль.

Аса целует меня и мягко захватывает зубами нижнюю губу. Закрываю глаза и изо всех сил стараюсь заставить свое тело остановить сопротивление. Как так получается, что я так сильно хотела его и вдруг неожиданно все резко переменялось? Это не его вина. Эгоистично принять то от чего мне было хорошо, а потом отказываться от того что сделает хорошо ему.

— Ты такая сладкая, Слоан. Такая чертовски сладкая, — его движения ускоряются. Становятся сильнее. Надеюсь, это означает скорое окончание.

Он хватается одной рукой за спинку кровати и чуть приподнимается. Теперь, когда вес перенесен на кровать, с каждым его толчком спинка кровати ударяется о стену. Как будто, каждый удар заводит его еще сильнее, то, что на стене остаются вмятины, потому что с каждым ударом он впивается в меня еще сильнее.

— Как же блядь хорошо, — стонет Аса.

Я не могу закрыть глаза. Я наблюдаю за ним снизу, и глядя как он поглощён своими ощущениями, находясь во мне, мне кажется, что боль почти спадает.

Почти.

Пытаюсь получить удовольствие от этого. И наверно мне чуть-чуть удастся. То как он смотрит на меня, как пыхтит, прикасается ко мне свободной рукой. Кладет ладонь мне на

грудь и спрашивает:

— Тебе уже нравится?

Я хнычу, в знак согласия. То как он смотрит на меня мне начинает нравиться.

— Скажи, что тебе нравится, — просит он.

Я закусываю губу. Его палец прижимается к моему соску и теперь обе его руки свободны. Аса наклоняется пока его губы не оказываются на моем соске, нежно всасывая его. Он больше не скачет во мне.

Сейчас движения нежные. Почти не ощутимые.

Так лучше.

Теперь не очень больно.

Его рот переключается на другую грудь, и глядя мне в глаза, он вылизывает кругами вокруг соска, слегка постукивая по нему.

— Тебе это нравится, Слоан?

Я наконец киваю. Аса улыбается, продолжая дразнить меня ртом. Сжимает губы на соске, и всасывает его, сильно, нежно закусывая губами. Он переключается с груди на губы.

Спасибо тебе, — благодарит он, медленно толкаясь в меня. — Спасибо что доверилась мне. Спасибо что отдала мне то, что никогда не хотела никому отдавать. — Его язык медленно скользит по моей нижней губе. Руки поднимаются вверх по груди и обхватывают мою шею.

Несмотря на то что он нежно сжал горло, мое сердце все равно подпрыгнуло в груди от страха.

Должно быть, он видит страх в моих глазах, поэтому шепчет:

— У тебя чертовски сексуальная шея. Мне просто хочется прикоснуться к ней. Я не причиню тебе боль, просто хочу чтобы мои руки находились тут, ладно?

Понятия не имею что приемлемо во время секса, а что нет. У меня всего то десятиминутный опыт.

Я сглатываю и медленно киваю.

Он закрывает глаза и прижимается лбом к моему. Наши губы едва соприкасаются, мы

не целуемся. Аса просто начинает медленно двигаться: вовнутрь, чуть выходит и снова вовнутрь. Каждый толчок ускоряется. Становится более размеренным. Он тяжело дышит мне в рот, продолжая руками обхватывать горло. Нежно обхватывать. И хоть эти ощущения совсем не похожи на ощущения его губ, сейчас совсем другое чувство. И внезапно я хочу чтобы ему понравилось. Чтобы ему нравилось ощущать меня.

Все это время я не закрываю глаз, зачарованная силой его ощущений. Аса продолжает прижиматься ко мне, его губы по прежнему едва касаются моих, а хватка на горле усиливается.

— Блядь, — шепчет он мне в рот. — *Блядь*, — повторяет. Его начинает трясти, когда он кончает, и теперь мы дышим в унисон. Я хватаю ртом воздух, когда Аса снова и снова впивается в меня. Он останавливается во мне, и наши губы и дыхание соединяются.

Аса наваливается на меня и зарывается лицом в шею, но спустя минуту я чувствую его поцелуи. — Спасибо, — снова шепотом благодарит он.

Я не говорю пожалуйста.

Смотрю в потолок, не понимая, откуда во мне столько противоречий. Мне понравилось, что я доставила ему удовольствие. Мне понравилось, когда он доставил мне удовольствие.

Но мне не понравилось все остальное.

Вот наверно почему пишут что секс в реальной жизни отличается от секса, описанного в книгах или показанного по телевизору.

В реальной жизни он не такой приятный. Грубый. Даже в какой то степени отталкивающий.

К счастью так будет не всегда. Будем надеяться, все будет только лучше.

Аса кладет руку мне на щеку и прижимается губами к уху.

— Тебе будет сложно теперь избавиться от меня.

Я улыбаюсь. По крайней мере он убедил меня что я что-то да значу для него. Что он не воспринимает меня как нечто одноразовое.

А это позитивный момент. Мне все еще тяжело говорить с ним. Иногда позитивные моменты кажутся негативными, а негативные позитивными.

У меня смешанные к нему чувства. Но, по сути, мне не с чем это сравнить. *И не с кем.*

— Сейчас приду, — говорит Аса и поднимается. Встаёт с кровати и я впервые вижу его

полностью обнаженным. Каждый мускул на теле четко очерчен. Он наклоняется, аккуратно снимает презерватив, и выбрасывает его в урну.

Я даже не помню когда он надел его. Наверно когда я сказала ему, что хочу заняться с ним сексом. Ведь это именно так происходит? Вы обсуждаете секс, а потом надеваете презерватив. Наверно в это время я находилась в полудреме.

Мне стыдно, что сегодня иногда я сомневалась в нем. Аса все время был добр ко мне. Честен со мной. Я обвиняю его в своей собственной молчаливой нерешительности. Как он мог остановиться, когда сама я ни разу не произнесла вслух слово нет.

Аса выходит из спальни, но возвращается меньше чем через минуту. Закрывает за собой дверь и подходит к кровати, усаживаясь рядом со мной. У него что-то в руках.

Он наклоняется ко мне, и положив руку на колено, раздвигает мои ноги, в потом прикладывает мне между ног. Что-то теплое и влажное.

— Хочу облегчить твою боль, — поясняет Аса, полными беспокойства глазами. — Нужно приложить на пару минут.

Я киваю и расслабляю ноги, пока он придерживает теплую салфетку. Мы молчим. Все это итак слишком странно для меня, а слова только усилят мою неловкость. Вообще не понимаю, что нужно сейчас говорить.

Аса целует мое колено, — У тебя тут пошло немного крови, — говорит он, протирая. — Это нормально, кровь больше не идет.

Выкидывает салфетку в урну и ложится рядом со мной. Накрывает нас одеялом, и теперь мы лежим лицом друг к другу.

— Тебе понравилось? — спрашивает он, убирая с моего лица прядь волос.

Я не хочу ранить его чувства, поэтому лгу.

— Да, — шепчу в ответ. — Было больно. Но мне понравилось.

Аса целует меня в щеку, — Что ж, а мне очень понравилось, — он обнимает меня и его рука ложится мне на ягодицу. Прижимает меня ближе к себе. — Завтра я отвезу тебя домой, — говорит он, сжимая меня в объятиях. — Но я надеюсь, нам хватит времени, чтобы тебе тоже очень понравилось. Обещаю. Первый раз всегда болезненный.

В течение следующих нескольких минут, он целует каждый сантиметр моей шеи и плеч. Без языка. Только губами, мягкие и нежные прикосновения к коже. Никогда не чувствовала такой нежности. Каждый раз, когда я думаю, что он уснул и сама почти засыпаю, его губы снова прикасаются к моей коже.

Как будто Аса боится уснуть из страха, что если он проснется, все окажется сном.

И вот опять, когда я почти уже засыпаю, он снова целует меня в шею, и я вздрагивая, просыпаюсь.

— Аса, — шепчу. — Спи. Я не уйду.

Он резко встает, поэтому открываю глаза. Он лежит, облокотившись на локоть и свирепо смотрит на меня.

Не понимаю, что я такого сказала, но это разозлило его. Или может мои слова вызвали совершенно противоположный эффект. Я не уверена.

— Ты клянешься? — спрашивает он, сверля взглядом. — Что не уйдешь?

Я киваю, потому что, похоже, ему нужно подтверждение.

— Клянусь.

Аса выдыхает и прижимается своим лбом к моему.

А потом он целует меня.

— Не хочу, чтобы ты уходила, — говорит он между поцелуями. — Не оставляй меня, Слоан.

Мне не нравится тон его голоса. В его мольбе слышится страх. Не знаю, почему он просит об этом, и что он имеет в виду — сегодняшнюю ночь или вообще навсегда?

Конечно же, не навсегда.

В любом случае, теперь мне интересно, что с ним могло такое случиться, что он стал таким ранимым. Либо он кого-то очень сильно любил, либо ненавидел. Надеюсь, это был первый вариант.

— Пообещай, — просит он, снова целуя меня. — Скажи, что не уйдешь.

Я беру его лицо в руки и шепчу:

— Я не уйду, Аса. Обещаю. Я буду здесь, когда ты проснешься.

Он прижимает меня к себе и очень крепко обнимает. Так мы лежим довольно долго и только когда его хватка ослабляется я понимаю, что он, наконец, уснул.

С минуту смотрю на него. Когда Аса спит, он больше похож маленького уязвимого мальчика, чем на зрелого мужчину. Черты лица мягче и губы не сжаты в тонкую линию. Во сне он расслаблен. Расслабился, держа меня в руках.

Медленно переворачиваюсь и ложусь на живот. Его рука все еще лежит на мне, но я передвинулась на другую сторону, и свесив руку с кровати, смотрю на стену.

Закрываю глаза, и думаю о сегодняшнем дне.

Меня в первый раз поцеловали.

Я сходила на свое первое свидание.

У меня впервые был секс.

И даже если это произошло не так как я представляла или не так как бы хотела, Аса и без того обращался со мной лучше чем кто либо за всю мою жизнь. Я знаю его всего один день, но уже чувствую, что значу для него больше чем когда-либо значила для своей матери.

Я ловлю себя на том, что наслаждаюсь его объятиями. Приятно быть желанной. Даже лучше чем быть нужной. Я практически засыпаю, когда Аса двигается ко мне. Нежно целует меня в спину.

— Ты спишь на животе? — шепчет он. — Не знаю почему, но мне чертовски это нравится.

Он кладет голову мне на спину и прижимается щекой.

Так мы и засыпаем.

Я на животе.

А Аса наполовину на мне, чтобы я гарантированно не ушла, даже во сне.

Глава 48 ЭПИЛОГ К ЭПИЛОГУ

Asa

НАШИ ДНИ

Недавно по новостях рассказывали о каком-то чуваке, который изнасиловал девушку. Ему назначили срок всего в несколько месяцев, то ли потому что был белым, то ли потому что выиграл много медалей, то ли все вместе взятое.

Все гребанное общество сходило с ума от этой новости. Куда ни глянь, везде информация об этой истории. Об этом приговоре неделями говорили на всех каналах.

Я не в курсе всех деталей, но этот парень не был серийным насильником. Уверен, что это его первое или второе преступление, но все вели себя так, будто он поступил как ебанный Гитлер.

Я не к тому, что ебучий насильник не заслуживает такого тюремного срока, а то и еще большего. Я не защищаю таких гандонов. Просто немного раздражен, что мое преступление не получило ни одной проклятой минуты телевизионного вещания. Я, блять, *убил* парня и меня даже не судили. Я создал самый крупный рынок по продаже наркотиков внутри колледжа, со времен его ебанного *основания* и меня даже не судили. Даже после того как я выстрелил в Райана, судья посадил меня под гребанный домашний арест до суда.

Домашний арест. Шесть прекрасных месяцев.

Это смешно. Весь этот народ и эти чертовы расистские лицемеры, которые управляют страной — все они посмешище, и парни как я извлекают их этого собственную выгоду. Мне было бы стыдно за эту страну, если бы я не любил ее так сильно за недостаток резонанса.

И пока мы всей страной обсуждаем белого парня, который безнаказанно занялся сексом с телкой против ее воли... я более чем уверен, что у меня пальцев двух рук не хватит чтобы сосчитать сколько раз я был внутри Джесс против ее желания. И честно говоря, это единственная причина, почему я возился с ней. Мне нравилась ее ненависть ко мне.

Не понимаю, как я мог выйти сухим из воды со всем этим дерьмом и никто не поднял шум по этому поводу. Я выгляжу лучше большинства этих чуваков, которые получили национальную славу в СМИ. К тому же я не похож на пидора... как многие из них. Чтс такого в этих уродливых белокожих, что они заполонили все гребанное телевизионное время?

Это потому что я не какой-нибудь пижон?

Наверно все-таки в этом дело. Я вырос сиротой с двумя дерьмовыми родителями.

СМИ знают, что люди не хавают истории вроде моей, просто потому что у меня нет белокожих богатых родителей, которые бы спонсировали меня.

Образ. Мой единственный шанс на известность и даже тут мои родители все блядь мне портят.

Пол, мой чертов адвокат говорит, что я это хорошо, что СМИ не подняли нашу историю. Говорит, что когда СМИ берутся за такие дела, они так все выворачивают, что судья чувствует себя вынужденным вынести самое жестокое наказание. *Всем в назидание, так сказать.* По мне так это вполне логично, но сомневаюсь что Пол осознает какой эффект я оказываю на людей. Я чертовски харизматичный. СМИ бы полюбили меня. И тогда бы Слоан была вынуждена следить за событиями, потому что об этом говорили бы без остановки на всех каналах.

Блядь, я опять это сделал. Позволил мыслям о ней войти в мою голову. Я пытался слушаться своего психиатра... стараться не думать о ней.

Каждый раз, когда я думаю о ней, такое ощущение, что я старый жиртрес с высоким уровнем холестерина, намертво падающий от сердечного приступа. Рука крепко хватается за сердце, а коленям хочется упасть на пол.

Почти задыхаюсь, просто вспомнив, что она сделала со мной.

Моя Слоан.

Это только моя вина. Я не должен был так сильно любить что-либо, как любил ее. Но я не смог удержаться. Казалось, что она была создана для меня. Словно она была послана на эту землю, в качестве дара, за все дерьмо, что мне преподнесла жизнь в детстве. Какое-то время я даже думал, что она была "извинением Господа" передо мной. Будто он спустил ее прямо ко мне с небес, со словами: "Вот, Аса. Я создал этот луч света, чтобы возместить всю тьму, отброшенную на тебя родителями. Она мой подарок тебе, дитя мое. С ней, твоя боль исчезнет".

И так и было. Больше двух лет у меня был собственный кусочек рая, с круглосуточным доступом к нему. Слоан была Евой, до того как гребанный змей не испортил ее. Она была милой и невинной. Нетронутой. Мой собственный маленький ангел в человеческом облики.

До появления Люка.

Люк это искуситель моей Евы. Сатана. Заманил ее своим яблоком, введя в грех. Развратил ее.

Когда я думаю о Слоан, что происходит каждую чертову секунду каждого гребанного дня, я думаю о Слоан-до-Люка. Слоан, которую я любил. Слоан, которая светила как ебанная рождественская елка, каждый раз когда я уделял ей хотя бы секунду своего внимания. Слоан, которая пекла для меня кокосовый торт и готовила спагетти с фрикадельками, просто потому что знала, что это вызовет у меня улыбку. Слоан, которая не смотря ни на что спала в моей постели каждую ночь и ждала, когда я приду и разбужу ее сексом. Слоан, которая выражала мне свою любовь, ухаживая за моим домом, как полагается хорошей женщине. Женщине, которая не является шлюхой.

Я просто обожал наблюдать за тем, как она убирается. Она никогда не жаловалась на всех тех свиней, которые не уважали мой дом. Она просто убиралась за ними, потому что она знала, как сильно я любил, когда мой дом выглядит убраным.

Мне не хватает ее. Мне не хватает того, как сильно она любила любить меня. Я скучаю по ее невинности... мой ангел... мое собственное извинение от Бога.

Но теперь... после того как она попала на удочку этого ебанного змея... Я хочу, чтобы она умерла. Чтобы они оба умерли. Если она умрет, мне не нужно будет думать о том, что она уже не та девушка, в которую я влюбился. Если она будет мертва, мне не нужно будет думать о звуках, которые она издает, когда ее трахает Люк. Если она умрет, я смогу оставить в прошлом ненависть к *Слоан-после-Люка*, которая забрала все, что я когда-то любил в Слоан.

Я все гадал, если я убью Люка, если он исчезнет из наших жизней, сможет ли она превратиться в прежнюю Слоан, которую я знал? Иногда я подумываю дать ей последний шанс. Возможно, если я сначала убью Люка и дам ей время приспособиться к жизни со мной, я смог бы научиться заново любить ее так, как раньше.

Но я выдаю желаемое за действительное. Он был внутри нее. Не только внутри ее тела, а внутри головы. Он заставил ее думать, что он лучше меня, что он может предложить ей больше, чем я. Не уверен, хочу ли я простить ее за эту ебанную тупость.

Ее сияние погасло. Теперь она превратилась в тупую куклу. Слишком много детей играли с ней.

Ебанный стыд.

Однако это не продлится долго. Я придумаю, как добраться до них. Вопрос лишь в том, как это произойдет.

Откидываюсь на спинку дивана и закрываю глаза. Засовываю руку в трусы и задаю себе вопрос, когда я уже смогу кончить без мысли о Слоан. Даже ненавидя ее с такой силой, мой член твердеет только от одной единственной мысли о ней.

Я думаю о Слоан-до-Люка. О первом поцелуе в том переулке. Когда я узнал, что мои губы первые прикоснулись к ней. Вспоминаю, какая она была чистой и невинной. Как она была очарована мной. Она смотрела на меня так, будто не могла насмотреться. Словно я был самим Богом.

Мне не хватает Слоан, в которую я влюбился.

И именно когда я становлюсь невероятно твердым, кто-то стучит в мою дверь.

— Бляядь — стону я и вынимаю руку из трусов. Кто-то выбрал паршивое время.

Встаю и чувствую тяжесть браслета на щиколотке, интересно я когда-нибудь привыкну к нему? Три месяца и я сойду с ума. Я не смогу выдержать три месяца. Надо бы закупиться снотворным и проспять следующие три месяца.

Смотрю в глазок и открываю дверь Энтони. Он уже знает что, говорит часто вслух

запрещено. Я не дурак и знаю, что эти лохи прослушивают мой дом.

— Привет, чувак, — здороваюсь я, выхватывая у него черный рюкзак.

— Привет, — отвечает он, оглядываясь вокруг как параноидальный придурок, — Я нашел тот кокосовый торт, который ты искал.

Кокосовый торт — это шифр компьютера. *Пекарня* — это шифр Слоан.

Я специально не пользуюсь теми двумя компьютерами, которые стоят дома. Когда окружной прокурор и его люди пытаются состряпать на кого-нибудь дело, они не оставляют в их доме компьютеры. Они их конфискуют. Тот факт, что оба моих компьютера до сих пор в доме доказывает, что они ждут, когда я начну поиски, ведь они наблюдают за мной. И просто чтобы позлить их, каждый день я практически по часу сижу интернете и набираю в поисковике запрос типа "*Как найти искупление через Христа*".

Я даже включаю церковные песнопения, чтобы они подумали, что я действительно меняюсь в лучшую сторону. Черт, прошлой ночью я зашел так далеко, что создал аккаунт на Pinterest (прим. Pinterest — всемирный каталог идей, где собирают рецепты, советы для родителей, стильные штучки и другие идеи.) Это правда. *У Аса Джексона есть страница в Pinterest*. Я опубликовал несколько рецептов, и три часа добавлял вдохновляющие цитаты просто, чтобы сбить их с толку.

Какой же смешной этот гребанный мир.

Сажусь на обеденный стол на кухне и открываю рюкзак. Я потратил месяц чтобы, наконец найти парня, который бы точно не настучал на меня. У меня на него слишком много информации. Он на всю жизнь загремит в тюрьму, если сдаст меня.

К тому же, Энтони очень любит легкие деньги, наверно он даже бы согласился убить Слоан и Люка за меньшую сумму, которую я заплатил ему за этот ноутбук. Единственный минус Энтони в том что он мне все мозги выебет пока, наконец, не придавит Слоан или Люка. Каким-то образом он нашел парня, который нашел их адрес. Я не задаю слишком много вопросов, потому что чем меньше я знаю о его связях, тем лучше, на случай если копы вернутся чтобы выпытать информацию. Но я почти уверен, что в отделе Люка сидит продажный уебок, который проболтался за меньшее, чем Энтони потребовал от меня.

Это человеческое нутро. Мы *все* совершаем подлые поступки за деньги.

— Ты нашел пекарню? — спрашиваю его. Он кивает.

Заебись.

Он нашел гребанную пекарню.

— Я ездил и сам проверил, — ухмыляется он. — Ты был прав. Чертовски симпатичная пекарня.

Я игнорирую чувство, будто все мои кишки подступили к горлу, потому что он говорит мне что видел Слоан, и сосредотачиваюсь на том, что он отчётливо дал понять что она была сексуальной. *Что о себе возомнил этот мудила?*

— И кстати, что такого особенного в этой пекарне? — спрашивает он, облокачиваясь на спинку стула. Он хочет знать, почему я отвалил десять кусков за компьютер и ее адрес. Еще пять кусков были обещаны за свежие фото и видеоматериалы, доказывающие, что она проживает именно там. — Эта пекарня единственная в своем роде, Энтони, — отвечаю я, вынимая ноутбук из рюкзака.

Энтони приложил инструкции, как получить доступ к скачиванию всех кадров наблюдения. Так же в рюкзаке лежал вай-фай роутер, купленный на его имя, чтобы меня никто не проследил.

— Ты купил какие-нибудь кексы в той пекарне? — спрашиваю его. *Кексы* — это шифр кадров наблюдения за Слоан.

Мы похожи на двух придурков, которые обсуждают печеное, вот почему я придумываю эти шифры, когда он приходит. На прошлой неделе мы говорили о телевизионных шоу.

Эндрю снова ухмыляется, — Да, они в сумке, — отвечает он, вытаскивая из рюкзака несколько листов бумаги. Разворачивает листок и указывает на электронный адрес с паролем, давая понять, что там я смогу найти все материалы.

Пульс тут же начинает ускоряться, и я изо всех сил пытаюсь успокоиться. Хочу чтобы Энтони ушел, и я смог загрузить материалы слежки. Мне необходимо увидеть ее. Прошло три месяца с тех пор как я вживую смотрел на нее. Мне просто, блядь, необходимо увидеть ее.

Я встаю и иду по коридору, чтобы дать ему обещанную награду. Кидаю на стол деньги и указываю на дверь, давая понять, что сегодня он мне больше не нужен. Он убирает конверт в задний карман.

— Тебе что-нибудь еще нужно? Я могу вернуться завтра.

Я качаю головой. — Нет. Я дам тебе знать, когда доем торт.

Он усмехается и идет к входной двери.

Я настраиваю роутер и захожу на почту. Там входящее письмо со ссылкой на облако хранения данных, и сообщение от Энтони.

"Запись велась вчера, примерно восемь часов и обрезана на куски, где видна парочка. Несколько минут записи, как какой-то парень уезжал, а потом вернулся. В середине записи видно девушку, которая выносила мусор. В конце записи видно их обоих. На этой неделе запишу больше. Если захочешь, мы можем установить онлайн камеру и ты сможешь наблюдать через компьютер. Установка камеры займет две секунды. Просто дай мне знать".

Я отвечаю ему, прежде чем загрузить все файлы.

"Конечно же, блять я хочу онлайн камеру. Почему блять ты только сейчас мне об этом говоришь?"

Отправляю письмо и начинаю скачивание. На это понадобилось целых гребанный пять минут. Как только все закачалось, я встаю и запираю входную дверь. Не хочу чтобы кто-нибудь меня отвлек.

Так же наливаю себе выпить, потому что во рту у меня нихуевый сушняк. Меня подташнивает от мысли, что я сейчас увижу ее впервые за три месяца.

Сажусь обратно на стол и нажимаю воспроизведение. Видеоролик длиной в тринадцать минут. Три минуты Энтони просто фокусирует камеру, снимая входную дверь дома. Съемка проводится с высоты, как будто он снимал со второго этажа дома. Я знал, где бы Люк со Слоан не остановились, Люк будет очень подозрительным. Наверняка он нанял кого-то чтобы быть уверенным что никто не попадет в его дом, пока его нет. Я снял Энтони квартиру в ближайшем жилом комплексе с видом на их входную дверь, чтобы он смог заснять хороший материал и чтобы его не запалили сидящим в машине.

Через три минуты и тридцать одну секунду их входная дверь открывается. Выходит Люк, смотрит на право, а потом на лево. Мне нравится, что он на чеку. Мне нравится, что каждый раз когда он открывает дверь своей квартиры, он думает обо мне. Гадает там ли я, готовый отомстить.

Ролик обрывается и появляется следующий кадр.

Вот когда я вижу это. Дверь начинает открываться.

Я вижу ее руку, когда она выносит мусорный пакет и кладет его на землю рядом с дверью. Я едва улавливаю взглядом промелькнувшую прядь волос, когда она хлопывает дверь. Похоже, что она прячется. Как будто она боится, что за ней наблюдают. Ей страшно находиться там одной.

Ебанный Люк просто оставляет ее там, одну, скорее всего на несколько часов в день. Мне наплевать, что он должен работать, чтобы платить по счетам. Если бы это был я, и я был бы со Слоан, я бы блядь нашел способ защитить ее. Если бы я знал, что существует парень, который представляет для Слоан опасность, я бы никогда не потерял ее из вида.

Это первый признак того что он не любит ее так как я.

Как я любил.

Я больше не люблю ее.

Ведь так?

Блядь.

Я пересматриваю этот отрезок не менее двадцати раз, глядя на ту руку, которой она выносит мусор. На ее волосы, витающие над ее плечом, когда она захлопывает дверь. Мое сердцебиение ускоряется каждый раз как я смотрю на ее руку и останавливается когда дверь захлопывается.

Черт побери. Это так. *Я до сих пор люблю ее.*

Я блядь люблю ее и меня убивает то, что она одна в этой квартире, слишком напугана, чтобы даже открыть дверь настежь. Этот тупой гребанный ублюдок просто оставляет мою Слоан в полном одиночестве и страхе, пока я заперт в этом чертовом доме и не могу добраться до нее благодаря ему.

— Я скоро увижу тебя, детка, — шепчу я экрану компьютера. — Не бойся.

После нескольких повторов, я наконец смотрю дальше. Эта часть записана спустя нескольких часов. К дому подъезжает машина Люка. Он выходит, открывает багажник и достает пакеты с продуктами.

Ой как мило. Этот подонок поехал в продуктовый магазина за едой для его маленькой фальшивой семьи.

Он несет пакеты к дому и своим ключом открывает дверь. Пытается ее отворить, но она закрыта изнутри.

Умная девочка. Никогда не доверяет одному замку.

Слоан открывает ему дверь. Люк исчезает внутри, а Слоан идет, *нет она практически скачет к машине.* Она улыбается. Подходит к багажнику и хватает один из пакетов, когда Люк возвращается обратно с поднятыми вверх руками. Кажется, он просит ее остановиться и не брать пакеты. Указывает на нее, на ее живот и что-то говорит, что ее смешит. Она прижимает руки к животу, и в этот момент я вижу это.

Вот когда я блять вижу это.

Останавливаю ролик.

Смотрю на ее руки, прижатые к животу. Смотрю на улыбку на ее лице, когда она смотрит вниз на свои руки, нежно придерживая живот. Он едва заметен под ее рубашкой.

Едва.

— Ублюдок.

Я замираю. Считаю дни, месяцы, пытаюсь придать этому смысл.

— Ублюдок.

Я не разбираюсь в циклах жизни. Единственный раз, когда я обрюхатил девушку, я заставил ее сделать аборт, потому что она не была Слоан. И единственное что я знаю как факт... нужно хотя бы несколько месяцев, чтобы у Слоан что-то начало расти. Несколько месяцев назад... это был я, кто был внутри нее. Это был я, кто занимался с ней любовью по ночам.

Люк переспал с ней один раз в тот период времени.

Я имел ее каждый день.

— Ублюдок, — повторяю я, улыбаясь. Не могу удержаться. Мое лицо расплывается в огромной чертовой улыбке. Я встаю, мне нужно пару минут подышать. Восстановить мышление. Впервые в жизни мне кажется, что я сейчас упаду в обморок.

— Твою ж мать! — восклицаю я, глядя на ноутбук, на видео, остановленное на Слоан, — Я стану папой!

Снова сажусь и запускаю руку в волосы. Смотрю на экран так долго, что в глазах начинает все расплываться.

Я что блядь плачу?

Вытираю глаза и конечно же, на моих руках слезы.

Я не могу перестать улыбаться. Увеличиваю картинку в области ее живота и поглаживаю рукой экран в этом месте. Прикладываю руку прямо к ее ладоням на животе.

— Папочка любит тебя, — шепчу я нашему малышу. — Папочка придет за тобой.

Luke

НЕСКОЛЬКИМИ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Я отпираю дверь в нашу квартиру и жду, пока Слоан откроет дополнительные замки.

Все пять.

Меня бесит, что нам приходится быть параноиками. Я ненавижу то, что звоню ей каждый час просто убедиться, что она в порядке, хотя я и так знаю, что за ней круглосуточно наблюдают из машины, припаркованной на соседней улице. Мне ненавистно, что мы вынуждены прятаться, хотя за Аса установлена слежка и он находится под домашним арестом до судебного разбирательства, после которого он, несомненно, отправится за решетку.

Не знаю, как повлияли на Слоан два последних месяца. Я пытался уговорить ее посетить психотерапевта, но она утверждает, что все в порядке. Или будет, когда Аса окажется в тюрьме.

Снять электронный браслет так, чтобы не заметила полиция невозможно — по крайней мере такая гарантия у нас есть. Если Аса сделает что-нибудь глупое и решит покинуть дом, мы узнаем об этом в течение 90 секунд. Но я беспокоюсь не о нем, а о тех людях, которые могут сделать за него всю работу.

Судебная система в этой стране дерьмовая, и это еще мягко сказано. Такое ощущение, что это Слоан наказывают, просто потому что такие люди, как Аса, не считаются виновными до тех пор, пока их вина не будет доказана в суде. И я каждый раз напоминаю себе, что нам еще повезло, что Аса находится под домашним арестом. Судья мог вообще позволить ему выйти под залог, и ходить на свободе до судебного разбирательства.

По крайней мере, мы добились этого.

Несколько дней назад все было не так плохо, пока Аса оправлялся от огнестрельного ранения в больнице. И теперь, зная, что он здоров и находится дома, и к нему могут спокойно приходить и уходить его друзья, мы уже не чувствуем себя в безопасности. Вчера я поставил на дверь еще четыре замка для большей безопасности.

Сейчас мы живем в двух часах езды от дома Аса, и никто, кроме полиции, не знает, где мы находимся. Дорога до дома занимает больше часа каждый день из-за того, что я езжу по объездным дорогам, чтобы убедиться, что меня не преследуют. Это утомляет. Но я сделаю все что угодно ради безопасности Слоан, все, кроме убийства Аса.

Слышу, как замки открываются, и проскальзываю внутрь, захлопнув за собой дверь. Слоан улыбается и встает на носочки, чтобы поцеловать меня. Я обнимаю ее за талию и целую в ответ, повернув ее так, чтобы дотянуться и запереть дверь. Я постарался сделать это незаметно, потому что чем больше я беспокоюсь, тем больше беспокоится она.

Слоан отстраняется от меня, когда я защелкиваю последний замок. Я вижу беспокойство в ее глазах, поэтому пытаюсь отвлечь ее.

— Пахнет замечательно, — говорю я, заглядывая в кухню. — Что готовишь? — Слоан потрясающе готовит. Лучше, чем моя собственная мать, но я не говорю своей маме об этом.

Она улыбается и, взяв меня за руку, ведет на кухню.

— Если честно, я не уверена, — отвечает она. — Это суп, но я просто кинула в него все, что под руку попало, — она открывает кастрюлю и зачерпнув жидкость ложкой, подносит ее к моему рту — Попробуй.

Я пробую.

— Ничего себе. Это потрясающе.

Слоан улыбается и накрывает кастрюлю крышкой.

— Хочу чтобы он еще немного поварился, так что ты сможешь поесть позже.

Я достаю ключи и телефон из кармана и кидаю их на стойку. Тянусь к Слоан и подхватываю ее на руки.

— Еда может подождать, — говорю, пока несу ее в спальню. Я мягко кладу ее на кровать и нависаю сверху. — Ты хорошо провела день? — спрашиваю, целуя ее шею.

Она кивает.

— У меня есть одна идея. Хотя может и глупая. Не знаю.

Я переворачиваюсь на бок и смотрю на нее.

— Какая? — кладу руку на ее живот и сдвигаю вверх футболку, чтобы прикоснуться к ее коже. Я не могу насытиться ею. Не помню, чтобы хоть раз в жизни испытывал такую потребность в прикосновениях к кому-то. Даже когда мы просто лежим и разговариваем, я вывожу узоры пальцем на ее животе или глажу ее руки, или прикасаюсь пальцами к ее губам. Слоан, вроде бы, нравится это, потому что она делает то же самое, и я уж точно не возражаю.

— Ты же знаешь, что я могу приготовить практически любое блюдо?

Я киваю. Конечно, может.

— Я подумала о том, чтобы выпустить кулинарную книгу, включив туда свои лучшие рецепты.

— Слоан, это замечательная идея.

Она качает головой.

— Я не закончила, — приподнимается на локте. — Кулинарных книг слишком много, а я хочу сделать что-то особенное. Хочу отличаться от всех остальных. Поэтому решила сделать акцент на том, что я научилась готовить так хорошо, потому что была фактически вынуждена готовить для Аса каждый вечер. Название может быть забавным что-то вроде «Рецепты, которые я придумала, пока жила с помешанным на контроле, мудаком-бывшим парнем». И я могла бы отдать часть денег жертвам домашнего насилия.

Я молчу, пока не убеждаюсь, что она закончила делиться своей идеей.

Даже не знаю, что и думать. Мне хочется смеяться, потому что она права — такое название будет заметным. Но меня передергивает от мысли, что Аса является причиной, по которой она научилась так хорошо готовить. Потому что он заставлял ее, и у нее не было выбора. Это напомнило о том, как я первый раз пригласил Слоан на ланч и она вела себя так, как будто никогда прежде не была в ресторане.

— Ты думаешь, что это глупо, — вздыхает она, опускаясь обратно на подушку.

Я качаю головой.

— Слоан, нет. Я так не думаю, — дотрагиваюсь рукой до ее щеки, чтобы она посмотрела на меня. — Это необычное название. Люди обратят внимание, я уверен. Мне просто не нравится, что оно такое... правдивое. Это было бы забавно для меня, если бы было шуткой, но это не так. Ты действительно научилась так хорошо готовить по этой причине, и я чертовски ненавижу этого сукиного сына.

Она выдавливает улыбку.

— Благодаря тебе у меня теперь другая жизнь.

Мне постоянно приходится напоминать ей, что не я спас ее.

— Твоя жизнь теперь другая благодаря тебе самой.

Слоан снова улыбается, но с тех пор, как я зашел в дом, ее улыбки выглядят вымученными. Что-то серьезное беспокоит ее, и я не знаю, что это. Может быть, стресс из-за постоянного нахождения в квартире взаперти.

— Ты в порядке, Слоан?

Она довольно долго лежит неподвижно, прежде чем кивает, и я понимаю, что она точно не в порядке.

— В чем дело?

Слоан садится и собирается встать.

— Все нормально, Люк. Мне нужно помешать суп.

Я хватаю ее за руку. Она останавливается у изножья кровати, но не поворачивается ко мне.

— Слоан.

Она глубоко вздыхает. Я отпускаю ее руку и становлюсь рядом с ней.

— Слоан, он не сможет выйти из дома, если ты об этом беспокоишься. Мы узнаем, если он это сделает. Не говоря уже о наружной охране. Ты в безопасности.

Она качает головой, давая понять, что не это расстроило ее. Слоан не плачет, но, судя по тому, как ее губы трясутся, это вот-вот произойдет.

— Это из-за твоего брата? Мы съездим к нему на этих выходных. Нас будет сопровождать охрана, и за ним также присматривают, — я заправляю прядь ее волос за ухо, желая, чтобы она знала, что я рядом. Она в безопасности. Ее брат в безопасности.

Слоан опускает голову еще ниже, и как-то вся сжимается, скрестив руки на груди.

— Мне кажется, я беременна.

Она не захотела ждать в ванной две минуты, в течение которых должен был проявиться результат. Я стою здесь, глядя на тест. Жду.

В тот момент, когда Слоан сказала мне, что может быть беременной, я почувствовал себя так, словно подвел ее. Словно все, что я сделал ради того, чтобы защитить ее, было напрасным. Она сидела, слезы стекали по ее щекам, голова опущена, а голос едва слышен, и я не мог ничего сделать, чтобы прогнать ее страх. Я не мог сказать ей не беспокоиться, потому что здесь действительно есть о чем беспокоиться. Мы можем посчитать. Она была и со мной, и с Аса за последние два месяца. Шанс, что ребенок мой, меньше, чем, если бы он был его, поэтому, если я скажу ей, что не надо беспокоиться, я совру.

Последнее, что ей нужно сейчас, это переживания из-за того, что она носит в себе часть этого человека. То, из-за чего она будет привязана к нему до конца жизни. И последнее, что ей нужно сейчас, — это вообще вынашивание ребенка, чей бы он ни был. Следующие несколько месяцев будут решающими для ее безопасности. Слоан будет заперта в этой квартире, ожидая судебного разбирательства. Не говоря уже о том, что, когда начнется суд, если она все-таки окажется беременной, ей придется давать показания уже, будучи на

большом сроке.

Медленно вдыхаю, внимательно глядя на тест. На нем не появятся полоски, тут должны отобразиться слова «не беременна» или «беременна». Я сходил за ним, как только Слоан сказала мне. Не хочу, чтобы она гадала, беременна или нет. Чем раньше она узнает, тем быстрее сможет решить, что делать дальше.

Запустив руки в волосы, я расхаживаю по маленькой ванной, ожидая, когда на телефоне зазвенит таймер.

Медленно выдыхаю и когда, повернувшись, вижу на тесте слово «беременна», сжимаю руку в кулак, готовый ударить стену. Дверь. Что-нибудь. Но вместо этого я бью кулаком в воздух и ругаюсь шепотом, потому что должен выйти из этой ванной и разбить сердце девушки.

Не знаю, смогу ли я это сделать.

Я размышляю над тем, чтобы остаться здесь еще на несколько минут, чтобы успокоиться. Но она стоит там, напуганная и, возможно нервничает, сильнее меня. Я открываю дверь, но не вижу ее в спальне. Иду в гостиную и нахожу Слоан на кухне — она снова перемешивает суп. Он варится уже больше часа, так что я знаю, что она просто не знает, чем занять себя. Слоан слышит меня, но не оборачивается. Я захожу на кухню, она не смотрит на меня. Помешивает суп, ожидая, когда я сообщу новость.

Я не могу. Открываю рот в третий раз, но не нахожу подходящих слов. Обхватываю шею рукой и какое-то время наблюдаю за ней, жду, когда она повернется. Когда Слоан продолжает стоять ко мне спиной, а я все еще не знаю, что сказать, я подхожу к ней. Обнимаю ее и притягиваю спиной к своей груди. Слоан замирает и кладет свои руки поверх моих. Я чувствую, что все ее тело начинает сотрясать от бесшумного рыдания. Мое молчание подтвердило ее худшие предположения. Все что я мог делать, это крепко обнимать ее и целовать.

— Я люблю тебя, Слоан, — шепчу.

Она поворачивается и прижимается лицом к моей груди, пока плачет. Я закрываю глаза и обнимаю ее.

Все должно быть не так. Не так девушка должна себя чувствовать, когда узнает что станет мамой. И в какой-то степени я чувствую себя виноватым в том, что она расстроена.

Знаю, что у нас еще будет время, чтобы поговорить об этом. Мы сможем обсудить все варианты позже, но прямо сейчас я сосредоточен на ней, потому что я не представляю, как тяжело ей сейчас должно быть.

— Мне так жаль, Люк, — произносит она, прижатая лицом к моей груди.

Я сжимаю ее крепче, не понимая, за что она извиняется.

— Зачем ты говоришь это? Тебе не за что извиняться.

Слоан поднимает голову, и качает ею, глядя на меня.

— Тебе не нужны лишние заботы. Ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы мы были в безопасности, а я сейчас все порчу, — она отодвигается от меня, берет чертову ложку и начинает снова мешать суп. — Я не хочу втягивать тебя во все это, — говорит она. — Не хочу, чтобы ты смотрел, как я вынашиваю ребенка, который может быть не твоим. Это несправедливо по отношению к тебе, — она откладывает ложку и взяв салфетку, вытирает глаза. Затем поворачивается и смотрит на меня, ее лицо выражает стыд. — Мне жаль. Я могу... — она сглатывает, будто следующие слова слишком тяжело произнести. — Я могу позвонить завтра и узнать, что нужно для того, чтобы... чтобы сделать аборт.

Я смотрю на нее, осмысливая услышанное.

Она извиняется передо мной?

Она думает, что это напрягает меня?

Я подхожу к ней и запускаю руки в ее волосы, поднимая ее голову так, чтобы она смотрела на меня. Еще одна слезинка скатывается по ее щеке, и я вытираю ее большим пальцем.

— Если бы мы могли узнать, что этот ребенок мой, ты бы захотела оставить его?

Слоан морщится, потом пожимает плечами. А затем кивает.

— Конечно, Люк. Время дурацкое, но это не вина ребенка.

Несмотря на то, как сильно мне хочется обнять ее в этот момент, я продолжаю держать ее лицо в своих руках.

— А если бы ты сейчас знала, что этот ребенок Аса, ты бы захотела оставить его?

Она молчит некоторое время. Но затем качает головой.

— Я не смогу поступить так с тобой, Люк. Это несправедливо.

— Я спрашиваю не о себе, — говорю строго. — Я спрашиваю о тебе. Если бы ты знала, что этот ребенок Аса, ты бы захотела его оставить?

Вижу, как еще одна слезинка скатывается по ее щеке, но не стираю ее.

— Это ребенок, Люк, — тихо отвечает она. — Невинный ребенок. Но, как я и сказала, я не поступила бы так с тобой.

Я притягиваю ее к себе и целую в висок, молча держа ее в своих объятиях. Когда я нахожу подходящие слова, то отстраняюсь и снова заставляю смотреть на меня. — Я люблю тебя, Слоан. Безумно люблю. И ребенок, растущий внутри тебя, является твоей частью. Ты хоть представляешь, каким бы я стал счастливым, если бы ты позволила мне любить то, что является частью тебя? — я прижимаю руку к ее животу. — Это мой ребенок, Слоан. Он твой. Наш. И если ты решишь растить его, я буду самым лучшим отцом, который только может быть. Обещаю.

Слоан накрывает лицо руками и начинает плакать. Никогда не видел, чтобы она так сильно плакала. Я беру ее на руки и несу в нашу спальню, где снова укладываю ее на кровать. Притягиваю ее к себе и жду, пока она успокоится. Через несколько минут в комнате становится тихо.

Слоан лежит, положив голову мне на грудь, обнимает меня.

— Люк? — она поднимает голову и смотрит на меня. — Ты самый лучший человек на свете. И я так сильно люблю тебя.

Я целую ее. Дважды. Затем наклоняюсь к ее животу и, задрвав футболку, целую ее живот. Я улыбаюсь, потому что она дает мне то, в чем я даже не подозревал свою нужду. И хоть я очень сильно надеюсь, что этот ребенок мой, а не Аса ради Слоан, это на самом деле не важно. Это не имеет никакого значения, потому что этот ребенок — часть человека, которого я люблю больше всего на свете. Я счастливчик, не так ли?

Я возвращаюсь к ней и целую в щеку. Слоан больше не плачет. Я убираю волосы с ее лба.

— Слоан? А ты знала, что бетонные столбы превращаются в пончики, каждый раз, когда часы врезаются в черепашьи головы?

Она от души громко смеется.

— Ну, победа не является победой, если в комнате нет ничего, кроме грязных носков, а рождественский кекс зачерствел.

У нашего ребенка будут самые странные родители во всем мире.

Asa

НАШИ ДНИ

Точно не знаю, по чьей линии мне передался интеллект, потому что оба моих родителя

невежественные идиоты.

Я не знал бабушку с дедушкой, но иногда мне нравится думать, что я очень похож на деда по отцовской линии, царство ему небесное. Говорят, гены передаются через поколение, так что, возможно, это действительно так. Наверное, я поступаю так же, как и он. И скорее всего, он так же, как и я сейчас, чертовски разочарован, что его сын — мой отец — оказался таким мудаком.

Дед уж точно гордился бы мной, и, наверное, был бы одним из немногих, из мертвых или живых, кто оценил бы по достоинству какой же я всё-таки блядь гениальный.

Давайте объясню.

Электронные браслеты. Их невозможно сломать. Если попытаешься, об этом сразу же узнают. Встроенный волоконно-оптический датчик, пошлет сигнал, как только ты попробуешь снять браслет, и полиция появится на пороге твоего дома в считанные секунды.

Если ты разрядишь батарею, об этом тоже узнают. Его никак не получится снять, потому что нога не такая гибкая, как запястье. Бог не учел электронные браслеты, когда создавал скелет человека. Эгоистичный ублюдок. Запрещено выходить за определенные границы — полиции станет известно. Черт, нельзя даже выпить. В большинство браслетов встроены датчики, которые периодически проверяют уровень алкоголя в крови. Не то чтобы меня это расстраивало. Я никогда не был особым любителем алкоголя. Мне нравится пить, но я могу прожить и без этого.

Если ты не разбираешься в технике лучше, чем те, кто придумали эти гребанные электронные браслеты, то ты точно, без всяких сомнений, не сможешь найти способ избавиться от этой железяки, так, чтобы об этом не узнала полиция.

Херово еще то, что, Люк наверняка устроил все так, что как только браслет зафиксирует, что я покинул дом, или попытался что-либо сделать с ним, он пошлет сигнал и ему. Я не смогу добраться до их дома раньше, чем их предупредят об опасности. Конечно, у меня есть те, кто смогут сделать все за меня, но какой мне в этом кайф? Какой смысл, если это не я, вдыхая запах пороха, буду наблюдать, как сердце Люка останавливается от выпущенной мною пули? Зачем тогда мне нужно, чтобы Слоан осознала, какой жалкий выбор она сделала, если это не я буду слизывать с ее щеки слезы, когда она будет молить о пощаде?

Хорошо, что я всегда и все планирую заранее. Я рассматриваю всевозможные варианты развития событий и придумываю план действий для всего до того, как это произойдет. Потому что я чертов гений. Такой же, как мой старый добрый дедушка.

Однажды, в детстве я подумал что умираю. Я стащил таблетки из маминой спальни. Черт, я тогда даже еще читать не умел и не знал что беру. Просто хотел почувствовать то же самое, что и она, понять, почему мама любила их больше собственного ребенка.

Я пришел в себя через несколько часов после их принятия, и мои лодыжки по форме напоминали, чертovsky бейсбольные мячи. Обе ноги сильно опухли. Тогда я подумал, что это из-за того, что я умираю, и вся кровь прилила к ногам. Теперь-то я знаю, что причина была в таблетках. Антидепрессанты и обезболивающие блокируют кальциевые каналы. Они вызывают сильный отек, что я собственно и испытал на себе. Просто не понимал всего этого тогда.

Несколько месяцев назад пидорок Пол сказал мне, что меня могут посадить под домашний арест до судебного разбирательства. Большинству людей, с таким же обвинением, позволено внести залог и находиться на свободе, но он был почти на сто процентов уверен, что в моем случае, мне грозит домашний арест до тех пор, пока не будет вынесен вердикт. И за это я очень благодарен ему. Предупреждение. У меня была целая неделя в течение которой я мог найти и выпить кучу чертовых таблеток, чтобы мои лодыжки увеличились на несколько сантиметров. Сделать это было не так уж и сложно, учитывая, что я лежал в больнице благодаря этим двум придуркам, которые решили, что выстрелить в меня — это отличная идея. Идиоты.

Как только мне на ногу надели браслет, нужно было продолжать пить таблетки, чтобы не вызывать подозрений у инспектора во время его визитов. Этого тупицу даже не смутило то, что мои лодыжки и икры были толщиной со стволом дерева. Его зовут Стюарт. Кого вообще называют Стюартом? Мой инспектор думает, что у меня просто "широкая кость". Я смеюсь над его тупостью каждый раз, когда он приходит. Но мне вроде как нравится этот парень, потому что он сочувствует мне. Стюарт думает, что я неплохой парень, потому что я смеюсь над его дурацкими шуточками и разговариваю с ним об Иисусе. Стюарт чертовски любит Иисуса. Я даже попросил Энтони привезти мне распятие и повесил его в гостиной над телевизором, где я часами смотрю порно. Какая ирония, да? Стюарт сразу заметил распятие, и я рассказал что оно принадлежало моему деду — баптистскому проповеднику. Сказал, что мне становится лучше, когда я смотрю на крест, зная, что дед наблюдает за мной.

Конечно же, это ложь. Сомневаюсь, что мой дед вообще хоть раз заходил в церковь. И если бы у него и было распятие, он, наверняка использовал бы его как палку для битья.

Стюарту понравилось распятие. Он сказал, что у него есть почти такое же, только меньше. Так же, он проверил браслет на моей ноге и сказал, что все в порядке, и он придет через неделю. Я угостил его кокосовым тортом перед уходом.

Сейчас я стою и смотрю на бутылек с гидрохлордиазидом в моих руках. С ним нужно быть осторожным, если я выпью слишком много, моя кровяное давление резко понизится. Нужно принять столько, чтобы отек прошел и расстояние между лодыжкой и браслетом было достаточным, чтобы я мог снять его и надеть на запястье Энтони.

Вот в чем и заключается мой гениальный план. Если ты сможешь снять браслет таким образом, чтобы оптический датчик не зафиксировал это, то шансы, что об этом узнают,

сведены к нулю. Датчики браслета посылают сигналы наблюдающим через определенный промежуток времени. По настроенному таймеру и прочему дерьму. Поэтому перемещение браслета с моей ноги на руку Энтони окажется незамеченным, потому что браслет останется целым. Полиция думает, что браслеты надежны, потому что люди с нормальным интеллектом не смогут снять их.

Им следовало бы брать в расчет таких гениев, как я. Сейчас мне остается только довериться Энтони, быть уверенным, что он не покинет мой чертов дом или не напьется до тех пор, пока все не закончится.

В то же время нужно еще многое распланировать. Я откупориваю бутылек и достаю четыре таблетки. Открываю ноутбук и начинаю искать гинеколога Слоан, два часа подряд набирая разные номера. К тому времени, когда я наконец узнаю, кого она посещает, я сходил отлить четыре раза. Браслет уже не так плотно прилегает к ноге. Я думал, понадобится несколько дней, но, судя по всему, смогу снять его уже к завтрашнему утру.

Женщина, ответившая на звонок, переключила меня в режим удержания, пока ищет файл. Информация, содержащаяся в ней, как я понимаю, является конфиденциальной. Закон о соблюдении врачебной тайны и все такое.

— Сэр? — спрашивает она, возвращаясь к разговору.

— На связи, — говорю ей.

— Как вы сказали вас зовут?

— Люк. — отвечаю. — Я отец.

Ха! Мысленно смеюсь над тем, сколько, должно быть, шуточек из «Звездных войн» этому ублюдку приходится постоянно терпеть.

— Вы можете подтвердить ваш адрес и дату рождения? — спрашивает медсестра.

Я подтверждаю данные, так как знаю их. Потому что я гений.

После того, как моя личность подтверждается, она спрашивает:

— И что же вы хотите узнать?

— Дату родов. Я сделал видео, которое собираюсь показать, когда мы сообщим о беременности нашей семье, и не хочу спрашивать Слоан, потому что она разозлится из-за того, что я забыл об этом. Надеюсь, вы можете поделиться этой информацией и спасти меня.

Женщина смеется. Ей нравится, что я такой заботливый и любящий муж, и что я жду не дождусь дату родов.

— Похоже зачатие произошло в марте. А дата родов... Рождество! Не знаю даже, как вы могли забыть это, папаша, — говорит она, смеясь.

Я тоже смеюсь.

— Точно. Рождество. Наше собственное маленькое чудо. Спасибо, — благодарю ее.

— Не за что!

Я отключаюсь и смотрю на календарь. В марте Слоан еще жила со мной.

Люк проводил время в моем доме тогда же. Дохера времени.

Я не знаю точно, когда он начал промывать мозги Слоан, или когда она переспала с ним. Все мое тело напрягается от этой мысли. Не могу поверить, что он трахнул ее. Мою Слоан.

Не могу поверить, что она позволила ему. Понятия не имею, использовали ли они презерватив. Но точно знаю, что этот уебок не надел резинку, когда решил взять ее прямо передо...

Не будем об этом.

Я не позволю всем этим сценам вновь прокручиваться в моей голове. Это самое ужасное, что когда-либо случилось со мной. Я пытаюсь убедить себя, что все это было ночным кошмаром. Все, что я видел, слова, которые она произносила, звуки, издаваемые ими, — это мой страшный сон. В меня стреляли четыре раза, я потерял много крови. Это просто не могло происходить на самом деле. Эта сучка не могла позволить другому мужчине на моих глазах пихать в себя...

Забудь. Об. Этом.

Я встаю, снова закипая от ярости. Хватаю стул, на котором сидел, и швыряю его на пол, наблюдая как он врежется во входную дверь. Затем быстрым шагом подхожу к стене и сняв распятие, запускаю его в телевизор, разбивая экран.

Так-то лучше. Слоан жила со мной, когда я купил его. Так что хорошо, что этот долбанный телевизор разбился. Я ищу, что еще можно разбить. Зеркало. Подбегаю к нему и ударяю распятием три раза, пока осколки не осыплются на пол.

Чертова сука. Не могу поверить, что она осмелилась сделать это прямо передо мной.

Иду в ванную, держа в руке распятие. Смотрю на себя в зеркало, задаваясь вопросом, я ли отец ее ребенка. Из-за того, что есть вероятность, что ребенок может родиться похожий

на Люка, я уже ненавижу его. Зная, что Слоан могла быть беременной им, когда Люк трахал ее прямо на моих глазах, я уже ненавижу его.

Я замахиваюсь и несколькими ударами разбиваю зеркало распятием.

Ебанная сука.

Поднимаюсь наверх и разбиваю там все зеркала.

Я даже не хочу этого гребанного ребенка. Он рос внутри нее с марта, и неизвестно, как много раз они с Люком спали за это время. Даже если ребенок и мой, он уже запятнан. Я уверен, что у плода есть уши, и каждый раз когда Люк что-то говорит Слоан, ребенок, наверное, думает, что этот отвратительный голос принадлежит его отцу.

Когда Слоан будет вынашивать моего ребенка, Люка не будет рядом чтобы запачкать его своим присутствием.

Я захожу в каждую комнату, в поисках новых предметов, которые могу разбить своим Иисусом на палочке. Лампы? Сделано. Вазы? Разбиты. Мой Иисус на палочке просто в неистовстве.

Ебанная сука.

Ебанный ребенок.

Ебанный Люк.

Все хорошее, что было в моей жизни, уничтожил этот человек. Мою империю. Любовь всей моей жизни. Возможно, моего ребенка. Все, что имело для меня значение раньше, сейчас не значит ничего благодаря ему.

Вернувшись на кухню, я выпиваю еще таблетку. Чем скорее я смогу снять браслет, тем быстрее я смогу уничтожить то, что медленно разрушает Люк.

Я стану отцом, когда буду готов к этому, и этот ребенок не будет иметь ничего общего с этим жалким куском дерьма.

То что вынашивает Слоан, не является результатом любви. Даже если он и мой. Пока я занимался с ней любовью по ночам, она позволяла другому мужчине прикасаться к себе. Если бы я знал об этом, то ни за что не засунул бы свой член в нее. Я бы убил Слоан до того, как она ушла и сделала бы такой идиотский выбор. У нее бы просто не было физической возможности забеременеть, если бы я знал, что она делала за моей спиной.

Сейчас мне просто необходимо положить конец всему этому. Я смотрю на заставку ноутбука. Это скриншот с видео, где Слоан держит руки на животе и улыбается ебанному

выродку. Я беру другой стул, сажусь и меняю заставку. Нахожу старое фото Слоан, на котором она еще не испорчена. Смотрю на нее и не могу понять, почему она позволила этому случиться? Как эта шлюха может улыбаться, когда она даже не знает, от кого беременна?

— Ебанная шлюха, — шепчу и опускаю взгляд на распятие в руке. — Эй, Иисус на палочке, — обращаюсь к нему, — хочешь прогуляться завтра со мной? Я знаю одну девушку, которой очень нужно покаяться.

Sloan

За последние две недели я приготовила и сфотографировала двадцать семь блюд. Возможно это именно из-за того, что я стараюсь не думать о том, что мне нельзя покидать квартиру, но идея создания книги рецептов занимает все мои мысли.

Разумеется, в те моменты, когда я не думаю о беременности.

Не знаю, что бы я делала без Люка. Не могу до конца поверить, что он действительно есть у меня, что такие люди, как он, вообще существуют, и это не самообман. Я живу в постоянном страхе, что он появился в моей жизни для того, чтобы я испытала боль, когда он исчезнет из нее. Ненавижу эти мысли и стараюсь не думать об этом, но у меня не получается. Я возвращаюсь к ним постоянно. Страх потерять его сильнее страха смерти.

Но каждый день, когда Люк возвращается домой и, обнимая меня, спрашивает, как «у нас» дела, я все больше убеждаюсь в том, что он был прав, когда сказал, что малыш его. Не важно, кто биологический отец, Люк любит его просто потому, что ребенок является частью меня. Этого достаточно для него. И благодаря Люку я думаю, что для меня тоже. Когда он рядом, я чувствую, что чего-то стою. Чувствую все то, что Аса пытался искоренить во мне.

Не знаю, умею ли я прощать людей так же, как Люк. С ним я ни минуты не чувствовала стыда. Он постоянно говорит о том, как ему повезло, хотя я считаю, что все наоборот. Люк знает, как отвлечь меня, когда я беспокоюсь о том, что Аса может узнать о моей беременности, или волнуюсь из-за предстоящего судебного разбирательства. Но когда я остаюсь одна, как сейчас, единственное, что помогает мне не думать обо всем этом, — это книга рецептов.

Сегодня я готовлю лазанью. Я не любитель какой-то определенной кухни — итальянской или азиатской. В книгу войдут все мои любимые рецепты. Даже те, которые нравились Аса. Например, его чертов кокосовый торт. Я хочу, чтобы блюда, которые ему нравились, были в книге, ему бы это уж точно не понравилось. Это будет маленькой мстью. Из каждых двух долларов, которые будет стоить книга рецептов, один будет отдан женщинам, которые подвергаются насилию со стороны таких же мужчин, как Аса.

Так что да, его идиотский торт и спагетти с фрикадельками и даже протеиновый коктейль, который он заставлял меня делать рано утром, войдут в мою книгу. Хотя я и

ненавижу то, что он требовал, чтобы я для него готовила, но какая-то польза из этого выйдет. Эта кулинарная книга — фак Аса Джексону от меня.

Вообще то, это отличная идея. Наверно стоит напечатать на каждой странице маленькие милые смайлики со средним пальцем.

Выложив слоями лапшу и соус, я вынимаю противень, чтобы сфотографировать его. Сделав несколько фото, убираю его в духовку.

— Чем это так вкусно пахнет?

Я хватаюсь руками за стол, услышав его голос.

Прямо за спиной.

Нет. Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Это невозможно. Дверь закрыта. Окна тоже. Я сплю. Сплю. Сплю.

Ноги подкашиваются, и я медленно сползаю на пол. Я в полнейшем шоке. Я чувствую это. Чувствую. Нет, нет, нет.

Я на полу. Закрываю уши руками, мои руки трясутся. Пытаюсь заглушить его голос. Если я его не слышу, значит его здесь нет. Его здесь нет. Нет.

— Господи, Слоан, — голос еще ближе, — я надеялся на более теплый прием.

Я зажмуриваюсь, но все равно слышу, как Аса садится на стол недалеко от меня. Открываю глаза и вижу его ноги. На нем нет электронного браслета. Он хочет, чтобы я увидела это. Я знаю, как работает его больной мозг.

Как это могло произойти со мной?

Где телефон?

Меня тошнит. Заставляю себя дышать, чтобы не упасть в обморок от страха.

— Лазанья, да? — он кидает что-то на стол. — Никогда не любил твою лазанью, — говорит. — Ты всегда перебарщивала с томатным соусом.

Теперь я плачу. Отодвигаюсь от него подальше, не в силах подняться. Ползу, зная, что не смогу уйти отсюда, но все-таки надеюсь на это.

— Куда собралась, детка? — Аса спрашивает.

Пытаюсь приподняться, но когда у меня получается это сделать наполовину, он спрыгивает и обнимает меня сзади.

— Пойдем поговорим, — говорит он и одним движением поднимает меня на руки.

Я кричу в ужасе, но Аса тут же затыкает мне рот рукой.

— Я хочу, чтобы ты вела себя тихо, пока мы будем разговаривать, — говорит он, неся меня в спальню. До сих пор я ни разу не посмотрела на него.

И не буду.

Я не хочу видеть его.

Люк. Пожалуйста, Люк. Приди домой. Приди домой. Приди домой.

Аса кидает меня на кровать, и я сразу же отползаю подальше, но он хватается за лодыжку и тянет обратно. Я лежу на животе. Стараюсь скинуть его руку. Хватаюсь за одеяло, подушку, все, до чего могу дотянуться, но я знаю, что это не поможет. Как будто в замедленном действии, он переворачивает меня на спину и придавливает мои руки коленями. Аса сидит на мне, его вес давит на мой живот, и я понимаю, что он знает о моей беременности. Это трудно не заметить.

Именно поэтому он и пришел.

Аса тянется к моим глаз и пытается открыть их. Я вижу, как он улыбается.

— Привет, красавица, — скалится он. — Невежливо не смотреть в глаза собеседнику, когда он пытается завести с тобой серьезный разговор.

Он гребанный псих. Я не смогу защитить себя и своего ребенка.

Тошнота подступила к горлу вместе со слезами. Несмотря на то, что он прижимает меня к кровати и я полностью нахожусь в его власти, в мою голову приходят ясные мысли. Прямо сейчас я задаюсь вопросом: когда в моей жизни появился смысл? Почему я стала так бояться смерти? Ведь пару месяцев назад мне было все равно. Я молилась, чтобы Аса убил меня, и мои страдания закончились. Тогда меня ничто не держало здесь.

Сейчас мне есть ради чего жить.

Слезы катятся по моим щекам и стекают в волосы. Аса смотрит на них, затем приближает свое лицо к моему. Прижимается губами к моему виску и слизывает слезу. Когда он отодвигается, на его лице нет улыбки.

— Я думал, у них теперь другой вкус, — шепчет Аса.

Я начинаю рыдать. Сердце бьется так сильно, что я не различаю его биение. Возможно, оно вообще остановилось. Я закрываю глаза.

— Просто покончи с этим, Аса, — шепчу. — Пожалуйста.

Давление на живот ослабевает, как будто он устраивается на мне. Аса поднимает мою футболку и дотрагивается до моего живота.

— Поздравляю! Он мой?

Я лежу с закрытыми глазами и не собираюсь отвечать. Он гладит мой живот. Затем опять приближает свое лицо к моему и говорит мне в ухо:

— Тебе наверно интересно, как я, блядь, попал в вашу квартиру?

Сначала было, но сейчас меня больше волнует то, как я могу избавиться от него.

— Помнишь, как этим утром твой ненаглядный друг Люк впустил в дом парня из техобслуживания, чтобы тот поменял фильтр в кондиционере?

Парня из техобслуживания? Что? Нет, это невозможно. Люк посмотрел его удостоверение. Позвонил его менеджеру. Мы знаем всех, кто работает в нашем доме, а этот мужчина работает тут уже два года.

— Он оказал мне небольшую услугу, открыв окно, когда Люк отвернулся. Знаешь, за сколько он согласился это сделать? Две штуки. Без всяких вопросов. Он знал, что ты была в квартире, что ты беременная, а я собирался сделать что-то ужасное, иначе зачем еще мне платить ему столько денег, чтобы он провернул все это? Ему было наплевать, Слоан. Все что ему было нужно это две тысячи, и он ушел, не задавая вопросов.

Мне плохо.

Плохо.

Люди больные.

Если бы этот мужчина знал, на что способен Аса, он бы никогда не сделал этого. Не снял бы замок с окна. Он, наверное, думал, что Аса хочет украсть телевизор.

Кажется, теперь я плачу еще сильнее, разочарованная что людях.

— Ваш дружок, который наблюдает за домом со стороны входа, даже не заметил меня, потому что, к сожалению, Люк не считает, что ты стоишь тех денег, которые ему пришлось бы потратить, чтобы нанять наблюдение за каждой стороной входа в дом. Он серьезно думал

что я настолько тупой, чтобы пытаться пробраться в дом через дверь?

Чем больше он говорит, тем меньше я слышу. От страха мое тело онемело. Я больше не чувствую его. Не чувствую что Аса сидит на мне.

Постепенно перестаю чувствовать что-либо.

Но мое сознание не так добро ко мне. Я все еще могу осознавать происходящее.

Осознавать, что Аса раздевает меня. Постепенно.

Что его язык пробирается мне в рот.

Что Аса делает это со мной все это на нашей с Люком кровати, в квартире, в которой я наивно полагала что нахожусь в безопасности.

Я осознаю, что теперь он вошел в меня.

Я не чувствую его.

И не вижу.

Но знаю.

Я осознаю это.

Я осознаю, что это моя смерть. Вот так и закончится моя жалкая жизнь. И жизнь моего ребенка, потому что я не смогла защитить его.

Я не заслуживаю Люка. Если бы заслуживала, это бы не происходило сейчас со мной. Люк появился в моей жизни, чтобы я испытывала невозможную боль после того, как потеряю его.

Не знаю, какие грехи я сейчас искупаю. Должно быть, я сделала что-то по-настоящему ужасное в этой или в прошлой жизни, чтобы все это происходило со мной сейчас.

Я уверена, что заслужила это.

Я задыхаюсь от слез, от его языка.

К сожалению, я осознаю все это. *Лучше бы я умерла.*

Asa

— В этот раз ощущения другие.

Я тяжело дышу, еще не придя в себя после незапланированного секса. Выхожу из нее и падаю сверху.

Она даже не пыталась остановить меня. Позволила трахнуть себя, ни разу не сказав «нет».

Ебанная шлюха.

Раньше секс был лучше, когда я знал, что единственный у Слоан. И когда я сегодня входил в нее, я не мог не думать, что делю ее с кем-то. Мне хочется придушить ее из-за того, что она позволила Люку познать, какого это быть внутри нее. Возможно, я бы так и сделал, если бы она начала сопротивляться.

Она скучала по мне. Любая другая женщина на месте Слоан боролась бы изо всех сил. Но она знает свое место. Подо мной. Рядом со мной.

Я ложусь рядом с ней, и приподнимаюсь на локте. Слоан лежит с закрытыми глазами и дрожит. Не понятно, это из-за того что она напугана или на грани оргазма. Возможно, и то и другое.

Мне не нравится то, что она так же красива, как и раньше, когда еще была невинной. Те же блестящие темные длинные волосы. Те же сладкие, мягкие губы, что раньше принадлежали лишь мне. Я провожу рукой по ее немного выпуклому животу и опускаюсь дальше между ее ног. Вздыхаю, когда смотрю на нее. Я чертовски соскучился. Так, блядь, сильно ненавижу ее, но все равно скучал.

— Посмотри на меня, Слоан.

Она хнычет и старается подавить рыдание.

— Слоан, посмотри на меня.

Она медленно открывает глаза, наполненные слезами, и наклоняет голову так, чтобы видеть меня.

— Я скучаю, малышка.

Поглаживаю ее между ног, напоминая что она всегда чувствовала рядом со мной. Может быть, если она вспомнит, как нам было хорошо вместе, мы сможем все вернуть.

— Я так хочу обнимать тебя ночью во сне. Ты знаешь, как, блядь, мне одиноко в нашем доме без тебя? Так чертовски одиноко. Я ненавижу это.

Она снова закрывает глаза. Я улыбаюсь, потому что знаю, как непросто Слоан лежать с

открытыми глазами, когда мои руки делают свое дело. Мне нравилось смотреть, как она достигает разрядки, зажмуривая глазами и выкрикивая моя имя. Я вставляю в нее палец и, как я и ожидал, она зажмуривается.

Нежно целую ее в губы.

— Я думал, что разлюбил тебя, — признаюсь, вспоминая вчерашний день. Как мы с моим Иисусом на палочке впали в неистовство. — Я ненавидел тебя, Слоан. Мне не нравится ненавидеть тебя, малышка.

Она делает глубокий вдох, но мои губы в сантиметре от ее, и она вдыхает мой кислород. Я целую Слоан, заполняя ее своим языком, но она не отвечает на поцелуй, как и на предыдущие.

- Слоан, — шепчу, проводя губами по ее губам. — Детка, я хочу, чтобы ты поцеловала меня. Мне нужно знать, значу ли я для тебя что-то.

Я терпеливо жду, целуя ее, наблюдая за ней. Слоан наконец открывает глаза. Огромная слеза скатывается по ее щеке.

Она вспоминает. Поднимает голову и приоткрывает губы.

Слоан помнит, как до хрена я сделал для нее. Как чертовски сильно любил ее. Когда ее язык скользит по моему, мне хочется плакать. Огонь разгорается в груди, и если я не войду в нее снова, я, блядь, взорвусь.

— Детка, я так скучал по тебе, — говорю ей и замолкаю, потому что она целует меня так, как раньше. До того, как Люк запачкал ее. Слоан целует меня так, как той ночью в переулке, когда со мной был первый ее поцелуй.

Она поднимает руки, гладит мою шею. Запускает пальцы в мои волосы. Мне так этого не хватало. Ради этого стоило снимать браслет и подвергаться риску. Точно стоило. Я, конечно, пришел сюда с другими намерениями, но только потому, что был зол. Я так ненавижу Люка, что не могу различить чувства, которые испытываю к нему и к Слоан. Из-за этого моя ненависть к Люку переносится на Слоан, но так не должно быть. Я думал Слоан дьявол, но это не так.

Она жертва.

Жертва Люка, и ей просто надо было напомнить, какого это быть со мной. Нужно было, чтобы она почувствовала меня в себе и поняла, что Люк заморочил ей голову и хотел заставить забыть меня. Но у него ничего не вышло.

Она помнила меня.

— Аса, — шепчет она с желанием в голосе. — Аса, прости.

Я отодвигаюсь от нее, как-то умудряясь говорить, хотя хочу ее так сильно, что не могу дышать.

— Не надо, малышка, — говорю, убирая с ее лица волосы. — Все хорошо. Мы справимся с этим. Он заставил тебя ненавидеть меня, и на какое-то время я тоже тебя возненавидел. Но это не мы, Слоан. Ты не ненавидишь меня.

Она качает головой.

— Нет, Аса. Я не ненавижу тебя.

Лицо Слоан приобретает извиняющееся выражение. В ее голосе слышно сожаление, а слезы все еще текут по ее щекам. — Я люблю тебя, — и эти три слова полностью уничтожают меня. — Прости меня за все. Я так сильно соскучилась по тебе.

Я целую ее и нависаю над ней, потому что услышав эти три слова, мой член стал таким твердым, что я ничего не соображаю. Я захожу в Слоан, она хватается ртом воздух. Я двигаюсь медленно в этот раз. Я не трахаю ее, как несколько минут назад, когда думал, что ненавижу ее.

Целую Слоан. Я нежен с ней, потому что она и так многого натерпелась. Занимаюсь с ней любовью, не отрывая глаз от ее лица, потому что люблю ее. Она — все хорошее, что случилось со мной за всю жизнь, а я почти забыл об этом.

— Я был не прав, детка, — говорю ей. — Ничего не изменилось. Ощущение такие же, как и раньше. Потрясающие.

Слоан улыбается, но улыбка вышла усталой, потому что чувства, которые мы испытываем, слишком сильные. Наше воссоединение, ее руки на моем теле, то, как ее ноги сжимают меня, желая принять меня глубже, — все это дарит мне невероятные ощущения. Стоило пройти через все это за последние несколько месяцев, чтобы сейчас быть со Слоан.

Мы в раю. Слово сам Бог извиняется перед нами.

— Я прощаю тебя, — шепчу, но сам не знаю кого, Бога или Слоан. Наверное, их обоих, потому что сейчас я готов простить всех. Мне так хорошо с ней сейчас, что, кажется, я могу простить и Люка.

Ну ладно, это не правда. Я никогда не прощу этот кусок дерьма. Подумаю об этом позже. Сейчас я занят любовью всей моей жизни, вспоминаю каждый изгиб ее тела, снаружи и изнутри.

Мне хочется продержаться подольше, заняться с ней любовью так, как она этого

заслуживает, но я так соскучился по сексу с ней, что и второй раз длится не больше первого. Я прижимаюсь лицом к ее шее и жду, когда она начнет стонать. Она всегда так делает, когда я кончаю в нее.

Когда я слышу этот потрясающий звук, теряю контроль над своим телом.

— Блядь, — восклицаю, сильнее толкаясь в нее. И еще раз. — Блядь, я так люблю тебя, Слоан. Я так люблю тебя, малышка, черт!

Это лучшие тридцать секунд моей жизни.

Слоан продолжает держаться за меня. Ее трясет. Мне нравится, что все ее тело дрожит вместе с моим. Я люблю это. Люблю ее.

— Никогда, блядь, больше не оставляй меня, Слоан, — говорю тихо.

Я откатываюсь на другую сторону и притягиваю ее к себе. У меня просто не хватает слов, чтобы описать, что я чувствую. Раньше мне казалось, что я просто любил, но то чувство не сравнится с тем, что я испытываю сейчас. Мое сердце бьется для нее. Она причина, по которой оно бьется вообще, и я не осознавал это раньше.

— Никогда не оставляй меня, Слоан. Если ты снова нарушишь свое обещание, сомневаюсь, что смогу снова простить тебя.

Может быть, в этот раз все по-другому, потому что сейчас я люблю не только Слоан. А еще и ребенка, которого она вынашивает. Я не думал, что могу испытывать что-то подобное, пока был в ней. Не осознавал это до этого момента, что ребенок — причина, по которой я люблю Слоан еще больше. Ее и маленький кусочек рая, который мы создали вместе, который растет в ней. И к чертям Люка. Он бы не смог подарить жизнь ребенку, который выйдет на свет на Рождество.

Я уверен, что малыш мой, потому что иначе я бы не испытывал таких чувств к нему. Бог дает мне знать, что частичка меня находится внутри Слоан, и я должен сделать все, что в моих силах, чтобы защитить их от Люка.

Я прижимаюсь щекой к животу Слоан. Прижимаю ладонь к нежной коже и зажмуриваюсь, но слезы все равно жгут глаза. Не могу поверить, что я, блядь, прямо сейчас плачу. Что за хуйня? Неужели каждый мужчина, когда узнают что будет отцом, сразу становится такой размазней?

Крепче сжимаю Слоан и целую своего ребенка. Снова и снова целую ее живот. Он такой красивый, и я знаю, что наш малыш тоже будет красивым, как Слоан. Она запускает руку в мои волосы и шепчет слова, которые я никогда не забуду. Никогда.

— Ты будешь папой, Аса.

Я смеюсь сквозь слезы, и снова нависаю над ней, целуя. Не могу насытиться ею.

— Ты такая красивая, малышка. Такая красивая. Если бы я знал, какой красивой тебя сделает беременность, я бы еще раньше подменил твои противозачаточные таблетки.

Ее тело на секунду застывает, и мне от этого смешно. Я отстраняюсь от нее и смотрю в ее глаза. Слоан вяло улыбается мне.

— Что? — переспрашивает, запнувшись. Блядь, это так мило.

Я целую ее и смеюсь.

— Ты не можешь злиться на меня из-за этого, Слоан. — Я снова кладу руку на ее живот и смотрю на нее. — Я сделал это для нас. Чтобы ты не ушла от меня.

Почему-то она опять плачет. И я тоже. Я смеюсь, стирая слезы с ее лица.

— Посмотри на нас теперь. Мы прошли через гребаный ад. Но у нас будет ребенок.

Я снова нависаю над ней и целую ее. Медленно, глубоко, обещая. Когда я отстраняюсь, прижимаюсь губами к ее.

— Ты ведь не уйдешь от меня, Слоан. Не с моим ребенком. Да?

Она тут же качает головой.

— Нет, Аса. Обещаю. Я люблю тебя и никогда не оставлю тебя.

Не знаю, как так получилось, но ее слова сделали меня твердым снова. Я на ней, скольжу в нее плавным движением. Закрываю глаза. Целую слезы на ее щеках. Двигаюсь в ней, медленно, раз за разом, чтобы наверстать все упущенные ночи, на которые нам пришлось расстаться. С моего лба стекает капли пота, сердце яростно бьется в груди. Мое тело выдохлось, потому что в третий раз мы занимаемся любовью очень долго. Чувствую слабость. Но я могу заниматься любовью с ней вечно. И буду.

Ебанную вечность.

Sloan

Один момент. Длинною в секунду. Именно когда Аса отстранился и смотрел на меня, умоляя ответить на поцелуй. Момент отчаяния. Я воспользовалась им.

Я понимала, что если начну бороться сейчас, то проиграю. Моя душа требует дать отпор

с того момента, как Аса вошел в квартиру. Боротся, защищаться. Я потеряла счет времени, и мне кажется, что все это длится целую вечность. Чувствую, как моя душа рвется на свободу из этого жалкого тела, в котором она застряла с моего рождения.

Но сейчас мне с моей душой нужно стать одним целым. Моему телу нужно полностью подчиниться мне, чтобы я могла успокоиться, защитить себя и ребенка. Я смогу сделать это, только отдав свое тело Аса.

И это все, что я делаю. Это просто тело. Моя душа все равно сильная. Борется, как может. Но тело должно сдаться... на время... чтобы спасти мне жизнь.

Я произношу то, что он хочет слышать. Прикасаюсь к нему так, как ему нравится. Издаю звуки, которым приучила себя для него. Говорю ложь, которую привыкла произносить.

Я притворялась, что люблю его в течение двух лет. *Неужели мне трудно потерпеть всего лишь один день?*

Когда Аса наконец кончает — *в очередной раз* — я чувствую это. Умиротворение. Спокойствие. Мои душа, тело, разум и сила воли находятся в гармонии. Мы собираемся вступить в борьбу с Аса с помощью оружия, которое сильнее его — *с помощью любви*.

Он падает возле меня и притягивает к себе так, чтобы я находилась к нему лицом. Я улыбаюсь и дотрагиваюсь рукой до его щеки.

— Что теперь? — спрашиваю, нежно поглаживая его лицо пальцами, в которых мне с трудом удалось унять дрожь. — Как мы выберемся из этой передрыги, Аса? Я не хочу снова терять тебя.

Он берет мою руку и целует ее.

— Мы оденемся и уйдем через дверь, Слоан. Все просто. А потом уйдем куда-нибудь... куда угодно. Далеко отсюда.

Я киваю, обдумывая его слова.

Аса такой безмозглый, но при этом он один из самых умных людей, которых я когда-либо встречала. Я всегда старалась быть на шаг впереди него. Этот раз не исключение. Сейчас он проверяет меня. Я вдумываюсь в то, что он сказал, снова и снова прокручивая их в голове.

Аса знает, что мы не можем выйти через входную дверь. Знает о том, что нас увидят. Именно поэтому он пролез в квартиру через окно.

Я качаю головой.

— Ты не можешь выйти через дверь, Аса, — не соглашаюсь я, стараясь выглядеть обеспокоенно. — Дом под наблюдением. Они увидят нас и позвонят Люку.

Аса ухмыляется.

Это была проверка.

Он тянется и целует меня в лоб

— Тогда мы вылезем через окно.

— Сначала мне нужно собрать вещи.

Я начала подниматься, но Аса отдергивает меня обратно на кровать.

— Это сделаю я, — говорит он. — Не вставай с этой гребаной кровати.

Он поднимается и обводит глазами комнату. Вены на его шее вздуваются, когда он замечает вещи Люка. Я пытаюсь отвлечь его.

— Сумка лежит на шкафу, — указываю рукой на гардеробную и замечаю, как он переводит взгляд от кровати в гостиную. Аса идет к гардеробной и по пути захлопывает дверь в комнату. Так он дает мне понять, чтобы я даже не думала о побеге.

Тут я понимаю, что сижу в такой позе, будто в любую минуту готова рвануться с места. Я не достаточно убедительно притворяюсь.

Откидываюсь на подушку, стараясь принять расслабленный вид. Аса подходит ко мне и внимательно смотрит, ухмыляясь. Ему понравилось то, что я не пыталась сбежать. Аса теряет бдительность.

— Любимая, ты так чертовски красива, — говорит он, кидая сумку на кровать. — Что мне положить? — он осматривает комнату. Его взгляд падает на комод, на нашу с Люком фотографию. Я распечатала ее неделю назад и поставила в рамку. Вижу как Аса сглатывает.

— Вернусь через минуту, — говорит он, направляясь к выходу из спальни.

— Ты куда? — спрашиваю, садясь на кровати. Он открывает дверь и выходит в гостиную.

— Я оставил Иисуса на полочке около окна. Он мне нужен.

В чем, блядь, дело?

Аса возвращается быстрее, чем я успеваю осознать, что он сказал, и он держит что-то в руке.

— Это что, распятие?

Какого хрена?

Аса улыбается, кивая, и замахнувшись распятием, которое он держит двумя руками, бьет им прямо по фотографии. Я морщусь, а он продолжает раз за разом бить по рамке до тех пор, пока она не осыпается на множество осколков.

Теперь я абсо-блять-лютно напугана. Но заставляю себя засмеяться. Не знаю как это удалось. Мне хочется кричать от страха, но я понимаю, что мне ни в коем случае не стоит этого делать. Я играю роль, и моей героине нужно смеяться над тем, что делает Аса, чтобы он понял, что для меня ничего не значит эта фотография.

Он смотрит на меня, и балдеет от моей улыбки. Аса широко улыбается, и я указываю на прикроватную тумбочку.

— И эту тоже.

Он смотрит на другую фотографию, и подходит к ней. Замахивается распятием, как битой, отшвыривая рамку в стену. Хотя я и ожидала этого, все равно морщусь. Меня передергивает, когда я понимаю, насколько он ненавидит Люка.

Все это время я молила Бога, чтобы Люк вернулся домой раньше. Но сейчас я молюсь, чтобы Люк не приходил, потому что я сомневаюсь, что кто-то может справиться с Аса, когда он в таком состоянии. Он абсолютно невменяемый. Он не способен ни на милосердие, ни на сострадание. Он безумен. Опасен. Лучше пусть я уйду с Аса, чем вариант, что они с Люком встретятся тут.

Аса окидывает комнату взглядом. Не найдя того, что можно разбить, он кидает распятие на кровать.

— Когда возвращается Люк?

Он и сам знает.

Я могу соврать и сказать, что он будет дома в любую минуту, но если Аса знает наш адрес, то и вся остальная информация о нас для него не является секретом. Он знает, что Люк всегда приходит домой в шесть.

— В шесть часов, — отвечаю я.

Аса кивает. Достает из кармана телефон и смотрит на время.

— Ждать еще долго. У нас есть несколько часов. Что будем делать?

Подождите... что?

— Мы будем ждать его?

Аса ложится рядом со мной.

— Конечно, Слоан. Я не могу просто так забрать свою девушку, не отомстив ублюдку, который украл ее у меня.

Он говорит все это с улыбкой на лице.

Я снова проглатываю свой страх.

— Мы можем поесть лазанью. Но если я не выну ее из духовки, через две минуты ее уже нельзя будет есть.

Аса наклоняется ко мне и целует, отстраняясь чмокающим звуком.

— Чертовски гениально, детка, — он встает с кровати и помогает подняться мне. — Я голоден. Можешь одеться, если хочешь.

Он отпускает меня и идет в ванную. Аса оставляет дверь открытой и смотрит на меня все время, пока стоит над туалетом. Я одеваюсь, надеясь, что он не заметит, как трясутся мои руки. Он смывает воду и возвращается в комнату.

— Я пошутил, когда сказал, что ненавижу твою лазанью. Извини за это, просто был очень расстроен.

Я подхожу к нему и целую в щеку, вставая на носочки.

— Я знаю, милый. Мы все иногда говорим лишнее, когда злимся.

Захожу на кухню. Лазанья печется уже лишнее время, но я думаю, что она еще не сгорела. Просто красивых фотографий для моей книги уже не выйдет.

Тут же смеюсь над этой мыслью.

Серьезно? Моя жизнь в опасности, а я думаю о какой-то идиотской книге?

Аса заходит следом за мной. Он не настолько мне доверяет, чтобы быть уверенным, что я не возьму нож. Аса умен, потому что я бы, конечно, взяла нож, если бы он не ходил за мной по пятам. Собираю пустые коробки со стола, и выкидываю их в мусорное ведро. И

тогда я замечаю, что в ведре нет пакета.

Потому что я вынула его.

Смотрю на мешок с мусором, стоящий рядом с пустым ведром.

Потом на пустое мусорное ведро.

Мое сердце начинает биться сильнее, и я изо всех сил стараюсь скрыть это.

Я забыла вынести гребаный мусор!

Успокойся, успокойся, успокойся.

Надев прихватку, я открываю духовку. Вынимаю лазанью и перекладываю на плиту. Аса тянется через мое плечо и открывает шкаф, чтобы достать тарелки. Целует меня в макушку. Вместо ножа, намеренно берет лопатку и разрезает лазанью. Я не отрываясь смотрю на мусорное ведро.

Я не вынесла мусор.

Luke

В очередной раз кидаю взгляд на телефон.

— Ты меня не слушаешь, — говорит Райан, обращая на себя внимание.

— Я слушаю, — кладу телефон на стол экраном вверх. Пристально смотрю на него, притворяясь, что слушаю Райана.

— Какого черта, Люк? — он щелкает пальцами перед моим лицом. — Что, блядь, с тобой не так?

Я качаю головой.

— Все в порядке, просто... — не хочу произносить вслух, потому что это прозвучит глупо. То, что мы со Слоан делаем для нашей безопасности, нелепо даже на мой взгляд.

— Прошло уже пять минут.

Райан откидывается на спинку стула и отпивает глоток своего напитка. Мы сидим в пиццерии, которая находится недалеко от моей квартиры, и обсуждаем то же, что и обычно. Дело Аса. Его судебное разбирательство начнется через несколько месяцев, и будь я проклят, если не сделаю все, что в моих силах, чтобы все прошло наиболее удачно для нас. Чем больший срок ему дадут и чем больше против него будет обвинений, тем лучше для

Слоан.

— Пять минут после чего?

— Двенадцати. Теперь уже *шесть*.

Снова смотрю на телефон. Уже 12:06, а Слоан до сих пор не выкинула мусор.

Райан наклоняется ко мне.

— Может, скажешь мне, что не так, а то меня раздражают твои загадки.

— Парень, который днем наблюдает за домом... Томас... он всегда ровно в полдень сообщает мне, что Слоан вынесла мусор. Каждый день, Слоан выносит его за дверь, таким образом я знаю, что с ней все в порядке.

Беру телефон и пишу Томасу смс.

— Почему ты просто не позвонишь ей? — спрашивает Райан, как будто это самый очевидный вопрос.

— Это дополнительная защита. Если что-то случилось и кто-то рядом с ней, он может заставить ее сказать, что все в порядке. У нас есть еще и другие способы для подстраховки.

Райан недоверчиво смотрит на меня, пока я нажимаю «отправить» на телефоне. Я знаю, он думает, что я параноик, но он не может винить меня. Аса сумасшедший и непредсказуемый. Сомневаюсь, что хоть кто-то сможет чувствовать себя в безопасности, пока он на свободе.

— Вообще-то, это гениально, — говорит Райан.

— Я знаю, — отвечаю, готовый набрать номер Слоан. — Это была ее идея. И до сих пор она не пропускала ни одного дня.

Подношу телефон к уху и жду, когда Слоан ответит. Она всегда берет трубку.

Жду.

Но она не отвечает. Когда мой звонок перенаправляется на голосовую почту, приходит сообщение от Томаса.

Все еще жду. Пока не выносила.

Мое сердце падает в пятки. Райан замечает мое выражение лица. Мы одновременно поднимаемся.

— Я вызову подкрепление, — говорит он, кидая деньги на стол.

Я оказываюсь на улице до того, как успеваю ответить. Я в машине. Матерюсь и сигналию, делаю все возможное, чтобы быстрее добраться до дома.

Четыре минуты.

Четыре гребанных мучительных минуты.

Столько времени у меня занимает дорога.

Я снова набираю номер.

— Да? — отвечает Томас.

— Вынесла? Она вынесла гребаный мусор? — стараюсь сохранять спокойствие, но не получается.

— Еще нет.

Ударяю кулаком по рулю.

— Кто-нибудь приходил сегодня? — мое терпение лопается, и я срываюсь на крик.

— Нет. Никого не было, с тех пор как ты ушел утром.

— Обойди дом, — кричу. — Проверь окна.

Он молчит.

— Сейчас же! Проверь окна, пока я с тобой разговариваю!

Томас прочищает горло.

— Ты нанял меня для наблюдения. У меня даже нет оружия, чувак. Я не пойду туда, раз ты так нервничаешь.

Я сжимаю телефон и ору на него:

— Ты, БЛЯДЬ, ШУТИШЬ СЕЙЧАС?

Томас отключился.

— Ебанный сукин сын!

Давлю на газ и проезжаю на красный свет. Осталось пара кварталов.

Я почти проезжаю перекресток, когда это происходит.

Мое тело дергается от удара. Краем глаза успеваю заметить фуру, а затем все исчезает. Срабатывает подушка безопасности. Машину заносит. Все происходит быстрее, чем кто-то из свидетелей успевает осознать это, но для меня столкновение происходит, будто в замедленном действии.

Машина кружится и кружится.

К тому времени, как моя машина останавливается, кровь стекает мне в глаз. Я слышу, как сигналият машины и кричат люди. Тянусь к ремню безопасности, но не могу пошевелить правой рукой. Она сломана.

Отстегиваю ремень левой рукой. Упираюсь плечом в дверь и открываю ее толчком.

Вытираю кровь со лба.

— Сэр! — кричит мужчина мне в спину. — Сэр, вы должны находиться в машине!

Кто-то кладет руку на мое плечо, в попытке остановить меня.

— Отъебись от меня! — ору.

Пытаюсь понять, где сейчас нахожусь. Замечаю магазин справа от меня. Поворачиваюсь и проталкиваюсь через толпу людей, собирающихся возле моей машины. Люди кричат, чтобы я остановился, но я итак бегу недостаточно быстро.

Два квартала.

Я буду на месте меньше чем через минуту.

Пока я бегу к нашей квартире, обдумываю причины, почему она не отвечает на телефон. Я надеюсь, что ошибаюсь, что накручиваю себя. Но я знаю Слоан. Что-то не так. Она всегда отвечает на звонки.

Она всегда выносит мусор в двенадцать.

Что-то случилось.

Когда я, наконец, подбегаю к жилому комплексу, не могу пройти через ворота, потому что датчик реагирует только на транспорт. Ищу дверь, но она оказывается запертой. Я отхожу на несколько шагов и, разбежавшись, перепрыгиваю через ворота, помогая себе

здоровой рукой. Приземляюсь не на ноги. На чертово правое плечо, и боль простреливает мое тело словно удар молнии, выбивая из меня дух. Трачу пару секунд, чтобы перевести дыхание.

А потом поднимаюсь на ноги.

Вижу Томаса. Он стоит около своей машины. Заметив меня, он разводит руками.

— Прости, чувак, я как раз шел к ней.

Томас отступает на шаг и я не могу сдержаться себя. Бью его в горло здоровой рукой. И иду дальше, когда он падает на дверь своей машины.

— Тупой ублюдок! — кричу, обернувшись через плечо.

Я подбегаю к дому, прохожу мимо парадной двери, обхожу здание, подхожу к стене, где расположены окна гостиной и спальни. Подбегаю к окну гостиной и, когда замечаю замок на окне, прилагаю все усилия, чтобы не позвать Слоан.

Замок, блядь, открыт.

Я сразу же понимаю, что произошло. Парень из техобслуживания. Это моя вина. Я должен был быть на шаг впереди Аса. Нет времени на размышления. Прижимаюсь спиной к стене, прислушиваясь.

Я достаю пистолет. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Я слышу голоса.

Слышу голос Слоан. Мне хочется рыдать от того, что я приехал не слишком поздно, но это пока подождет. Сейчас я пытаюсь заглянуть во внутрь. Из-за штор почти ничего не видно.

Блядь.

Мой пульс ускоряется. Издалека доносится вой сирен, и я не знаю, едет ли сюда полиция, потому что Райан вызвал их или они едут из-за аварии, виновником которой я стал. Как бы то ни было, если в ближайшие пять секунд я ничего не сделаю, тот, кто находится в квартире, услышит их.

И будет вынужден что-то предпринять.

Я опускаюсь на колени, держа пистолет в левой руке, и медленно открываю окно правой. Заглядываю внутрь и вижу Слоан. И еще кого-то, кто стоит спиной к окну и смеется.

Смеется, блядь, и я сразу же узнаю его. Он там со Слоан. Он пока не причинил ей боль
Она стоит на кухне.

Если Аса услышит сирены, то причинит ей боль. Запаникует и сделает что-нибудь тупое. Не знаю, почему он так расслаблен, но это не удивляет меня. Моя Слоан чертовски умна.

Я еще немного открываю окно. Взгляд Слоан падает на меня.

Полсекунды.

Один взгляд.

Слоан роняет вилку, я понимаю, что это специально. Она говорит: «Черт» и наклоняется, чтобы подобрать ее. Я продолжаю аккуратно открывать окно, когда Аса поспешно подходит к Слоан. Обходит ее стул. Чтобы убедиться, что Слоан не сделает ничего? Я поднимаю пистолет, едва удерживая его в правой руке.

Аса отбирает у нее вилку и кидает ее в раковину, затем достает ей чистую. И как только Слоан берет вилку, она падает на пол и кричит:

— Давай!

Прежде чем Аса успевает понять, что происходит, я нажимаю на курок. Я не останавливаюсь посмотреть, попал ли в него. Толкаю окно и запрыгиваю внутрь, бегу через гостиную к ней. Слоан ползет ко мне.

— Еще раз! — она отчаянно кричит. — Люк, пожалуйста!

Я киваю и иду к барной стойке. Аса лежит на полу, прижимая руку к шее. Кровь течет по его пальцам вниз по руке. Грудь тяжело вздымается. Я направляю дуло пистолета на него.

Глаза Аса широко открыты, он оглядывается вокруг в поиске Слоан.

Она стоит за мной, от страха сжимая мою футболку. Аса находит ее взглядом.

— Ебанная шлюха, — с трудом выговаривает. — Я соврал. Ненавижу твою чертову лазанью.

Я выстреливаю.

Слоан вскрикивает и прижимается лицом к моей спине.

Я поворачиваюсь и притягиваю ее к себе. Она плачет, изо всех сил схватившись за меня.

Но у меня нет больше сил стоять.

Хватаюсь за барную стойку и опускаюсь вместе со Слоан на пол. Сажаю ее на колени, и она прижимается ко мне. Я терплю боль в руке, пока держу ее. Зарываюсь лицом в волосы Слоан и делаю глубокий вдох.

— Ты в порядке?

Она рыдает, но все-таки кивает головой.

— Ты ранена? — я пытаюсь осмотреть ее, и вроде она

цела. Я кладу руку на ее живот и, закрыв глаза, выдыхаю. — Прости, Слоан. Мне так жаль, малыш.

Мне кажется, что я предал ее. После всего, что я сделал, чтобы защитить Слоан, он все-таки нашел способ добраться до нее.

Она крепко обнимает мою шею, и я чувствую, как она качает головой.

— Спасибо. — Она сжимает меня со всей силы. — Спасибо, спасибо, спасибо, Люк.

Сейчас сирены совсем близко.

Кто-то стучит в дверь.

Райан забирается через окно и оценивает ситуацию, затем идет ко входной двери и открывает ее. Заходят полицейские в форме, некоторые из них раздают приказы друг другу. Один из них пытается обратиться к нам со Слоан, но Райан не дает ему это сделать.

— Оставь их на минуту. Черт.

Они дают нам несколько минут. Я обнимаю Слоан, когда в дом заходят работники скорой помощи. Пока они проверяют его пульс. Пока один из них объявляет, что Аса мертв.

Я продолжаю прижимать Слоан к себе, когда Райан садится рядом с нами на пол.

— Я видел твою машину, — говорит он, имея в виду аварию. — Ты в порядке?

Я киваю.

— Кто-то пострадал?

Райан качает головой

— Кажется, только ты.

Слоан отстраняется и испуганно смотрит на меня.

— О господи, Люк, — она дотрагивается до моего лба. — Он ранен! Кто-нибудь помогите!

Слоан слезает с моих коленей, к нам подбегает врач. Он осматривает на мою голову.

— Вам нужно в больницу.

Райан помогает врачу поднять меня с пола. Я хватаю Слоан за руку, она хватается за нее двумя своими.

— Ты в порядке? Что случилось?

Я подмигиваю ей.

— Всего лишь небольшая авария, детка. Нельзя утонуть в бутылке от воды, если на круизном лайнере полно тако с лососем.

Слоан улыбается и сжимает мою руку.

Райан стонет и смотрит на врача.

— Поверьте, нет ли у него сотрясения. Он делал так и в прошлый раз, когда был ранен. Нес всякую чепуху.

Врачи относят меня в машину скорой помощи, и я до сих пор держу Слоан за руку. Она садится рядом со мной и, наклонившись, целует меня в губы.

Отстранившись, она улыбается, хотя в глазах беспокойство.

— Все закончилось, Люк? Этот кошмар наконец закончился?

Я киваю и дотрагиваюсь до ее щеки.

— Все кончено, Слоан. Теперь уже навсегда.

Luke

После смерти Аса я провел три дня в больнице из-за аварии. Слоан осталась со мной. После всего, что произошло, мне не хотелось оставлять ее одну в квартире.

До сих пор она не проронила ни слова о том, что произошло в тот день, пока я не

приехал. Надеюсь, однажды она заговорит, но я не хочу на нее давить. Мне известно на что способен Аса, и даже не хочется думать что Слоан пришлось пережить. Она ходит к психотерапевту, и ей вроде бы становится легче — а о большем я не могу просить. Я просто хочу, чтобы Слоан двигалась вперед, а темп совсем неважен.

В день моей выписки должны были хоронить Аса. Мы со Слоан в то утро находились в квартире, пакуя ее вещи, когда услышали эту новость от Райана. Я рассказал об этом Слоан, но было очевидно, что после всего, что ей пришлось вынести, на похороны она не пойдет.

Позже, когда мы ехали к моим родителям Слоан вдруг заявила, что хочет пойти на похороны, и попросила повернуть назад. Естественно, я пытался ее отговорить, меня расстраивало, что она сама себе делает хуже. Но в то же время я понимал, что Слоан знала Асу, как никто другой. Да, она до ужаса его боялась, но именно она была одной из немногих, кто был действительно дорог Аса. Хоть и проявлял он свою любовь весьма странными способами.

Кроме нас не пришел никто.

Я пытался представить, каково ему было. Без семьи и с друзьями, которые в итоге оказались предателями. Не было ни души, только священник, Слоан, я, и работник похоронного бюро.

Не скажу, что я проникся и понял Аса, ведь именно из-за него самого в этом зале было пусто. Но мне как никогда было его жаль. Однако он всем приносил лишь боль на своем жизненном пути, и виноват в этом лишь сам Аса.

Слоан не плакала. Вся процедура заняла минут десять. Священник поспешно произнес проповедь и помолился, а потом спросил нас, не хотим ли мы что-нибудь добавить. Я покачал головой, потому что, собственно, я здесь только из-за Слоан. Она же кивнула. Слоан крепко сжала мою руку, взглянула на гроб и глубоко вздохнула.

— Аса... — начала она. — У тебя был огромный потенциал. Но каждый божий день ты ждал, когда мир оплатит тебе за несколько дрянных лет твоего детства. Вот твоя самая большая ошибка. Мир нам ничего не должен. Мы берем то, что нам дают, и пытаемся улучшить это. Но ты взял и все испортил, по-прежнему ожидая чего-то большего.

Слоан отпустила мою руку и шагнула вперед. У гроба не было ни цветочка, поэтому она нагнулась и сорвав одуванчик, положила его на крышку. А после прошептала:

— Аса, все дети заслуживают любовь. Мне жаль, что у тебя ее никогда не было. Я прощаю тебя. Мы прощаем.

Несколько минут Слоан стояла молча. Я не знал, молилась ли она или просто тихо прощалась с ним. Я ждал, пока она не возьмет меня за руку и повела к выходу.

Я был рад, что мы наконец ушли. Наверно ей важнее было быть здесь, чем я предполагал.

С того дня прошло семь месяцев, но я часто его вспоминаю. Я думал, что понял слова Слоан перед гробом. Но сейчас, стоя перед кроваткой своего сына и наблюдая как он мирно спит, я внезапно осознал, что Слоан имела ввиду, когда сказала: «...*Я прощаю тебя. Мы прощаем*».

Тогда я думал, что она имеет в виду меня. Что мы оба простили Аса.

Но сейчас я понимаю, что она имела в виду себя и нашего сына.

Слоан простила Аса, потому что несмотря на то, что тогда она была на маленьком сроке, должно быть, она знала, что Аса скорее всего биологический отец ребенка. Именно поэтому ей так нужно было пойти на похороны. Ей надо было завершить эту историю не для себя, а для сына, которого Аса никогда не суждено было увидеть.

Мы лишь однажды говорили о предположении, что Далтон может не быть моим биологическим сыном, когда ему было две недели. Слоан купила тест на отцовство, опасаясь, что меня будет тревожить, кто же отец ребенка. Она боялась, что эти мысли будут пожирать меня изнутри, и не хотела, чтобы между нами были недомолвки.

Тест на отцовство лежит нетронутый с того самого дня в ванной, да и Слоан больше не спрашивала о нем.

Сейчас, разглядывая своего спящего малыша, ко мне вдруг пришел ответ. Неважно, кто отец ребенка. Важно, что Слоан — его мать.

Вспоминаю тот день, когда Аса познакомил меня со Слоан. Она мыла посуду на кухне, покачиваясь из стороны в сторону. На ее лице был покой, который, как я вскоре узнал, был редкостью.

Такой же покой и на лице Далтона, когда он спит. У него ее темные волосы, ее глаза, ее дух.

Важнее этого на свете ничего нет. Я хочу чтобы она поверила! Чтобы она знала, что мне не важно, кто биологический отец Далтона. Я люблю его не потому что есть шанс, что я могу быть его биологическим отцом.

Я люблю Далтона, потому что я — человек. Потому что не могу не любить. Люблю его потому, что я его папа.

Наклоняюсь и глажу его головку.

— Что ты делаешь?

Я поворачиваюсь и вижу Слоан, стоящую в дверях с улыбкой на лице.

Накрываю Далтона одеялом и взяв Слоан за руку, прикрываю дверь детской. Мы переплетаем наши пальцы, и я веду ее через нашу спальню в ванную.

Она идет позади, и крепче сжимает мою руку, когда я открываю шкафчик и достаю тест на отцовство. Оглянувшись, я вижу страх в ее глазах, поэтому целую Слоан, чтобы его прогнать. Снова взяв ее за руку, я веду нас на кухню, где выбрасываю тест в мусорное ведро.

Глаза Слоан полны слез, а в уголках рта еле уловимая улыбка. Я обнимаю ее, и мы молча стоим так несколько секунд и смотрим друг на друга. И в этот самый момент знаем все, что нужно.

Мы — семья. Слоан, я и наш малыш.

Это самое главное.

Больше книг на сайте - Knigolub.net